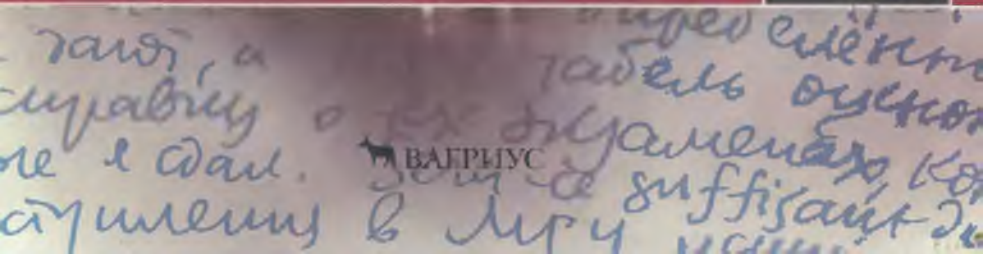

ГЕОРГИЙ ЭФРОН

ДНЕВНИКИ

Том 2

ВАГРИУС

Федеральное архивное агентство

Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)

Редакционный совет РГАЛИ:

Т.М. Горяева (*председатель*),

И.И. Аброскина, Л.Н. Бодрова, Е.В. Бронникова,

Н.Б. Волкова, С.Д. Воронин, Г.Ю. Дрезгунова,

А.Л. Евстигнеева, Е.Б. Коркина, Т.Л. Латышова,

М.А. Рапковская, И.П. Сиротинская,

Е.Ю. Филькина, С.В. Шумихин

ГЕОРГИЙ ЭФРОН ДНЕВНИКИ

В двух томах

Том 2

1941–1943 годы

Издание подготовили
Е.Б.Коркина и В.К.Лосская

ВАГРИУС
Москва

УДК 882-94
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Э 94

Художник А. Рыбаков

Эфрон Г.С.

Э 94 Дневники. в 2 т / Георгий Эфрон; подгот текста, предисл., примеч. Е.Коркиной, В.Лосской. – М.: Вагриус, 2007.
Т. 2: 1941–1943 годы. – 368 с.

ISBN 978-5-9697-0475-6

После смерти матери Георгий Эфрон вместе с другими эвакуирующимися попал в Ташкент. Для него началось страшное, голодное время, и единственный способ не опуститься и не сойти с ума молодой человек видел в чтении книг и ведении дневников. Прошли месяцы, он устроился в школу, завязал новые знакомства, наладил переписку с сестрой, находящейся в лагере, и все не переставал надеяться, что из Ташкента обязательно попадет в Москву, а потом в Париж. Но судьба распорядилась иначе...

УДК 882-94
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-9697-0475-6

- © Е.Коркина, подготовка текста, предисловие, примечания, 2004
- © В.Лосская, подготовка текста, предисловие, примечания, перевод с французского, 2004
- © Российский государственный архив литературы и искусства, 2004
- © Оформление ЗАО «Вагриус», 2007

Дневники

Том 2

31 августа 1941 — 25 августа 1943

ДНЕВНИК № 10 (продолжение)

31/VIII-41-5/IX-41

За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31го августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося ее «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным. Содержание письма ко мне: «Мурлыга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тяжело-больна, это — уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*». Письмо к Асееву: «Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь — *просто взять его в сыновья* — и чтобы он *учился*. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — *заслуживает*. А меня — простите. *Не вынесла*. МЦ. Не оставляйте его *никогда*. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете — увезите с собой. Не бросайте!» Письмо к эвакуированным: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура.

Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н.Н.Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом — сложить и довести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. *Со мной он пропадет*. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! *Хорошенько проверьте*». Вечером пришел милиционер и доктор, забрали эти письма и отвезли тело. На следующий день я пошел в милицию (к вечеру) и с большим трудом забрал письма, кроме одного (к эвакуированным), с которого мне дали копию. Милиция не хотела мне отдавать письма, кроме тех, копии. «Причина самоубийства должна оставаться у нас». Но я все-таки настоял на своем. В тот же день был в больнице, взял свидетельство о смерти, разрешение на похороны (в загсе). М.И. была в полном здравии к моменту самоубийства. Через день мать похоронили. Долго ждали лошадей, гроб. Похоронена на средства горсовета на кладбище. 3го числа я закончил переукладку всех вещей (вещи матери — в одну сторону, мои — в другую), и все было готово для отъезда. С помощью Сикорского и Лёльки перевез на ручных тележках весь багаж на пристань, сдал на хранение его. Все эти дни ночевал у Сикорского. Продал на 80 р. продовольствия хозяйке, купил за 55 р. башмаки в универмаге. Простился с Димкой, Загорскими, Лёлькой и к вечеру 3го был на пристани, где ждал парохода вместе с неким Осносом (доцентом ИФЛИ), который возвращался в Чистополь из Елабуги и значительно помог мне в таскании вещей, билетах и т.д. Хорошо, что я с ним поехал. Пароход «Москва» был битком набит — *à en éclater*¹ — эвакуированными, мобилизованными, все это воняло и кричало, и сесть туда не пришлось — не пускали. Наконец — часам к 12^и ночи — сели на пароход «Молотов — Скрябин» в 3^и класс, перетащили вещи и утром 4го были в Чистополе, после очень душного путешествия с грязными цыганами и пьяными мобилизованными. Хорошо, что я быстро уехал из Елабуги — там мне было невмоготу и все противно и растравительно. Приехав в Чистополь, я позавтракал у Осноса и пошел к Асеевым. Асеев был совершенно потрясен известием о смерти М.И., сейчас же пошел вместе со мной в райком партии, где получил разрешение прописать меня на его жилплощади. В тот же день —

¹ до отказа.

вчера, перевезли — я и Н.Н. — все вещи от пристани к нему домой. Мы начали обсуждать положение. Дело в том, что Асеев с женой вызываются в Москву, так что на них опираться в Чистополе не приходится. Учитывая то, что в интернат меня, очевидно, не примут — 16 лет и кто будет платить? — и мое нехотение пропадать в Чистополе в какой-то ремесленной школе, мое решение сегодня к утру было окончательно принято: я возвращаюсь в Москву и устраиваюсь там. Там — Литфонд, там — люди, знают и ценят М.И., там, быть может, помогут Муля и тетки, там, прежде всего — Москва-столица. Самое трудное — доехать, получить разрешение. Это — главное. Мы с Асеевым сообразили так: скоро будет в Чистополе созван совет представителей Литфонда. На этом совете Асеев походатайствует о том, чтобы мне выдали бумагу следующего содержания (примерно): «Ввиду смерти матери эвакуированный такой-то направляется в Москву для учебы, т.к. в Чистополе ему нет средств на существование». Эта бумага должна мне обеспечить беспрепятственный проезд до Москвы. Кроме того, я — учащийся, паспорт у меня — московский, так что вряд ли будут особые препятствия для пропуска меня в Москву. Другое дело, что в Москве трудно будет снять комнату, учиться, как-то на что-то жить. Лишь бы до нее доехать. Оставил бы вещи на хранение, позвонил бы Муле, пошел бы в Литфонд с письмом от Асеева (которое он напишет, если я поеду) и в конце концов наверное бы устроился. Самое трудное, страшное — доехать, чтобы пропустили, не вернули с полдороги. Но все это может лопнуть, я — ни в чем не уверен. Авось Асеев устроит как-нибудь мой проезд. Поеду один, очевидно, — страшновато. Но разве я чего-нибудь серьезно боюсь? Самое трудное, возможно, впереди, самое страшное — позади. Дождаясь окончательного решения насчет моего отъезда в Москву, я занялся продажей вещей матери. Сегодня утром, благодаря содействию сестер жены Асеева, продал вещей носильных, белья и пр. на 650 р. Денег — итого — у меня примерно рублей 1.060. Это неплохо. И еще продам вещей, не знаю на какую сумму — рублей на 500, наверное. Отнес некоторые вещи в комиссионку. Tant pis¹, если не продадутся до моего отъезда — ничего. Лишь бы доехать до Москвы, там — увидим. Здесь мне тухнуть нечего. Москву дней 10 не бомби-

¹ Не беда.

ли. Бомб я не боюсь, и в Москве у меня больше шансов устроиться, чем здесь. Предпочитаю быть последним в городе, чем 1^м в деревне. Увидим. Немцы взяли Таллин. Оснос говорит, что видел человека, который ему сообщил, что Ленинград полон английскими войсками и самолетами. Иран оккупирован английскими и советскими войсками. Интересно, какая армия будет в Тегеране. Нет, я решительно держу курс на Москву. Может, и Митька там будет, и Валя? Митька, наверное, уже учится в ИФЛИ. Увидим. Нет, курс, несмотря ни на что, — на Москву.

7/IX-41

Вчера заседал Совет Литфонда, который дал свой agrément¹ на бумагу Асеева насчет моего направления в Москву. Сегодня — воскресенье. Завтра, очевидно, эту бумагу отпечатают на машинке и соберут на нее подписи и печать (очевидно, это все проделает Асеев или кто-нибудь другой, а я туда — ни ногой, как писал Маяковский). Теперь я главным образом занят подысканием человека, который едет из Чистополя в Москву и с которым я мог бы объединиться. Одному ехать не хочется. Есть некий Боков, который вместе с Пастернаком провожал нас в Елабугу — теперь он приехал в Чистополь, чтобы выяснить положение семьи своей — и дня через 2—3 отправляется в Москву. Вот я с ним и думаю поехать. Но дело в том, что, быть может, он возьмет с собой жену и двух детей в Москву — но все равно, ведь нужно с кем-то ехать. Конечно, лучше, если бы он поехал один, но *que faire — ou n'a pas le choix*². Ведь главное — доехать. Как хорошо было бы увидеться с Митькой! Но еще рано об этом думать. Если жену и детей Бокова здесь устроят, то он поедет один, а если нет — то он хочет получить бумагу для их въезда в Москву. Боюсь, как бы он не затеял волынки с этой своей семьей, — но вряд ли: он тоже спешит в Москву. Москву уже недели две не бомбили. Неделию назад германские войска вступили в Таллин (Эстония), а с тех пор все сводки одинаковы — бои на всем фронте. Асеев говорит, что главное — это чтобы мне продавали билеты на пристанях и вокзалах; если продадут, то доеду. Боков

¹ одобрение.

² что делать — выбора нет.

думает, что с такой бумагой из Литфонда мне удастся вполне благополучно достичь Москвы. У него командировка – это лучше, но все-таки авось моя бумага будет иметь решающее значение в проезде в Москву. Думаем с Боковым доехать до Казани, там постараться взять билет по ж.-дор. до Москвы; если же это не удастся, то поедем из Казани на пароходе до Горького, где, говорят, легче взять билет по ж.-дор. до Москвы. Авось доедем. Почему мне хочется в Москву? Во-первых, там, возможно – Муля и Митя и Лиля. Там – Литфонд, который авось поможет. Там, наконец, этот склеп на Новодевичьем монастыре, где, в крайнем случае, я устроюсь. Как хочется застать там Митьку! Где он живет? Где учится? Там ли он еще? Интересно, что делается на Покровском бульваре, – может, мне еще там удастся пожить, если Ида согласится на меньшую плату? Нет, в Москве у меня есть возможности существования, а здесь – нет. Первое, что я сделаю, когда поеду в Москву... Да что предугадывать! Лишь бы доехать. Там увидим. Позвоню Муле, постараюсь разыскать Митьку, если он еще в Москве, узнаю, что с Лилей и Верой. Заеду в Новодевичий монастырь. Дело в том, что, кажется у Надежды Ивановны, доверенность на вещи в комнате на Покровском бульваре. Сейчас за окном – страшный ливень. Противно вот что – стоит погоде испортиться, как портится само настроение. Это очень неприятно. Плохая погода склоняет к пессимизму. К чорту ливни. Создается англо-русский профсоюзный комитет. Бои на всех фронтах. И куда все это ведет? Хочется с.... От Асеевых веет мертвечиной – почему? Асеев болен ТБЦ, бледен, сед и молчалив. Н-да, времечко. За дня 2 от продажи вещей выручил 1.210 р. По 605 р. в день. Неплохо. В комиссионке еще ничего не продано – да и вряд ли продается. Решил оставить здесь мешок с продовольствием и хоз. принадлежностями – тяжел, и тащить в Москву неохота; чем меньше вещей, тем лучше. Часть вещей останется у Асеевых непроданными, но ничего не поделаешь – в Москву я их все равно не повезу. Пусть, в случае продажи, загребают деньги – все равно, в конце концов. Скорее бы уехать отсюда. А то сижу без дела – скука, скучища. А в Москве – учатся, ходят в кафе и на концерты. Пусть бомбежка и война, а все же Москва мне милей. Какие тучи! Низкие, серо-темные. Итак, вследствие воскресения я обречен на вынужденное бездействие. Но завтра, возможно, перепишут на машинке

бумагу Асеева, Боков закончит дела, и мы двинемся в путь. Все лучше тошнотворного бездействия. Интересно предугадать — буду ли я в Москве, доеду ли я до нее. Мобилизовали ли Мулю? Уехал ли Митька — и куда? В Москве ли Лиля и Вера? Что Кот? А вдруг никого нет? Но Асеев должен написать письмо, которое я передам в Литфонд. Москва — *c'est l'aventure*¹. Авось Муля и Митька — там. *Patience*.² Как я хотел бы учиться в моей школе! А возможно, что и буду. Лишь бы доехать. Знал ли я, что буду возвращаться в Москву менее чем через 2 месяца после отъезда из нее?

8/IX-41

Сегодня был у Бокова; он не знает еще окончательно, поедет ли он 10^{то} в Москву или, наоборот, отвезет жену и детей в деревню. Завтра в 10 часов утра он мне даст окончательный ответ, и *j'agirai en conséquence*³. Сегодня, вероятно, получу бумажку Асеева; он пошел ее отдать отпечатать на радио (единственная свободная пишущая машинка в городе). Нужно будет еще наложить печати Литфонда и Горсовета. Все это довольно сложно, но скоро выяснится. Во всяком случае, бумагу эту получу сегодня, а завтра узнаю окончательное решение Бокова. Начинаю подумывать о том, что трудно мне будет осилить мой месячный *handicap*⁴ в школе — особенно по алгебре, геометрии, физике, химии. Но надеюсь, что с помощью товарищей догоню класс по этим предметам. Вообще все туманно: где я буду жить? Все же я предполагаю устроиться вновь на Покровском бульваре. Увидим. Сводки все те же: упорные бои на всем фронте. Москву все же не бомбят. Сидеть в Чистополе мне ужасно надоело. Скорей бы быть *en route pour Moscou*⁵. Очень терзает мысль о том, в Москве ли Митька и Муля? Авось — в Москве. Скорей бы туда попасть. Всё гложат проклятые сомнения: а вдруг не пустят, не пропишут? Но я надеюсь, что все уладится. Асеевы у меня покупают весь сахар, кофе, рис. Потом сегодня-завтра кой-кто еще кой-чего из вещей купят. Если завтра выяснится, что Боков

¹ авантюра.

² Терпение.

³ я буду действовать соответственно.

⁴ *Здесь: пропуск (англ.)*.

⁵ в дороге на Москву.

10го уезжает в Москву, то завтра же отвезу мой багаж в камеру хранения. Как хочется в Москву! Я думаю там сговориться с Идой Шукст о комнате – авось пустит за более низкую плату. Не думаю, чтобы отказала мне – ввиду моего безотрадного положения. Боюсь, что Литфонд мне никакой пенсии не выдадет – мол, времена такие и т.д. Надеюсь на Лилю и Мулю – авось не уехали из Москвы. Надоело это слово «авось» – но приходится его часто употреблять. Погода – плохая, столовые – тоже здесь неважные. Арбузов почему-то нет. Как я буду жить в Москве? – *Mystère*¹. Да пустят ли еще, пропишут ли. Но я возвращаюсь учиться... опять «авось». Проклятая война – она виновница всех бед моих. Хоть бы обосноваться на Покровском, ходить в школу, иметь под рукой Мулю и Митю – ça, ce serait chic². Говорят Асеевы, что освобождают тех арестованных, у которых приговор меньше 10 лет. Но я в это мало верю. Несмотря на то, что я сижу круглый день без дела, все-таки что-то для меня делается: деньги от продажи вещей идут, Асеев бегаёт с бумажкой, Боков завтра решит о своем отъезде. Противно – за окном здоровый ливень. Только грязь делает, вот и все. Нет, поскорее мне нужно отсюда уезжать. А вдруг не пропустят? Неужели возвращаться обратно. Не верится что-то этому. Должны же пропустить с этой бумажкой. Тем более, что паспорт московский, есть московская прописка. Плохо то, что есть елабужская прописка. Приходится жить догадками. *C'est nauséux*.³ Интересно, сколько еще будет длиться война – неужели еще 2 года? Лишь бы Москву не взяли. Думаю, что если захватят Ленинград, то и Москве несдобровать. Я думаю, что если попаду в Москву, то, во всяком случае, останусь там *soûte que soûte*⁴. Бежать из нее мне не с кем, да и не для чего. Бежали же мы в Елабугу – и вот результат. Все это страшно надоело. Не терпится, не терпится мне сесть на пароход. Скорей бы быть *en route*⁵. Плохо то, что испортилась погода. *J'espère qu'il fera beau temps quand je partirai*⁶. Делая примерные расчеты, думаю начать учебу в Москве 22го числа. Конечно, это глупо – говорить заранее,

¹ Это тайна.

² это было бы здорово.

³ А от этого просто тошнит.

⁴ во что бы то ни стало.

⁵ в дороге.

⁶ Надеюсь, что будет хорошая погода, когда я поеду.

но нужно ведь на что-нибудь надеяться, что-нибудь предполагать... Иначе и жить нельзя, не строя каких-то планов. Очевидно, числа 10^{то} тронусь в путь. Думаю, Боков примет решение уезжать 10^{то} — так мне кажется. Вещи продаются неплохо — тысячи полторы к завтрашнему дню будет. Да сколько это продлится? На три месяца хватит — да и то, не знаю... Школа, комната, еда, учебники, тетради, метро, трамваи, экстренные траты. Кажется, погода проясняется — но она меняется все время. Хорошо то, что Асеева покупает сахар, рис, кофе, кастрюли... Все равно уже я остающиеся вещи — непроданные — не повезу в Москву ни за какие коврижки. Минус мешок вещей на продажу и мешок хозвещей и продуктов — это уже хорошо в том смысле, что мой багаж облегчен и plus maniable¹. Очевидно, поедем пароходом до Горького, а оттуда — поездом до Москвы. Хорошо было бы! Что бы ни было, но я неизменно сохраняю веру в себя, в свое светлое будущее. Когда у человека есть твердая воля, то как бы ему ни мешали обстоятельства, при наличии ума, как у меня, он всегда выплывет на поверхность. Я же пытаюсь сейчас добиться своего в наикратчайший срок. Главное в таких смутных положениях — это видеть точно и ясно то, чего ты хочешь. Вот я, например, знаю, что лучшее, что я могу сейчас сделать, это попасть в Москву. И я стремлюсь всеми силами это осуществить. А за окном дождь все льет и льет. Включил радио — идут какие-то милые песни. Я не отрицаю — русские и украинские песни — прекрасны. Хотелось бы послушать музыку Чайковского, вообще — серьезную симфоническую музыку. Терзает меня вопрос: будет ли восстановлена Франция и Париж, и когда? Как скучно живут Асеевы! У него — хоть поэзия, а у ней и у сестер — только разговоры на всевозможные темы. Слушаю очередную сводку: «В ночь на восьмое сентября наши войска продолжали вести бои с противником на всем фронте». И все — а потом боевые эпизоды. Говорят, англичане здорово бомбят Берлин. Любопытнейшая штука — создание англо-русского профсоюзного комитета! И кто возглавляет воззвание к созданию этого комитета? — Сэр Уольгер Ситрин — тот, кого мы всегда величали названием «социал-предателя» и т.д.! Прямо смешно. И Шверник ему отвечает о согласии совпрофсоюзов. Какое будущее имеет этот комитет? Единственное, что я утвер-

¹ удобоподъемен.

жду, это что война будет иметь неожиданный исход. И мир будет неожиданный. Предполагаю, что придется в СССР *instauret*¹ после войны что-нибудь вроде НЭПа. Без оживления частной торговли и собственности, без усиленной циркуляции денежного потока не восстановить русским промышленности в короткое время при существующей экономической системе, годной только на продолжительное время. Вообще сейчас нельзя предугадать, какие будут для СССР экономические последствия войны. Трудно подумать, что по окончании войны все будет идти, как в 39^м–40^м гг. Бесспорно, имеет решающее значение, будет ли война победоносной для Сов. России или окончится поражением. Я думаю, что Гитлер будет разбит. Разбит усилиями СССР, с помощью Англии и Америки. Но добит он будет не нами. Не заставят ли Англия и Америка заплатить СССР за помощь, ему оказанную, ценой изменения если не политической, то экономической системы? И не выйдет ли это само собой, по необходимости момента? Ведь не нужно забывать, кто сейчас властвует в Англии — это Уинстон Черчилль, тот самый, кто организовал британскую интервенцию против молодого Советского Союза в годы Гражданской. Вряд ли он сейчас горит любовью к СССР. Просто пользуется нашими силами, чтобы оттянуть силы Германии на восток. А если представится случай, то Черчилль и Рузвельт, бесспорно, попытаются повлиять на внутреннюю политику СССР. Увидим. Но я думаю, что еще будут сюрпризы. Все не так просто, как кажется. По радио играет джаз В.Р.К. Скорей в Москву! Скорей, скорей. Не буду писать дневника до того, как не уеду. *A Dieu Vat*².

10/IX-41

Боков решил ехать 11го или 12го числа. Сегодня я был на пристани — узнать, когда завтра будут пароходы. Решил соригинальничать — пойти пешком — и раскаялся: страшная грязь, лучше взял бы автобус. Кое-как дошел. Узнав на пристани, что никто ничего не знает о движении пароходов на 11ое число, так как они ходят не по расписанию, я приготавливался сесть на автобус, как вдруг меня окрикнули: «Цветаев!» Я обернул-

¹ установить.

² Что Бог даст.

ся и увидел Косачевскую — она занимается эвакуированными детьми Литфонда. Она мне сообщила, что приехал из Москвы некий Хохлов, который должен со мной поговорить, и попросила меня зайти к нему в Дом крестьянина. Говорит, какое-то мне сообщение из Москвы. Я отблагодарил и уехал на автобусе. Слез в городе, вымыл калоши платком, который выкинул, и зашел в Дом крестьянина, где Хохлов попросил меня прийти в контору к нему часов в 5. Что он имеет мне сообщить? Вряд ли то, о чем он со мной будет говорить, связано с самоубийством М.И. — слух о нем еще не успел дойти до Москвы: насколько я знаю, никто об этом телеграммы еще не давал. Хохлов — директор детсада. Теряюсь в догадках. Все может быть: разбомбили дом, отняли комнату, ограбили вещи... Может, просто человек, знающий Хохлова и желающий передать что-нибудь М.И., решил воспользоваться отъездом Хохлова в Чистополь — *afin que celui-ci donne une lettre à Elabouga*¹. Все это запутано. Неужели опять какая-нибудь беда нагрянет? А может быть, выпустили папу или Алю? Сильно в этом сомневаюсь. Во всяком случае, сегодня-завтра нанимаю подводу и отвожу вещи на хранение на пристань. *Se n'est pas une petite affaire*²: нанять подводу и ехать в этой грязной ситуации *en cahotant*³ по глубокой расейской грязи. Боков думает ехать пароходом до Горького, оттуда поездом до Москвы и потратить на все путешествие не больше 4 суток. И так, *sauf difficultés inattendues*⁴, буду в Москве числа 15^{то}–16^{то}. Наконец получил мою проездную бумагу (сегодня утром). Привожу ее содержание полностью. «УДОСТОВЕРЕНИЕ. Сын внезапно скончавшейся писательницы Марины Ивановны Цветаевой (по мужу Эффон) Георгий Сергеевич Эффон, 16 лет, остался без руководства и материальной помощи на месте эвакуации его покойной матери. По решению Совета семей эвакуированных московских писателей он направляется в город Москву на место постоянного жительства, где у него имеются родственники, могущие поддержать материально и дать возможность закончить школу. Просим оказать ему содействие в получении билета до Москвы за наличный расчет. Член Президиума ССП Ник. Асеев. Секретарь Совета эваку-

¹ чтобы тот передал письмо, уже в Елабуге.

² А это дело непростое.

³ по ухабам.

⁴ без учета неожиданных трудностей.

ированных ССП Л.Маяковская. Достоверность вышеизложенного, равно и подлинность подписей удостоверяю. Секретарь Чистопольского райсовета Парамонов». Печать райсовета. Итак, в 5 часов chez¹ Хохлов. Вчера было сообщено о разгроме 8 немецких дивизий (160 000 человек) на Западном фронте. В результате боев, длившихся 26 дней, советские войска разгромили 8 немецких дивизий, опрокинули их и заняли город Ельня, под Смоленском. Остатки немецких войск на этом направлении отброшены и отступают на запад. Под Одессой убито 20 600 румынов и сильно пострадали 3 полка. Эти сообщения – неплохи. Первые хорошие вести с начала войны СССР с Германией. Но не следует слишком рано радоваться. Опять сводки – бои на всем фронте. Опять немцы начали налеты на Москву – уже два раза бомбили: позавчера и вчера ночью. А я как раз приезжаю туда. Но нечего делать – все лучше, чем здесь. Плевать на бомбежку – авось не разбомбят. А вдруг разгром 8^и немецких дивизий на Западном фронте, как раз по направлению к Москве, – начало немецкого поражения? – Что-то не верится этому. Еще не взяты Киев, Одесса, Ленинград, Москва. Вся Белоруссия занята немцами, и часть Украины, да прибалтийские страны. Итак, à 5 h. chez² Хохлов. Увидим, de quoi il retourne³.

11/IX-41

Вчера Хохлов мне сообщил, что получил телеграмму от Хмары – директора Литфонда, в которой содержится распоряжение зачислить меня в детдом Литфонда в Чистополе. Литфонд оплачивает мне пребывание в общежитии, питание, учебу. Кроме того, я подал на имя Хохлова – по его же совету – заявление, в котором я его прошу, ввиду смерти матери, походатайствовать перед правлением Литфонда об «оказании мне возможной материальной помощи». Возможно, что мне выдадут на руки некоторую сумму денег на личные нужды. По крайней мере, средства, вырученные от продажи вещей М.И., ne seront pas très entamées⁴. Итак, в Москву я теперь не еду – нет резона, раз я здесь обеспечен и устроен,

¹ к

² в 5 ч. к

³ в чем дело.

⁴ не будут слишком растрчены.

а главное, буду учиться. По крайней мере, тьфу-тьфу, не сгладить, учебный год не будет потерян. Хорошо и то, что я буду с организацией — *c'est plus sûr*¹, и когда все они возвратятся в Москву, то и я возвращусь. Действительно, *c'est plus sûr*. Кроме того, Хохлов сообщил мне, что в Москве никто не учится, все роют окопы и дежурят на крыше. Я долго терзался — ехать или не ехать? Но в конце концов решил остаться — все-таки не буду проедать денег и буду учиться. Авось не придется из Чистополя тикать из-за немцев. Итак, я остаюсь в Чистополе. Жить буду, очевидно, в общежитии зимнего лагеря, вещи же мои пока оставлю у Асеевых — *c'est plus sûr*. По крайней мере, будут даром кормить. Интересно, как будет со стиркой и гладкой. Если в лагере это недостаточно налажено, то всегда смогу найти женщину, которая стирает и гладит, буду платить ей и делать это на стороне. Надеюсь, что меня не захотят послать в колхоз (все ребята из лагеря — в колхозе). До учебы осталось 20 дней; если же все-таки захотят послать — что вряд ли, то я заартачусь и у них ничего не выйдет. Вместе с Боковым посылаю два письма: Муле и Лиле. В обоих письмах прошу разыскать Митьку и сообщить телеграммой мне его местонахождение. Кроме того, прошу Мулю сходить в склеп, достать у жены Садовского доверенность, выручить из нашей комнаты рукописи М.И. и отвезти их в Новодевичий монастырь — там они будут в сохранности. В письме к Лиле приложено письмо к Митьке — на случай, если она его разыщет. Боков должен сначала позвонить и Муле, и Лиле (там на конверте есть их телефоны) и, если они еще в Москве, передать письма им в руки. Хохлов назначен директором лагеря вместо Косачевской, которая скоро уезжает в Москву. Скоро схожу в баню и запишусь в библиотеку. Сегодня к 5^м часам вечера должен окончательно устроиться, оформиться. Интересно, какие будут ребята. Конечно, Москва — привлекательна, но здесь я уверен, что буду учиться, а там — нет. Хорошая у меня закалка: во Франции учился 4 года в католической школе, в России — 2 года в коммунистической. Последняя сводка: упорные бои на всем фронте. Новость: в 1^й раз немцам удалось бомбить Ленинград; *en effet*², вчера немецкие самолеты прорвались к городу и сбросили зажигатель-

¹ *Здесь и далее:* это вернее.

² действительно.

ные и фугасные бомбы. Боков – несоветский элемент, обожает Бунина и говорит об «исторической роли Германии». Пойду за мороженым.

13/IX-41

Voilà à peu près deux jours que je suis à la «maison d'Enfants du Litfond» (sic). Régime du jour: déjeuner à 8h., second déjeuner à 13h.30, dîner à 7h. . Le matin je vais avec les copains de la chambre où je couche aux cours de défense anti-chimique. On étudie pour(étudier) être moniteur. C'est emmerdant – simplement ennuyeux, sans plus. Hier ai été me laver aux bains-douches. Maintenant je suis propre comme un sou neuf. J'ai laissé toutes mes affaires et bagages chez Aséeff – pour déballer les bagages quand j'aurai besoin de quelque chose, c'est mieux chez eux que faire cela sous les yeux de la préposée à la garde des affaires. Ai acheté une serviette 108 roubles. En outre, ai acheté des bas et des bouquins pour l'école. Me suis inscrit à la bibliothèque de la ville; lis en ce moment des pièces d'Ibsen. La majorité des habitants de la «maison d'enfants» sont au kolkhoz. Je peux mettre dans la liste de mes réussites le fait que je suis parvenu à ne pas aller au kolkhoz, tout en n'ayant pas de raison suffisante pour cela. Au fond c'est un record: pas une fois cet été je n'ai été aux travaux agricoles. Tandis que 99% de la jeunesse étudiante s'est foulé les mains et rompu les côtes à moissonner et autres plaisanteries du même genre. Le manteau que j'ai donné au «mont de piété» tchistopolien ne se vend toujours pas. Patience, j'ai compté en bloc, tout l'argent que je possède: cela fait 2500 roubles net. Une des sœurs de la femme d'Aséeff me doit encore une centaine de roubles. De plus je compte sur une aide financière de la part du Litfond – j'ai à cet effet adressé une demande à Khokhloff, le directeur principal de la «maison d'enfants du Litfond» qui doit me mettre en contact avec le Litfond de Moscou à cet effet. J'ai un peu la trouille que parviendront à ses oreilles des renseignements, des bruits, à propos de la vente des affaires de ma mère et de l'argent que j'en ai retiré – et alors il ne sera plus question de l'aide du Litfond. Beaucoup de types de la maison brûlent du désir d'aller à Moscou; par contre moi, je suis un peu refroidi à cet égard. Les Allemands ont pris la ville de Tchernigoff, en Ukraine. Ça fait une sorte de douche pour ceux qui se hâtaient de pousser des cris de victoire

à l'occasion de l'anéantissement de 8 divisions allemandes sur le Front Occidental. Au fait, il ne faut jamais se hâter de conclure, je me paie toujours la gueule de ces optimistes à tout faire — stratèges soviétiques du café du Commerce... sans café du Commerce (pauvres mecs!). En ce moment c'est la sieste après le second déjeuner: «l'heure morte» comme on l'appelle ici. Bientôt l'école, probablement au 1er octobre. Au fond je voudrais bien savoir comment on vivra en hiver. Ce que je voudrais c'est être en neuvième avec des types de la «maison», même avec ceux que je ne connais pas, c'est toujours mieux que d'étudier seulement avec des tchistopoliens que je me figure comme très peu potables. Quelques filles de la maison, (cela sonne de façon douteuse) feraient l'affaire. Il y en a une ici qui me plaît assez et qui est en 9ème. Ce serait pas mal, si j'étais dans la même classe qu'elle. Probablement qu'on étudiera l'anglais. Il y a deux types seulement qui sont passés en 9ème, un certain Reggy Byvaloff et le fils de l'écrivain allemand anti-fasciste F.Wolff, Conrad Wolff — ils sont en ce moment au kolkhoz. Pour le moment je suis copain avec Timour Gaydar — le fils de l'écrivain pour enfants connu (URSS). Ai donné quelques affaires à laver et repasser aux Osnos qui connaissent une femme qui fait bien cela et qui prend 40 kopeks par pièce à laver et repasser. Je préfère payer que donner ici — mes habits et mon linge ne sont pas marqués, on peut les perdre. Puis de toute façon, on travaille mieux pour de l'argent que comme ça. Ce qui est intéressant c'est quels seront les types qui se ramèneront du kolkhoz. Seront-ils sympathiques ou non. Il reste 2 semaines avant le commencement des études. Au fond, le principal c'est de finir la 9ème sans encombre, même à Tchistopol. Je ne vois pas bien quand nous reviendrons à Moscou. L'encre à stylo se termine.

Вот приблизительно два дня, как я нахожусь в детдоме Литфонда (да, да!). Режим дня: завтрак в 8 ч., второй завтрак в 13.30, ужин в 7 ч. Утром я хожу с товарищем по палате, где мы спим, на занятия по антихимической защите, мы учимся, чтобы быть руководителями. Это нудно, просто скучно, вот и все. Вчера я ходил в баню, теперь я чистенький. Я оставил все вещи и багаж у Асеевых — разбирать вещи, когда мне что-нибудь будет нужно, лучше у них, чем на глазах у надзирательницы, которая смотрит за вещами. Купил полотенце за 108 рублей. Кроме того, купил чулки и книги для школы.

Записался в городскую библиотеку; сейчас читаю пьесы Ибсена. Большинство населения детдома в колхозе. Я могу вписать в список моих достижений тот факт, что мне удалось не ехать в колхоз, хотя у меня для этого не было достаточно причин. В сущности, это рекорд: ни разу за все лето я не работал на земле. Тогда как 99% учащейся молодежи вывихнули себе руки и поломали ребра на жатве и на других шуточках того же типа. Пальто, которое я сдал в чистопольскую «комиссионку», до сих пор не продано. Терпение: я подсчитал, сколько у меня денег: получается всего 2500 рублей. Одна из сестер жены Асеева мне должна еще сотню рублей. К тому же я надеюсь на финансовую помощь Литфонда. Я по этому поводу написал прошение Хохлову, директору детдома Литфонда, который должен для этого связаться с московским Литфондом. Я немного боюсь, что до его ушей дойдут сведения о продаже материнских вещей и о деньгах, которые я выручил: тогда уже и речи не будет о помощи Литфонда. Многие типы из детдома мечтают поехать в Москву; я же немного поостыл на эту тему. Немцы взяли Чернигов, на Украине. Получается вроде холодного душа для тех, кто орал о победе в связи с уничтожением восьми немецких дивизий на Западном фронте. Кстати, никогда не следует торопиться с выводами; мне всегда смешно смотреть на этих заядлых оптимистов – советских стратегов из уголовного кафе... которые даже лишены и этого кафе (бедняги!). Сейчас момент послеобеденного отдыха – «мертвый час», как это здесь называется. Скоро школа, вероятно, 1^ш октября. В сущности, я бы хотел знать, как мы будем жить зимой. Что бы я хотел, так это быть в девятом с типами из дома, даже с теми, кого я не знаю; это всегда лучше, чем учиться только с чистопольцами, которых я представляю себе как совсем несносных для меня. Кое-какие девчонки из «дома» (это звучит довольно сомнительно) совсем подошли бы. Здесь есть одна, которая мне скорее нравится, она в 9^м: было бы неплохо, если бы мы были с ней в одном классе. Говорят, будут уроки английского. Только двое перешли в 9^й: некто Регги Бывалов и сын немецкого антифашистского писателя Ф.Вольфа, Конрад Вольф. Они сейчас в колхозе. В данный момент я дружу с Тимуром Гайдаром, сыном детского писателя, известного в СССР. Я отдал кое-что постирать и погладить Оносам: они знают женщину, которая это делает хорошо и берет, чтобы выстирать и выгладить, 40 копеек за штуку. Я предпочитаю платить, чем отдавать в дом: мои вещи и белье не помечены, и их могут растерять. Да и, во всяком случае, люди всегда работают лучше за деньги, чем просто так. Интересно, на что будут похожи типы, которые при-

тащатся из колхоза. Будут они симпатичными или нет. Остается две недели до начала учения. В сущности, главное — это закончить 9^м класс без проблем, даже в Чистополе. Я не совсем представляю себе, когда мы вернемся в Москву. Чернила в авторучке кончаются.

16/IX-41

За три дня основные известия таковы: наши войска оставили на Украине города Кременчуг и Чернигов. Ходят упорные слухи о взятии нашими войсками Смоленска — обратно и Гомеля — в Белоруссии. У меня такое впечатление: на Украине советские войска отступают, а на Западном фронте, по направлению к Москве, Красная армия действует вполне успешно и удовлетворительно. Пока что какие факты налицо? Немцам пока не удалось захватить ни Киева, ни Одессы, ни Ленинграда; Москва же, вследствие успеха сопротивления К.А. на Западном фронте, оказалась в неизмеримо лучшем положении, чем 3 предыдущих города, которые просто-напросто осаждены и штурмуются — хотя пока что безуспешно — германскими войсками. Удастся ли немцам взять эти 3 города? *Qui vivit, vegeta.*¹ Вчера был на вечеринке, организованной девочками. Был патефон, но почти что никто не танцевал. Руководила вечеринкой Анна Зиновьевна, Е. Лойтер, потом пришла Косачевская, зам. Хохлова, так что было скучновато. Достоинство вечеринки: наелся меду, коржиков, конфет, напился чаю. Кормят вообще-то хорошо, но порции маленькие. Я подкармливаюсь в ресторане. Обожаю сидеть в столовой, старая привычка сидеть в кафе отразилась и здесь. Вообще-то я пока трачу деньги беззаботно, потому что они есть. Но трогать «основной фонд» в 2.500 р., который лежит в вещах у Асеева, пока не буду. Сегодня получил от каких-то продаж у Асеева 120 р. Каждый день подкармливаюсь в столовых. Пристрастился к портвейну — выпиваю ежедневно по 2 стакана: подкрепляет и вкусно. Много ем мороженого, помидоров. Купил портфель за 108 р., мыльницу, зеркало, чемодан, готвальню, угольники и линейку, карандашей, некоторые учебники. Все это нужно. Вообще-то говоря, думаю, что «лишние» деньги скоро истрочу, при таких темпах траты. Вера, сестра жены Асеева, должна мне еще 80 р. Кроме того, кожаное паль-

¹ Поживем — увидим.

то М.И. лежит в комиссионке. Боюсь, что оно не скоро продается — а то выручил бы от него 600 р. Мне не хочется грызть «основной фонд». Еще нужно будет мне купить галстуков, заплатить за стирку. 21го будут готовы фотокарточки — я здесь фотографировался. Кроме того, нужно отдать починить ботинки (сандалии). Сегодня уезжает очередная группа в колхоз. Я думаю, что мне удастся избежать отъезда; заведующая говорит, что не видит, во что я там оденусь. Кроме того, я начну лечить зубы сегодня — и это предлог для неотъезда. Неужели не удастся мне сохранить моего «рекорда»? Плохо то, что врач говорит, что «конечно, я могу поехать», autrement dit¹ — годен и в полном здравии. Но все-таки «рекорд» мой я сохраню и в колхоз не поеду и на этот раз. Действительно, надо зубы лечить; не во что одеться — все слишком хорошее; кроме того, je n'ai pas du tout envie de² надрываться и abimer les mains³. Я совершенно не нужен в колхозе и уставать на грубой работе не намерен — пока возможно там не работать. Сегодня пойду в поликлинику лечить зубы. Каждый день занимаюсь по ПВХО, но знать ничего не знаю. Тимур Гайдар едет в колхоз. Через несколько дней мы должны переехать в другое помещение: или в детсад, или в Дом крестьянина все по той же улице Володарского. Хорошо хоть, что в центре. Все ребята приедут из колхоза примерно через неделю.

J'envie terriblement ceux qui reçoivent des lettres, des télégrammes de Moscou. Les veinards! Et moi je ne recevrai rien. Mais j'attends des télégrammes de Moulia, de Lilia (à propos de Mitia) poste restante de Tchistopol. A mais, des clous! à propos du kolkhoz. Je n'irai pas. Il paraît qu'à Moscou les écrivains — même Pasternak! apprennent à «jouer du fusil» et tout ça dans le même genre. Ce n'est pas très rassurant ces précautions. Ai fait la connaissance des fils de Khokhloff, le directeur de tous les évacués du Litfond. Le marrant c'est que tout le monde veut aller à Moscou. Bien sûr. Mais moi, je ne brûle pas à vrai dire du désir de départ. Qu'on rejette les Allemands et on partira. Mais pour le moment rien n'est sûr. Autre paire de manches que je voulais rester à Moscou. Maintenant que je suis parti, du point de vue pratique, il me faut rester ici — où je bouffe et reçois de l'argent

¹ иными словами.

² мне совсем не хочется.

³ портить руки.

des ventes de bagages. Bien sûr, Moscou, c'est tentant... mais c'est trop risqué. Surout que je ne sais pas ce qui s'y passe et qui s'y trouve. Ce que ça peut être emmerdant ce PVKO! Faudra porter les bottines à réparer. Et vive le père!

Я ужасно завидую тем, кто получает письма, телеграммы из Москвы. Счастливчики! А я ничего не получу. Но я жду телеграмм от Мули, от Лили (по поводу Мити) — на почте в Чистополе до востребования. Но на хрен колхоз. Я не поеду! Говорят, в Москве писатели — даже Пастернак! — учатся «играть с винтовкой» и всяким вещам такого рода. Не особенно утешительно — все эти меры предосторожности. Познакомился с сыновьями Хохлова, директора всех эвакуированных Литфонда. Смешно то, что все хотят в Москву. Конечно. Но я, честно говоря, совсем не сгораю от желания уезжать. Выкинем немцев и тогда поедем. Но пока ничего точно неизвестно. Другое дело, что я хотел в Москве оставаться. Но теперь, поскольку я уехал, с точки зрения практической я должен оставаться здесь, где я питаюсь и получаю деньги от продажи вещей. Конечно, Москва — очень соблазнительно! Но слишком рискованно. Тем более, что я не знаю, что там происходит и кто там находится. До чего же нудно это ПВХО. Надо будет отнести ботинки в починку. Да здравствуют деньжата!

17/IX-41

Сегодня окончательно выяснилось, что в колхоз я не поеду — по медицинскому освидетельствованию оказалось, что у меня слишком маленькое сердце — *par rapport*¹ к общим пропорциям; примерно раза в два меньше, чем следует, и на работы меня не отправят. *Toujours ça de pris.*² Говорят, сюда скоро приезжает Хмара, директор Литфонда. Между прочим, когда я говорил с Хохловым, он мне сказал, что «пока Литфонд оплачивает мое существование». Пока... Гм... Эта формула мне нравится не особенно, *à vrai dire*³. А вдруг придет Хмара и скажет: «*Des clous*⁴, пожил и будет, а теперь

¹ по отношению.

² И то хлеб.

³ по правде говоря.

⁴ Дудки.

débrouille-toi¹». И тогда, быть может, faudra payer de sa poche et les 2500 roubles fondront² ... Неприятно. Ну, да что предполагать. Пока – платят за меня, там – увидим. Получил из стирки рубашки, белье. Тэк-с. Но вряд ли Литфонд так уж скоро снимет меня с питания. Вообще-то говоря, ничто мне не дает повода предполагать, что Литфонд перестанет платить за меня. Но, во-первых, мне не нравится «пока», во-2^х, я по природе научился быть недоверчивым и скептиком. Ну, в крайнем случае, буду платить из своего кармана. Нужно будет узнать у Хохлова, как обстоит дело с выдачей мне денег Литфондом («материальная помощь», о которой я ходатайствовал). Дал ли Хохлов знать об этом в Москву в Литфонд? Если ходатайствовал, то одобрили ли там? Вряд ли он даже дал знать Москве о ходатайстве. В общем, узнаю. Здесь поговаривают о том, что школа не начнется 1го октября – из-за уборки и сельхозработ. Все мечтаю о Москве. Прочел 3 пьесы Ибсена: «Нора», «Привидения», «Гедда Габлер». Особенно понравилась «Гедда Габлер» – пьеса превосходна. Вообще все эти пьесы – и «Пер Гюнт» – бесспорно, замечательны, также и «Борьба за престол». «Бранд» мне не понравился. Скучно. Гедда же Габлер – замечательно. Все это немного тяжеловесно – совсем не в духе французском, гораздо скорее в духе русском – принципы, искания правды и т.д. Но все же замечательно. Погода испортилась – серо и дождь пойдет. Через 4 дня будут готовы фотокарточки. En ce qui concerne³ взятия нашими войсками Смоленска и Гомеля, то это оказалось «уткой» – слухами. Во всяком случае, Советское информбюро об этом ничего не сообщало. Последние сводки – упорные бои на всем фронте. Надоела эта штампованная формула, непроницаемая. Скоро в Москве соберется конференция о снабжении – распределении ресурсов союзников. Au fond, c'est honteux⁴ – что Россия не может обойтись без военно-экономической поддержки союзников. Но, очевидно, без этого – нельзя. Вообще, сейчас, в политическом отношении – полнейший мрак en fait de perspectives⁵. Ничего не видно, что будет. Plus que jamais⁶ за

¹ разворачивайся сам.

² придется платить из своего кармана, и 2500 рублей растают.

³ Что касается.

⁴ Вообще-то, стыд и срам.

⁵ относительно перспектив.

⁶ Больше, чем когда-либо.

всю мою жизнь, ничего нельзя предвидеть. Страшно неясное положение. Никаких — или почти — данных, чтобы судить о создавшемся положении. Больше всего меня интересует будущее Европы и связанное с этим будущее СССР. И связанное с этим мое будущее. Сейчас все связано, тесно связано между собой. А все-таки, чорт возьми, интересно, как это обернется — кто останется с носом, кто кого проведет. Жить интересно ради этого. Олег Колесников думает, что после окончания войны у нас сменят правительство, будут концессии, будет восстановлена частная собственность. Неизвестно, трудно предугадать. Что будут какие-то изменения — для меня совершенно ясно. Я в этом абсолютно уверен. Сейчас — идти на ПВХО. Боже, какая скука! Но rien à faire¹.

19/IX-41

Все эти два дня работал над идиотской «общественной нагрузкой», состоящей в переписке всех ребят детсада и интерната. И то в РОНО оказались недовольны. Х.. с ними. У меня пропали две заграничные авторучки — очевидно, их стибрили какие-нибудь малыши. Сволочи! Получил 150 р. за башмаки. Продалось в комиссионке пальто за 700 р. Мне дали 600. Ça fait² 3000 в багаже у Асеева. Страшно досадно за обе авторучки — заграничные. Одну я стибрил у Митьки, другую унаследовал от М.И. Пропали. Вообще tout va de mal en pis³. Пришел к Стоновой какой-то идиот из школы и начал говорить о том, что там, мол, интересуются 16-летними с паспортами ввиду отчисления в школы ФЗО. Стонова сказала, что ни у кого из ее питомцев нет паспорта. У меня же паспорт есть. Но она говорит, чтобы я не беспокоился. Чорта с два — остаться здесь и идти в ремесленную школу? Des clous et de la reau!⁴ Тогда просто уеду в Москву. Но, думаю, до этого не дойдет. Во всяком случае, одно: за себя я поратую до последнего конца. Ни в какую ремесленную школу или школу ФЗО я не пойду ни за что. Меня обнадеживает лишь то, что Стонова сказала, чтобы я не беспокоился. Я — дурак, потому что не закрывал портфель на ключ. Оттого и сперли авторучки.

¹ ничего не поделаешь.

² Итого.

³ дела все хуже и хуже.

⁴ Ни за что и на х..!

Кругом, среди молодежи — сплошь антисоветские разговоры. Говорят, скоро сюда приезжает Хмара, директор Литфонда. Льет дождь. Думаю купить сапоги. Грязь страшная. Страшно все надоело. Что сейчас бы делал с мамой? Au fond¹, она совершенно правильно поступила — дальше было бы позорное существование. Конечно, авторучки стащили. Пришла открытка от В.Сикорского — нужно написать ему доверенность на получение в милиции каких-то драгоценностей М.И. Сейчас напишу. Все приелось, все — беспросветно до необычайности. Увяз я в этом Чистополе. Но теперь поздно. Поздно, поздно. Если ехать в Москву, то нужно было раньше. Немцы прорвались к окраинам Киева, форсируя линию обороны. Конечно, Киев будет взят. Единственно хорошее — что есть кой-какие деньги. Это всегда пригодится. Здесь все мне чужие. Противно все. Хоть кормят. Страшно жалко авторучки. Хорошо, что Хохлов уехал в Казань — по крайней мере, не даст пока новой общественной нагрузки. Надоело, надоело, надоело. Все мрачно, сумрачно, противно. Не знаю, как жить, что думать. Дурак я с этими ручками. Скоро иду пить чай.

21/IX-41

Положение вновь изменилось. Приехал Хмара — директор Литфонда — из Москвы. Сегодня я с ним встретился. Он мне советует ехать в Москву. Говорит он, что там учатся и что именно там мне могут оказать материальную помощь — там Президиум Союза сов. писателей. Хмара пробудет здесь несколько дней, и возможно, что я поеду с ним обратно. Телеграмму же он дал, чтобы как-то меня обеспечить. Хмара просто советует мне ехать в Москву. Оказывается, первая сообщила о смерти М.И. Сикорская, которой кто-то из елабужских дал телеграмму или письмо. Официально Союз писателей не оповещен. Раз Хмара говорит о возможности там для меня учебы и о том, что именно в Москве будет поставлен вопрос об оказании мне материальной помощи, то мое решение принято — я еду в Москву. Значит, когда я хотел ехать в Москву, я был прав. Хохлов сбил меня с толку, говоря, что в Москве не учатся, — а ведь выехал он 28го августа, когда еще не начинался учебный год. Нет, раз мне Хмара советует, то я поеду в Москву. Он говорит, что окопы рыли летом, а сейчас боль-

¹ По существу.

шинство учится, и ВУЗы работают. Итак, опять — курс на Москву. Хмара одобрил ту бумагу, которую я получил от Асеева, и обещался написать еще другую — от учреждения. Конечно, поеду я неизвестно на что. Но Хмара — последний человек, который был в Москве. Я с ним согласен — мне нужно ехать в Москву. Неприятно то, что пропустил целый месяц учебы. Лучше было бы, если я поехал <бы> в Москву 12го числа — 10 дней тому назад. Но, по крайней мере, теперь я поеду легче — если, возможно, поеду с Хмарой (как он это и предполагал). Итак, опять Moscow, Moscow!¹ Пожалуй, это даже и лучше — все-таки столица, центр, а здесь — грязь и загнивание. Авось как-нибудь там устроюсь. Асеевы тоже едут в Москву. Совершенно очевидно, что телеграмма Хмары «зачислить в детдом» была продиктована желанием «спасти» меня из Елабуги, а не окончательным решением. Поступлю так, как он мне советует, — поеду в Москву. Неужели же увижусь с Митькой? Как-то не верится. Телеграмму от Лили или Мули насчет местонахождения Митьки все еще не получил. Возможно, что ни Митьки, ни Мули, ни Лили нет. Но je m'en remets à² Хмара — советует ехать, так я и еду. В конце концов, я всегда слушал советы: Хохлова, Асеева, теперь Хмары. Авось хуже не будет, тем более, что первоначальное мое решение было ехать в Москву, а говорят, что le premier mouvement est le bon³. Здорово все-таки меняются в два счета положения! Вчера не ехал, а сегодня собираюсь. Интересно, когда Хмара думает уезжать. Он очень симпатичный, этот Хмара, добродушен, с усами и гривой. Плохо то, что у меня много с собой вещей, но авось помогут в дорогу собраться. Я надеюсь, что в Москве мне поможет материально Союз писателей и Литфонд. Во всяком случае, конечно, скорее там помогут, чем здесь. И потом, быть в центре заманчивее, чем оставаться здесь, конечно. К чорту Чистополь. Лишь бы довести вещи в целости и сохранности до Москвы, а там on verra⁴. Сегодня Асеев читал мне очень хорошие главы своей поэмы о войне — очень хорошо. Итак, опять Москва! А хорошо — вырвусь из этой вонючей, провинциальной, засасывающей тины! Опасность — но

¹ Москва, Москва!

² вверяюсь.

³ первый порыв всегда лучший.

⁴ посмотрим.

сердце России, столица мирового значения и масштаба. Асеев тоже говорил о требованиях Англии и Америки. Тогда как я думаю о том, что требования эти будут *после* войны, Н.Н. предполагает, что они выдвигаются именно сейчас, на конференции 3^х держав о снабжении в Москве, созванной по инициативе Рузвельта и Черчилля. Асеев говорит о концессиях, «новом НЭПе» — приблизительно о том же, что и я. Увидим. Я поговаривал о том, что Англия может пригрозить нам сепаратным миром — когда она увидит, что Германия настолько истощена войной против СССР, что не сможет напасть на Великобританию: мол, в ту войну вы заключили Брест-Литовский мир с Германией, в эту войну мы заключим с ней мир — если не пойдете на уступки нам. Все это не невозможно. Но все это в рамках предположений. 3 последние сводки: «Бои с противником на всем фронте, особенно ожесточенные под Киевом». Очевидно, бои происходят на улицах Киева. Все-таки позор, если сдадут столицу Украины. Я не думал, что до этого дойдет. Асеев уверен в том, что советское правительство в данный момент отвергает какие-то предложения американцев и англичан — мол, сами справимся, а англичане предлагают всякие проекты уступок, свободной торговли, концессий, восстановления в будущем взятых городов — взамен чего будет усилено снабжение СССР, предоставлены займы и т.д. А Сталин, по мнению Асеева, отказывается принять эти предложения (все это происходит на конференции по снабжению в Москве). А ну его к чорту, этот чистопольский бред, — да здравствует Москва! Неизвестно, что меня там ожидает, но поеду я туда непременно. Решение мое принято — путь на Москву.

22/IX-41

Сегодня получил от Хмары записку, адресованную некоему Ройзману в управление ж. дор. в Казани, следующего содержания: «Уважаемый Матвей Давыдович! Договорись с начальником вокзала об оказании содействия т. Эфрон в проезде в Москву». Эта записка должна облегчить мне мое путешествие из Казани. Уезжаю я, очевидно, числа 24го–25го, вместе с дочерью Сельвинского, Цилей, и еще какими-то женщинами. Маршрут — пароходом до Казани, оттуда жел. дорогой до Москвы. Мне очень мешает мой багаж — громоздок. Но доведу его непременно. Хоть хорошо, что еду в компании. А впро-

чем, если не выйдет, то проеду и без компании. Сегодня Советское информбюро сообщило о том, что после 2-дневных ожесточенных боев наши войска оставили Киев. Тэк-с. Неужели и Ленинград удастся немцам взять? Но меня взятие Киева не остановит — все равно мне в Москве хоть морально лучше жить, каково бы ни было военное положение. Как хочется в Москву! В Москве я обращаюсь к Кирпотину (он заменяет Фадеева), прося о помощи в случае, если не удастся с комнатой на Покровском бульваре, прописка, оказание денежной помощи и т.д. Как-то не верится, что скоро опять буду в Москве.

8/Х-41

Неделю тому назад — 30го числа — я приехал из Чистополя после кошмарного путешествия, которое оставит след в моей жизни. Путешествие это мне дорого стоило — в смысле траты сил моральных и физических. Все же мне удалось до Москвы добраться. Я пока живу у Лили. Я пошел в Союз писателей, где получил ходатайство в районное отделение милиции. В районном отделении милиции мне отказали на основании постановления Моссовета и сказали, что только городское отделение милиции может разрешить. Я звонил Лебедеву-Кумачу — он завтра мне даст бумагу в гор. упр. милиции (от 1 ч. до 2 ч.). Получил ходатайство Союза писателей в это же управление. Но я все вижу *sous un autre point de vue*¹ с тех пор, как был у Эренбурга сегодня. Он мне совершенно определенно заявил, что меня не пропишут, так как за последние 3 дня даны свыше жесткие указания, посоветовал не хлопотать о прописке здесь, а о возврате в Чистополь или отъезде в Среднюю Азию (я ему заговорил о Ср. Азии, т.к. Митька и бабушка, дядя и Софа уехали не то в Ташкент, не то в Ашхабад). Я в совершенно ужасном состоянии. Неужели придется уезжать отсюда, куда мне стоило столько трудов попасть? Это совершенно ужасно. Я жду звонка Мули. Возможно, придется посылать телеграмму в ЦК партии. Я в ужасном, ужасном состоянии. Не знаю, какое решение принять. Во всяком случае, завтра возьму записку у Кумача, а очевидно, послезавтра пойду в милицию. Произошло то, чего я всего больше боялся: я уехал из Чистополя, а здесь меня не прописывают, и если то, что говорит Эренбург, вер-

¹ с другой точки зрения.

но, не пропишут. Ну, скажем, придется уезжать. Но где Митька? В Ташкенте или в Ашхабаде? Об этом должны знать хозяева его дачи в Отдыхе. Все – сумбур, бред, кошмар из кошмаров. А может, жить здесь без прописки? Неужели возвращаться в Чистополь? Нет, уж лучше ехать в Ташкент. Но пустят ли меня туда, пропишут ли, как я там буду жить? И где Митька? Кажется, по словам Зины, хозяева дачи получили открытку о том, что бабушке сделалось худо в дороге и она осталась в Ташкенте. Но поехал ли Митька дальше или остался в Ташкенте, этого Зина не знает. Ужас, ужас. Очевидно, придется писать в ЦК. Все мрачно; никто ничего не может сделать. Решительно в плохую, отрицательную сторону на меня подействовал Эренбург, категорически заявивший, что меня не пропишут здесь. Мне не хочется жаловаться на судьбу, но *avouons*¹, что в последнее время мне страшно достается. Но ничего – унывать не надо. Ни за что. Конечно, настроение у меня ужасающее. Но ничего, ничего, ничего. Какой ужас! Но что мне делать? Какой-то выход из положения должен быть. Нет положений без выхода. Но куда деться? Все – бред. Но выход будет найден. Неужели не нужно было уезжать из Чистополя? Бред, бред, бред, бред, бред. Но ничего. Будет выход, непременно, найден, найден. Я продолжаю надеяться. Буду, буду надеяться. Непременно будет выход. Выход будет найден. Непременно, непременно. Выход найду.

9/X-41

Несколько дней назад немцы начали новое наступление на Москву, развивающееся по направлению Вязьмы и Брянска. Сегодня Сов. информбюро сообщило, что они взяли Орел. Немцы, очевидно, хотят окружить Москву с 2^х сторон: со стороны Смоленской области – в направлении Вязьмы и Можайска и со стороны Орловской области – в направлении Брянска и Калуги. Опять пресловутые «клещи». Что же мне делать? Посоветуюсь с Мулей. Во всяком случае, мне не хочется уезжать из Москвы никуда. Возможно ли это? Во всяком случае, в Чистополь я не возвращусь – совершенно категорически. Буду добиваться Москвы *coûte que coûte*². Вообще каша сей-

¹ надо согласиться.

² во что бы то ни стало.

час творится. По всей вероятности, дальнейшие события будут развиваться следующим образом: на Петровке мне откажут; возможно, с Петровки меня пошлют в Главное управление милиции. Скажем, там мне опять откажут. Тут я буду просить Президиум ССП ходатайствовать перед ЦК партии о моей прописке. Если они согласятся — хорошо. Откажут — придется, очевидно, самому ходатайствовать. Поговорю об этом с Мулей. Кирпотину я не буду говорить об Эренбурге и его словах. Иду встретиться с Мулей.

Тот же день

Сегодня был у Лебедева-Кумача, который дал мне письмо в гор. управление милиции. Был у Шафрова, который советовал «подзатянуть» дело в связи с тем, что приезжает скоро Хмара (Хмара лично ответственен за то, что я в Москву поехал). Шафров от имени Литфонда написал два письма — одно в Гослитиздат, другое — в Детиздат насчет получения гонораров, причитающихся М.И. за переводы. Я эти письма передал Нине Герасимовне; одно из них она дала Чагину (директор Гослита). Чагин обещал раздобыть деньги. Завтра я позвоню Н.Г., чтобы она постаралась как можно скорее раздобыть эти деньги. Послезавтра пойду в гор. управление милиции. Муля тоже советует «подзатянуть» — потому что постольку поскольку у меня есть «дела» — посылают из учреждения в учреждение, ведется какая-то тяжба, то я просто живу в Москве по делам; нужно оттянуть время возможного отказа. Боюсь, что райком может каждую минуту послать Мулю куда угодно — на фронт. В общем, завтра постараюсь повидаться с Мулей, поеду к Садовским за галошами и личным чемоданчиком, возьму пальто кожаное из починки и серую кепку — мне исключительно важно одеваться сейчас незаметно, чтобы ничем не вызывать у мильтонов и НКВД внимания; ведь может статья вполне, что прописаться мне так и не удастся и придется вести форменную подпольную жизнь, *étant donné*¹, что я не уеду из Москвы ни за что. Возможно, придется скрываться, ходить из квартиры в квартиру... Надеюсь, что до этого дело не дойдет, впрочем. Но одеваться незаметнее, менее шикарно буду с завтрашнего дня. Нужно будет непременно добиться гослитиздатовских денег. Завтра пойду к Маризэте Шагинян. Она,

¹ ввиду того.

кажется, депутат Моссовета, и если бы мне удалось получить от нее письмо, аналогичное письму Кумача, то это было бы неплохо. Попытаюсь, во всяком случае. Буду у ней часов в пять. Конечно, основное — послезавтра. A Dieu Vat; on verra.¹

11/X-41

Сегодня получил разрешение на прописку — был в гор. управлении милиции. Успех антрепризы определило письмо Кумача, или, вернее, entête² «Депутат Верховного Совета СССР». Завтра — воскресенье. Послезавтра пойду в домоуправление и РОМ окончательно оформиться. Муля боится, что меня куда-нибудь мобилизуют. Немецкое ожесточенное наступление на Москву продолжается с неослабевающей силой. Передовые центральных газет говорят о «смертельной опасности, нависшей над важнейшими промышленными центрами нашей страны», и вообще sont alarmantes³. Газеты не скрывают, что немцам удалось обеспечить на ряде участков Западного фронта численное превосходство, и то, что наступление их поддерживается огромными силами бронетанковыми и авиации. Вообще общий тон — очень genre⁴ «положение крайне серьезное». В Москве открыто говорят о том, как будет, если Гитлер войдет в столицу. Много говорят о предстоящих бомбардировках — меня это тоже очень беспокоит. Но теперь я уж окончательно никуда не выеду. За эту неделю был на открытии музыкального сезона в Salle Tchaïkowsky⁵, отдал переплести «Fleurs du Mal» Бодлера и «Poésies» Маллармэ; переплели замечательно и содрали 25 р.; в понедельник получу переплетенные «Poésies» Валери и «Poèmes Saturniens» и «Parallèlement» Верлена. Возможно, завтра удастся купить еще книгу Валери. Купил у Крученыха однотомник Гоголя, книгу стихов А.Ахматовой («Из шести книг»), собрание сочинений Ильфа и Петрова в 4 томах, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Избранное» Есенина (издание 1934го г.). Выменял у него же «Декамерон» (издание «Academia») против 2 пары старых шерстяных носков. Кроме того, купил полное

¹ Ну, что Бог даст; посмотрим.

² «шапка».

³ тревожные.

⁴ в стиле.

⁵ Зале Чайковского.

собрание сочинений Андрэ Жида в 4 томах на русском языке. Вчера получил 800 р. в Гослитиздате (гонорары, причитающиеся М.И. за переводы). В понедельник зайду часов в 6–7 к Кочеткову, которого встретил сегодня в трамвае. Видел Семена Исаковича и Пастернака, который собирается в Чистополь. Еще, по всей вероятности, должен получить деньги в Детиздате. Был вчера у Шагинян. Ее дочь беременна; очевидно, женилась. Ел сладкий пирог, пил чай. В последнее время много ем: кто знает, может, будет голод — лучше иметь хоть внутри про запас *mangeaille*¹. Нужно будет купить мыла и свечей. Масла не достанешь, кроме как вставая в очередь в 6 часов, — и то по карточкам. Начал вновь брать книги в Библиотеке иностранных языков. *Ai lu l'excellent livre de Montherlant: «Aux Fontaines du désir»*, livre qui souffre un peu de la maladie du siècle des intellectuels européens: le manque d'occupations tangibles qui fait que les problèmes vitaux qui, en Russie, par exemple, prédominent — à savoir de quoi bouffer et payer le gaz — sont exclus de leurs livres, ce qui pour nous, chasseurs de pèse, paraît un peu irritant. Mais le livre, en soi et par son intelligence, est tout à fait bien — surtout à propos du désir réalisé (je l'ai affirmé bien souvent à propos de «tout ce qui est atteint est détruit».) Malheureusement suis gêné dans mes efforts d'apprécier toute la valeur de ce livre brillant par une petite voix qui me souffle tout le temps à l'oreille: «le veinard, il peut voyager, écrire librement, oh, le veinard»! Il ne le peut plus maintenant, évidemment, mais il le pouvait et ne connaissait probablement pas son bonheur. Suis maintenant en train de lire «la Porte Etroite» de Gide. Chose curieuse: ai presque complètement cessé de m'intéresser aux femmes. Ai vu Valia, que j'ai trouvée affadie (peut-être seulement à mes yeux, mais pour moi, c'est suffisant). Demain peut-être irai au théâtre, au ciné (sans blague, si demain c'est la faim et la maison en ruine et peut-être la mort, vaut mieux s'en payer avant toutes ces épreuves). Maintenant irai «bouffer des glaces» un peu en souvenir de Mitia.

Прочел прекрасную книгу Монтерлана «У фонтанов желания». Книга немного страдает от современной болезни европейских интеллектуалов: отсутствие осязаемых забот о жизненных проблемах, которые в России, например, преобладают, а именно — что пожрать

¹ жратвы.

и как заплатить за газ, в их книгах, что нас, охотников за шишами, темного раздражает. Но книга, сама по себе и по своему уму очень хорошая – особенно в том, что касается осуществления желания (что я часто подчеркивал, говоря, что «все, что достигнуто, разрушено»). К сожалению, мне мешает ценить все качества этой блестящей книги то, что мне на ухо все время шепчет голосок: «Счастливчик, он может путешествовать, свободно писать, ах, счастливчик!»! Теперь он, конечно, больше не может, но он мог и, вероятно, не осознавал своего счастья. Сейчас читаю «Тесные врата» Андре Жида. Странное дело, я почти перестал интересоваться женщинами. Видел Валу, которую нашел потускневшей (может быть, только в моих глазах, но для меня этого достаточно). Завтра, может быть, пойду в театр или в кино (действительно, если завтра будет голод, разрушенный дом и, быть может, смерть, будет лучше всем попользоваться до всех этих испытаний). Теперь пойду «жрать мороженое», немного в память Мити.

13/X41

4 heures du matin.¹ Полчаса назад вернулся из бомбоубежища, где сидел во время воздушной тревоги – первой за все 12 дней моего пребывания в Москве. Лежу в кровати в проходной комнате, где я теперь обитаю. Надо мной лампа – очень удобная: устал, хочешь спать – тушишь; что надо – зажигаешь. Налево – полка с книгами и дневниками. Вчера был на опере «Черевички», где хорошего – из музыки – только дуэт Беса и Солохи в 1^м действии и танцевальная музыка к приему во дворце в действии третьем. Все же остальное – несерьезно. Как приятно писать, спокойно и никто тебя не беспокоит! *Ce qu'on a coutume d'appeler «raix ineffable».*² Завтра вечером должен звонить Б.С.Беренгофу, с которым меня связали Тагеры, *à propos*³ какой-то работы – чисто технического, *à ce qu'il paraît*⁴, порядка – по размножению «Окон ТАСС». По правде говоря, очень сомневаюсь, чтобы что-нибудь вышло с этой работой, – будут просить рисунков, которых у меня нет; возможно, что потребуются специальные зна-

¹ 4 часа утра.

² То, что принято называть «покоем несказанным».

³ по поводу.

⁴ как кажется.

ния, которыми я также не обладаю. Но *tenter sa chance*¹ в этом направлении надо, конечно, непременно. Завтра же получу переплетенные книги «*Charmes*» Валери и «*Poèmes Saturniens*» и «*Parallèlement*» Верлена. Завтра должен звонить Крученыху. Основной «костяк» завтрашнего дня составляет вопрос о прописке. Нужно будет пойти в домоуправление, там взять бланк-заявление и заполнить его, а потом пойти в милицию. Не знаю, как я это все успею завтра. Вообще вопрос о прописке — щекотливого свойства. Дело в том, что, прописавшись, я где-то встаю на учет; меня могут в любую минуту взять и послать на какие-нибудь окопные работы, мобилизовать куда-нибудь, обучать военделу и т.д. Этого-то Муля и опасается в связи с пропиской. А с другой стороны, ждать больше я не могу: в Москве мне необходимо встать на ноги. Не могу я жить без прописки, особенно когда я получил разрешение с Петровки. На фронте дело обстоит худо: наши войска отступают и на Западном фронте, и на Южном под напором яростного германского наступления. Вчера купил «*1tes Poésies*» de Musset. Теперь у меня все его *poésies*² (2 тома). Прочел «*la Porte étroite*» А.Жида. Не знаю, как отнестись к этой книге. Несомненно, «мы имеем дело» с крупным произведением. Возможно, эта книга имеет некоторое сходство с вещами Мориака, но более плавно написанная, *plus délavée d'horreurs*³... Я теперь ношу все деньги при себе — если, случайно, разбомбят дом и я останусь жив, не остаться без копейки денег в кармане. Сейчас, *plus que jamais*⁴, все стоит под знаком вопроса. Для меня основные вопросы суть положение на фронте, работа — учеба — какое-то занятие, «использование меня государством» (окопы, рытье картошки, всеобуч и т.д.) и, наконец, денежный вопрос. А *propos*⁵, я еще должен получить 400 р. в Детгиздате в среду. Еще вопрос: скажем, выйдет у меня с этой работой с «Окнами ТАСС» (в чем я сильно «сумлеваюсь») — не повлияет ли это на мою судьбу в резко отрицательном смысле? — В случае прихода немцев в Москву, *bien entendu*⁶. С другой стороны, конечно, нужно хвататься за первую возможность работы, потому что же надо чем-

¹ попытать счастья.

² стихотворения.

³ более очищенная от ужасов.

⁴ больше, чем когда-либо.

⁵ Кстати.

⁶ понятно.

то заниматься. Школа не действует, а работать надо непременно. Говорят, наша школа (теперь 661^{ав}, бывшая 335^{ав}) скоро начнет опять работать. Но целесообразно ли туда сейчас поступать? Вообще-то я надеюсь скоро выяснить дело с работой. Если же с «Окнами ТАСС» не выйдет, то, возможно, поступлю на курсы заочного обучения иностранных языков (французского, конечно). Нужно будет узнать условия этих курсов. Скажем, также буду заниматься в кружке переводчиков в ГЦБИЛ. Но дело-то в том, что за курсы нужно платить и ничего не зарабатываешь. А деньги мои иссякнут. На стипендию же Союза писателей я, по правде говоря, совершенно не рассчитываю. О Лиле не говорю. Конечно, нужно будет советоваться с Мулей по всем этим вопросам. Но и он может ошибиться, а здесь главное – не промахнуться. Была бы учеба – бесспорно, нужно учиться. А я все-таки подумываю о курсах – все-таки получаешь какую-то бумажку по окончании. Конечно, о бумажке думать рано – доживу ли до этого, как теперь говорит вся Москва. Хорошо пока что? Есть деньги и не бомбят. Но деньги иссякнут, и могут начаться какие-нибудь ожесточенные бомбардировки. Я не верю в то, что Москву не удастся бомбить, потому что она хорошо защищена, – просто большинство немецких самолетов занято на фронте. Повсюду большие очереди за керосином, за хлебом; о масле и говорить не приходится. Основное для меня: пережить войну и arriver à une période de paix durable sans trop de¹ потерь physiques et matérielles². Но когда настанет эта période de paix durable, nul ne le sait³. Нужно сходить в баню. Деньги текут – по моей вине: я слишком много трачу на хорошую еду, pâtisseries⁴, рестораны, но удержаться трудно – это contre-coup⁵ после Елабуги и Чистополя. Впрочем, когда буду заниматься чем-нибудь, это пройдет.

14/X-41

Вчера, зайдя к Кочеткову, узнал, что весь Союз писателей эвакуируется в Ташкент, и решил на свой страх и риск эвакуироваться с ним, учитывая сложившуюся обстановку (германское наступление продолжается; они взяли Вязьму; от Моск-

¹ дожить до продолжительного мирного периода без лишних.

² физических и материальных.

³ продолжительный мирный период, никто не знает.

⁴ пирожные.

⁵ реакция.

вы ничего не останется — недаром выезжают Союз писателей, МГУ, Мосфильм и студия, где работает Нина Прокофьева). Вчера же в Союзе получил справку об эвакуации, включился в эшелон № 2 и внес деньги за билет. Еще неизвестно, когда идет поезд. Первый эшелон уезжает в 9 часов (утра). Насчет 2го эшелона нужно все время ходить узнавать. Я уже уложил те вещи, которые я возьму. Основной риск — быть разбомбленными на участке Казанской ж.д. до Рязани, который, как говорят, немцы очень бомбят. Везу 7 boîtes de conserves¹. Что я буду делать в Ташкенте, как жить? Неизвестно, но ехать надо; раз все уезжают, глупо оставаться. Скорее здесь разбомбят, чем у Рязани. Кроме того, я сильно надеюсь установить в Средней Азии контакт с Митькой. Остался ли он в Ташкенте или уехал в Ашхабад? В Ташкент едут и Тагеры и, возможно, Кочетковы. Конечно, неприятна долгая дорога; конечно, я недостаточно запасаюсь продовольствием — пока налицо 5 коробок горошка и 2 крабов; но все же ехать надо; кроме всего остального, хорошо то, что в Ср. Азии не холодно и нечего бояться морозов, отопления, сугробов и т.д. Je ne me fais aucune illusion², но лучше ехать — здесь грозит физическое уничтожение от бомбардировки и дальнобойной артиллерии. Попробуем! Интересно, когда поедет эшелон № 2; хотелось бы успеть закупить «шамовки» и вообще как-то завершить свое существование в Москве. Плохо то, что паспорт мой — в пропуске. Постараюсь утром его достать; не знаю, будет ли он уже в домоуправлении. Итак, еду. Очень надеюсь, что вновь встречу с Митькой. Кроме того, Ср. Азия — интересная штука. A Dieu Vat. Этот дневник продолжу, очевидно, уже в поезде. Увидим, как все это сложится.

*le même jour*³

Или я — сумасшедший, или — хуже, трус и безвольный человек, но я сегодня утром решил не уезжать. Никаких объективных причин для этого нет. Есть причины только таящиеся в самой глубине моей души. Я не могу ехать. Одно слово «эвакуация», слова «эшелон», «вокзал» наводят на меня не-

¹ 7 банок консервов.

² Я не обольщаюсь никакими иллюзиями.

³ тот же день.

преодолимый ужас и отвращение. Сегодня попытаюсь взять 150 р. обратно. Муля уже знает о том, что я собирался ехать, но не знает, что я переменял свое решение. Эвакуация для меня проклята смертью М.И. Я не могу уезжать. Пусть все уезжают — я останусь. Сегодня увижусь с Сербиновым. Возможно, поступлю в школу № 661 (335^{аа} соединилась с ней), если примут. Стоит ли? Что не стоит, так это вдаваться в маразм. Мне страшно хочется повидаться с Мулей, но он ничем не может помочь моему состоянию. Не понимаю, как я не могу точно выяснить, что мне советует Бог: ехать или нет? Tantôt¹ мне кажется, что ехать мне надо, tantôt Бог, по моему мнению, ясно и определенно говорит: нет отъезду. Трудно понять. Нет хуже положения, когда человек не знает, чего он сам желает. Я ничего не желаю, кроме хорошей жизни среди книг любимых; когда мои желания в области решений переходят за грань этого, то я теряюсь. Не хочу ехать в Ташкент, потому что не знаю, что меня там ждет. Что со мною происходит? Каждое принимаемое мною решение автоматически подвергается автокритике, и притом столь безжалостной, что немедленно превращается в решение диаметрально противоположное первому. Мое положение трагично. Оно трагично из-за страшной внутренней опустошенности, которой я страдаю. Конечно, это — трагедия. Не знаю, что думать, как решать, что говорить. Мысли о самоубийстве, о смерти как о самом достойном, лучшем выходе из проклятого «тупика», о котором писала М.И. Не могу же я ехать в Ташкент из-за того, что там — а может быть, и в Ашхабаде — Митька! Я знаю, что Муля мне будет советовать отъезд... Но я не могу. Огромная психологическая трагичность и сложность этого отъезда чреваты для меня мрачайшими последствиями. Как говорится, я все время à la croisée des chemins². И ни одного chemin³ не могу взять, так как я привык летать — просто летать, а тут тебе предлагают: выбирай дорогу! Как рыбе сказать — выбирай, какой дорогой ты пойдешь! Но мое решение, хотя и хромотоватое, принято: не поеду, и баста. J'y suis j'y reste⁴. В крайнем случае, не получу моих 150 рубл. обратно — и все. Попро-

¹ То.

² на перепутье.

³ пути.

⁴ Я здесь, здесь и останусь.

бую, что такое осажденный город. Увидим. Бегут? — Пусть! Попробуем соригинальничать. Попробуем дерзнуть. Не все еще потеряно. Жизнь — впереди.

Soir du même jour

7 h. 45 du soir. Qu'il est bon d'écrire. En écrivant ces lignes, j'ai l'impression de procéder à une sorte de rite, d'écrire mon testament spirituel, de fixer mes dernières volontés morales. Il faut le dire — ma situation présente est franchement précaire et fragile. Mon bien-être, ma chère tranquillité qui me permet en ce moment d'écrire et de lire et d'inscrire, tout cela tient à un fil qui peut se rompre d'un moment à l'autre. Mon «moi» est en danger. Serbinoff part avec son oncle demain à Tchéliabinsk en avion. Le passé se vide et, lui aussi, ne tient qu'à un fil — ma mémoire. Qu'est-ce, de concrète façon, ce danger qui me menace? De façon générale, c'est en premier lieu la menace constante d'être envoyé aux «travaux agricoles», autrement dit creuser des tranchées sous le feu de l'ennemi (de l'aviation) et avec le sentiment d'un sacrifice inutile. Deuxièmement, on peut, en cas de besoin mobiliser tous ceux qui sont capables de porter les armes — pour défendre la ville. Deux alternatives: ou bien être envoyé au «Front du travail» ou bien être transformé en soldat (moi-soldat, cela ne me va pas, ah mais pas du tout). Deux alternatives ... Et encore il se peut qu'après avoir été au «Front du travail», il faudra que je passe par le vrai front. Sérieusement je songe à... inventer une troisième alternative qui serait d'être malin et d'agir en sorte de ne pas être mobilisé, de n'être mobilisé nulle part. Tout cela ne me semble pas sérieux. Tant que l'on n'envoie pas les gens par la milice et le comité de maison tout va bien. Le plus emm... ant de l'histoire, c'est qu'on ne sait quelle mouche piquera demain la milice, le comité de maison ou le commissariat militaire du quartier. Par exemple, si j'étais à l'école, j'aurais été sûrement envoyé aux «travaux agricoles». Faudra être malin et prévoyant — mais je ne suis ni l'un ni l'autre; il faudra le devenir. La question de demain est aussi la question des produits alimentaires. Partout des queues énormes. Tout le monde achète beaucoup de tout, comme s'ils pouvaient savoir que cela leur suffira pour longtemps. Moi je n'achète rien. Demain je toucherai les 150 roubles que j'avais payé pour le billet de Tachkent. Au cul Tachkent. On s'en passera de cette scie d'évacuation. Ma tante est empreinte de panique — ce n'est pas

précisément un appui, ah, ouiche! Le seul qui me soutienne un tant soit peu est Moulia, que je ne vois presque jamais, tant il est occupé. Du reste, il partira à mon sens bientôt, en sorte que je serai absolument seul. Encore une autre menace: la question de l'enseignement militaire obligatoire qui se déroule de 16 à 50 ans. Et moi, j'ai 16 ans... J'ai l'impression qu'on enseigne les rudiments de «l'art» militaire à ceux qui, demain, seront envoyés au front, ou à ceux qui défendront Moscou, à l'aide d'un enseignement militaire des plus courts. Simplement, on prépare des soldats «frais». Ce n'est pas folâtre non plus. Avant de m'enregistrer sur le passeport, on m'enregistre sur la «table militaire»; c'est de cette table que vient le danger. Par ailleurs il m'est évident qu'on ne pourrait ni ne saurait prévenir tous ces dangers et menaces; mais je tâcherai tout de même de m'assurer le maximum de sécurité, sans du reste trop compter sur le succès final de mes efforts. Enormément de gens partent de Moscou ces temps-ci. On parle ouvertement de l'éventualité de la venue des Allemands dans la capitale. Que ma tante et son amie et aide, avec laquelle elle habite, sont peu «selects», en ce sens qu'elles bavardent, se lamentent sans arrêt. Trop peu de self-control. Pas de «control» du tout, plutôt. Et Léningrad et Odessa toujours pas pris. Ce serait honteux si Moscou l'était avant ces deux villes. Demain, tâcherai d'avoir de l'argent du Detizdat. Irai au monastère (à propos des manuscrits de ma mère). Trierai les livres là-bas — ceux dont j'ai besoin et les vendables et superflus. L'hiver avance à grands pas. Il faut croire qu'il sera difficile. Pourvu que je ne perde pas ces notes hâtives. Pourvu...pourvu que tout, évidemment.

Вечер того же дня

7 ч. 45 вечера. До чего приятно писать. Пока я пишу эти строчки, у меня впечатление, что я исполняю вроде ритуала, пишу свое духовное завещание, фиксирую мои последние моральные пожелания. Надо признаться — мое настоящее положение откровенно шаткое и неустойчивое. Мое благополучие, мой любимый покой, который позволяет мне в данный момент писать, и читать, и записывать, — все это держится на волоске, который может оборваться с минуты на минуту. Мое «я» в опасности. Сербинов завтра отправляется со своим дядюшкой в Челябинск на самолете. Прошлое пустеет, а оно тоже держится на волоске моей памяти. Что же это, кон-

кретно, за опасность, которая мне угрожает? В общем, в первую очередь, постоянная угроза быть посланным на «сельскохозяйственные работы», иными словами рыть траншеи под неприятельским огнем (авиации) и с чувством ненужной жертвы. Во-вторых, могут в случае необходимости мобилизовать всех, кто способен носить оружие, чтобы защищать город. Две альтернативы: либо быть посланным на «трудовой фронт», либо стать солдатом (я — солдат, это меня несколько не устраивает, ну никак). Две альтернативы... да еще может быть, что, побывав на «трудовом фронте», мне придется пройти через настоящий фронт. Seriously, я подумываю о том..., чтобы придумать третью альтернативу, а именно — проявить хитрость и действовать так, чтобы меня не мобилизовали, чтобы не быть мобилизованным никуда. Ходить на занятия, откуда никуда не посылают. Все это мне кажется несерьезным. Пока не посылают людей через милицию и домком, все в порядке. Самая х..... этой истории в том, что никогда не знаешь, какая вожжа попадет под хвост милиции и домкома или райвоенкомата. Например, если бы я ходил в школу, меня бы наверняка послали на «сельское хозяйство». Надо быть хитрым и предусмотрительным: а я — ни то, ни другое. Надо будет таким стать. Завтрашний вопрос касается и продуктов. Повсюду огромные очереди. Все покупают много, как будто знают, что им может хватить надолго. Я же ничего не покупаю. Завтра я получу 150 рублей, которые я заплатил за ташкентский билет. Ташкент на х..! Обойдемся без этой волынки эвакуации. Тетя в панике, нельзя сказать, что это помощь, да-сс. Единственный, кто хоть немного поддерживает, это Муля, но я его почти не вижу, он так занят! К тому же, он, по-моему, скоро уедет, так что я буду абсолютно один. Еще одна угроза: вопрос обязательной военной учебы, которая касается людей от 16 до 50 лет. А мне 16 лет... Мне кажется, что там обучают элементарному военному «искусству» тех, кого завтра пошлют на фронт, или тех, кто будут защищать Москву, с помощью самого короткого военного обучения. Просто готовят «свежих» солдат. Тоже не особенно весело. Перед тем, как меня прописывать по паспорту, меня записывают на «военный учет», в нем главная опасность. На самом деле мне совершенно ясно, что нет возможности защититься от всех угроз и опасностей. Но я постараюсь все же обеспечить себе максимум стабильности, хотя я не особенно рассчитываю на конечный успех моих попыток. Огромное количество народу сейчас уезжает из Москвы. Открыто говорят о возможности прихода немцев в столицу. До чего же моя тетя и ее подруга и помощница, которая у нее живет, не «эле-

гантны»: они все время болтают, жалуются без конца. Недостает сельф-контроля. Да и вообще никакого «контроля». А Ленинград и Одесса все еще не взяты. Какой стыд, если Москву возьмут до того, как будут взяты эти два города. Завтра постараюсь достать денег в Детиздате. Пойду в монастырь (по поводу рукописей моей матери). Разберу там книги, те, которые мне нужны, и те, которые можно продать, и лишние. Зима наступает большими шагами. Надо полагать, она будет трудной. Только бы не потерять эти торопливые записи. Только бы... только бы... все, конечно.

15/X-41

Ecire, sentir, pendant qu'il en est encore temps, ô volupté sans pareille. Encore, encore une heure, une journée de gagnée... C'est que les événements se précipitent. Il s'agit surtout maintenant de prévoir. Conscience que j'ai de gagner du temps. En Ukraine, les troupes rouges ont laissé Marioupol – sur la route de Crimée, près de Taganrog. Aujourd'hui ai touché les 150 roubles de mon billet pour Tachkent. D'autre part ai reçu 400 roubles du Detizdat pour des traductions de ma mère. Les troupes du Reich sont tellement avancées sur la route de Moscou qu'il se peut que cela détermine bien des choses. Ai bien fait de refuser de partir pour Tachkent: déjà il paraît qu'il y aura un échelon unique qui partira de Kazan, si les circonstances – plutôt dire l'état des voies ferrées le permet. Ainsi, pas question de Tachkent. Ou bien l'Union des Ecrivains partira tout à fait entièrement à Kazan, ou bien ils seront forcés de rester à Moscou, hormis quelques types «d'en haut» qui partiront en avion, selon la bonne coutume. De par la ville, énormément de gens qui s'évacuent ou prétendent s'évacuer. On les reconnaît à ce qu'ils ont du pain pour le voyage, sont chargés comme des mulets. Quelques connaissances qui devaient partir s'évacuer – avec le «Soïouz» doutent maintenant – ils croient que le «Soïouz» ne réussira pas à partir. En effet, le hic de toute cette histoire, c'est que tous s'évacuent par le chemin de fer de Kazan: il est évident qu'en premier lieu on évacue les usines, en particulier les usines de guerre; ensuite, il paraît qu'il y a beaucoup d'échelons militaires. Les commissariats du peuple aussi, naturellement. Ainsi que le «Soïouz», quelques théâtres non plus ne réussissent pas à partir. On dit que les Allemands bombardent intensément le chemin de fer de Kazan –

naturellement, pour empêcher l'évacuation des usines et fabriques de guerre. A Moscou les opinions se sont divisées: certains croient que Moscou ne «durera» pas longtemps, en d'autres termes qu'on ne la défendra pas trop longtemps, faute de moyens de défense efficaces. D'autres affirment que Moscou se défendra comme Léningrad et Odessa — que le siège sera long. Oui, voilà la question: combien durera le siège de Moscou. S'il dure peu, c'est bien, car on aura moins à souffrir des bombardements, s'il dure longtemps — c'est mauvais, car alors il faudra vivre sous la menace des bombardements aériens et d'artillerie. Presque tout le monde est d'accord qu'on réussira à prendre Moscou. Ce qui serait bien c'est que le sort de Moscou se décide ... à quelque distance d'elle. Si on défend la ville, maison par maison, rue par rue — alors cela bardera pour les habitants, ah, ouiche. Enfin on verra. Il est probablement évident que l'intérêt de ceux qui resteront à vivre dans Moscou est que le sort de celle-ci se décide hors de ses murs, desquels il ne restera rien, s'ils sont défendus dans leurs limites. La grande question: admettons que les Allemands trouvent définitivement la défense de la capitale et parviennent à Moscou — est-ce qu'on la défendra à l'intérieur? Ce ne me semble pas. Pour moi, j'ai l'impression que les principaux combats pour Moscou se livreront à quelques 100–110 km de Mojaïsk. Probablement Kalinine est prise. Je parie qu'on annoncera sa prise demain-après demain. De deux sources d'informations différentes me sont parvenus des détails sur l'occupation d'Oriol: pas un seul coup de fusil n'a été tiré à l'intérieur d'Oriol. L'occupation — rêve, quoi!. Tout le monde s'explique le fait qu'Odessa et Léningrad ne sont pas pris parce qu'ils sont des citadelles maritimes où il y a la flotte qui tonne sur les armées ennemies. Aujourd'hui ai reçu le passeport avec l'enregistrement tant attendu. J'en viens à me demander si cet enregistrement ne sera pas la cause, quelque part, de ma mobilisation. Si Moscou doit être prise, ce serait idiot d'être envoyé sous les balles, dans la saleté, avec la perspective de revenir à pieds (si on parvient à revenir). Le froid, le travail maintenant inutile. D'autre part j'ai peur qu'on ne mobilise les hommes de 16 à 60 ans quand les Allemands seront près de Moscou, afin de défendre la ville qui sera prise tout de même. Comment éviter tout cela. Il faudra que j'en parle sérieusement avec Moulia. Probablement je le verrai demain. Ai lu «les Nouvelles Nourritures» d'André Gide;

c'est beaucoup mieux que «la Porte étroite». Ai acheté les œuvres choisies d'A.Tchekhoff en un seul volume, et les «Cloches de Bâles» de Louis Aragon en russe. Maintenant je tiens à un fil – chaque jour peut arriver un papelard me priant de me présenter au commissariat militaire de région – et on m'enverra «au diable»... Que tout cela est bête, mon Dieu. Le ton des journaux est qu'on défendra Moscou, opiniâtement et qu'il faut se préparer à la défense de la ville. Je n'en sais trop que penser. Par ailleurs, il se peut que les Allemands ayant percé la dernière résistance se rendront vite maîtres de la ville. Evacuerait-on tellement de monde si on était sûr que le siège serait long? D'autre part il se peut que se passe la chose suivante: les troupes soviétiques reculent jusqu'à Moscou où elles se fortifient – et alors commence un de ces sièges carabinés de derrière les fagots, au bout duquel... Au bout duquel on ne sait rien, sinon que ce ne sera pas marrant, ah mais pas marant du tout. Plus que jamais je suis résolu à me conserver, à conserver mes livres, mes écrits, mes affaires. Ce sera difficile... Mais vive l'espoir. Même au milieu des ténèbres de l'incertitude et des menaces, l'espoir – à moi! La question mangeaille est aussi la question – ordre du jour. Je suis heureux tant que je puis écrire et que je peux vivre. Voyons venir les événements et tâchons de nous écarter d'eux si possible.

Писать, чувствовать, мыслить, пока еще есть время, о несравненное наслаждение! Еще, еще один час, еще один выигранный день... Ибо теперь события разворачиваются быстрее. Теперь главное дело – уметь все предвидеть. Теперь – сознание, что я выигрываю время. На Украине красные оставили Мариуполь, на Крымской дороге, близ Таганрога. Сегодня получил 150 рублей за билет в Ташкент. С другой стороны получил 400 рублей от Детгиза за материнские переводы. Войска Рейха настолько продвинулись по Московской дороге, что это, возможно, многое определит. Я хорошо сделал, что отказался ехать в Ташкент: говорят уже об одном единственном эшелоне, который поедет в Казань, если обстоятельства – правильное сказать, состояние железной дороги – позволит; итак, о Ташкенте уже не может быть и речи. Либо Союз писателей целиком поедет в Казань, либо они будут вынуждены остаться в Москве, за исключением нескольких «высоких» лиц, которые, по хорошей привычке, отправятся самолетом. По городу все больше и боль-

ше эвакуирующихся или у которых такой вид. Их можно узнать по количеству хлеба на дорогу и по тому, что они нагружены, как ослы. Некоторые знакомые, которые должны были эвакуироваться с Союзом, теперь начинают сомневаться — они думают, что Союз не сможет уехать. Действительно, закавыка всей этой истории, что все эвакуируются по Казанской железной дороге: ясно, что в первую очередь эвакуируют фабрики и военные заводы; затем говорят, что много военных эшелонов. А также народные комиссары, естественно; ну и Союз; есть и несколько театров, которым тоже не удастся уехать. Говорят, немцы усиленно бомбят Казанскую железную дорогу, конечно, чтобы помешать эвакуации фабрик и военных заводов. В Москве мнения разделились. Одни думают, что Москва долго не продержится, иными словами, что ее не слишком долго будут защищать ввиду недостатка подходящих средств защиты. Другие думают, что Москва будет защищаться, как Ленинград и Одесса, и что осада будет очень долгой. Да, это вопрос: сколько времени продлится осада Москвы. Если недолго, это лучше, так как меньше будем страдать от бомбардировок; если осада продлится долго, тогда плохо: придется жить под постоянной угрозой бомбардировок авиации и артиллерии. Почти все согласны, что Москва будет взята. Было бы хорошо, чтобы участь Москвы решилась где-нибудь на расстоянии. Если город будет защищаться дом за домом, улица за улицей, тогда будет худо для местных жителей, да-с, весьма даже худо. Что ж, посмотрим. Совершенно ясно, что для тех, кто останется жить в Москве, выгоднее всего, чтобы участь ее решилась вне ее стен, от которых ничего не останется, если они будут защищаться в пределах самого города. Главный вопрос: допустим, что немцы действительно прорвутся через линию защиты столицы и дойдут до Москвы, — будут ли ее защищать изнутри. Думаю, что нет. Мне лично кажется, что главные бои за Москву будут где-то в 100-110 км, около Можайска. Вероятно, Калинин уже взят. Держу пари, что завтра-послезавтра объявят о его взятии. До меня дошли из двух разных источников подробности о взятии Орла. Не было ни одного выстрела внутри города. Словом, не взятие, а мечта. Все объясняют, что Одесса и Ленинград не взяты потому, что это морские бастионы, где есть флот, который из пушек громит неприятельские войска. Сегодня получил паспорт с долгожданной пропиской. Я начинаю себя спрашивать, не будет ли эта прописка причиной какой-нибудь моей мобилизации. Если Москва должна быть взята, было бы глупо оказаться посланным под обстрел, в грязи, с перспективой возвращения пешком (если можно будет вер-

путься). Холод, ненужный труд. С другой стороны, я боюсь, что будут мобилизовывать мужчин от 16 до 60 лет, когда немцы будут ближе к Москве, чтобы защищать город, который все равно будет взят. Как всего этого избежать? Надо будет серьезно обо всем этом переговорить с Мулей. Я, вероятно, его завтра увижу. Прочитал «Земную пищу» А.Жида. Это гораздо лучше, чем «Тесные ворота». Купил «Избранные сочинения» А.Чехова в одном томе и «Базельские колокола» Арагона, по-русски. Теперь я держусь на волоске. Каждый день может прийти подлая бумажка о том, что я должен явиться в районный военкомат, и меня пошлют «к черту»... Как все это глупо, боже мой. По тону газет, видимо, Москву будут отчаянно защищать, и надо готовиться к защите города. Не знаю, что об этом думать. С другой стороны, возможно, что, прорвавшись через последнюю черту сопротивления, немцы быстро захватят город. Стали бы эвакуировать такое количество людей, если бы знали, что осада будет долгой? С другой стороны, возможно следующее: советские войска отступают до самой Москвы и тут укрепляются, тогда начинается такая осада, что никому не поздоровится, и кончится она... чем, никто не знает, разве что это будет уж совсем невесело. Более чем когда-либо, я намерен сохранить себя, свои книги, писания, вещи. Это будет трудно. Но – да здравствует надежда. Даже в потемках неизвестности и угроз остается моя надежда. Вопрос жратвы тоже стоит на повестке дня. Но я счастлив, пока я могу писать и пока знаю, что могу жить. Посмотрим, как развернутся события, и постараемся держаться от них подальше.

16/X-41

Le communiqué d'aujourd'hui flaire la débandade: «Le 14 et 15 octobre la situation sur le Front occidental a empiré», En un mot ce communiqué est le «pire» de toute la guerre. Les troupes russes reculent sous le feu, les tanks et l'aviation de l'offensive allemande. J'ai idée que les Allemands doivent être rudement près. Ai eu aujourd'hui une conversation par téléphone avec Moulia – probablement la dernière, car il a reçu une convocation du commissariat militaire régional; sans doute, partira-t-il au front. Moi aussi d'un moment à l'autre je peux recevoir une convocation de n'importe où. J'ai l'intention en me rendant à «l'invite» (je t'en foutrai!), s'il y a lieu, de montrer mon billet d'évacuation donné par le «Soïouz» et de dire que je m'évacue dans une heure. Si ça produit l'effet voulu et qu'on

me laisse ici, afin de m'évacuer, ça va; si la combine ne marche pas, alors... De toute façon, s'il y a convocation, je me présenterai, car si je ne le fais pas, je serai qualifié de déserteur — et ça, mon vieux, ça n'est pas marrant du tout — on peut être fusillé. Et voilà — je marche sur une corde, je ne tombe pas pour le moment. Et puis, si je tombe, ce ne sera pas pour bien longtemps. Je me relèverai. Si je «tombe» ce sera pour me relever plus haut encore. Mes revers n'ont qu'une importance d'étape — ça changera et j'aurai, c'est sûr, des succès éblouissants. Les rangs de l'Armée Rouge se remplissent par les bataillons du «Vsevoboutch» — préparation militaire rapide. Et cette préparation va de 16 à 50 ans. Hum! Pas rassurant — bien peu, hein? Mais je ne m'en fais pas. Tous sont passés par d'énormes difficultés. J'y passerai aussi. Simplement, j'ai peur qu'on me mobilise pour ce «Vsevoboutch». On verra. Pour le moment je m'estime heureux d'écrire, d'être bien habillé, de vivre. Il se peut que tout cela cesse. Mais qu'est-ce que cela fera? Du moment que je suis sûr: primo, «que la guerre finira un jour, secundo, que de toute façon l'avenir me réserve du plaisir et des joies innombrables. Faut pas s'en faire.

Сегодняшнее сообщение пахнет разгромом. «14 и 15 октября положение на Западном фронте ухудшилось». Одним словом, это сообщение — худшее за всю войну. Русские войска отступают под огнем танков и авиации немецкого наступления. Я думаю, что немцы здорово близко. Сегодня у меня был разговор по телефону с Мулей — думаю, последний, т.к. он получил вызов из районного военкомата; он, видимо, сразу уйдет на фронт. Я тоже могу с минуты на минуту получить вызов откуда угодно. Я намерен пойти на «приглашение» (тоже мне...!) и, если нужно, предъявить мой эвакуационный билет от Союза и сказать, что я эвакуируюсь через час. Если это произведет нужный эффект и меня оставят здесь, чтобы эвакуироваться, все в порядке; если это дело не пройдет, тогда... Во всяком случае, если будет вызов, я пойду, так как если я не пойду, меня сочтут дезертиром, — а это, старик, это совсем не забавно — могут расстрелять. Так что вот. Иду по канату, пока не падаю. И даже если я упаду, все равно это будет ненадолго. Я восстану. Если я «упаду», то это будет, чтобы восстать еще выше. Мои переживания являются только промежуточным звеном — все переменится, и я узнаю ослепительный успех. Ряды Красной армии

пополняются батальонами всевобуча — это ускоренная военная подготовка. И она касается всех, от 16 до 50 лет. Гм... Не очень-то утешительно, а? Но я не унываю. Все прошли через огромные трудности. Я тоже пройду. Просто я боюсь, что меня мобилизуют для этого всевобуча. Посмотрим. Пока я считаю себя счастливым, что могу писать, что я хорошо одет, что я живу. Возможно, все это прекратится. Но что мне от этого будет? Если я уверен: первое, что война в один прекрасный день закончится, второе, что все равно будущее мне готовит неисчислимые удовольствия и радости. Не стоит беспокоиться.

Soir du même jour

La situation à Moscou est absolument incompréhensible. Du diable si quelqu'un arrive à y comprendre quelque chose. Du reste, les événements se précipitent. Quels sont les faits des trois dernières journées? Enormément de gens partent n'importe où, chargés de sacs, de malles. Des dizaines de camions surchargés d'affaires foutent le camp à plein gaz. On a l'impression que 50% de Moscou s'évacue. Le métro a cessé de fonctionner. On disait que les troupes rouges voulaient miner la ville et la faire sauter par le métro, avant de partir; maintenant on dit que le métro a été fermé, afin de transporter les Troupes Rouges qui quittent la ville. Aujourd'hui l'évacuation a été arrêtée par décret du Mossoviet. A six heures a été lu par radio un décret du Mossoviet enjoignant les tramways et les trolleybus à fonctionner normalement, aux magasins et restaurants à travailler de façon normale. Qu'est-ce que cela signifie? Il paraît que le Grand Théâtre, parti depuis trois jours et arrêté à Kolomna, est en train de se faire bombarder, les écrivains, (le Soiouz) sont à quelques 50 km. de Moscou, en train de se faire bombarder, eux aussi. Le Presidium du Soiouz est parti qui en avion qui en auto, emportant l'argent de ceux qui voulaient partir à Tachkent — C'est honteux. Kotchetkoff n'est pas parti. An'y rien comprendre. Il paraît que les commissariats militaires répondent à des gens qui veulent partir pour le front, défendre Moscou: «Retournez à vos maisons»; comme de juste la question principale, celle qui prime absolument tout est celle-ci: défendra-t-on Moscou, ou les troupes rouges la laisseront-elles? Si on la défend, c'est mal, car alors, les Allemands la bombarderont sans pitié, de leur aviation et artillerie à longue portée et il n'en restera rien. Si les troupes soviétiques la laissent,

c'est bien, pas de pétard, l'occupation en douceur. Toute la population de Moscou souhaite l'éventualité № 2. En tous cas la radio continue ses marches militaires, ses invectives et «ses lettres au front» comme d'habitude. Tout le monde est d'accord que laisser Moscou sans autre forme de procès serait fort sage. Certains affirment que cela se passera comme cela; d'autres au contraire disent que la situation s'est améliorée et qu'on a résolu de défendre Moscou coûte que coûte. Que signifie ce décret du Mossoviet? Jeter de la poudre aux yeux? Mais pourquoi? En tout cas j'ai fortement l'impression que ces 2 jours à venir seront décisifs. Certains affirment que la situation a empiré catastrophiquement. Défendra-t-on Moscou? A vrai dire j'en ai peur — pourquoi ce décret, sinon pour alléger la défense de Moscou par la création de conditions d'existence normales. Mais si on veut défendre la capitale, pourquoi ne pas créer maintenant des bataillons spéciaux d'habitants, ne pas mobiliser tous les hommes de la ville? Je le dis, ces deux jours seront décisifs. En tous cas énormément de gens partent à pieds, en auto. L'Académie des Sciences, les Instituts, le Grand Théâtre, tout s'est dissout en fumée... Et le Mossoviet qui parle de régulariser le fonctionnement de divers départements, institutions, etc? Partout d'énormes queues en quête de produits. Je n'espère pas trop que le fonctionnement des restaurants s'améliore. J'ai idée que Moulia est simplement parti et n'a nullement été appelé par le commissariat militaire qui n'appelle plus personne, en ce moment. Les communistes et les juifs quittent la ville. Et toujours revient incessamment la même, la principale question: défendra-t-on Moscou ou non? Bien que tout le monde affirme qu'on rendra Moscou sans bataille, qu'on ne soutiendra pas de siège, moi, personnellement, je suis enclin à croire, que malheureusement, Moscou sera assiégée et soutiendra le siège. Enfin on verra. Aujourd'hui est attendu un bombardement de Moscou. C'est formidable le nombre de gens qui partent. Et la radio continue de braire des chansons patriotiques. Il paraît que jusqu'à la dernière minute, les habitants de Kiev ne savaient pas que les Allemands entraient dans la ville et que, jusqu'à la dernière minute la radio braillait son programme habituel. J'ai bien peur qu'on ne défende Moscou. Et demain? Certains affirmaient que les Allemands étaient attendus à Moscou cette nuit. C'est exagéré. Mais tout se peut.

Вечером того же дня

Положение в Москве абсолютно непонятно. Черт и тот голову сломит: никто ничего не понимает. События, кстати, ускоряются. Каковы же факты трех последних дней? Огромное количество людей уезжают куда глаза глядят, нагруженные мешками, сундуками. Десятки перегруженных вещами грузовиков удирают на полном газу. Впечатление такое, что 50% Москвы эвакуируется. Метро больше не работает. Говорили, что красные хотели минировать город и взорвать его из метро, до отступления. Теперь говорят, что метро закрыли, чтобы перевозить красные войска, которые оставляют город. Сегодня Моссовет приостановил эвакуацию. В шесть часов читали по радио декрет Моссовета, предписывающий троллейбусам и автобусам работать нормально, магазинам и ресторанам работать в обычном режиме. Что это означает? Говорят, что Большой театр, уехавший три дня назад, остановлен в Коломне и их бомбят. Писатели (Союз) находятся в каких-то 50 км от Москвы, и их тоже бомбят. Президиум Союза удрал, кто самолетом, кто на автомобиле, забрав деньги тех, кто хотел ехать в Ташкент. Это безобразие. Кочетков не уехал. Ничего не понять. Говорят, военкоматы отвечают людям, которые хотят идти на фронт защищать Москву: «Возвращайтесь и сидите дома». Естественно, главный вопрос, первостепенный — будут ли защищать Москву или красные войска ее оставят. Если ее будут защищать — это плохо. Тогда немцы будут ее бомбить беспощадно, с помощью авиации и дальнобойной артиллерии. Через некоторое время от нее ничего не останется. Если советские войска ее оставят — это хорошо, без разрухи, оккупация по-мягкому. Все московское население желает 2^м варианта. Во всяком случае, радио продолжает давать военные марши, свои поношения и «письма с фронта», как обычно. Все согласны, что было бы весьма благоразумно оставить Москву просто так. Некоторые утверждают, что так и будет; другие, наоборот, говорят, что ситуация улучшилась и что решили защищать Москву во что бы то ни стало. Что означает этот декрет Моссовета? Пускание пыли в глаза? Но зачем? Во всяком случае, я серьезно думаю, что будущие два дня будут решающими. Некоторые утверждают, что положение ухудшилось катастрофически. Будут ли защищать Москву? По правде говоря, я этого боюсь. Зачем же этот декрет? Разве чтобы облегчить оборону Москвы созданием нормальных условий жизни. Но если хотят защищать столицу, почему тогда не создавать сейчас же специальные батальо-

ны населения, почему не мобилизовать всех мужчин в городе? Я утверждаю, что эти два дня будут решающими. Во всяком случае, очень многие уезжают на автомобилях, уходят пешком. Академия наук, институты, Большой театр — все исчезло, как дым. А Моссовет говорит об урегулировании действий некоторых секций и учреждений и т.д. Повсюду огромные очереди за продуктами. Я и не надеюсь, что работа ресторанов улучшится. Мне кажется, что Муля просто уехал, никуда его военкомат не вызывал, тем более, что в данный момент никого не вызывают. Коммунисты и евреи покидают город. И все время неустанно повторяется тот же главный вопрос: будут ли защищать Москву или нет. Хотя все утверждают, что Москву отдадут без боя, что не будет оборонительной осады, я же думаю, что, к сожалению, будет осада Москвы и Москва будет защищаться. В общем, посмотрим. Сегодня ожидается бомбардировка Москвы. Потрясающее количество людей уезжает. А радио продолжает орать патриотические песни. Говорят, что до последнего момента киевляне не знали, что немцы вступают в город, и до последнего момента радио орало и передавало свою обычную программу. Я очень боюсь, что Москву будут защищать. А завтра? Некоторые утверждают, что немцы ожидают в Москве сегодня ночью. Это уж преувеличение. Но все может быть.

Сейчас мы переживаем смутное время. Очень остро встает вопрос о продовольствии. Завтра буду рыскать по лучшим ресторанам — авось работают, но Союз всех бросил, и «вожди» улепетнули. Говорят, Фадеев поехал на фронт. Вранье! Поехал в Казань, по всей вероятности. *Le dernier communiqué*¹ гласил: «В течение ночи на 16 октября наши войска вели ожесточенные бои с противником на всех фронтах и особенно на Западном фронте». Немцы продолжают вносить в бой новые части. Ну вот. Таковы факты. Во всяком случае, в Москве все говорят об очень близкой оккупации Москвы немцами. Недаром бегут коммунисты и евреи, недаром Президиум Союза улепетнул, предусмотрительно захватив деньги с собой. Лиля и Зина предусмотрительно сидят в подвале, ожидая бомбежки. Мне же в случае тревоги не очень хочется спускаться туда, в бомбоубежище. Сегодня обменял книги в библиотеке — взял A.Gide'a «Paludes» и «le Retour de l'Enfant prodigue».

¹ Последнее сообщение.

17/X-41

Selon toute vraisemblance, Moscou soutiendra le siège – à en juger par le ton des journaux d'aujourd'hui qui parlent des moscovites résolus à défendre leur ville coûte que coûte (entre nous les moscovites qui sont partis, qui veulent partir, qui ne veulent rien défendre du tout). Alors ainsi, on a résolu de condamner Moscou à de cruels bombardements et du côté de l'aviation et du côté de l'artillerie à longue portée. Mais qui défendra Moscou? Les ouvriers? Mais que diable, il y en a trop peu. Ni moi, ni personne n'y comprend rien. Dernier communiqué du B.S.I: «Au cours de la journée du 16 octobre se sont déroulés des combats sur tout le front» et «particulièrement acharnés sur le Front Occidental. Dans les combats en cours sur le Front occidental des deux côtés les pertes sont lourdes». Se peut-il que la situation sur le Front Occidental se soit améliorée? En tous cas, on envoie sur le Front Occidental des bataillons du «Vsevouditch». J'ai bien peur qu'en cas de défense générale de la ville, on ne me mobilise à cette préparation militaire du diable. En tous cas je suis bien résolu à ne pas me laisser faire. Mais comment? Si le siège dure longtemps, ne pas défendre Moscou en cas de mobilisation serait dangereux; s'il dure quelques jours, je tenterai ma chance; simplement je veux éviter l'anéantissement physique. Je suis pressé d'écrire, car j'attends aujourd'hui la mobilisation générale de tous les hommes capables de porter les armes pour la défense de la ville. J'ai à peu près perdu tout espoir en ce qui concerne la non-défense de Moscou qui préserverait la ville de terribles malheurs. Probablement que le principal se déroulera, je l'espère, hors de Moscou – car si les Allemands parviennent jusqu'à la ville, parviennent à y entrer, tout sera fini pour les Rouges. Ce serait idiot de défendre une ville qui sera prise de toute façon. Aujourd'hui tâcherai de trouver un bon restaurant et manger – s'il reste encore de quoi bouffer. J'ai bien peur pour Moscou. Les «nôtres» sont capables de faire des bêtises pour le prestige. Ai lu le livre absurde de Gide «Paludes». A quoi bon écrire des livres comme celui-ci qui n'apporte rien à personne?

По всей вероятности, Москва будет осаждена, если судить по тону сегодняшних газет, которые говорят о москвичах, намеренных защищать свой город во что бы то ни стало (между нами, москвичи,

которые уехали, хотят уехать и ничего вовсе не хотят защищать). Таким образом, Москву решено подвергать жестоким бомбардировкам со стороны авиации и дальнобойной артиллерии? Но кто же будет защищать Москву? Рабочие? Но ведь, черт возьми, их слишком мало. Ни я и никто другой ничего не понимает. Последнее сообщение Совинформбюро: «В течение дня 16 октября развернулись бои по всему фронту» и «особенно отчаянные бои на Западном фронте. Во время продолжающихся битв на Западном фронте потери тяжелые с обеих сторон». Может ли так быть, что положение на Западном фронте улучшилось? Во всяком случае, на Западный фронт посылают батальоны всеобщуча. Я весьма опасаясь, что в случае общей обороны города меня мобилизуют на эту чертову военную подготовку. Я, во всяком случае, серьезно намерен не давать себя захомутать — но как? Если осада продлится долго, не защищать Москву, в случае мобилизации, было бы опасно; если осада продлится несколько дней, я попытаю счастье; просто я хочу избежать физического уничтожения. Я тороплюсь писать, так как жду на сегодня общую мобилизацию всех мужчин, способных носить оружие, чтобы защищать город. Я почти потерял всякую надежду, что Москву защищать не будут, а это предотвратило бы большие несчастья для города. Вероятно, как я надеюсь, главное будет происходить вне города — ибо если немцы до города доберутся или смогут в город войти, все для красных будет кончено. Было бы сущим идиотизмом бороться за город, который все равно будет взят. Сегодня постараюсь найти хороший ресторан, чтобы поесть. Если какая-нибудь жратва еще осталась. Очень боюсь за Москву. Ведь «наши» способны наделать глупостей, престижа ради. Прочел идиотскую книгу Жида «Болота». Зачем писать такие книги, которые никому ничего не приносят?

Soir du même jour

Alerte aérienne à six h. 45. Je ne suis pas descendu à l'abri, préférant rester à lire et à écrire. Bois du thé. Aujourd'hui discours de Chtcherbakoff (secrétaire du CC du parti, section de Moscou qui déclare qu'on défendra la ville et parle contre les semeurs de panique et les espions. La situation sur le front se serait-elle améliorée? Toute la ville est aux queues aux magasins et attend le pire — les bombardements aériens et d'artillerie. Tout est incertain: tantôt on parlait de catastrophe sur le front et Moulia est parti avec sa femme; maintenant on parle de défendre la ville... De tout cela je ne crois rien et laisse faire les événements. Demain tâcherai d'avoir les cartes

d'alimentation au comité de maison. La question manger me préoccupe fort: d'un côté manger aux restaurants et café coûte excessivement cher; d'un autre on dit que les allemands suppriment l'argent soviétique, quand ils viennent. Comment faire? D'une part j'ai envie de dépenser mon argent le mieux possible s'il doit perdre sa valeur bientôt; d'autre part qui sait? Peut-être conservera-t-il tout son «charme» et à ce train là, il finira vite. La perspective d'être dans les queues aux produits ne me paraît pas folâtre, ah non. Au moins, suis-je content de n'être pas mort, d'être au chaud, de lire des livres français... Mais tout cela me paraît éphémère. Il faut dire que 6 h. 45, c'est un peu, tôt pour une attaque aérienne. Qu'est-ce que c'est que ces manières! Mais je vois que ce n'est encore que le commencement... Que sera mon avenir? Mystère. Ai vu Nina Gordon (Prokofieff). Le studio où elle travaille s'est enfui honteusement, en ne payant même pas aux collaborateurs leur dû. Fin de l'alerte; voix salvatrice du speaker: «la menace de l'attaque aérienne est écartée...». Drôle de temps que nous vivons. Que j'aspire à la paix, et comme nous la sous-estimions, cette paix, quand nous y étions. Cette alerte a duré une demi-heure – vingt cinq minutes – C'est peu, fort peu. Ai terriblement soif. Me suis inscrit à la salle de lecture de la rue Stolechnikoff (littérature étrangère); y ai été à 5h30. Personne. Lisais des vers de Mallarmé et Mr Teste de Valéry. Mr Teste est génial, Mallarmé est fameux (les vers et poèmes), mais je préfère Valéry (Narcisse, le Serpent, la Pythie, etc. etc.) Valéry est cent fois plus universel que Mallarmé, et simplement beaucoup plus intelligent. Mallarmé a l'intelligence, le génie de la parole instinctive, des nuances les plus fines des associations de l'âme. Valéry continue et hausse ces qualités de Mallarmé par la réflexion et l'intelligence des faits, chose inconnue à Mallarmé. Les vers de Valéry, que je considère comme meilleurs que ceux de Mallarmé, sont son âme; sa prose, remarquable d'intelligence. Mr Teste et «Regards sur le monde actuel» (tout ce que je connais de la prose de Valéry) m'en donnent la preuve. Subsistera-t-il quelque chose des ouvrages de ces poètes remarquables, géniaux, dans l'esprit des humains, après la guerre? Et là, je soulève l'une des questions principales pour moi: de la valeur objective des œuvres d'art. Si les goûts sont tellement interchangeable et s'il suffit d'une guerre, même telle que celle-ci pour effacer la trace des oeuvres de ces poètes,

que penser de la valeur objective de leurs œuvres. Il est sûr qu'il y a présentement une tendance à représenter la guerre actuelle comme une sorte d'apocalypse, qui effacera tout et après laquelle il y aura une «culture» nouvelle. Tout «nouveau»... Sera-ce vrai? Attendre... Pour le moment je tâche d'assimiler la culture française en attendant la nouvelle...

Вечером того же дня

Воздушная тревога в 6 ч. 45. Я не стал спускаться в бомбоубежище, мне тут лучше писать и читать. Пью чай. Сегодня речь Щербакова (секретаря ЦК партии, московская секция), который объявил, что будем защищать город, и выступает против носителей паники и шпионов. Положение на фронте, может, улучшилось? Весь город стоит в очередях у магазинов и ожидает худшего. Полная неуверенность; недавно говорили о катастрофе на фронте, и Муля уехал с женой: теперь говорят о том, чтобы защищать город. Я ничему этому не верю и терпеливо ожидаю событий. Завтра постараюсь достать карточки для продуктов через домком. Вопрос еды меня очень беспокоит: с одной стороны, питаться в ресторанах и кафе стоит очень дорого; с другой стороны, говорят, что немцы упраздняют деньги, когда они вступают в город. Тогда как быть? С одной стороны, я хочу истратить мои деньги наилучшим образом, если они должны скоро потерять свою цену. С другой стороны — кто знает? Может быть, они сохраняют всю свою «прелесть», а в таком темпе они быстро кончатся. Перспектива стоять в очереди за продуктами мне не улыбается, вот уж нет. По крайней мере, я доволен, что не умер, что сижу в тепле и читаю французские книги. Но все это мне кажется очень быстротечным. Надо сказать, что 6 ч. 45 — рановато для воздушного нападения. Что еще за манеры! Но я вижу, что это только начало... Какое у меня будет будущее? Вот это тайна. Видел Нину Гордон (Прокофьеву). Студия, где она работает, бессовестно удрала, даже не заплатив должное сотрудникам. Конец тревоги. Спасительный голос диктора: «Угроза воздушного нападения устранена...» В какие странные времена мы живем. Как я мечтаю о мире, и как мы его недооценивали, этот мир, когда он был. Тревога продолжалась полчаса—двадцать пять минут. Это мало, совсем мало. Страшно хочется пить. Вновь записался в читальный зал Столешникова переулка (иностранная литература); был там в 5 ч. 30. Ни души. Читал стихи Малларме и «Мосье Тест» Валери. «Мосье Тест» гениально. Малларме (стихи и проза) замечательны, но я предпо-

читаю Валери («Нарцисс», «Змий», «Пифия», и т.д. и т.д.). Валери в сто раз универсальнее, чем Малларме, и просто гораздо умнее. У Малларме ум и гений инстинктивного слова, самых тонких оттенков душевных ассоциаций. Валери идет дальше и возвышает эти качества Малларме благодаря мысли и пониманию фактов, этого Малларме не умеет. Стихи Валери, которые я считаю лучшими, чем стихи Малларме, являются его душой. Его проза – его замечательный ум. «Мосье Тест» и «Взяды на современный мир» (все, что я знаю из прозы Валери) – доказательство этого. Останется ли что-нибудь из произведений этих замечательных и гениальных поэтов в человеческих умах после войны? Тут я поднимаю для себя один из основных вопросов: вопрос объективной ценности искусства. Вкусы настолько переменчивы, и если достаточно одной войны, даже такой, как эта, чтобы стереть следы произведений этих поэтов, – то что можно думать об объективной ценности их произведений? Совершенно ясно, что сейчас есть тенденция представлять теперешнюю войну как нечто вроде Апокалипсиса, который все сотрет и после которого появится «новая культура», все «новое». Будет ли это правдой? Надо ждать. В данный момент я стараюсь усвоить французскую культуру, в ожидании новой...

18/X-41

Communiqué d'aujourd'hui: «Au cours de la journée du 17 octobre nos troupes ont repoussé plusieurs attaques acharnées de l'ennemi sur le Front Occidental.» Et puis, probablement, les Allemands auront pris Odessa, car on parle d'évacuation des troupes de la région d'Odessa pour des «vues stratégiques». La situation sur le front moscovite se serait-elle améliorée? En tous cas la radio et les journaux continuent leur campagne: défendre Moscou jusqu'à la dernière goutte de sang, ne jamais la rendre à l'ennemi. Devant les magasins de la capitale s'étirent d'énormes queues, pour le pain principalement. Aujourd'hui, irai au comité de maison parler à propos des cartes de pain et de provisions. C'est la milice qui permet la remise de ces cartes; en me rappelant à son existence, est-ce que je ne fais pas une faute? Ils diront: «Ah, ah! Tu ne travailles pas, sois bien bon d'aller construire des fortifs près de Moscou...». Mais il faut que je reçoive ces cartes; je ne peux continuer à me ruiner dans les cafés; j'ai résolu d'aller chaque matin en guerre pour le pain, quand je recevrai les cartes. En tout cas, aujourd'hui, je saurai

ce qu'il faut faire pour avoir ces cartes. Après tout, il faut risquer, on ne me pendra pas pour cela. Aujourd'hui je tâcherai d'aller rue Mojaïskaïa, pousser une reconnaissance à propos des cours de Langues Etrangères. Je dis «tâcherai» car on ne peut y accéder que par trolleybus, et les trolleybus sont pleins à en éclater: il y a du monde même sur le toit, alors... Ai lu «Isabelle» d'A.Gide. C'est somme toute assez banal. Ai une grande envie de recopier en entier «Monsieur Teste» à la salle de lecture. Quand en aurai-je le temps? Donc, voilà le plan de ma journée d'aujourd'hui: le matin, parler au comité de maison à propos des cartes; ensuite aller jusqu'au Stolechnikoff voir si on ne peut acheter des gâteaux; ensuite aller — ou tenter d'aller jusqu'à la rue Mojaïskaïa. Bouffer au café «Artistic» — c'est mon dernier jour de bombance, car bientôt peut-être recevrai-je les cartes et recevrai du pain. Recopier «Mr Teste» si le temps ne me manque pas. Mais peut-on se nourrir exclusivement de pain? Pour avoir des autres provisions, il faut faire la queue tout simplement toute la journée... Enfin je verrai. Bon. Il paraît que beaucoup de gens s'évacuant ont emporté les meilleurs livres de l'abonnement de lecture du Stolechnikoff. Quant à la salle de lecture, je ne sais pourquoi, mais beaucoup de livres y manquent. Par exemple, il n'y a qu'un seul livre de Mallarmé, qu'un seul livre de Valéry... Que nous apportera cette journée? Ainsi, Odessa est probablement prise.

Сегодняшнее сообщение: «В течение дня 17 октября наши войска отбили несколько сильных атак неприятеля на Западном фронте». К тому же, вероятно, немцы взяли Одессу, так как говорят об эвакуации войск в районе Одессы «в стратегических целях». Улучшилось ли положение на Московском фронте? Во всяком случае, по радио и в газетах продолжается кампания за оборону Москвы до последней капли крови и абсолютно против ее сдачи неприятелю. В магазинах города повсюду огромные очереди, главным образом, за хлебом. Сегодня пойду в домком, чтобы поговорить о хлебных и продуктовых карточках. Такие карточки раздаются с разрешения милиции; может быть, напоминая о своем существовании, я делаю ошибку? Они мне скажут: «Ага, ты не работаешь, будь любезен, иди на стройку укреплений под Москвой...» Но мне надо получить карточки; я не могу продолжать разоряться в кафе; я решил каждое утро становиться в очередь за хлебом, когда я получу карточки. Во вся-

ком случае, я узнаю сегодня, что надо сделать, чтобы получить эти карточки. В конце концов, надо рискнуть. Ведь меня за это не повесят. Сегодня попытаюсь съездить на Можайскую улицу, узнать, как обстоят дела с занятиями по иностранным языкам. Я пишу «попытаюсь», так как туда можно попасть только троллейбусом, а троллейбусы лопаются от народа: люди даже лезут на крышу! Прочел «Изабеллу» А.Жида; в общем, довольно банально. Мне очень хочется целиком переписать «Мосье Тест» в читальном зале. Но когда я успею? Так что вот мой план на сегодняшний день: утром поговорить с домкомом насчет карточек, затем добраться до Столешникова, посмотреть, можно ли купить... пирожных. Затем попробовать доехать до улицы Можайской. Поесть в кафе «Артистик». Это мой последний день кутежа, так как я, может быть, скоро получу карточки и буду получать хлеб. Переписать «Мосье Тест», если у меня хватит времени. Но разве можно питаться исключительно хлебом? Чтобы получить другие продукты, нужно просто стоять в очереди целый день... Ну, посмотрим. Ладно. Говорят, что многие люди во время эвакуации забрали лучшие книги по абонементу Столешникова. А в читальном зале, неизвестно почему, многих хороших книг не хватает. Например, только один экземпляр Малларме, одна книга Валери... Что нам принесет этот день? Итак, Одесса, видимо, взята.

19/X-41

Сегодня – постановление Государственного Комитета Оборона: военные смещения (назначения командующих обороной Москвы; оказывается, командующий Западным фронтом – Жуков; о Тимошенко ничего не слышно). Введено осадное положение; «провокаторов, шпионов» приказано расстреливать на месте. В городе – огромные очереди; разруха; открыто говорят о вещах, которые невозможно было представить несколько дней раньше. Открыто говорят о том, что «правительство уехало»; когда возьмут Москву; критикуют правительство, говорят об отступлении армии и т.д. Новости с фронта преплохие – от частных лиц, там побывавших. Газеты же другого мнения. Мнение населения Москвы en gros¹: Москва будет взята. Говорил с Кочетковым и согласился с ним: основное – не быть куда-нибудь мобилизованным. Самое досадное – быть погубленным

¹ в общем.

последней вспышкой умирающего режима. Ожидается всеобщая мобилизация. Я и Кочетков твердо решили никуда не ехать и не идти. Кочетков в своем домоуправлении заявил о своей эвакуации и с тех пор живет у жены, на Брюсовском переулке. Если получит мобилизационную повестку, то, во-первых, она придет не на Брюсовский, а по месту жительства, где его не будет, чтобы получить ее. Если же будут артачиться на Брюсовском, то он покажет свою справку об эвакуации (он ее сохранил) и скажет, что живет у жены, так как сегодня-завтра собирается с ней эвакуироваться. Если же его призовут, то и в военкомате он покажет справку об эвакуации — авось поможет... Я тоже рассчитываю на эту справку как способ предупредить мобилизацию на трудовой фронт, которая, быть может, будет проводиться по домоуправлениям, или на всеобщую, или куда. Во всяком случае, *je suis bien résolu à n'aller nulle part*¹. 99% всех людей, которых я вижу, абсолютно уверены в предстоящем окончательном поражении нашей армии и во взятии Москвы немцами. Вообще делается чорт знает что; колоссальное количество директоров предприятий, учреждений уехало, бежало; масса народа не получила ни шиша денег и ходят, как потерянные; все говорят о поражении и переворотах; огромные очереди; тут ходят солдаты с пением песен; тут какие-то беглецы с фронта... Сегодня шел снег и дождь. Москва живет в бреду. С одной стороны, газеты пишут о боевых трофеях, партизанской войне, героическом сопротивлении Красной армии, о том, что Москва всегда будет советской; с другой стороны, смещения в военкомандовании, речи Щербакова и Пронина, постановления и приказы; с 3^й стороны, народ говорит о плохом состоянии армии; приходит бесчисленное количество людей с фронта, говорящих о невооруженности армии, бегстве и т.д. А тут — марши по радио, «письма на фронт»... Недаром объявили осадное положение и учреждена военная власть с правом расстрела на месте. Все-таки, наверное, Москва *est virtuellement prise par les troupes du Reich*². Все это — и то, что выбрасывают на рынок муку и товары, — предсмертные судороги. Все зависит от фронта — как там положение. Все соглашаются на одном: такого еще никто

¹ я определенно и решительно никуда не собираюсь.

² практически взята войсками Рейха.

никогда не видел: неслыханного бегства и военных revers¹. Сегодня утром достал 1½ кг риса и 100 г масла. Завтра утром тоже постараюсь достать. Завтра же зайду в Союз писателей – там опять составляют списки отъезжающих – освежить воспоминание обо мне (в случае чего, при проверке, действительно ли я собираюсь эвакуироваться, меня нашли в списках). Да, вообще, сейчас il faut s'attendre à tout². Возможно, что захотят сделать «жест» и бестолково, нелепо мобилизуют всех на защиту города, хотя это и не спасет положения. Но я никуда не пойду – меня это не устраивает. Был на курсах ИНЯЗа – там все разбежались и нет занятий. Завтра буду узнавать насчет карточек. Но что делается в Москве! Атмосфера полнейшего поражения: «Наши сдавать города умеют; н-да, на это они мастера; взять бы город – это нет; а сдать, так это они умеют...» и все в таком духе и: «И Одессу взяли, и Ленинград, и Москву возьмут». Чудеса? Qui aurait cru³, что все так распоясаются? Сегодня звонила Валя, которой я написал. К7-28-41. Завтра буду ей звонить. Она работает на хлебопекарном заводе; возможно, что это мне поможет в смысле получения хлеба. Все уверены, что немцы возьмут Москву. Кажется, Сербинов не уехал. Пора спать; слипаются глаза, а завтра – рано вставать и идти в очередь. Все – бред. Главное – успешно избежать возможной мобилизации. Пора спать.

20/X-41

Последняя сводка: «На Западном фронте наши войска отбили несколько ожесточенных атак немецко-фашистских войск». Кроме того, появилось «Можайское направление» и Малоярославское. Гжатск взят, да и Можайск, по всей вероятности. Сегодня утром опять удачно достал продуктов: печенье 200 г, муки 1 кг и сахар 500 г, простояв в очереди не больше 45 минут (sic). Красота! Читаю «les Cloches de Bâle» Арагона – прекрасный роман. Страшно жалко, что не смог я достать в Библиотеке «les Beaux Quartiers», которые страшно хотелось перечитать, – очевидно, просто с

¹ поражений.

² всего можно ожидать.

³ Кто бы подумал.

собой увезли какие-то эвакуирующиеся. Досадно. Вчера был у парикмахера. Сегодня, по всей вероятности, встречу с Валей. Меня это интересует с хлебной точки зрения. Все-таки здорово, что Валя работает, — не то что я, дуралей, бью баклуши. К 9 часам пойду шамать в кафе «Москва» — если что-нибудь там будет. Печенья — хорошие, но вряд ли у меня хватит терпения хранить их — все съем, по всей вероятности. Кричит радио. На улице — серая слякоть. А здорово: *état de siège! Etat de siège... Automatiquement nous nous représentons des châteaux-forts, des chevaliers, des tournois et combats... Ah! c'en est loin, la réalité... Mais que diable, ça ne fait rien. Maintenant je rêve à un temps qui viendra, sans aucun doute, et qui m'apportera argent, conditions de travail, voyages, femmes... Mais je sais fort bien que quand ce temps-là arrivera, eh bien! au bout d'une certaine période tout, cela commencera à m'ennuyer, et je rêverai à d'autres formes de vie, à d'autres possibilités. Cependant il est sûr que le fait de prévoir l'inconnu et le futur ne m'empêchera pas de faire tous mes efforts pour atteindre des buts immédiats. Evidemment ces buts ne sont pas finaux — les buts à atteindre se rechangeant; mais on ne peut rien atteindre d'un saut — il faut gravir l'escalier; ces buts sont des marches. La radio continue de brailler. Ai envie de chier. Battra-t-on les Allemands. Ils ont pris Lvoff, Minsk, Kichineff, Kiev, Smolensk, Odessa. Ils sont en passe de prendre Moscou. En tous cas, il me semble que ce n'est pas nous qui les battons. Certains disent que Moscou sera prise vers les fêtes d'Octobre. C'est dommage que Mitia ait foutu le camp: il aura raté un temps très intéressant, un temps historique. Du reste il ne voulait pas trop partir — c'est son oncle qui a été nommé à l'Académie des Sciences d'Achkhabad. Hier, ai envoyé un télégramme-éclair à l'oncle pour qu'il m'envoie l'adresse exacte de Mitia. Les troupes anglaises et soviétiques quittent Téhéran. Il paraît que ces troupes vont défendre Bakou. Sur tous les fronts continue un combat acharné. Ai bien envie de recopier «Monsieur Teste» en entier. Le ferai si j'ai du temps. Et encore la désillusion prévue, l'ennui qui m'attend de l'entrevue avec Valia. Par téléphone, nos conversations sont animées, intelligentes, ainsi que par lettres; à se voir rien ne s'ajoute; au contraire, nous sommes contraints, etc; (genre «Porte étroite» de Gide).*

осадное положение! Осадное положение... Мы сразу воображаем крепости, рыцарей, турниры и битвы... Ах! действительность от этого весьма далека... Но, черт возьми, не беда. Теперь я мечтаю о времени, которое, несомненно, наступит и мне принесет деньги, условия работы, путешествия, женщин... Но я также отлично знаю, что наступит, а потом пройдет некоторый период, и все это мне начнет надоедать, и я начну мечтать об иных формах жизни, о других возможностях. Однако я уверен, что предвидение неизвестного и будущего мне не помешает всеми силами стремиться достигнуть ближайших целей. Конечно, цели не бывают конечными, цели сменяются, но ничего нельзя достигнуть одним махом, надо идти по ступеням, цели и есть ступени. Радио продолжает орать. Мне хочется поспать. Победим ли мы немцев? Они взяли Львов, Минск, Кишинев, Киев, Смоленск, Одессу... Они на грани взятия Москвы. Во всяком случае, мне кажется, что не мы их победим. Некоторые говорят, что Москва будет взята к Октябрьским праздникам. Очень жаль, что Митя удрал: он пропускает очень интересное время, историческое время. Кстати, он не хотел уезжать. Его дядя был назначен в Академию наук, в Ашхабад. Вчера послал телеграмму-молнию дяде, чтобы он мне послал точный адрес Мити. Английские и советские войска оставляют Тегеран. Говорят, эти войска будут защищать Баку. По всем фронтам продолжается ожесточенная борьба. Мне хочется переписать «Мосье Тест» целиком. Я это сделаю, если успею. И еще разочарование, предстоящая скука от встречи с Валеи. По телефону у нас очень оживленные, умные разговоры, также и в письмах. А когда встречаемся – ничего не прибавляется, наоборот, мы скованны и т.д. (вроде «Тесных врат» Жида).

21/X-41

Aujourd'hui matin ai acheté 1 kg. de farine, une boîte de conserves (crabes) et 3 boîtes de gaufres dont ai bouffé presque une et me prépare à entamer l'autre – à quoi bon garder? Je veux prendre du bon temps, et la seule façon de le faire est de bien se nourrir. Hier ai mangé les petits fours en entier. Au fond, on ne sait ce qui peut nous advenir demain; autant manger ce qu'on a de bon maintenant, quitte à le regretter plus tard; mais au moins on aura de quoi se souvenir – une espèce de «bon temps» gastronomique. Hier ai vu Valia. Elle travaille beaucoup

à son usine de pain. Elle traverse une période de crise morale: ne sait à quoi penser, qui croire, craint beaucoup les Allemands, parle de partir à pieds ou de s'empoisonner avec de la morphine, s'ils viennent à Moscou: son père était communiste, mais il est mort en 32. Qu'est-ce qu'elle a à craindre? Rien du tout. Je m'efforce de le lui expliquer. Je comprends fort bien les sources de sa dépression: elle est obligée de travailler et de ne pas étudier d'une part; d'autre part ce que racontent les journaux et la radio des Allemands l'effraie terriblement; d'un troisième côté, elle voit que la population de Moscou est loin d'avoir des idées patriotiques; elle voit des gens terriblement désorientés; elle entend des conversations pas très patriotiques. Tout cela la désoriente: elle ne sait qui croire, que penser de la situation et de l'avenir. Je m'efforce de la «regonfler»... Avons été au ciné où j'ai vu pour la seconde fois «l'affaire des Artamonoff». Ensuite nous nous sommes rencontrés avec Serbinoff qui n'est pas parti pour Tchéliabinsk. Il dit qu'il ne partira pas – plus – du tout. On verra. Lui affecte des manières supra-patriotiques. Il dit que les Allemands ne prendront pas Moscou. Si cela se pouvait? ... Mais j'en doute . Tout le monde doute de tout. Communiqué d'aujourd'hui: une nouvelle direction des attaques nazies au sud: Taganrog. Les Allemands marchent par Taganrog sur Rostoff— sur-le-Don. Au fond, ils sont formidables. Что-что, а драться, вести войну и наступать они умеют. Cela on ne peut le nier. Sur tout le front, ils continuent leur offensive particulièrement violente sur le Front Occidental et au Sud (Taganrog). Ceux – et nombreux avec qui j'ai eu l'occasion de parler, sont unanimes pour dire leur peu de confiance en l'aide que l'Angleterre et l'Amérique nous apportent. Parlers dominants: l'Angleterre mène une politique égoïste, son aide est lente exprès. La majorité croit que les Anglais attendent notre défaite ou notre victoire – pourvu que les Allemands perdent le plus de forces dans cette guerre sanglante; et alors, quand le moment sera venu et les pertes des troupes du Reich atteindront leur zénith, les Anglais attaqueront l'Allemagne en Europe. Cela se peut. Il faut bien dire que l'intérêt propre des Anglais est d'attendre les événements. Il est évident qu'en ce moment ils peuvent pour nous aider, effectuer une offensive en France, par exemple, ou en Belgique, mais ils subiront de lourdes perte. Pour eux, l'intérêt est d'obtenir le maximum de résultats avec le minimum de pertes. Il est évident que s'ils

attaquaient l'Europe, les Anglais auraient maintenant le maximum de succès avec le maximum de pertes. Mais toujours et encore la même question: Moscou sera-t-elle prise. Si les Allemands «coupent» Bakou, d'où les Rouges tireront-ils leur pétrole? Il y en a en Bachkirie (Oural) mais insuffisamment. On parle d'une grande industrie de guerre qui se crée à l'Oural, en vitesse. Pour la question du travail, je ne sais comment faire. Il faudra pourtant bien travailler un jour. Quand l'argent finira. Evidemment, ce serait très bien de s'installer dans une bibliothèque quelconque – par exemple à la Biblio des Langues Etrangères mais вряд ли это удастся – у них, наверное, полный штат. Quant à travailler à l'usine c'est évident que это совершенно мне не улыбается.

Сегодня утром купил килограмм муки, коробку консервов (кравов) и 3 коробки вафель, из коих съел одну и собираюсь начать вторую – к чему хранить? Я хочу радоваться, и единственный способ это делать – хорошо питаться. Вчера съел печенье целиком. В сущности, никто не знает, что будет завтра; и лучше съесть, что имеется вкусного теперь, даже если потом будешь об этом жалеть, по крайней мере, будет что вспомнить – вроде «гастрономического» наслаждения. Вчера видел Валу. Она много работает на своем хлебном заводе. Она переживает период морального кризиса, не знает, о чем думать, кому верить, и очень боится немцев, хочет бежать пешком или отравиться морфием, если они войдут в Москву. Ее отец был коммунистом, но он умер в 32 году. Чего же ей бояться? Нечего, абсолютно. Я стараюсь ей объяснить. Я очень хорошо понимаю причины ее хандры: с одной стороны, ей приходится работать, она не может учиться; с другой стороны, то, что пишут в газетах и передают по радио о немцах, ее очень пугает; с третьей стороны, она видит, что московское население отнюдь не патриотически настроено; она видит совсем растерянных людей; она слышит не очень патриотические разговоры. Все это ее путает, она не знает, кому верить, что думать о положении теперь и о будущем. Я стараюсь вдохнуть в нее силы... Были в кино, где я второй раз смотрел «Дело Артамоновых». Потом мы встретились с Сербиновым, который в Челябинск не уехал. Он говорит, что совсем больше не уедет. Посмотрим; он напускает очень патриотический вид. Он говорит, что немцы Москву не возьмут. Если бы это было так... Но я сомневаюсь. Все сомневаются во всем.

Сегодняшнее сообщение: новое направление нацистских нападений на юге: Таганрог. Немцы наступают через Таганрог на Ростов-на-Дону. В сущности, они замечательные. Что-что, а драться, вести войну и наступать они умеют. Этого нельзя отрицать. Они по всему фронту продолжают свое наступление, особенно сильное на Западном фронте и на юге (Таганрог). Те — и их много, с которыми мне приходилось говорить, единогласно мало доверяют помощи, которую нам приносят Англия и Америка. Главный смысл разговоров: Англия ведет эгоистичную политику; ее помощь нарочно медлительна. Большинство думает, что англичане ждут нашего поражения — или нашей победы. Главное, чтобы немцы потеряли возможно больше сил в этой кровавой войне и тогда, в нужный момент, когда потери Рейха достигнут своего максимума, англичане нападут на Германию в Европе. Это весьма возможно. Надо признаться, что в интересах англичан ждать, что будет. Совершенно ясно, что в данный момент они могут нам помочь, свершить нападение во Франции или в Бельгии, но они понесут много потерь. В их интересах добиться большего результата с наименьшими потерями. Ясно, что если бы англичане атаковали Европу, они добились бы сейчас большого успеха, но и понесли бы максимум потерь. Остается все тот же вопрос: будет ли взята Москва. Если немцы отрежут Баку, откуда красным брать нефть? Она есть в Башкирии (Урал), но недостаточно. Говорят о большой военной промышленности, которая очень быстро развивается на Урале. Что касается работы, я не знаю, как быть. Надо же будет когда-нибудь начать работать, когда деньги кончатся. Конечно, хорошо было бы устроиться в какую-нибудь библиотеку, например, в Библиотеку иностранных языков, но вряд ли это удастся — у них, наверное, полный штат. А работать на заводе — ясно, что это мне совершенно не улыбается.

Сербинов тоже ищет работу. Н-да. Читаю «Les Faux-Monnayens» — очень интересно. Хочется «зажухать». Сегодня кушал в кафе «Москва». Н-да. Сегодня, в 3 часа, я и Валя будем у Сербинова. Histoire de passer le temps.¹ Сегодня уезжает — во всяком случае, собирается уезжать — эшелон писателей в Ташкент через Саратов. Встретил Кашкина — пресимпатичный человек. Кочетков тоже не уезжает — едут в

¹ Просто чтобы время провести.

теплушках, и неизвестно когда доедут, и доедут ли вообще. That is uncomfortable, comme disent les Anglais. Très peu pour moi.¹

22/X-41

4 mois de guerre avec le Reich. Dernier communiqué: «Pendant la journée du 21 octobre, nos troupes ont combattu avec l'ennemi sur tous les fronts. Des combats particulièrement acharnés se déroulent sur le Front Occidental, où nos troupes ont repoussé de violentes attaques de l'ennemi». Les Allemands continuent² вводить в бой новые силы. Особенно сильный натиск – на Можайском направлении. С хлебом мои дела хороши – получил карточки, а по карточкам можно доставать безо всякой очереди белый, серый, черный хлеб по 400 гр. в день. Итак, хлеб пока что обеспечен; кроме того, Валя достанет сегодня-завтра (я ее попросил вчера, когда не знал о карточках) хлеба. Сегодня был в бане; suis propre comme un sou neuf³. Весь тон прессы – отстаивать каждый дом, улицу. Купил однотомник Лермонтова и «Гамлет» в переводе Пастернака. Вчера был в кино с Валею и Сербиновым. Целый день шатались по городу. Валя настроена пораженчески – т.е., что Москву, по всей вероятности, возьмут, а Сербинов уверен в противном. Дней 6–4 тому назад я был уверен, что Москву возьмут; теперь, à vrai dire⁴, не знаю, что и говорить, – как-никак, немцы еще не дошли до Москвы. Прорвутся ли они к ней через Можайск по магистралям? Интенсивное их наступление продолжается на юге, direction Taganrog – Rostov-sur-Don⁵. Неужели советские войска отстоят Москву и не дадут немцам овладеть ею? Не верится что-то мне в это: слишком наши люди дезорганизованы, да и техника хромает. Не верится. Впрочем, увидим. Все время известия: такого-то взяли, такого-то взяли... Гм...се n'est

¹ Это не комфортно (*англ.*), как говорят англичане. Это не для меня.

² 4 месяца войны с Рейхом. Последнее сообщение: «В течение дня 21 октября наши войска боролись с неприятелем на всех фронтах. Особенно жестокие бои состоялись на Западном фронте, где наши войска отбили страшные наступления противника». Немцы продолжают...

³ я чистенький.

⁴ по правде говоря.

⁵ в направлении Таганрога – Ростова-на-Дону.

guère rassurant. Enfin... n'anticipons pas.¹ У меня побаливают глаза из-за света электрического — в комнате, которую занимаю, нет дневного света, и много читаю. Сегодня-завтра пойду к главному врачу насчет очков — а то погублю глаза. Кроме того, постараюсь заказать 2^ю ключ от парадной. Сербинов хвастает о патриотизме, а сам рассказывает антиеврейские анекдоты... Хорошо! Валя повредила руку на заводе; я ей принес почитать книгу Ахматовой «Из шести книг». Валю, главным образом, беспокоит ее отчим: военный следователь; в случае прихода немцев, Валя боится, что ей из-за него не поздоровится. Думает ликвидировать сочинения Ленина; карточки же отца (партийный, умер в 32^м г.) сжигать жалеет. Я ей твержу не бояться ничего: все зависит от нее самой. Мне Лиля и Зина страшно надоели — но приходится с ними жить и на них рассчитывать. Да, глаза нужно будет лечить — я бы хотел, чтобы мне прописали очки, носил бы иногда, чтобы читать и носить ради шика. Увидим. Сегодня в 10 ч. 30 буду звонить Вале. Работы все не намечается. Н-да, pas bien fameux². Ну, ничего. Хоть книги хорошие, шамать есть что; кое-что денег, жить есть где, вещи.

23/X-41

Положение на фронте неизменно ухудшается. Советские войска оставили Таганрог. Идут бои немцев по направлению к Харькову. На Западном фронте немцы вводят в бой все новые и новые силы, стремясь прорваться к Москве. На отдельных участках им удается прорываться, и советские войска отступают. Крым отрезан, Донбасс — под непосредственной угрозой. Немцы стремятся к московским магистралям. Весь общий тон прессы — защита Москвы до последнего дома. Населению от этого сладко не придется. Дураки! Ведь главное — разбить немцев на подступах к Москве, не допустить к городу — а если они прорвутся, то глупо и не нужно защищать дома и улицы — это погубит город без цели. Сегодня утром достал печенья и конфет. Валя скисла, настроение у нее плохое из-за неопределенности ухудшающегося положения; она права в том, что «компания» — я, она и Юрочка —

¹ все это не очень утешительно. Ну, ладно... не стоит загадывать.

² не особенно хорошо.

ничем не связаны и что нам скучно (сегодня мы собрались у Юры, играли в карты, и, действительно, было скучно – очень). Она принесла мне хлеб: таки достала 1 кг белого, хорошего хлеба. Юрочка натрепался ей о том, что она мне надоела, что из-за хлеба и т.д. Естественно, она как умная девочка прямо мне об этом не сказала, но теперь меня же цитирует: старое надоедает и т.д. Тем не менее, хлеб принесла – хорошо, спасибо. Она почему-то очень повесила нос. Настроена она очень пессимистично – пораженчески. Конечно, положение отвратительное. Но к чему ей-то вешать нос на полку? Что, она думает, что ее изнасилуют немцы? Это – вздор. Ну, да х.. с ней. Я стараюсь ее утешить; она же думает, что я над ней смеюсь и «помогаю не от чистого сердца». Во всяком случае, завтра к 3 часам встретимся. Сегодня купил: стихотворения Надсона, Гофман «Новеллы», Дос-Пассос: «1919 г.» и «42^{aa} параллель». Юрочка все говорит о работе. Но какая сейчас работа? Не вижу, как мы будем жить при разбитых стеклах, без газа и электричества, без воды (когда будут разрушены МОГЭС, газзавод и водопровод). Н-да. Все куда-то норовят ехать. Томск, Казань, Ташкент переполнены (да и не только они). Нина Герасимовна укатила в Томск к дочке. Желаю ей доехать благополучно. Сегодня-завтра пойду к глазврачу. Тэк-с. Купил стихи Надсона. Читаю «Faux-Monnayeurs» Gide'a.

24/X-41

Продолжается *campagne de presse*¹ о защите Москвы. «Будет обороняться каждый дом» и т.д. Население призывается «бороться не только с вражеской пехотой, но и с танками». Чорта с два! С танками населению бороться! И вообще пытаются изобразить защиту Мадрида в 38–39^м гг. и «гражданскую». Заместитель начальника Совинформбюро заявил в очередной пресс-конференции иностранных корреспондентов о том, что часть правительства, ряд наркоматов, Совинформбюро и дипломатический корпус находятся в Куйбышеве. По его словам, «Государственный Комитет Оборона во главе с тов. Сталиным находится в Москве». Лозовский заявил, что «переезд части правительства и ряда

¹ кампания прессы.

наркоматов в Куйбышев ничуть не означают ослабления воли и решимости оборонять Москву». Н-да. Куйбышев (б. Самара) находится на Волге. Крупный центр, подальше и Казани и Саратова, на солидном расстоянии от Москвы. Оттуда можно куда угодно уехать. Говорят о том, как «женщины будут подносить ящики с патронами бойцам, с оружием в руках» и т.п. Смутно напоминает «la défense de Paris» en 1870, la commune... Mais je parie que les rouges ne seront pas foutus de remporter des succès décisifs, en ce qui concerne Moscou. Ce n'est pas pour rien tout de même, que nombre de commissaires du peuple, une partie du gouvernement et le «corpus diplomatica» sont partis en douce à Kouïbycheff. Le danger est la défense de «chaque rue», «chaque moscovite doit être soldat», etc. Je vous en foutrai! Des clous et de la peau. Continue à lire «Les Faux-Monnayeurs» En novembre, le 7 et le 8, ce sont les fêtes d'octobre (24e année de Révolution). Les Allemands voudront entrer à Moscou avant ces dates-là, j'en suis sûr; ils aiment l'effet. L'effet serait bœuf... En effet. Prendra, prendra pas. En tout cas la population urbaine n'en mène pas large, à l'idée de défendre Moscou. On verra. Ai acheté 1 kg. de raisins secs, 1kg. de pommes. Ouais. Vache de bombardement aérien hier, que j'ai passé aux chiottes profondes et élégantes de la place Pouchkine. Et il paraît que ce n'est encore rien. Hum... verrai probablement Serbinoff aujourd'hui et Valia. Tâcherai d'aller chez le docteur oculaire à la clinique de rayon, si j'en ai le temps. Dois encore aller à la poste, voir s'il n'y a rien, poste restante, pour moi.

защиту Парижа в 1870, коммуну... Но я держу пари, что красные не сумеют одержать решающих успехов даже на подступах к Москве. Недаром все же большое количество народных комиссаров, часть правительства и «дипломатический корпус» потихонечку удрали в Куйбышев. Опасно заявление, что оборонять будут «каждую улицу», «каждый москвич должен стать солдатом», и т.д. На х.. вас всех. Ни хрена не дам. Продолжаю читать «Фальшивомонетчиков». 7^{ми} и 8^{ми} — Октябрьские праздники (24^и год Революции). Немцы захотят вступить в Москву до этих дат, я в этом уверен. Они любят эффект. А эффект будет огромный... Действительно. Возьмет — не возьмет. Во всяком случае, московское население сейчас не особенно храбрится насчет обороны Москвы. Посмотрим. Купил 1 кг изюму,

1 кг яблок. Да-с. Сильнющая бомбардировка вчера, я провел все время в глубоком и элегантном сортире на Пушкинской площади. А говорят, что это еще только цветочки. Гм. Вероятно, сегодня увижу Сербинова и Валю. Постараюсь пойти к районному глазнаку, если успею. Должен еще пойти на почту, узнать, нет ли почты для меня, до востребования.

26/X-41

24го вечером позвонил А.С.Кочетков и предложил мне включиться в эшелон на Ташкент — последний эшелон писателей. 25го я пошел в главный почтамт, где нашел телеграмму из Ашхабада, содержащую точный адрес Митьки. Он — в Ашхабаде. Тут я решил ехать, тем более, что 25го числа вышло постановление, обязывающее все трудоспособное население выйти на строительство кольца оборонительных укреплений вокруг Москвы. Поскольку я знаю, где Митька; поскольку едет Кочетков и мы поедем вместе; учитывая то, что решили ожесточенно биться за город (строятся баррикады), и то, что всех посылают на строительство укреплений, я счел целесообразным включиться в список эшелона на Ташкент. Думаю доехать до Ташкента, а там, если Кочетков поедет в Ашхабад, поехать с ним: нужно же куда-нибудь прийтнуться. Потом, страшно хочется увидеть Митьку. Конечно, много «но»: посадка, еда во время путешествия, возможность быть разбомбленным и плестись пешком неизвестно куда; неизвестно, где буду жить в Средней Азии, что буду делать... Но нужно рискнуть; здесь, в Москве, все слишком грозно; грозит физическое уничтожение... Кроме того, поеду я не один; это уже очень много. Авось будет какая-то помощь. Конечно, очень горько покидать столицу, Валю, свою комнату, покой кровати... Но нечего делать, нужно: здесь никого не останется, вот в чем дело: будет пальба, солдаты, и ни души, и бомбежка. Вещей я беру сравнительно мало, обременять себя нельзя; но все любимые книги везу с собою. Во всяком случае, едем не в теплушках, и то хлеб. Надеюсь, что поеду в одном вагоне с Кочетковым. Ехать надо, непременно. Конечно, доехав до Ташкента, будет очень досадно, если придется двинуть куда-нибудь в другое место, чем Ашхабад, — ведь там человек, наиболее мне близкий друг из всего СССР — Митька! Но ничего, увидим. Возможно, что

Кочеткову придется ехать в Алма-Ату, а как мне одному в Ашхабад? Бесспорно, рано об этом говорить. В Ташкенте не прописывают; Ташкент рассматривается как переплавочный пункт. Н-да. И все же я верю в какое-то светлое будущее или, по крайней мере, в счастливые моменты... Привилегия юности? — Быть может, но *avoquez que ça aide à vivre*¹. Кончится же когда-нибудь эта война... Конечно, шикарно было бы попасть в Ашхабад и увидеть Митьку. Но я на это не рассчитываю. А впрочем, все может быть. Итак, опять, вновь прощай, любимый комфорт, одеяла, стол и комната, родная, несмотря на все, уютная Москва! Опять вокзалы, опять — неизвестность и тяжелые бытовые условия; но все же я буду не один; если бы Кочетковы не ехали, я бы вряд ли поехал. Как я любил Москву, свою комнату, покой, несмотря на бомбежки! И опять приходится это покидать. Что за судьба! Но бояться не надо — от веры и воли — *victoire*². Насчет положения на фронте факт тот, что немцы потерпели неудачу у Ленинграда — там контратакует *Red Army*³. И у Калинина плохи дела немцев. И все же на наисущественнейшем направлении — московском, западном — им удастся продвигаться в результате ожесточенных боев. Вполне возможно, что Москва сумеет остановить наступление немцев, как сумел это сделать Ленинград. Хотя, конечно, там флот помогал... Видел Валу. Она крайне отрицательного мнения об англичанах: мол, не помогают, ведут эгоистическую политику. Она — пораженка и пессимистка. Говорит, что скоро уйдет с хлебозавода, и не будет шиша бить, и достанет справку об эвакуации, чтобы ее считали эвакуированной и не надоедали с разными мобилизациями. Если ей это удастся сделать, то это будет ловко. Она мне советует уезжать, — конечно, *nuance de «ce que moi, je reste à Moscou, toi tu peux partir si tu as peur», mais je m'en fous. Au moins, il n'y a point à craindre le froid à Tachkent et environs*⁴; и потом, не бомбят... Конечно, я страшно хочу остаться в Москве, но ведь это невозможно!

¹ признайтесь, что это помогает жить.

² победа.

³ *Здесь и далее*. Красная армия (англ.).

⁴ с оттенком, что «я остаюсь в Москве, ты же можешь уезжать, если боишься», но мне наплевать. По крайней мере, можно не бояться холода в Ташкенте и окрестностях.

Хочется плакать, хочется к чорту бросить все и не уехать. Но это противоречит разуму. Вчера послал телеграмму Митьке о том, что выезжаю в Ташкент; *séci engage*¹... Еще никто не знает, когда отъезжает эшелон; по всей вероятности, завтра или послезавтра. Ехать так ехать. *A Dieu Vat*. Продолжу этот дневник, очевидно, уже в вагоне. Милый, любимый дневник!

27/X-41

Всё еще не уехали; да и уедем ли? Положение на фронте неизменно ухудшается: на Западном фронте немцы медленно, но все же продвигаются; на Юго-западе взят город Сталино (Донбасс), да и, очевидно, Харьков также. Видел Кочеткова. Еще даже неизвестно, в какой именно город направится эшелон, — выясняют, где пропишут эвакуированных. Нам с Кочетковым все равно, где слезть, лишь бы это было в Средней Азии, откуда мы сможем «драпануть» в Ашхабад... Отъезд представляется мне каким-то нереальным. Вещи-то у меня готовы. Сегодня должны окончательно узнать, куда именно направляется эшелон. Записано очень много человек: около 250. Возможно, что поедем на Алма-Ату. Для меня основное — постоянно держать связь с Кочетковыми. Звонил Вале; она очень удивлена, что я уезжаю, и в душе — против этого отъезда. Она бросает работу: по всей вероятности, у нее процесс в легких. Все боятся, что уезжать поздно, что разбомбят. Сегодня должны узнать сроки отъезда. Если эшелон направляется не в Ср. Азию, то мы этим эшелонном не поедем. Ехать, конечно, нужно. И все время эта грызущая сердце тоска по Парижу; во что он превратился, будет ли он когда-нибудь тем, что был? — Вот вопросы. Ну, скоро пора идти в Союз. *J'ai l'impression*², что сегодня еще ничего не выяснится. Сегодня в 7 часов должен звонить Вале и сообщить ей, что выясняется насчет отъезда. Противно, что столько народу — и я не член Союза писателей, и меня могут эвакуировать в последнюю очередь. Кочетков рассказывает, что МГУ эвакуируется в Ашхабад. Пора в Союз. Валя не верит в то, что я поеду...

¹ это обязывает.

² У меня впечатление.

Le même jour¹

Эшелон отправляется, по-видимому, послезавтра. Организуется продажа в вагонах хлеба, колбасы, сахара и конфет по коммерческим ценам. Мешкают они с отъездом. Звонил Вале в 7 ч. Она убеждает не ехать; говорит, что мне там будет плохо, вернуться уж не смогу, буду жалеть... Очень ей не хочется, чтобы я ехал. Да и мне не хочется страшно ехать: а вдруг надо было именно здесь оставаться? Но я все же поеду. Нужно рисковать — да и кроме того, я приближусь к Митьке. Конечно, перспектив мало; но Азия, близость Персии, Митька... Нужно рискнуть! *Que m'en coûte-t-il? Pas grand'chose.*² Кочетков советует ехать, Валя советует не ехать. Как выбрать? «Своя голова» — это превосходно, но годится не всегда. Читаю прекрасную книгу Арагона «Базельские колокола». И потом навязчивый вопрос: где ближе будет культура, заграница, Европа — здесь, в Москве, или там — в Азии? Ашхабад... Это близко к Ирану, Сирии... А Сирия — под мандатом де Голля; Ирак — англичане... Конечно, какой с них толк, спрашивается, да и до Ашхабада нужно еще доехать. Дело в том, что вся культурная жизнь выкачана из Москвы... Говорю я: «Столица, столица...» — а какой с нее толк, если все умные люди выехали, и останутся войска, Валя и я... Нет, бесспорно, рискнуть надо... Авось кое-что из этого и выйдет. Боюсь, что Москва потеряет роль и первое место.

28/X-41

A midi, alerte aérienne. En plein jour, c'est la 1ère alerte aérienne de toute la guerre («genre» ça s'est-y jamais vu). Etais au café rue Vorowsky quand ça a commencé à péter. Maintenant suis à mon quatrième étage; malgré l'alerte, ne descends pas à l'abri; je n'aime pas les abris. Au café, n'ai même pas eu le temps de finir mon café. Dommage. Eh ben, mon pote, si ça commence, les attaques aériennes en plein jour... Tout le monde a une trouille intense. Aujourd'hui, la journée ou le soir on doit apprendre quand «exactement» (sic) doit partir le train pour Tachkent, et le pourquoi du comment. A en juger par les journaux, les Allemands ne réussissent qu'en direction de

¹ Тот же день.

² Что я теряю? Ничего особенного.

Kharkoff (Ukraine); en direction de Moscou, il paraît que nos troupes, non seulement résistent à l'offensive, mais aussi contreattaquent, avec succès. Ça pète vachement fort à côté. Curieuse parallèle: je me «termine» en octobre 1941 exactement comme je le faisais les derniers mois à Paris. La réaction est la même: à la veille de bouleversements énormes, je fais tout mon possible pour «m'en payer» pour la «dernière fois». En 39 je fais les cafés et les cinés de Paris; en 41 je fais les cafés et cinés moscovites. Différence purement géographique. Ouais. C'est qu'il est vrai que je suis à la veille d'un départ qui changera tout le cours de ma vie... Evidemment c'est un peu effrayant ces départs-là, mais partir, il le faut. Au fond, à vrai dire, je pars surtout dans l'espoir de voir Mitia. Je veux le plus possible égaliser mon destin au sien. Nous sommes trop liés pour se quitter définitivement. Et malgré tout, je garde l'espoir qu'on se reverra. Mitia et moi sommes deux types absolument extraordinaires; des exemplaires rares, curieux et originaux; il s'ensuit que nous devons être ensemble, là où il y a groupe – il y a force; et puis nous sommes «amis d'enfance». Nous avons eu tellement d'intérêts communs, d'affinités que nous ne devons pas nous perdre de vue. Une autre question c'est si je parviendrai, non seulement jusqu'à Ashchabad, mais à Tachkent etc. etc. Mais il faut tenter pour voir. Ça continue à péter à côté. Sacrée guerre. J'ai l'impression d'emporter beaucoup trop de livres. A quoi me serviront-ils? Bah!... A vrai dire, je ne vois ni ce voyage ni cette Asie. Suis en train de lire des «nouvelles fantastiques» d'A. Grinn – C'est excellent. Ai envie de chier. («Je vais me faire chleuh!»)

В полдень воздушная тревога. Среди бела дня это первая воздушная тревога за всю войну («в стиле» – неслыханное что-то). Был в кафе на улице Воровского, когда начало трещать. Теперь я уже на своем четвертом этаже, несмотря на тревогу, я не спускаюсь в бомбоубежище; я не люблю бомбоубежища. В кафе я даже не успел допить свой кофе. Жаль! Да, старик, если вот так начнутся воздушные налеты, среди бела дня... Все страшно напуганы. Сегодня, днем или к вечеру, мы узнаем, когда «точно» (да, да) поезд уходит в Ташкент, да и вообще, что и как. Судя по газетам, немцы преуспевают только в направлении Харькова (Украина); в направлении Москвы, говорят, наши войска не только сопротивляются атакам, но

даже успешно контратакуют. Здорово трещит совсем рядом. Странная параллель: я «оттягиваюсь» в октябре 1941 точно так же, как я это делал в последние месяцы в Париже. Реакция одинаковая: накануне огромных пертурбаций я делаю все возможное, чтобы в последний раз всю наслаждаться. В 39 я хожу по кафе и кино в Париже, в 41 я хожу по кафе и кино московским. Разница только географическая. Вот... А ведь действительно я нахожусь накануне отъезда, который переменит весь курс моей жизни. Конечно, такие отъезды немного пугают, но ехать надо. В сущности, по правде говоря, я ведь уезжаю, главным образом, в надежде встретиться с Митей. Я хочу, насколько это возможно, приблизить свою судьбу к его судьбе. Мы слишком связаны друг с другом, чтобы окончательно расстаться. И несмотря ни на что, я надеюсь, что мы встретимся. Мы с Митей совершенно необыкновенные, мы редкие экземпляры человеческой породы, странные и самобытные. Следовательно, мы должны быть вместе; там, где есть группа, есть сила; к тому же мы друзья детства. У нас было так много общего, интересов, вкусов, что мы не должны терять друг друга из виду. Другой вопрос, смогу ли я добраться не только до Ашхабада, но даже до Ташкента, и т.д. и т.д. Но надо попробовать, чтобы увидеть. Продолжает сильно трещать совсем рядом. Чертова война! У меня впечатление, что я беру с собой слишком много книг. К чему они мне там? Да ну! По правде говоря, я не могу себе представить ни эту дорогу, ни эту Азию. Читаю сейчас книгу «Фантастические новеллы» А.Грина. — Прекрасно. Хочется срать. («Скоро я стану срулем!»)

30/X-41

Ecris dans le train de Tachkent. Le 28 fut une journée de bombardements très intenses de la capitale soviétique. A quatre reprises l'alerte aérienne fut donnée (deux fois le jour, deux fois la nuit). Pendant le jour, sans alerte aucune, deux bombes furent jetées: l'une tomba sur la place Swerdloff, près du Grand Théâtre, dans la façade duquel elle fit une grande brèche; il y eut des victimes. La seconde bombe tomba en pleine rue Gorki, près du Télégraphe et du «magasin diététique», faisant beaucoup de victimes. Vitres brisées, fenêtres foutues au diable. J'étais justement dans le quartier, mais heureusement, je n'ai pas souffert. C'étaient des bombes explosives. Après le bombardement, la rue Gorky était noire d'un monde curieux et avide de spectacle. Il y avait là des troupes et des miliciens...

Ce qui fit beaucoup d'impression et flanqua la peur à beaucoup, fut le fait que ces bombes tombèrent sans que l'alerte aérienne fut donnée. Et tout cela par un beau temps sans pareil: radieux, limpide, avec ciel bleu et petits nuages à la Watteau... La nuit, en raison du clair de lune, le bombardement fut intensif. On en flanqua un coup à la rue Merzliakowsky. Toutes les vitres ou presque de notre maison furent brisées, hormis les nôtres. L'alerte dura longtemps – huit heures. Je descendis dans l'abri, car ça pétait très fort dans les environs, mais las et fatigué par une position inconmode, je remontais au bout de deux heures et me couchais sans autre forme de procès. Le 29, par un beau temps exclusif et pendant que je conversais avec mon cousin Kott, brusquement on me téléphona de l'Union des Ecrivains, en me demandant si je veux, le même jour, partir en wagon Pullmann. «Nature», je répondis oui, bâclais mes affaires et fus à la gare de Kursk à 2h30, ainsi qu'on m'avait dit. En tout se ramenèrent 35 personnes, dont Kotchetkoff, sa femme et la petite vieille. Le train ne partit qu'à minuit; on put y entrer seulement à 10h30. Comme de juste, l'alerte fut donnée au moment où nous avions foutu tous les bagages sur le perron (vers 7 h.). Tout le monde s'en fut au prochain abri; restâmes à garder les bagages moi et un jeune homme fort sympa qui accompagnait sa mère. Tout le temps de l'alerte se croisèrent au-dessus de nos têtes les feux des projecteurs; éclataient des bombes sans cesse. Les canons anti-aériens, la DCA et les mitrailleuses installées sur les toits des maisons faisaient un chambard formidable. Dans l'air très froid volaient de dangereux éclats de bombes explosives. Les Allemands bombardaient ferme, et le quartier de la gare s'en ressentait. Pour le moment, nous sommes à quelques 120 km de Moscou, nous ne sommes pas encore sortis de la zone dangereuse. Il y a ici un ami des Kotchetkoff, Derjavine. Au fond on ne sait encore trop où l'on ira. Il se peut que Kotchetkoff aille à Alma-Ata, où il a des possibilités de travail rémunérateur. Mais il est encore assez tôt pour parler de «l'avenir en Asie», nous n'y sommes pas encore arrivés. On peut encore être mille fois bombardés, etc., etc. Le train va lentement: «Qui va piano va sano»... Ouais! C'est pas le moment de le dire. Le chic c'est que j'ai pris «Les Beaux Quartiers», Corneille, Racine, Essénine, Dos Passos, Akhmatova, Gide (Les Caves du Vatican), «Les Cloches de Bâle» en russe. Par exemple, nous ne sommes pas du tout dans un

Pullmann; il n'y a pas grand-chose à bouffer et à boire; pour se laver c'est toute une longue histoire, car dans le wagon, il n'y a pas d'eau. A chaque station on court chercher de l'eau chaude. C'est ancestral mais je suis très bien installé pour dormir. Je n'ai pris que mon manteau chaud, et comme chaussures je n'ai que mes demi-bottines en fait.... Ainsi le 28 octobre, à minuit, par la gare Kourskaïa, je suis parti à destination de Tachkent (Uzbekistan). «Ce qui résulta de ce départ» (comme dans les feuillets) vous le verrez dans le prochain № de...

Пишу в ташкентском поезде. 28ое был день очень сильных бомбардировок советской столицы. Четыре раза была воздушная тревога (два раза днем, два ночью). Днем, без всякой тревоги, были сброшены две бомбы: одна попала на площадь Свердлова, около Большого театра, в фасаде которого она образовала большую брешь. Были жертвы. Вторая бомба упала в самую середину улицы Горького, около телеграфа и диетического магазина, унеся много жертв. Разбитые стекла, окна полетели к черту. Я как раз был в этом районе, но, к счастью, не пострадал. Это были разрывные бомбы. После бомбардировки на улице Горького было черно от народа — любопытствующих и жаждущих зрелища людей. Были тут военные и милиционеры... Что произвело сильное впечатление и многих напугало, это то, что эти две бомбы упали до того, как дали тревогу. И все это в ослепительно хорошую погоду: ясную, прозрачную, с голубым небом и облачками, как у Ватто... Ночью, ввиду лунного света, бомбардировка была сильная. Здорово досталось Мерзляковскому. Все стекла нашего дома, или почти все, разбились, кроме наших. Тревога длилась долго: 8 часов. Я спустился в бомбоубежище, так как здорово трещало вокруг; но устав и утомившись от неудобного положения, я через два часа вернулся наверх к себе и просто лег спать. 29ое, в исключительно хорошую погоду и, пока я разговаривал с моим кузенком Котом, вдруг мне позвонили из Союза писателей, спрашивая, хочу ли я, в тот же день, ехать в пульмановском вагоне. «Еще бы, конечно», — ответил я, наскоро собрался и явился на Курский вокзал в 2.30, как было велено. Всего явилось 35 человек, в их числе Кочетков с женой и старушкой. Поезд ушел только в полночь; смогли в него войти только в 10.30; как и следовало ожидать, забили тревогу в тот момент, когда мы сбросили весь багаж на перрон (около 7 ч.) Все ушли в ближайшее бомбоубежище; остались смотреть за багажом я и молодой, очень симпатич-

ный парень, который провожал мать. Все время тревоги над нашей головой сверкали перекрестные лучи прожекторов, все время разрывались бомбы. Противовоздушная оборона и пулеметы, устроенные на крышах домов, трещали с невероятным шумом. В очень холодном воздухе летали опасные осколки разрывающихся бомб. Немцы бомбили основательно, это чувствовалось во всем районе вокзала. Сейчас мы находимся в каких-нибудь 120 км от Москвы, мы еще не выехали из опасной зоны. Здесь есть знакомый Кочеткова, Державин. В сущности, мы еще точно не знаем, куда поедем. Может быть, Кочетков поедет в Алма-Ату, где у него есть возможность хорошей зарплаты. Но еще рано говорить о «будущем в Азии», мы еще туда не добрались. Нас еще тысячу раз могут разбомбить и т.д. и т.д. Поезд идет медленно: «Тише едешь, дальше будешь» (итал.) Действительно ли? Сейчас об этом говорить не время. Шикарно, что я взял с собой «Богатые кварталы», Корнеля, Расина, Есенина, Дос Пассоса, Ахматову, Жида («Подземелья Ватикана»), «Базельские колокола» по-русски. Но мы, кстати, вовсе не в пульмановских вагонах; жрать немного и пить тоже: чтобы вымыться, это длинная история, так как в вагоне нет воды. На каждой станции выбегаешь за кипятком. Допотопно! Зато я очень хорошо устроил себе спальню. Я взял с собой только теплое пальто, а из обуви у меня только мои полуботинки... Итак, 28го, в полночь, с Курского вокзала я выехал в направлении Ташкента (Узбекистан). «Что выйдет из этого отъезда», вы узнаете (как в фельетонах) в следующем номере...

31/X-41

Продолжаю летопись нашего путешествия. Вчера в 5 часов приехали на ст. Михайлов, из которой не выезжаем уже 17 часов. Стоим на станции. В поезде 10 вагонов: 8 вагонов — международных — содержат также эвакуирующихся в Ташкент профессоров Академии наук, научработников ВКВШ — все очкастая, vénérable¹ интеллигенция с тюками. 9^й вагон — Союз писателей; 10^й — НКПС. Мы пропускаем вперед какие-то воинские эшелоны с солдатами, автомашинами. Сколько еще мы простоим таким манером — неизвестно. Все утро таскали ведра воды, которые выливались через крышу; таким образом удалось вымыться. По общему признанию, я — са-

¹ почтенная.

мый элегантный человек состава. По списку получили хлеб (черный) на весь вагон. Хорошо. Итак, застряли. По крайней мере, хорошо, что вымылся и вычистил зубы, — неизвестно, когда придется вновь произвести эту двойную операцию. Державин напился, и вчера произошел инцидент с Макаровым — молодым критиком. Державин объявил презрение Макарову как беглецу — мол, «должен был остаться в Москве и крутить ручку пулемета» — в пьяном виде, впрочем. Конечно, мы теперь отрезаны от Москвы и не знаем о ней ничего. Еще хорошо, что пока не разбомбили состава. Читаю «Les caves du Vatican» и «Фантастические новеллы» А.Грина. Вообще-то говоря, читать есть что. Итак, мы в Михайлове сидим, пропуская воинские эшелоны. Старушка Меркурьева кряхтит, кашляет, умирает. Боюсь, что она умрет в дороге. Отчего ее взяли Кочетковы? Пока я одолжил читать из моих книг: «Les Beaux Quartiers» — Александру Кочеткову, «Рассказы и фельетоны» Ильфа и Петрова — старушке, «Базельские колокола» — коменданту нашего вагона Лапину. Все страшно хотят поскорее выехать из опасной зоны — а тут, как на грех, застряли. По списку получу полбуханки хлеба. Лапин носитя со списком. Я удовлетворен вполне тем, что не бомбят, что есть «шамовка», что вымылся и нахожусь в относительном комфорте и имею возможность читать и писать. И то хлеб (полбуханки).

Le même jour

Ne sommes toujours pas partis de ce Mikhaïloff. Une demi-douzaine de trains militaires nous ont dépassés; pleins de soldats très sales, de foin, de sacs de farine... Il paraît que la voie est libre mais nous n'avancons pas pour des raisons militaires — on craint fort le bombardement. Les soldats racontent des histoires de tir à la mitrailleuse des aviateurs allemands sur les trains. Le train entier, (le nôtre) a fort peur du bombardement et des mitrailleuses allemandes. Le fait est que nous sommes entrés dans une bande de territoire, très près du front. Il se peut fort que notre train ait à subir des épreuves très dures. L'ennuyeux c'est de rester sur place à attendre les événements... hum... pas jolis, jolis. La majorité du public ne fait que parler de l'éventualité d'un bombardement. Moi je suis «préparé» en ce sens que j'ai un sac avec deux pains, deux boîtes de conserves, mon journal, un couteau... Tout cela me semble à la fois puéril et tragique. Je ne

regrette absolument rien, — car j'ai appris à mes dépens l'inutilité absolue des rappels du passé, — rappels qui ravagent le cœur, sans rien lui donner. Je me suis engagé dans l'aventure; pendant que je suis vivant et «frais», je regarde les événements auxquels je suis mêlé, avec l'intérêt objectif, «historique» dirai-je même, d'un témoin presque indifférent. En ce qui me concerne personnellement, je compte sur l'aide de la Providence. Il paraît qu'on a bombardé à quelques arrêts d'ici... L'intérêt que les gens ont pour le macabre; l'avidité de détails sinistres; la volonté d'un masochisme qui entraîne automatiquement des réflexions communes et plaintives; tout cela m'est profondément haïssable chez 99% des messieurs-dames. Je ne m'inquiète pas de savoir si je parviendrai jusqu'à Moscou-Tachkent — il me suffit de savoir que je suis vivant et bouffant. D'autre part, je ne suis pas seul, alors... Derjavine est un type bien mais un tant soit peu alcoolique. Volonté de critique, provenant d'un esprit lucide et sévère qui entre en collision avec la nécessité d'être en contact matériel avec les objets de l'acuité de mon regard. J'apprends peu à peu à être hypocrite. Il y a quelque temps je voulais être franc; je vois que c'est impossible; il faut faire l'imbécile pour réussir. Mitia l'a très bien compris.

Тот же день

Мы все еще не уехали из этого Михайлова. Нас обогнали полдюжины военных поездов, наполненных очень грязными солдатами, сеном, мукой... Говорят, что путь свободен, но мы не продвигаемся по военным причинам — очень боятся бомбардировки. Солдаты рассказывают истории пулеметных обстрелов поездов немецкими летчиками. Весь поезд (наш) ужасно боится бомбардировки и немецких пулеметов. Факт тот, что мы вошли в полосу территории, очень близкой к фронту. Вполне возможно, что наш поезд подвергнется очень тяжелым испытаниям. Весьма неприятно стоять на месте и ждать событий... гм... не особенно пригожих. Большинство публики только и говорит о возможности бомбардировки. Я лично «подготовлен» в том смысле, что у меня есть сумка, в ней две буханки хлеба, две банки консервов, мой дневник и нож. Все это мне кажется и детским и трагичным. Я абсолютно ни о чем не жалею, я знаю по собственному опыту абсолютную тщетность напоминаний о прошлом — напоминания эти раздражают сердце и ничего не дают. Я пустился в авантюру; пока я жив и «свеж», я рассмат-

риваю события, в которые я замешан с объективным — скажу даже, «историческим» — интересом почти равнодушного свидетеля. Что касается меня лично, я рассчитываю на помощь Провидения. Говорят, бомбардировка была в нескольких остановках отсюда. Интерес людей ко всему мрачному, жадность к отвратительным подробностям, стремление к мазохизму, которое автоматически ведет к банальным и жалобным высказываниям, — все это я глубоко презираю у 99% этих господ и дам. Я совершенно не волнуюсь, доеду ли я по направлению Москва–Ташкент. Мне достаточно знать, что я жив и могу жрать. С другой стороны, я не один, и поэтому... Державин — хороший тип, немного пьяница. Стремление к критике, происходящее от ясного и строгого ума, которое приходит к необходимости материального соприкосновения с объектами остроты моего взгляда. Я мало-помалу учусь лицемерию. Некоторое время назад я хотел быть откровенным; я вижу, что это невозможно; надо изображать дурака, чтобы преуспевать. Митя это очень хорошо понял.

1/XI-41

Hier après 24 heures d'arrêt, notre train a quitté la station de Mikhaïloff. Clopin-clopat, se traînant, après de nombreux arrêts, le train est parvenu à la station de Paveletzk. Là, mon pote, il est sûr que l'arrêt durera au moins 24 heures, sinon plus. La gare est encombrée d'un nombre incalculable de trains les plus divers. De Paveletzk, le train ira à l'est: ou bien en direction de Saratoff, ou bien de Riajsk, ou Kouïbycheff. Ce voyage, il me semble bien qu'il durera un bon bout de temps. J'ai la ferme impression qu'à Paveletzk, «une des stations tournantes» de notre voyage, nous resterons beaucoup de temps. Tout le monde est allé chercher de l'eau chaude, sautant à travers les nombreux convois. Je t'en fous — j'ai pas du tout envie d'y aller, pour faire le poireau. Et puis c'est assez risqué. Moi je suis bien pépère dans le wagon. Il se peut que j'irai tout de même, histoire de voir un brin ce qui se passe. La Russie est décidément absurde, elle est très sale, surtout... Il faudra bien finir par sortir. Ainsi je suis parti de Moscou pour l'Asie, exactement un mois après mon retour de la Tatarie. Pendant ce mois, j'ai pas mal vécu; comme livres ai acheté: Mallarmé, Baudelaire, Essénine, Akhmatova, Dos-Passos, Ilf et Petroff, Swift; ai mangé, je puis le dire, royalement; suis allé au ciné et au théâtre, ai vu Valia, ai touché quelque

argent. Autrement dit je m'en suis payé. Au fond je ne sais pas du tout si cette Asie me conviendra et même si j'y parviendrai, mais du moins saurai-je que dans une période excessivement difficile, à Moscou, j'aurai vécu largement et à ma guise, ce qui est déjà fort excellent. Et maintenant «après le festin», je laisse faire les événements... Après tout, il se peut qu'on en sorte, de tous les pétrins... Le voyage durera très longtemps mais du moins saurai-je qu'à chaque nouvelle station, nous nous rapprochons de l'Asie, donc de mon meilleur ami Mitia. Et puis c'est l'aventure, et pendant que cette aventure n'est pas trop mauvaise, je ne m'en fais pas. Asie Orientale... Ouais... C'est pas trop mal; — on verra.

Вчера, после остановки, которая длилась 24 часа, наш поезд покинул станцию Михайлов. Еле-еле, через пень-колоду продвигаясь вперед, после многих остановок он достиг станции Павелецк. И тут, друг мой, можно быть уверенным, что остановка продлится минимум 24 часа, а то и больше. Вокзал забит бесчисленным количеством самых разных поездов. Из Павелецка поезд пойдет на восток — или в направлении Саратова, Ряжска, или Куйбышева. Мне думается, что путешествие это будет долгое. Я почти уверен, что Павелецк — «одна из ключевых станций» нашего пути, мы здесь продержимся долго. Все пошли за кипятком, перепрыгивая через различные составы. К черту! Мне совсем не хочется идти, чтобы там часами стоять в очереди. Кроме того, это довольно рискованно... Я здесь уютно сижу в своем вагоне. Возможно, я все-таки пойду, хотя бы чтобы что-нибудь увидеть из того, что происходит. Россия, в конце концов, абсурдная страна, а главное, очень грязная. Придется все же вылезти. Так вот, я уехал из Москвы в Азию ровно через месяц после моего возвращения из Татарии. В течение этого месяца я немало пережил. Из книг я купил Малларме, Бодлера, Есенина, Ахматову, Дос Пассоса, Ильфа и Петрова, Свифта. Я ел, можно сказать, отменно; я ходил в кино и в театр, видел Валу, получил немного денег. Словом, я хорошо пожил. В сущности, я даже не знаю, подойдет ли мне эта Азия и даже доеду ли я до нее, но я, по крайней мере, буду знать, что в особенно трудный период в Москве я жил широко и по своему хотению, а это уже совсем здорово. А теперь, «после пира», я поддаюсь ходу событий... Мы, может быть, в какой-то момент выкарабкаемся из всех неприятностей. Путешествие будет длиться очень долго, но, по крайней мере, на каждой

станции я буду знать, что мы приближаемся к Азии, значит, к моему лучшему другу Мите. Да и приключение какое! А пока это приключение ничем не угрожает, я не очень волнуюсь. Восточная Азия... Да-с. Не так уж плохо; посмотрим.

Soir du même jour

Contre toute attente, le train n'ayant fait qu'une escale de 5 heures à Paveletsk continue sa route. Sa destination est Tachkent, mais les routes qui y mènent sont nombreuses. Il paraît qu'on ne passera pas par Riajsk, mais par Artychtcheff, Penza, Tambov et Kouïbycheff. Voici bientôt trois jours qu'on roule. A Paveletsk, montrant des prodiges d'héroïsme, j'ai plongé sous les trains en direction de la station où mes achats nous ont valu un repas fameux — pour l'argent des Kotchetkoff, heureusement. Je continue à ne pas m'en faire. Le train va très lentement, Tachkent est loin, je ne sais ce que j'y ferai et si j'irai à Achkhabad, mais je ne m'en fais pas, a quoi bon? Et l'on s'en fout, pourvu que l'on rigole, et on s'en fout, pourvu qu'on boive un coup, comme dit la chanson. Y a pas de coups à boire, mais on s'en fout tout de même. Réflexions élémentaires — mais la Russie est un pays tel que les réflexions intelligentes ne sauraient me venir à l'esprit. Je me gave de'A. Grinn, de Gide. Tout de même, on a bien bouffé aujourd'hui — fameusement, et pour moi — à l'œil. C'est toujours ça de pris. Le train a pris une allure de tortue parce que c'est un train d'évacués: «un échelon» comme on les appelle ici. Nous sommes au cœur de la Russie — dans la région de Tambov. Nous faisons route vers Mitchourinsk et Tambov, Penza et Kouïbychev. J'ai fameusement ciré mes chaussures; ça fait les pieds à tout le monde, qui est sale.

Вечер того же дня

Против всякого ожидания, простояв только 5 часов в Павелецке, поезд продолжает свой путь. Его направление — Ташкент, но туда ведут многие пути. Говорят, мы не проедем через Рязск, а через Артыщев, Пензу, Тамбов и Куйбышев. Мы уже три дня как едем. В Павелецке, проявляя чудеса героизма, я нырнул под поезда в направлении станции, где благодаря моим покупкам мы съели прекрасный обед, за деньги Кочеткова, к счастью. Я продолжаю жить припеваючи. Поезд идет очень медленно. Ташкент далеко, я не знаю, что я там буду делать и поеду ли я в Ашхабад, но я не волну-

юсь. Да и к чему? «И наплевать на все, было бы над чем посмеяться, и наплевать на все, было бы что выпить», — как говорится в песне. Выпить, конечно, здесь нечего, но все равно наплевать. Элементарное наблюдение — но Россия такая страна, что умные замечания не могли бы мне прийти в голову. Зачитываюсь А.Грином, Жидом. Все же хорошо сегодня пожрали — здорово, а для меня еще и задаром! Но пока и это хорошо. Поезд продвигается со скоростью черепахи, потому что это поезд эвакуированных: «эшелон», как они здесь называются. Мы находимся в сердцеви-не России, в районе Тамбова. Мы направляемся в Мичуринск, Тамбов, Пензу и Куйбышев. Я потрясающе вычистил свои ботинки: всем грязнулям в зубы!!!

2/XI-41

Temps d'arrêt à Bogoïavlensk (région de Riazan). Lis «la Route n'importe où» d'A Green; lis, mange, dors, bois du café. 4e jour de voyage. Bavardages. Toutes les stations de quelque importance sont encombrées de convois militaires, venant du front ou y allant; de convois chargés d'outillage d'usines évacuées, outillage mouillé de pluie, rouillé, etc. On passe la journée à chercher du manger, préparer du thé, chercher de l'eau, se laver, rire, on vivote.

Soir du même jour

Notre train est arrêté en plein champ, près d'un aérodrome. Pendant près d'un jour, nous n'avons pas fait un pas de plus. Kotchetkoff prend des allures pessimistes: il dit que nous ne parviendront pas à Tachkent, qu'on se fera bombarder au cul... Il est vrai que notre allure est excessivement lente: nous nous arrêtons tout le temps. Quand partirons-nous — Mystère. Aujourd'hui je me suis engueulé avec Makaroff, en société. Igor Makaroff est un critique miteux, jeune, sensuel et vulgaire, bouffi de lui-même. Il cherche à briller, — sans grand succès, d'ailleurs. Il était très vexé que je faisais rire toutes les femmes à ses dépens. Ce n'était point là ma faute: il avait commencé le premier à se payer ma gueule, je me suis fâché en dedans et ai commencé à me moquer de lui, à le piquer, à relever ses impuretés de langage, en un mot, à le serrer de si près qu'il se fâcha pour de bon et me fit une scène, voyant que le rire était de mon côté. Une femme le défendit et me reprocha mon

inconduite envers un homme plus âgé que moi de 13 ans — me fit, en un mot, une scène. Miracle: on est parti... Je recommence à re-croire que nous parviendrons en Asie Orientale. Kotchetkoff et Derjavine ne savent pas du tout ce qu'ils feront en Asie. Où nous installerons-nous. Pour moi, il est presque évident que les Kotchetkoff ne s'installeront pas à Achkhabad car il y fait trop chaud en été. Alma-Ata c'est plus probable. Comme partout, tout dépend du facteur économique: où précisément Kotchetkoff trouvera-t-il un travail suffisamment rémunérateur. Evidemment, moi je préférerai de beaucoup vivre à Achkhabad, car Mitia s'y trouve; cependant je ne me fais point d'illusions sur la probabilité de réalisation de cet espoir. Il se peut qu'on s'installe à Fergana, à Krasnowodsk, que sais-je. Evidemment une capitale de République telle que Achkhabad, Alma-Ata, Tachkent. En tout cas j'espère trouver du temps pour aller à Achkhabad, seulement pour y rencontrer Mitia. Il paraît que de Tachkent à Achkhabad, c'est 24 heures de voyage; ce n'est pas énorme et, si possible, je tâcherai d'y aller voir Mitia. Cela semble si lointain! (le plus marrant c'est que cela l'est vraiment.) Lis «Les Beaux Quartiers» d'Aragon, c'est formidable. 4h.30 nouvel arrêt. Crépuscule évident. On va bouffer.

Остановка в Богоявленске (в районе Рязани). Читаю «Дорогу в никуда» А.Грина. Читаю, ем, сплю, пью кофе. Четвертый день пути. Болтовня. Все сколько-нибудь важные станции перегружены военными составами, едущими на фронт или с фронта, составами, нагруженными аппаратурой эвакуированных заводов, оборудовани-ем, промокшим от дождя, заржавелым и т.д. Дни проводим за тем, чтобы найти поесть, приготовить чай, пойти за водой, помыться, посмеяться. Живем.

Вечер того же дня

Поезд стоит в середине поля, около аэродрома. За целый почти день мы не продвинулись ни на шаг. Кочетков начинает впадать в пессимизм. Он говорит, что мы не доберемся до Ташкента, что нас разбомбят к черту... Надо сказать, что продвигаемся мы бесконечно медленно. Мы все время останавливаемся. Когда же мы сдвинемся? Никто не знает. Сегодня я на людях поругался с Макаровым. Игорь Макаров никудышный критик, молодой, сладост-

растный и вульгарный, с большим самомнением. Он пытается блистать, но, кстати, без всякого успеха. Он очень обиделся, что я заставил смеяться над ним женщин. Это была не моя вина, он начал первым надо мной измышляться; я внутри сильно рассердился и стал над ним смеяться, пикировать его, выуживать в его речи неправильности языка – словом, поджимать его так сильно, что он рассердился всерьез и устроил мне сцену, видя, что все смеются вместе со мной. Одна женщина стала его защищать и упрекать меня в невежливости в отношении человека старше меня на 13 лет, словом, мне устроила скандал. О чудо: поехали! Я вновь начинаю верить, что мы доберемся до Восточной Азии. Кочетков и Державин абсолютно не знают, что они в Азии будут делать. Где мы устроимся? Почти ясно теперь, что Кочетковы не устроятся в Ашхабаде, там слишком жарко летом. Вернее, в Алма-Ате. Как и повсюду, все зависит от экономических условий: где точно Кочетков найдет работу с достаточным доходом. Конечно, я бы больше хотел жить в Ашхабаде, потому что там Митя; однако я не строю себе иллюзий относительно возможной реализации этой надежды. Возможно, что мы устроимся в Фергане, в Красноводске или еще где-нибудь! Конечно, <лучше бы> в столице республики, как Ашхабад, Алма-Ата, Ташкент. Во всяком случае, я надеюсь найти время, чтобы поехать в Ашхабад только для того, чтобы встретить там Митю. Говорят, из Ташкента в Ашхабад 24 часа езды, это не так много, и если будет такая возможность, я постараюсь поехать туда и повидать Митю. Все это кажется так далеко! (Самое забавное, что далеко и есть.) Читаю «Богатые кварталы» Арагона; замечательно. 4.30. Новая остановка. Явно вечерняя заря. Пойдем жрать.

3/XI-41

Notre train avance par 100–200 mètres, puis s'arrête pendant une bonne demi-douzaine d'heures. Ce serait vraiment comique si ce n'était si triste. C'est un train anecdotique. Il paraît que nous avons, devant nous, une bonne vingtaine de convois qui doivent passer – et qui passent, mais de façon excessivement lente, et c'est ce qui nous retarde. C'est la première fois de ma vie que je voyage comme cela. C'est absolument fou, cette manière d'avancer clopin-clopat, non par kilomètres mais par mètres. Et encore, dès que le train se remet en marche tout le monde retombe en des tranches de joie, bien qu'on sache fort bien

comment tout cela ira plus tard: le train avancera de quelques 250 mètres, puis s'arrêtera brusquement; et de nouveau les voiles noires du pessimisme s'abattront sur ces pauvres types de faux écrivains. De «vrais» écrivains — j'entends de types tant soit peu connus, — il y a 3 types: Derjavine et Kotchetkoff, poètes-traducteurs, et Marc Krinsky — écrivain pré-révolutionnaire, assez oublié. Le reste, c'est des inconnus illustres. Me suis réconcilié avec Makaroff. Du reste, ça n'était pas à proprement parler une engueulade, mais plutôt un malentendu. Je vois bien que Makaroff, sous prétexte d'amitié nouvelle, veut profiter des produits que j'emporte avec moi. Mais j'ai l'œil; si j'ai affaire avec lui, c'est que, simplement, c'est un type plus marrant que les autres: jeune, cynique (par exemple, bien qu'il soit critique, il est assez peu cultivé). On se gausse de moi parce que j'écris mon journal, mais je m'en fous, qu'est-ce que ça peut me faire? Ah là là, drôle de voyage. Mon confort personnel s'est amélioré par exemple, du fait que les Kotchetkoff m'ont donné un oreiller — et de ce fait, je peux tranquillement reposer la nuit... Eh bé, mon pote, si on avance comme cela jusqu'à Tachkent, on y sera en l'an 43. Plutôt longuet, le voyage. Mais je crois qu'après avoir franchi une certaine zone, on roulera plus bellement que maintenant. Ce couillon de Derjavine a emmené sa femme et ses gosses sans produit aucun; maintenant ils sont obligés de demander de la mangeaille aux Kotchetkoff. Continue à lire «Beaux Quartiers». Voilà un livre qui me paraît autrement intéressant que les livres de Green et Gide. Marranta, l'histoire de notre voyage. J'espère en rire avec Mitia. Me suis lavé et ciré les bottines

Наш поезд продвигается по 100—200 метров; потом останавливается и стоит добрых полдюжину часов. Было бы смешно, если бы не было так грустно. Этот поезд просто анекдотический. Говорят, перед нами едут около двадцати составов, которые должны проехать — и проезжают, но безумно медленно, и это то, что нас задерживает. Я в первый раз в жизни так путешествую. Абсолютное сумасшествие — такой способ передвигаться, ковыляя, не километрами, а метрами. И еще, как только поезд трогается, все впадают в радостные трансы, хотя мы прекрасно знаем, как будет дальше: поезд пройдет метров 250, потом вдруг остановится; и снова черные паруса пессимизма заволокут этих несчастных и жалких мни-

мых писателей. «Настоящих» писателей, я имею в виду более или менее известных, всего трое: Державин и Кочетков, поэты-переводчики, да еще Марк Криницкий – дореволюционный писатель, теперь почти забытый. Остальные – знаменитые неизвестности. Я помирился с Макаровым – впрочем, это не была настоящая ссора, а скорее недоразумение. Я вижу, что Макаров, под предлогом новой дружбы, хочет воспользоваться продуктами, которые я с собой везу. Но я слежу; если я с ним и имею дело, то только потому, что этот тип забавнее остальных, молодой, циничный (к примеру, хотя он и критик, он довольно малокультурный). Надо мной издеваются, потому что я пишу дневник, но мне начхать – что мне от этого? Ах ты, какое странное путешествие! Мой личный комфорт, например, улучшился оттого, что Кочетковы мне дали подушку, и теперь я спокойно могу ночами отдыхать. Да, вот, старик, если мы будем так продвигаться к Ташкенту, мы приедем в 43 году. Довольно-таки долгоньякая дорога. Но я думаю, что когда мы проедем определенную зону, будем ехать живее, чем сейчас. Этот м.... Державин взял с собой жену и детей, но никаких продуктов; теперь им приходится просить жратву у Кочетковых. Продолжаю читать «Богатые кварталы». Вот книга, которая мне кажется гораздо интереснее, чем книги Грина или Жида. Забавна все-таки история нашего путешествия. Надеюсь об этом с Митей посмеяться. Умылся и почистил ботинки.

4/XI-41

5 jours de voyage. Вчера сутки стояли в поле и разводили костры, на которых on faisait chauffer l'eau et la mangeaille. Le train avait l'air d'un campement. Интеллигенция поддувала костры. Chapeaux de feutre contre угольки и хворост. Трава. Совершенный «primitif» образ жизни. Ils avaient l'air plutôt poire, les académiciens en train de préparer une popote miteuse sur un feu de fortune, les nez rougis par le froid automnal... Mais on a bien bouffé ensuite, en revanche, quand tout fut chauffé et préparé. Ce matin on a porté de l'eau à la locomotive qui en manquait. D'une allure très lente, nous sommes parvenus à 11h. à Kotchetovka № 3, où nous sommes maintenant. Auparavant, nous nous étions arrêtés un couple d'heures à la station Khobotovo, où j'ai fait la queue pendant 1h.30, par un froid de canard pour apporter de l'eau chaude pour le thé. Le pire c'est de stationner – notre humeur devient

franchement pessimiste, l'espoir de rouler plus avant se dissout dans le temps qui file inutilement, sans être rempli d'action. En tout cas, sans aucun doute, le fait que nous avançons, si lentement que ce fut, est absolument indiscutable. Jusqu'ici nous n'avons point été bombardés — c'est toujours ça de bien, et peut-être le principal. Il paraît que sur le Front Occidental, il y a une nouvelle direction, celle de Podolsk. Il paraît aussi que la nuit du 30 au 31, il y eut un bombardement aérien très violent de Moscou qui fit beaucoup de victimes, et qu'un train d'évacués s'est fait bombarder le lendemain de notre départ: peut-être les écrivains qui devaient partir justement le lendemain du jour où nous partîmes. Vais bientôt me laver. Ces feux de camp et cette manière de porter de l'eau à la locomotive me semblent dignes des premières années de la révolution. Entendu anecdote caractéristique. «Un Français, un Anglais et un Allemand, ainsi qu'un Russe font un pari: qui restera le plus longtemps dans un petit hangar en compagnie d'un ...bouc. Le Français entre... Passent trois minutes... Le Français sort comme une fusée du hangar en se bouchant le nez et hurlant, en gueulant. L'Anglais sort après 10 minutes de tête à tête avec le bouc en disant (c'étaient 4 soldats) que, à vrai dire, il est l'arrêé. L'Allemand après un quart d'heure de supplice... moral, sort pour boire sa bière... Entre le Russe. Se passent une heure, deux... Brusquement la porte s'ouvre à deux battants ... et le bouc en bondit, à moitié mort asphyxié». Formidable! Qu'est-ce que je foutrai en Asie? Kotchetkoff a raison, en ce sens qu'il faut à tout prix savoir l'Anglais... Il faut dire que c'est trop tôt de parler de ce que nous ferons là-bas, tant que nous ne sommes pas parvenus là-bas. Le wagon bavarde à qui mieux mieux. Tout de même, c'est une bande de couillons. Continue à lire «Les Beaux Quartiers». Il fait froid dans le compartiment — pas de charbon. Tout de même, ce serait bon de parvenir à Tachkent et d'aller à Achkhabad voir Mitia! На 23^е число он был там; да и вряд ли оттуда уедет. Ничего! Доедем! Что там будет — неизвестно.

5 дней пути. Вчера сутки стояли в поле и разводили костры, на которых грели воду и харчи. Поезд был похож на лагерь. Интеллигенция поддувала костры. Фетровые шляпы — и угольки и хворост. Трава. Совершенный «примитивный» образ жизни. У них

был скорее глупый вид, у этих академиков, готовящих отвратительную жратву на случайном костре, с красными от осеннего холода носами... Но затем, когда все было согрето и готово, мы отлично пожрали. Сегодня утром носили воду, ее не хватало для паровоза. Очень медленным ходом мы к 11 ч. добрались до Кочетовки № 3, где мы находимся теперь. До этого мы стояли пару часов на станции Хоботово, где я полтора часа стоял в очереди на жутком холоде, чтобы принести кипятку для чая. Хуже всего стоять – настроение становится совсем пессимистическим, надежда продвинуться вперед рассасывается из-за зря протекающего и никаким действием не наполненного времени. Во всяком случае, без всякого сомнения, безусловный факт то, что мы продвигаемся вперед, как бы ни было медленно. До сих пор нас не бомбили, это уже хорошо и, может быть, главное. Говорят, на Западном фронте новое направление: к Подольску. Говорят еще, что в ночь с 30 на 31 был очень сильный воздушный налет на Москву, который унес много жертв, а также что бомбили поезд эвакуированных на следующий день после нашего отъезда: может быть, тех писателей, которые как раз должны были ехать на следующий день после нас. Скоро пойду мыться. Эти костры, манера подносить воду к паровозу, все это очень похоже на первые годы революции. Слышал характерный анекдот. «Француз, англичанин и немец, да еще русский, держат пари: кто дольше просидит в маленьком амбаре в компании... козла. Входит француз. Проходит три минуты... Француз выскакивает, как ракета, из амбара, затыкая нос, он орет и ругается. Англичанин выходит через десять минут, проведенных наедине с козлом, и говорит (это были четверо солдат): я, собственно говоря, под арестом. После четверти часа... моральной пытки немец выходит, чтобы выпить свое пиво. Входит русский. Проходит час, два. Вдруг дверь амбара распахивается настезь и выскакивает козел... почти задохнувшийся». Замечательно! А что я, собственно, буду делать в Азии? Кочетков прав, когда он говорит, что надо во что бы то ни стало знать английский... Надо сказать, что рано еще говорить о том, что мы будем там делать, пока мы дотуда не добрались. В вагоне болтовня идет полным ходом. Все же они все сплошные м..... . Продолжаю читать «Богатые кварталы». В купе холодно, нет угля. А все же было бы здорово доехать до Ташкента и поехать в Ашхабад повидать Митю. На 23^е число он был там; да и вряд ли оттуда уедет. Ничего! Доедем! Что там будет – неизвестно.

6 jours de voyage. Avançons assez lentement en direction de Tambov, où nous devons arriver aujourd'hui. Continue à bouffer à ma faim aux frais des Kotchetkoff, naturellement. Il fait un temps radieux, soleil éclatant, mais il gèle; la température est très froide. Kirsanoff-Tambov-Artychtcheff-Penza-Kouïbycheff-Tchkaloff-Tachkent — tel est notre itinéraire approximatif. Par exemple, suis pouilleux: me gratte toute la nuit et ce matin ai trouvé deux poux: l'un sur mon pantalon, l'autre sur le gilet. Hier par un froid de tonnerre de Dieu, pendant l'arrêt à Kotchetovka, en résultat d'un stationnement de trois heures par un froid terrible, ai rapporté du pain pour le wagon: par 250 gr. pour chacun des passagers. Ai été nommé «responsable» de l'eau bouillie. Kotchetkoff a 38°5 de t° — il a eu un refroidissement pendant qu'il faisait la queue à Khobotovo, pour l'eau bouillie il paraît que la situation sur le front moscovite s'est stabilisée; les combats les plus violents se déroulent en direction de la Crimée. Je parie qu'ils l'occuperont la Crimée, les Allemands; ce que je voudrais, moi, ce serait de partir illico de Tachkent pour Achkhabad, mais de mon désir à son accomplissement... je voudrais qu'il n'y eût qu'un pas. En tous cas il me semble évident qu'on est sortis de la zone dangereuse. C'est dégueulasse et humiliant, ces poux. Continue à lire «Les Beaux Quartiers». la région de Tambov me plaît plus que ces régions que nous avons traversées. Que sera l'Asie? Mais que je sois écartelé si, arrivés là-bas, je n'arrive pas à voir Mitia. Faudrait pas que Kotchetkoff tombât malade pour de bon... Je fais de la propagande pour aller à Achkhabad qui, du fait de l'arrivée de l'Université Gouvernementale de Moscou, tend à devenir un grand centre culturel. Moi, c'est surtout Mitia qui m'y intéresse: je crois qu'on ferait de grandes choses là-bas ensemble.

6 дней пути. Продвигаемся довольно медленно в направлении Тамбова, куда мы должны сегодня приехать. Продолжаю жрать досыта, за счет Кочетковых, конечно. Погода бесподобная, яркое солнце, но мороз, температура очень низкая. Кирсанов—Тамбов—Артыщев—Пенза—Куйбышев—Чкалов—Ташкент — таков наш приблизительный маршрут. Вот те на, а я вшивый: чесался всю

ночь и сегодня утром нашел двух вшей: одну на брюках, другую на жилетке... Вчера в страшнющий холод, во время остановки в Кочетовке, простояв три часа на страшном холоде, я принес хлеба на весь вагон, по 250 гр. на пассажира. Меня назначили «ответственным» за кипяток. У Кочеткова температура 38,5°. Он простудился, пока стоял в очереди за кипятком в Хоботове. Говорят, ситуация на Московском фронте стабилизирована, самые жестокие бои происходят в направлении Крыма. Держу пари, что немцы Крым возьмут. Что бы я хотел, так это сразу же, как приедем в Ташкент, уехать в Ашхабад. Но от желания до исполнения я бы хотел, чтобы был только один шаг. Во всяком случае, теперь кажется совершенно ясным, что мы из опасной зоны выехали. Какая гадость и унижение – эти вши. Продолжаю читать «Богатые кварталы». Район Тамбова мне больше нравится, чем все те, которые мы проезжали. А какой будет Азия? Но пусть меня будут рвать на части, если, приехав туда, я не сумею повидаться с Митей. Будет нехорошо, если Кочетков по-настоящему разболеется. Я веду пропаганду за переезд в Ашхабад, который, ввиду приезда туда Московского государственного университета, постепенно становится крупным культурным центром. Меня же, главным образом, интересует Митя. Я думаю, что мы вместе делали бы там большие дела.

6/XI-41

7 jours de voyage. Hier soir – arrêt à Tambov, d'où départ dans la nuit. A Tambov – désordre inimaginable: la gare encombrée de convois, sale, pleine de militaires pouilleux qui s'entassent dans des wagons sales, avec des chevaux. Les routes ferroviaires sont encombrées de convois de fugitifs hagards, venant de divers points occupés par les Allemands ou menacés d'occupation. Aujourd'hui matin – arrêt en plein champ. Il fait terriblement froid; tout gèle, le soleil luit et le paysage agreste de la région de Tambov est très joli. A Tambov nous avons reçu du pain. C'est toujours ça de pris. Il faut dire que la désorganisation et le désordre (пазрыха) font fureur sur les voies ferrées de l'URSS. Beaucoup de gens sont en Asie, à cause de l'influence anglaise qui peut-être s'y affirmera de plus en plus nettement, avec le temps. L'Iran et l'Afganistan sont près de là-bas qui ont des troupes anglaises. Vaguement, quelques uns espèrent une occupation anglaise, si les Soviets sont battus. Au fond, il

faudrait que les Anglais occupent Bakou. Beaucoup de gens répètent ce vieil axiome russe qui date bien de mille ans au moins: «La terre russe est grande, mais là il n'y a point d'ordre», et citent à tout bout de champ le fait que les Russes furent colonisé pas les Variags et, seulement comme ça, devinrent un peuple uni ethniquement et politiquement, – en ce sens que les Anglais devraient occuper la Russie, que le pouvoir soviétique a montré ce qu'il valait le 16 octobre, jour célèbre où, à l'approche de l'ennemi, ceux qui auraient dû être aux premières lignes des défenseurs de la capitale rouge s'enfuirent honteusement déchirant leurs billets de membres du P.C. Pour une masse énorme de communistes sincères et simplement pour énormément de gens, la journée du 16 fut une révélation qui montra à quel point le pouvoir soviétique tenait à un fil, à quel point les dirigeants soviétiques étaient impuissants à réfréner la fuite éperdue des «militants». Il paraît que juste ce jour-là, Staline avait eu une hémorragie interne, que au bout de deux jours, quand il se rétablit, il restaura l'ordre dans la capitale, changeant les chefs militaires dans Moscou même et sur le front Occidental. Il est un fait que la situation a l'air de se rétablir en direction de Moscou mais qui sait? Peut-être que les Allemands lancent maintenant le gros de leurs attaques en direction de la Crimée, espérant occuper ainsi la Crimée, le Caucase, qui sait, la ville de Bakou? Il ne faudrait pas que les Anglais baillent aux corneilles. Ai eu tout à l'heure ensemble avec Makaroff une discussion avec ce pauvre couillon de Krinitsky, qui se croit un grand orateur, un génie quoi. Face de con, va! Nous en avons marre très vite avec Makaroff... Tout de même nous avançons très vite par rapport aux temps d'avant. Clopin-clopant nous avançons, – c'est très bien.

«Nous commençons
Avec une chanson:
Bonsoir tous, bonsoir toutes
Nous espérons que vous êtes
A l'écou-ou-te.»

Comme chantait Claude Dauphin à la radio en 39. Un peu plus tard. 3h. de l'aprèm.

7 дней пути. Вчера вечером остановка в Тамбове, откуда выехали в ночь. В Тамбове беспорядок невообразимый: вокзал загроможден составами, грязный, полно вшивых солдат, которые заполняют грязные вагоны, вместе с лошадьми. Железные дороги загружены составами растерянных беженцев из разных пунктов, занятых немцами или которым угрожает оккупация. Сегодня утром остановка среди поля. Ужасно холодно, все замерзает. Солнце блестит, и деревенский пейзаж вокруг Тамбова очень красив. В Тамбове получили хлеба. И то хорошо. Надо сказать, что на железных дорогах СССР повсюду царят разгром и разруха. Многие едут в Азию из-за английского влияния, которое, быть может, будет все более ощутимым со временем. Иран и Афганистан неподалеку, там есть английские войска. Некоторые питают смутную надежду на английскую оккупацию, если Советы будут разбиты. В сущности, надо было бы, чтобы англичане заняли Баку. Многие вспоминают старую русскую аксиому, которой более тысячи лет: «Земля наша богата и обильна, но порядку в ней нет», и все время повторяют, что русских заселили варяги и только таким образом русские стали народом единым, этнически и политически, в том смысле, что англичане должны были бы занять Россию, что Советская власть показала свою цену 16 октября, в знаменитый день, когда враг наступал, и те самые, которые должны были оказаться на первых линиях обороны красной столицы, постыдно бежали, рвали свои партбилеты. Для огромного количества честных коммунистов и просто для большого количества людей этот день 16 октября был открытием, который показал, насколько советская власть держится на ниточке, до какой степени власти были бессильны перед бегством своих же работников. Говорят, что как раз в этот день у Сталина было внутреннее кровоизлияние. Через два дня, когда он выздоровел, он восстановил порядок в столице, заменил военных начальников другими в самой Москве и на Западном фронте. Действительно, положение как будто восстанавливается в направлении Москвы, но кто знает? Может быть, немцы теперь бросают большую часть своих боевых сил в направлении Крыма, надеясь занять Крым и Кавказ, и кто знает, город Баку? Желательно бы, чтобы англичане все это не прозевали. У меня только что, вместе с Макаровым, был спор с несчастным м..... Криницким. Он воображает, что он большой оратор, в общем, что он гений. Жалкая ж...! Нам с Макаровым быстро надоело. А все же мы продвигаемся гораздо

быстрее, в сравнении с тем, как мы ковыляли все эти дни. Очень хорошо. Итак, мы начинаем с песенки:

Дорогие друзья,
С песенки начинаем,
Радио включаем,
Слушайте нас,
Дорогие друзья!

Вроде такой песенки пел Клод Дофен в 39, по радио.

Немного позже. Три часа дня

Жалею о том, что не взял демисезонного пальто, а только летние вещи — но нечего делать, да и нести больше, чем взял, сам я не мог. Je suis fermement résolu¹ бороться всеми возможными способами за длительное материальное благополучие в Ср. Азии. Совсем не хочу быть оборвышем(?). Если возможно, буду учиться, но я сильно отстал (3 месяца: сентябрь, октябрь, ноябрь), но дело не в этом, а как, где и с кем я устроюсь. И все будущее неизвестно! Говорят, немцы взяли г. Тулу. Конечно, в сущности, мне надо учиться... Но вряд ли это выйдет. Говорят, в Ташкенте совершенно нельзя устроиться: огромное количество народа, вследствие усиленной эвакуации туда; работы найти невозможно. Но там я и не рассчитываю устроиться. Скорее всего, в следующих городах будем жить: Ашхабад, Фергана, Самарканд. По делам А.С. нужно будет съездить в Алма-Ату. Там тоже невозможно поселиться: совершенно нет свободной площади. Где-нибудь да и устроимся. Главное: не быть вынужденным жить в каком-нибудь кишлаке и работать в колхозе; нужно селиться в каком-нибудь городе, очень важно внутреннее состояние транспорта в Ср. Азии. Что нас там ждет? Уже недельку едем. На Москву 2ого числа был дневной налет, принесший жертвы. Стоим в Кирсанове. Был на базаре; купил картофель, котлет, курицу вареную и помидоры. У дверей военкомата толпятся грязнейшие мобилизованные. Какие к чорту из них выйдут солдаты? Mais la Russie a parfois de ces surprises...² Интересно, сколько дней и в ка-

¹ Я твердо намерен.

² Но ведь в России иногда бывают такие сюрпризы...

ких условиях ехал Митька. Как хорошо было бы увидеться! Впрочем, ожидание всегда лучше, чище осуществления, как это ни парадоксально: ведь ожидание происходит именно ради этого осуществления. Но все эти изощрения не à l'ordre du jour¹.

7/XI-41

Hier discours de Staline à l'occasion du 24e anniversaire de la révolution d'Octobre. L'essentiel du discours, c'est que Staline a parlé d'un deuxième front sur lequel l'Allemagne sera obligée de se battre bientôt. Cela indique que les Anglais dans peu de temps se mettront de la partie. 2e front. Où? Peut-être en Finlande ou en France, ou au Proche-Orient. Staline prononçait son discours du Kremlin, en présence du Comité de Défense de l'Etat et d'un grand nombre d'auditeurs. Il faudrait en savoir plus long, sur ce discours. L'intéressant, ce serait de savoir ce qu'il a dit sur Moscou. Il paraît qu'il a dit qu'on ne la rendra à aucun prix. Ce discours ravivera de beaucoup le patriotisme russe: Staline a beaucoup d'influence et d'autorité. Ce serait vraiment chic si l'Angleterre créait un nouveau front; mais je crois qu'ils le feront au printemps. Après être partis de Kirsanov la nuit, le train s'est arrêté en plein champ. Il fait un temps de chien: très froide température, et une bourrasque neigeuse. Aujourd'hui, fête de l'anniversaire de la Révolution d'Octobre; dans le wagon il fait un froid terrible. Quand je me suis lavé je gelais littéralement. Et ce train qui ne fait que s'arrêter! Notre situation est assez précaire. Le wagon parle de ce que la neige peut nuire de beaucoup à notre voyage, combler les voies, enterrer les rails. C'est peut-être vrai mais, Dieu de Dieu, quels couillons que ces compagnons de voyage. Ce sont pour la plupart des paniquards, assidus et systématiques. Vais lire «Les Beaux Quartiers». Soir du même jour, ou plutôt après – midi: 15h30. Inévitablement, avec une régularité saisissante, avec le crépuscule tôt venu, arrivent pour moi les heures longues de nostalgie du bonheur et de la France, réunis pour moi dans une même adoration. Peut-être au fond, ne faut-il pas trop s'étonner de la terrible indécision et imprécision des temps présents. L'époque que je vis est une époque très dure, très difficile, mais j'ai la ferme espérance d'un avenir meilleur.

¹ на повестке дня.

Вчера Сталин говорил речь по случаю 24^й годовщины Октябрьской революции. Основное в этой речи, что Сталин сказал о Втором фронте, на котором Германии скоро придется бороться. Это означает, что англичане скоро вступят в дело. 2^й фронт. Где? Может быть, в Финляндии, или во Франции, или на Ближнем Востоке. Сталин произносил свою речь из Кремля, в присутствии Государственного Комитета Обороны и большого количества слушателей. Надо бы узнать больше об этой речи. Интересно было бы узнать, что он сказал про Москву. Говорят, он сказал, что ее ни за что не отдадут. Эта речь должна очень оживить русский патриотизм: у Сталина большой авторитет и сильное влияние. Было бы здорово, если бы Англия создала Второй фронт. Но я думаю, они это сделают весной. Уехав из Кирсанова ночью, поезд остановился среди поля. Погода отвратительная: очень низкая температура и снежная буря. Сегодня — день праздника Октябрьской революции, в вагоне ужасно холодно. Когда я умывался, я буквально замерзал. А поезд только и делает, что останавливается! Наше положение довольно шаткое. В вагоне говорят о том, что снег может очень повредить нашему путешествию: забить пути, зарыть рельсы. Это, может быть, и правда, но, черт возьми! — какие же кретины все эти попутчики! Они, почти все — постоянные и систематические паникеры. Пойду читать «Богатые кварталы».

Вечер того же дня, или, вернее, вторая половина, 15.30. Неизбежно, с удивительной регулярностью, к раннему заходу солнца наступают для меня долгие часы ностальгии по счастью и Франции, слитые во мне в одно общее обожание. Может быть, в сущности, не стоит удивляться ужасной нерешительности и неопределенности настоящего времени. Эпоха, в которой я живу, очень тяжелая и трудная, но я твердо надеюсь на лучшее будущее.

Интересно складывается все-таки моя автобиография: сначала если смотреть. Родился я в г. Праге (Чехо-Словакия) 1го февраля 1925го года. Отец перебрался туда из России, где проделал всю Гражданскую войну офицером-добровольцем Белой армии. Мать — знаменитая московская поэтесса, уехала из Сов. России pour rejoindre son mari¹. Потом la France². Жизнь в Вандее, на берегу моря; я — толстый малыш; в

¹ чтобы соединиться с мужем.

² Франция.

Нормандии (Pontailac¹, воспоминания о море и жене Шалпина), начало «левения» отца. Жизнь в Медоне в immeuble² с рыжей хозяйкой и прогулками в знаменитом Bois³. Потом – Кламар и католическая школа de la rue de Paris⁴. Отец – евразиец, воспоминания о типографии, rue de l'Union⁵, мелькание сотрудников евразийской газеты, звук пишущей машинки... Ensuite – Vanves, rue J.-B. Potin⁶, поближе к Парижу, школа та же. Fins d'années torrides, distributions de prix – au jury, il y a même, à côté du directeur Maillard, un moustachu, un général Durmeyer, – alsacien... Les amis et copains: Etienne, Lefort, Joly, Thanron – tous des fainéants, amateurs de pèse, de bonnes «cibiches» et de «Sex-Appéal»⁷. Отец решительно порывает в 1928 г. со своими старыми друзьями и переходит в ряды «sympathisants» au régime bolchévik⁸. Он постепенно переходит на советскую платформу, начинает знакомиться с разными людьми; начинается политически-конспиративная жизнь; мелькают «случайные» люди; отца редко видно дома, приходит он поздно, усталый... 1936^й г. Расцвет «Front Popu»⁹, начало войны в Испании... Отец поглощен «испанскими делами»; son activité est au zénith¹⁰. Все последующие два с половиной года он занимается этими делами, faisant des prodiges d'habileté en affaires¹¹. Мать об этом почти ничего не знает, живет своей жизнью, его же обожает. Quant à moi, je subis une quantité énorme d'influences les plus diverses¹²: католическая школа, французский коммунизм, etc; etc jusqu'au ciné américain qui

¹ Понтайяк.

² здании.

³ Лесу.

⁴ на улице Парижа.

⁵ на улице Союза.

⁶ Затем – Ванв, улица Жан-Батиста Потена.

⁷ Жарища в конце учебного года и раздача ученикам годовых наград – в жюри, рядом с директором Майяром, сидит усач, генерал Дурмейер, эльзасец... Школьные товарищи и друзья: Этьен, Лефор, Жоли, Танрон, все – лентяи, любители деньжат, хороших папирос и «секс-ашиля».

⁸ «симпатизирующих» большевистскому режиму.

⁹ «Народного Фронта».

¹⁰ это вершина его деятельности.

¹¹ проявляя чудеса изобретательности в делах.

¹² Что до меня, то я испытываю на себе огромное количество самых разных влияний.

m'inculque l'amour de l'argent et du luxe¹; редкие прогулки с отцом, мелькание где-то далекой Union soviétique, Maurice Thorez, Pain, Paix, Liberté². Les Lébédoff et leur sympathique appartement³. Фашизм товарищей по школе... Боже, какая каша. 37^й год. Год моей страсти к радио и кино, к журналу «Séduction»⁴, к magazines illustrés (aventures et police), к Charles Trénet⁵. Внезапно, разрывом бомбы l'affaire Reiss⁶. Отец скрывается à Levallois-Perret⁷ у шофера-эмигранта, коммуниста... Exposition universelle. Fuite en auto, éperdue avec papa et les Balter qui l'accompagnent. Rouen; on se quitte... Retour à Vanves; perquisition; une journée entière à la Sûreté générale: «Votre mari avait une activité foudroyante»⁸. Поезд в Париж; Дик Покровский – передаточный пункт между нами и посольством, Вера Трэйль, Louis Corday... Моя беззаботная жизнь в Париже в течение двух лет: кафе, кино, газеты, радио, деньги из посольства и перспектива Сов. Союза. 39^й год, наконец. Памятный год! Отъезд в СССР, пароход «Мария Ульянова», таможня в Ленинграде, arrivée à Moscou⁹, где встреча с Алей и знакомство с Мулей. Пью воду и ем мороженое на ул. Горького. Vois le Kremlin.¹⁰ Потом – Болшево: «норвежский домик», папа болен, ирреальность обстановки, Митька, склоки с Ниной Николаевной, таинственные разговоры с НКВД, потом поездка в Химки через ЦПКО и пароходик с Мулей и Алей, ресторан, возвращение в Болшево; пресловутая «переговорка»... Потом арест Али, через месяц арест папы. Потом мелькают Голицыно и Мерзляковский, сельская школа, дом отдыха и толстая Серафима Ива-

¹ и т.д., и т.д. вплоть до американского кино, которое мне внушает любовь к деньгам и роскоши.

² Советский Союз, Морис Торез, Хлеб, Мир, Свобода.

³ Лебедевы и их симпатичная квартира.

⁴ «Соблазн».

⁵ к иллюстрированным журналам (приключения и детективы), к Шарлю Трене.

⁶ дело Рейсса.

⁷ в Леваллуа-Перре.

⁸ Универсальная выставка, паническое бегство на автомобиле папы вместе с Балтерами, которые его сопровождают. Руан; разлука... Возвращение в Ванв; обыск; целый день в Государственной Безопасности: «У вашего мужа была ошеломляющая деятельность».

⁹ приезд в Москву.

¹⁰ Смотрю Кремль.

повна. Потом – Моховая, 11 и жизнь в Университете с Северцевыми и Габричевскими... Передачи отцу. Сентябрь 40го г., после séjour¹ у Лили переезд на Покровский, школа 335. Потом – война, эвакуация в Татарию, Елабуга, самоубийство матери, переезд в Чистополь, потом кошмарное возвращение в Москву; жизнь у Лили, прописка, Лебедев-Кумач, бомбежки, Валя и Сербинов, обеды в ресторанах, 16ое октября, объединение, la vie quand même², Библиотека ин. яз. Потом телеграмма от Митьки и départ pour l'Asie Orientale avec les Kotchetkoff³. Эвакуация в Ташкент avec espoir d'aller au Moyen-Orient, à Achkhabad où je retrouverai Mitia à tout prix. Et voilà.⁴ Иду за углем – остановка.

8/XI-41

Aujourd'hui: 9 jours de voyage.⁵ Сегодня утром, на остановке Вертуновская, долго и упорно таскал воду на морозе, в снегу; холод обжигал пальцы в дырявых перчатках. Начал, что ли, опускаться? Но таскать приходилось – rien à faire⁶. Сейчас – 2 часа. Стоим на грязной, большой узловой станции Ртищево. Съестного на станции нет абсолютно ничего. Только холодная вода. Станция полным-полна составами. На перроне, в зале ожидания – куча народа с тюками, грязных, бедных людей, едущих неизвестно куда, военных из отправленных эшелонов, мобилизованных нищих. Какие из них солдаты? Мрачнейшее впечатление от этих людей, от этой вонючей станции с замогильными гудками паровозов. Был в грязно-заснеженном городе. Все лавки пусты, в столовой – огромная очередь, да и то по талонам военного коменданта. Ничего нигде нет. В вагоне, да и всюду, выпит весь одеколон, так как спиртного нет (ни водки, ни вина). Люди рыскают по аптекам, ища хоть духи. От непосильной жизни и работы ищут тупые двуногие stupéfiants⁷ повсюду.

¹ пребывания.

² все-таки жизнь.

³ отъезд в Среднюю Азию с Кочетковыми.

⁴ с надеждой попасть на Средний Восток, в Ашхабад, где я во что бы то ни стало разыщу Митю. И вот.

⁵ Сегодня 9 дней путешествия.

⁶ делать нечего.

⁷ наркотики.

Мрачно, очень мрачно. Узнали, что едем на Саратов, оттуда на Уральск, Илецкая Защита, Чкалов и т.д. Никто не знает, есть ли мост через Волгу. Говорят, линия на Пензу и Самару (Куйбышев) очень забита, и так что даже лучше ехать через Саратов. Какая противная станция! Болит зуб. Грязный снег — грязные галоши. На редкость противная остановка, нужно сказать. Навеваются пессимистические настроения — результат погоды и вида в окно глухого состава да слушания концерта гудков паровоза. Мерзость! Но все-таки еду с Кочетковыми, не один, и в ту сторону, где живет Митька: и это огромно. Проехали от Москвы за 9 дней 665 км: environ 73 км par jour¹. Сколько остается до Ташкента — неизвестно. Да и вообще ничего неизвестно. Продолжаю есть неплохо. Конечно, сейчас — момент для того, чтобы жалеть о потерянной Москве. Но, во-первых, бомбардировки, telles qu'elles sont maintenant², совершенно неудобоваримы — sans blague³, жить в такой атмосфере, при которой самый смелый человек вынужден дрожать и спасаться — особенно при дневных бомбардировках. Опять говорят, поедем на Куйбышев. Неразбериха — страшная. Мое впечатление таково: держимся мы сейчас у Москвы исключительно из-за огромного количества chair à canon⁴, которое там находится; мы самый дезорганизованный, не способный к дисциплине и порядку народ. И все же я надеюсь, что этот народ разобьет немцев. Я — сторонник экономической зависимости Советского Союза от Англии и Америки; по-моему, такая зависимость, после войны, принесла бы России много пользы. Увидим. Но я уверен, что после окончания войны все не начнется по-старому, как, скажем, в мае 1941го г. — произойдут решающие изменения, которые будут зависеть от международного положения. Только Англия и Америка способны восстановить Европу, Францию и захваченные территории Сов. Союза. Кто же еще? Je mise sur la défaite finale de l'Allemagne qui arrivera immanquablement un jour ou l'autre.⁵ Пресловутый «Второй

¹ около 73 км в день.

² какие там сейчас.

³ я не шучу.

⁴ пушечного мяса.

⁵ Моя ставка на окончательное поражение Германии, которое неизбежно произойдет, рано или поздно.

фронт» — где он будет открыт и когда? И как это повлияет на положение Ср. Азии? A vrai dire je souhaite l'occupation de l'Asie Soviétique par les Anglais — Ça ce serait chouette! Mais attendons les événements. Je regrette fort que je n'ai pas emporté le livre de Tchekhoff que j'avais acheté quelques jours avant mon départ; mais ma maxime est de ne rien regretter du tout, seulement de me rappeler, de me souvenir exactement du passé. 4 heures. Le crépuscule tombe. Viens d'apprendre qu'on va décidément par Kouïbycheff (Penza, Kouïbycheff, Tchkaloff). Reçu du pain — fort bien, ma foi! Lis «Les beaux Quartiers».¹

9/XI-41

Dix jours de voyage. Avons quitté Rtychtchenko dans la nuit. Allons vers Penza, Kouïbycheff. A chaque arrêt on court à la station, voir s'il y a de l'eau bouillie, du lait, de la mangeaille: rien à bouffer. Que de malheur autour de soi, Dieu de Dieu: et comme tout est ennuyeux et dégoûtant: seuls les livres me soutiennent. Putain de Soviétie! m'est idée que ce n'est pas seulement la faute aux Soviets. Tous ces désordres, toute cette saleté, toute cette profonde horreur. C'est l'essence profondément russe qui fait tous ces malheurs. C'est la faute à la Russie, au peuple russe, à ses habitudes... Mais je me fous de tout pourvu de s'arranger bien. Dussé-je être pendu, mais je verrai Mitia. Hourra! En avant, il faut parvenir au but — et j'y parviendrai. Ce que ce sera chic de bavarder avec ce vieux Cezeman! Je pense lui envoyer un télégramme de Penza, ou de Kouïbycheff, ou de Tchkaloff. Faut encore y parvenir, c'est évident.

Десять дней пути. Оставили Ртищево ночью. Едем в направлении Пензы, Куйбышева. На каждой остановке все выбегают на станцию посмотреть, есть ли кипяток, молоко, какая-нибудь еда:

¹ По правде говоря, я бы хотел, чтобы Англия заняла Советскую Азию. Это было бы здорово. Но подождем, как развернутся события. Я очень жалею, что не взял с собой книгу Чехова, которую купил за несколько дней до отъезда; но мой принцип: никогда ни о чем не жалеть, а только точно помнить все прошлое. 4 часа, наступает вечер. Только что узнал, что мы решительно едем через Куйбышев (Пенза, Куйбышев, Чкалов). Получил хлеба — тоже хорошо, пожалуй! Читаю «Богатые кварталы».

жрать нечего. Сколько видишь вокруг себя несчастья, Бог ты мой! И как все нудно и противно. Одни книги меня поддерживают. Вот уж г...., эта страна Советская! Хотя мне кажется, что не только от Советов все эти непорядки, вся эта грязь, весь этот страшный ужас. Все эти несчастья идут из глубокой русской сущности. Виновата Россия, виноват русский народ, со всеми его привычками... Мне же на все это решительно наплевать, лишь бы самому хорошо устроиться. Пусть меня повесят, но с Митей я увижусь. Ур-ра! Вперед. Надо достигнуть цели, и я ее достигну. Как будет здорово болтать с моим стариком Сеземаном! Думаю дать ему телеграмму из Пензы, или из Куйбышева, или из Чкалова. Но надо еще туда добраться, конечно.

10/XI-41

11 jours de voyage. Roulons plus vite maintenant. Avons passé Penza dans la nuit. Roulons vers Kouznetsk et Kouïbycheff. On peut considérer Kouïbycheff comme l'étape décisive de mon voyage: Kouïbycheff et Tchkaloff. Ai parlé avec Kotchetkoff des perspectives asiatiques. Il ne veut pas s'installer à Achkhabad, because la chaleur intenable qu'il y fait pendant les trois mois de l'été: juin, juillet, août. Par contre, il parle de ce que moi, je pourrai très bien m'installer là-bas, qu'il m'y aidera. ... Mais comment pourrai-je vivre seul? Je ne compte pas sur Mitia et les Nasonoff. Evidemment, je voudrais m'installer à Achkhabad, à cause de Mitia. Mais se peut-il que Kotchetkoff, sachant bien l'attrait pour moi d'Achkhabad, me pousse à m'y installer de crainte d'une bouche inutile à nourrir? Comme disent les russes, нужно ухо держать востро. La situation de Kotchetkoff se présente comme suit: par ses affaires, il est lié à Achkhabad, mais il ne veut plus y vivre à cause des fameux trois mois. Donc il voudrait vivre dans un endroit moins ... tropical, et venir de temps en temps à Achkhabad, Mais que viens-je faire, moi, dans tout cela? Comment vivrai-je seul à Achkhabad, en acceptant même le fait d'une possibilité de trouver un logement là-bas. Kotchetkoff dit qu'il connaît là-bas beaucoup de gens qui m'aideront à trouver un travail qui me suffirait pour finir l'école. Mais simplement, je ne me figure pas comment je vivrai seul là-bas: question nourriture, par exemple. Bien sûr, ce serait chic de vivre aux côtés de Mitia... On arrivera à Tachkent. Bon. La première chose à faire, c'est de trouver un pied-à-terre pour

quelques jours à Tachkent, pour mettre les bagages et dormir la nuit, le temps de s'orienter. Nous envisageons avec Kotchetkoff l'éventualité d'un voyage à Achkhabad, histoire de s'orienter, de voir quelles sont les possibilités de travail et d'installation là-bas. Tout cela semble bien irréel. Et le pire, c'est que ce sera un peu trop réel, une fois qu'on y sera, à Tachkent. Au fond; je sais très bien que je vais en Asie exclusivement à cause de Mitia. Si Mitia était à Moscou, jamais je n'aurai quitté Moscou, au grand jamais. Mais du moment qu'il est à Achkhabad, il est évident que je dois l'y relancer... Nous sommes trop liés, vraiment, par nos goûts, notre passé, nos préférences, pour se quitter comme ça.

11 дней пути. Едем теперь быстрее. Ночью проехали Пензу. Направляемся к Кузнецку и Куйбышеву. Можно считать Куйбышев решительным этапом нашего пути. Куйбышев и Чкалов. Говорил с Кочетковым об азиатских перспективах. Он не хочет устраиваться в Ашхабаде из-за сильной жары, которая стоит три летних месяца: июнь, июль и август. Зато он говорит, что я отлично мог бы там устроиться, что он мне в этом поможет. Но как же я могу жить один? Я не рассчитываю ни на Митю, ни на Насоновых. Конечно, я бы хотел устроиться в Ашхабаде, из-за Мити. Но может ли быть так, что Кочетков, зная о том, как меня влечет в Ашхабад, толкает меня там устроиться, боясь, что ему иначе надо будет кормить лишнего человека? Как говорят русские, нужно держать ухо востро. Положение Кочеткова представляется следующим образом: он, по своим делам, связан с Ашхабадом, но он не хочет там жить из-за пресловутых летних месяцев. Поэтому он хотел бы жить в месте менее... тропическом и ездить в Ашхабад время от времени. Но я-то тут при чем, во всем этом? Как я буду жить один в Ашхабаде, даже если допустить возможность найти там жилье? Кочетков говорит, что он знает там много народу, которые помогут мне найти работу, чтобы обеспечить жизнь до конца школы. Но я просто не представляю себе, как я могу жить там один. Хотя бы вопрос питания. Конечно, было бы здорово жить рядом с Митей... Приедем в Ташкент. Ладно. Первое, что надо сделать, это найти место на несколько дней в Ташкенте, чтобы поставить багаж и ночевать и чтобы осмотреться. Мы с Кочетковым думаем о поездке в Ашхабад, чтобы посмотреть, как там, узнать, какие там возможности работы и устройства. Все это кажется совсем не реальным. Но хуже то, что

это покажется слишком реальным, как только мы окажемся в Ташкенте. По существу, я отлично знаю, что еду в Азию исключительно из-за Мити. Если бы Митя был в Москве, я никогда, никогда в жизни из Москвы бы не уехал. Но раз он в Ашхабаде, ясно, что я его там разыщу. Мы ведь действительно слишком связаны своими вкусами, прошлым, желаниями, чтобы так разлучаться.

Но все же определять выбор моего места жительства будет не Митька, а практические соображения: возможности жилья, подрабатывания. Правда, Кочетков говорит об Ашхабаде именно в этом смысле. Конечно, хотел бы я знать, может ли Кочетков просто-напросто *me lâcher*¹ к чорту, *me laissant me débrouiller tout seul*²? Но ясно, лучше оказаться в таком положении в Ашхабаде, где все же есть Митька, чем в каком-нибудь Самарканде, где никого нет знакомых и друзей. С другой стороны, конечно, я не могу насиловать воли Кочеткова: не хочет, не надо. Собственно говоря, нужно бы «выяснить отношения», как говорят русские. Хочет ли Кочетков устроиться вместе со мной или хочет «кинуть» меня одного в Ашхабаде? Почему-то говорит он о том, что в Ашхабаде я устроюсь. Может, думает он о поддержке со стороны Митьки? Да вообще, сейчас это очень неясно. Но, конечно, надлежало бы выяснить, что к чему: в смысле *éventualité*³ поддержки, *intensité*⁴ поддержки со стороны Кочеткова. Увидим.

Quel excellent livre que «Les Beaux Quartiers»! Cette grande œuvre se distingue par une constante justesse d'observation, une grande verve bien française; le style est libre, pas comme dans les œuvres corsetée qu'on trouve parfois en France. Evidemment il y a un gauchisme gênant, et, surtout, qui paraît maintenant dérisoire...Au fond, bien au fond, cette question des socialistes d'avant la guerre de 14–18, et des communistes d'avant la guerre de 39–40? Eh bien, tout compte fait, ce furent de pauvres types. Les premiers et les seconds ne furent pas foutus d'empêcher la guerre. Quand j'habitais Paris, j'étais résolument communiste. J'ai été à des centaines de meetings.

¹ меня бросить.

² предоставив мне выкручиваться одному.

³ возможности.

⁴ силы, здесь: объема.

j'ai pris part à beaucoup de manifestations... Evidemment, c'était excessivement sympathique et impressionnant, et on croyait à la victoire du peuple.. Au bout du compte, on les mata, en France, les communistes. Naturellement, s'ils relèvent la tête et font un chambard tel qu'il renversera tout, alors...Mais je ne le crois pas. En Russie, ils ont mené à bien la révolution, et où ça les a menés? A presque frôler la défaite définitive, à un désordre, une saleté immonde dans ce malheureux pays russe. Marx envisageait la révolution universelle, jamais il n'avait parlé de socialisme dans un seul pays; on l'a fait ce socialisme dans un pays, et je ne vois pas du tout comment il continuera après la fin de la guerre. Je suis presque sûr que «l'expérience», même en cas de victoire sur l'Allemagne, avortera définitivement: elle coûte trop de malheurs à tout le monde. En quoi! Voyez les campagnes. Comme avant la révolution, le peuple est terriblement bête, sale et peu cultivé (absolument inculte, pour dire toute la vérité). Sale pays! Et tout de même il faudra s'y arranger. Evidemment, les capitales soviétiques sont bien. Mais cela ne compense pas le reste. Le communisme... Beaucoup s'y brûlèrent. André Gide, Hemingway, Dos-Passos étaient bien près d'être communistes; puis, pour des raisons différentes, ils se désenchantèrent... Moi aussi, et comment! Sommes arrêtés en plein champ, depuis 3—4 heures. Presque midi. Par la fenêtre, vue sur le remblai neigeux et miteux... Et tout de même, malgré tout, il ne faut pas chavirer dans le pessimisme total, perdre confiance. Il faut lutter. A tout prix et dans toutes les conditions. Je ne crois guère, pour ma part, que, dans le renoncement à la lutte pour le bonheur, il y ait autre chose que de la lâcheté pure et simple. Moi, mon but du moment est de voir Mitia, de me retremper avec lui dans une camaraderie intellectuelle qui m'est tant nécessaire. Et puis, c'est le seul ami que j'ai dans toute l'URSS, quoi. Et puis, si je suis maintenant d'une humeur de chien, c'est simplement parce que je suis inactif, que je ne fous rien, quoi. Je suis par nature un business man. Arrivé à Tachkent, il y aura de quoi s'occuper (pour ça, c'est vrai, et le plus marrant, c'est que j'en viendrai peut-être à regretter le temps présent...) En tout cas, maintenant, il y a au moins un point d'acquis dans toute cette histoire: c'est que nous sommes passés sans encombre par la zone dangereuse et que nous ne courons plus le risque d'être bombardés. C'est toujours ça de pris. C'était le premier résultat à atteindre. Il est atteint. Le

second résultat à atteindre c'est de parvenir à Tachkent. Le second but dépend du premier. Il suffit de réfléchir, sans trop se casser la tête, pour en venir à cette conclusion élémentaire: puisque nous avons, sans aucun dégas, roulé à travers la zone dangereuse, donc nous parviendrons à Tachkent. Le troisième but sera sans doute celui de s'installer pour quelques jours à Tachkent, autrement dit de trouver un endroit qui puisse nous recevoir pour dormir et servir d'abri à nos bagages. Installés à Tachkent pour quelque temps, on pourra et aller voir de quoi il retourne à Achkhabad, et voir si on ne peut s'installer à Tachkent même. Enfin, ayant n'importe quel pied-à-terre, s'orienter, commencer à chercher où s'installer définitivement, faire les affaires, quoi. Evidemment, il y a aussi l'élément de surprise dans tout cela: et si, sans autre forme de procès, on nous envoyait immédiatement de Tachkent dans différentes villes? Et si on interdisait aux évacués à Tachkent d'aller de leur propre volonté à Achkhabad, par exemple? Sûrement, il y a la part d'imprévu qu'on ne saurait prévoir. Mais c'est bien improbable, qu'on ne nous laisse pas vivre à Tachkent un bout de temps, et qu'on ne nous permette pas d'aller à Achkhabad, qui se trouve à 24 heures seulement de Tachkent. Par exemple, il se peut que tout soit plus difficile qu'il ne le semble d'ici, mais je ne peux tout de même croire à une noirceur aussi définitive à l'horizon... En tous cas, Mitia est à Achkhabad, et je ferai des pieds et des mains pour le voir — et je le verrai. Au fait combien de temps encore peut-on rouler? Notre sacré voyage dure déjà 11 jours, s'il durait — jusqu'à Tachkent — encore 11 jours, un écolier de petites classes pourrait dire, sans crainte de se tromper que le voyage entier aurait duré en tout, de Moscou à la capitale de l'Uzbékistan, 22 jours ou trois semaines. A l'échelle de guerre soviétique, c'est très bien. Mais je doute fort d'une pareille dextérité ferroviaire (le plus roulant, c'est qu'en temps normal, le voyage de Moscou à Tachkent dure 4 jours exactement). Le télégramme de Mitia est daté du 24 (c'est à dire que je l'ai reçu le 24). Ce serait chic de le voir un mois, pas plus qu'un mois, après avoir reçu le télégramme. Je doute qu'il soit parti d'Achkhabad, pendant ce laps de temps d'un mois, justement les mois de novembre-décembre sont, il paraît, très potables en fait de climat à Achkhabad, Et puis quoi, le télégramme avec l'adresse de Cezemann, ce n'est pas pour rien. Probablement qu'il étudie à quelque institut...

Какая замечательная книга «Богатые кварталы»! Это великое произведение отличается точностью наблюдений, хорошим французским остроумием; стиль совсем свободный, не то что некоторые скованные, как «в корсете», книги, которые бывают во Франции. Конечно, мешает некоторый «гошизм» <левацкие настроения>, и теперь это кажется особенно смешным. А что, по существу, в глубине означал этот вопрос социализма до войны 14–18 г.? А коммунисты до войны 39–40? В общей сложности, все это были жалкие типы. Ни первые, ни вторые даже не умудрились предотвратить войну. Когда я жил в Париже, я был откровенно коммунистом. Я бывал на сотнях митингов, часто участвовал в демонстрациях... Конечно, это было очень симпатично и впечатляло, тогда верили в победу народа... В конце концов во Франции их смирили, коммунистов-то. Конечно, если они вновь поднимут голову и начнут такой беспорядок, что все пойдет вверх дном, тогда... Но я не думаю. В России они сумели сделать революцию, к чему же это их привело? Они чуть было не проиграли войну, в этой несчастной русской стране допустили беспорядок и невообразимую грязь. Маркс рассматривал возможность всеобщей революции, он никогда не говорил о социализме в одной стране; вот и сделали этот социализм в одной стране, и я совсем не представляю, как он будет продолжаться после войны. Я почти уверен, что «опыт», даже в случае победы над Германией, окончательно провалится. Он приносит всем слишком много несчастья. В чем? Да посмотрите на деревню. Как и до революции, народ глупый, грязный, малокультурный (абсолютно бескультурный, по правде говоря). Противная страна. А все-таки надо будет как-то в ней устроиться. Конечно, советские столицы хороши, но это не может компенсировать все остальное. Коммунизм, да... Многие на нем обожглись: Андре Жид, Хемингуэй, Дос Пассос были к коммунистам очень близки. Потом они, по разным причинам, разочаровались... Сам я тоже, да еще как! Стоим среди поля, вот уже часа 3–4. Почти полдень. Из окон вид на противную снежную насыпь... И все же, несмотря ни на что, не следует утопать в пессимизме, терять надежду, надо бороться, во что бы то ни стало и во всех обстоятельствах. Что касается меня, то я думаю, что в отказе от борьбы счастья ради нет ничего иного, кроме малодушия, просто-напросто. Что до меня, то моя цель в данный момент увидеть Митю, с ним возобновить наше интеллектуальное товарищество, которое мне так нужно. Кроме того, это все же ведь мой единственный друг, на весь Союз.

К тому же, если у меня сейчас собачье настроение, это только потому, что я бездействую, словом, что я ни черта не делаю. Я по природе бизнесмен. Приедем в Ташкент, дела будет много (вот это уж верно, и самое смешное то, что я тогда, может быть, даже пожалею о теперешнем положении). Во всяком случае, теперь хоть один плюс есть во всей этой истории: мы без затруднений проехали через опасную зону, мы больше не рискуем попасть под бомбардировку. А это уже хорошо. Это была первая наша цель. Она достигнута. Вторая цель, которую нужно достигнуть, это доехать до Ташкента. Вторая зависит от первой. Стоит только задуматься, не слишком напрягаясь, чтобы дойти до этого элементарного вывода. Если мы без ущерба проехали через всю опасную зону, значит, мы до Ташкента доберемся. Третья цель, видимо, будет — устроиться в Ташкенте на несколько дней, иными словами, найти убежище, где нас могут принять и уберечь наш багаж. Устроившись на некоторое время в Ташкенте, можно будет съездить посмотреть, какие возможности в Ашхабаде, узнать, можно ли устроиться в самом Ташкенте; наконец, найдя любой приют, начать прикидывать, где устроиться окончательно, в общем, начать делать дела. Конечно, есть во всем этом и момент неожиданности: вдруг нас просто-напросто моментально из Ташкента погонят в разные другие города? Если вдруг запретят ташкентским эвакуированным ехать по своему собственному хотению, например в Ашхабад. Конечно, есть доля неожиданности, которую невозможно предвидеть. Все же маловероятно, что нам не дадут пожить в Ташкенте хоть какое-то время и что нам не разрешат поехать в Ашхабад, который находится всего лишь в 24 ч. от Ташкента. Например, возможно, что все будет труднее, чем кажется отсюда, но я не могу поверить в такую абсолютную черноту на горизонте. Во всяком случае, Митя в Ашхабаде; я буду двигать руками и ногами, чтобы его увидеть. И я его увижу. Кстати, сколько еще можно так ехать? Наш проклятый путь длится уже 11 дней. Если он продлится еще 11 дней до Ташкента, даже малолетний школьник может сказать, не боясь ошибиться, что все путешествие от Москвы до столицы Узбекистана продлилось всего 22 дня, три недели. По военному советскому масштабу, это очень хорошо. Но я весьма сомневаюсь в такой железнодорожной прыткости (можно покатиться со смеху, если подумать, что в нормальное время дорога из Москвы в Ташкент длится ровно 4 дня). Митина телеграмма от 24 (то есть я ее получил 24). Было бы здорово его увидеть не больше чем через месяц после получения телеграммы. Я не думаю, что он мог уехать

из Ашхабада за этот месячный срок; тем более, что, говорят, в Ашхабаде ноябрь-декабрь весьма сносны с точки зрения климата. Да и сама телеграмма с адресом Сеземана что-то значит. Думаю, что он учится в каком-нибудь институте.

11/XI-41

12 jours de voyage.¹ Вчера читал discours de Staline² на торжественном заседании Моссовета и московских организаций le 6 novembre³ по поводу 24^й годовщины Révolution d'Octobre⁴. Основные положения: превосходство немцев в авиации и особенно, в несколько раз, в танках; кроме как «над Ленинградом нависли черные тучи; враг угрожает Москве», – ни слова об обороне этих городов (est-ce que cela signifierait l'éventualité⁵ сдачи этих городов?); основная причина неудач Красной армии – отсутствие 2го фронта на Европейском континенте, который, безусловно, должен возникнуть в ближайшее время; Америка предоставляет СССР заем в сумме 1 млрд долларов; задача главная: уничтожение всех до одного немецких оккупантов. Итак, уже больше не болтают, как несколько месяцев назад, о том, что Германия воюет на 2 фронта. Сталин чистосердечно признает, что Германия воюет ТОЛЬКО на 1^м – Восточном – фронте. Il ne l'envoie pas dire.⁶ Я это еще давно говорил, об отсутствии 2го фронта, когда наши газеты кричали о том, что Германия воюет на 2 фронта. Какого чорта? Это первое – и очень важное; Россия принимает на себя *всю* тяжесть германских ударов, и ЭТО – основное в ее военных неудачах. Так. Второе. Совершенно ясно Сталин сказал, что, безусловно, следует ожидать создания Второго фронта на континенте в ближайшее время. (Entre nous⁷, думаю, что не раньше весны.) Европейский континент... Во Франции, на Балканах ли – где? Но – ближайшее время... Вряд ли Сталин попусту стал бы об этом говорить. Нужно надеяться, что англичане действи-

¹ 12 дней путешествия.

² речь Сталина.

³ 6 ноября.

⁴ Октябрьской революции.

⁵ означает ли это возможность.

⁶ Он говорит прямо, без обиняков.

⁷ Между нами.

тельно создадут, хоть к весне, этот пресловутый Второй фронт. Ведь не станет Сталин говорить об этом, не имея для этого серьезнейших оснований. Третье. Ведь не станет Америка предоставлять СССР миллиардный заем, не будучи уверенной в конечном разгроме III^й Империи. Этот заем — благоприятный симптом. Американцы никогда не кидают деньги на ветер. Кроме того, Сталин сказал, что Рудольф Гесс именно для того и прибыл в Англию, чтобы склонить правительство Великобритании присоединиться к «европейскому походу» против СССР; но ему это не удалось; наоборот, создалась «могучая коалиция Англии, США и СССР против национал-социалистов». Итак, роль Гесса выяснена — но, опять-таки, в Москве, в свое время, об этом упорно поговаривали. Любопытны также слова Сталина, когда он опровергает заявления Гитлера по поводу «плутократического режима Англии и Америки», о том, что «в Англии и Америке существуют элементарные демократические свободы: имеются профсоюзы, рабочие партии, парламент...» Ага! Признают-таки это, наконец... Поздновато! Но любопытно. Гитлер захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Эстонию, Литву, Латвию и ряд областей Европейской части СССР... Curieux qu'il n'a pas dit un mot de la défense de Moscou et de Léningrad — cela signifierait-il l'éventualité de la prise de ces villes par les Allemands? Hier, de nuit, suis allé à l'eau, le train s'est mis en marche, et j'ai à peine pu sauter sur un wagon international. L'emmerdant c'est qu'on ne sait jamais exactement quand le train part et combien de temps il reste arrêté. Comme ça, en allant à l'eau, aux provisions, on n'est jamais sûr qu'en revenant, on ne trouvera pas le train parti et déjà loin. Cependant, j'ai réussi hier soir à acheter du lait, et aujourd'hui, ai acheté 4 kgs de pommes de terres, du lait et du beurre au marché de Kouznetsk. Cela fut héroïque, car le marché se trouve dans la ville même, loin de la gare, le train pouvait partir à chaque instant, et il faisait un tel froid que, quand je suis revenu absolument gelé au wagon, mes doigts ne se pliaient plus et me faisaient horriblement mal. Décidément, ça coûte trop cher, ces expéditions aux provisions. Ayant aujourd'hui mûrement réfléchi ai décidé aujourd'hui ce qui suit: ayant installé un pied-à-terre quelconque à Tachkent avec les Kotchetkoff, je vais avec Alexandre Serguéévitch à Achkhabad. Là, je sonde les possibilités de Mitia; en un mot,

j'offre à la famille (grand-mère, oncle) de m'héberger (nourri, logé, couché, blanchi) moyennant une somme quelconque – disons de 700 roubles. Autrement dit je me rencontre avec lui, je lui montre ma situation difficile, je ne lui parle pas de Kotchetkoff et je lui demande de me prendre dans sa famille; je lui parle du suicide de Marina Ivanovna; j'offre à sa famille une aide pécuniaire avec la perspective de la continuer si je travaille, tout en étudiant. Mon instruction, je la prends à mes frais (en tout, j'ai 1700 roubles). En tous cas je ne risque, tout au plus, qu'un refus. En ce cas je verrai... ou plutôt Kotchetkoff verra. Evidemment je regarderai de quoi a l'air leur appartement. S'il est grand, je parlerai de me loger avec eux; s'il est petit, je parlerai seulement de la nourriture. Evidemment, je ne vois pas comment ils accepteront... Ils sont assez radins... Mais les 700 roubles... Enfin on verra. En tous cas je tâterai ce terrain-là. Et si ça réussissait? Ce ne serait pas mal de vivre avec Mitia. Kotchetkoff dit que ce plan est rationnel. Bah! J'en serai quitte à un refus, après tout... Et dans ce cas, Kotchetkoff ne me lâchera pas (du moins je le crois). Il faut espérer, c'est le principal. Espérons donc. Continue de lire «Les Beaux Quartiers». Vraiment formidable, notre plan avec Kotchetkoff. ? 1 – pied-à-terre à Tachkent. ¹ 2 – aller à Achkhabad для выяснения возможностей. Он говорит, что поможет, если надо, с пропиской... Tout cela est lointain, certes. Но надеяться надо и должно, это ясно. Sommes arrêtés en plein champ. On mange beaucoup moins bien depuis quelque temps, mais on s'en fout. On bouffe de la neige, car pour l'eau c'est dif. Encore à cause de l'ignorance du temps d'arrêt du train.

Soir du même jour

Oui, soir, bien qu'il ne fait que 4h. de l'après-midi. Le crépuscule tombe très vite. Il fait un froid terrible à l'extérieur. Je me gratte – sacrés poux. Toute la journée sommes arrêtés en plein champ. Le soir apporte immanquablement avec lui de la tristesse, un pessimisme aiguisé, du fait que déjà depuis deux – trois jours, nous ne recevons pas de pain, qu'il n'y a presque pas d'eau, que... Ah! et puis à quoi bon.. Pour moi, j'ai la trouille d'être lâché au diable par les Kotchetkoff en Asie, et de me trouver à la merci du sort... Presque pas de jour. Finis mon journal, faute de lumière: le wagon ne s'éclaire aucunement.

Странно, что он не сказал ни слова об обороне Москвы и Ленинграда. Указывает ли это на возможность взятия немцами этих городов? Сегодня ночью ходил за водой, поезд тронулся, и я только успел прыгнуть в международный вагон. Нудно то, что никогда не знаешь точно, когда поезд отходит и сколько времени он стоит. Поэтому, когда идешь за водой, за продуктами, никогда не знаешь, возвращаясь, не ушел ли поезд, и может быть, он уже далеко. Однако вчера мне удалось купить молока, а сегодня я купил 4 кг картошки, молока и масла на Кузнецком рынке. Это был настоящий героизм, так как рынок находится в самом городе, далеко от вокзала; поезд мог уйти в любой момент, и был такой холод, что, когда я вернулся в вагон, я совершенно промерз, пальцы у меня страшно болели и не сгибались. Действительно, эти походы за продуктами слишком дорого обходятся. Сегодня я серьезно все обдумал и пришел к следующему решению. Устроив какое-нибудь временное жилье в Ташкенте с Кочетковыми, я еду вместе с Александром Сергеевичем в Ашхабад. Там я обследую все возможности Мити, словом, я предлагаю его семье (бабушке, дядюшке) меня взять к себе (на всем готовом: питание, место, ночлег, белье) за какую-нибудь сумму денег — скажем, 700 рублей. Иными словами, я с ним встречаюсь, объясняю мое трудное положение, не говорю ему о Кочеткове и прошу его взять меня в свою семью; я ему рассказываю о самоубийстве Марины Ивановны; я предлагаю его семье денежную помощь, с возможностью ее продолжить, если я буду работать и учиться одновременно; свое образование я беру на себя (всего у меня 1700 рублей); я ничем не рискую, кроме отказа с их стороны. В последнем случае я посмотрю, вернее... Кочетков посмотрит. Конечно, я посмотрю, на что похожа их квартира. Если она большая, я буду говорить о том, чтобы жить у них, если маленькая, я только буду говорить о питанье. Конечно, я совсем себе не представляю, как они согласятся. Они ведь скряги. Но 700 рублей... Ну, посмотрим. Во всяком случае, эту почву я прошупаю: а вдруг выйдет? Было бы неплохо жить вместе с Митей. Кочетков говорит, что это план рациональный. Да ну! В крайнем случае мне откажут... И в таком случае Кочетков меня не бросит (по крайней мере, я так думаю). Надо надеяться, это главное. Будем надеяться. Читаю «Богатые кварталы». Действительно замечательно! Наш план с Кочетковым № 1: приют в Ташкенте; № 2: поездка в Ашхабад для выяснения возможностей. Он говорит, что поможет, если надо, с пропиской... Все это далеко, конечно. Но надеяться надо и должно, это ясно. Стоим

среди поля. Последнее время гораздо хуже едим. Но плевать. Жрем снег, так как с водой трудно из-за неизвестности, сколько будет стоять поезд.

Вечер того же дня

Да, вечер, хотя только 4 ч. дня. Но темнеет очень рано. На дворе холод страшнейший. Я чешусь – проклятые вши. Весь день стоим в середине поля. Вечер неизменно приносит с собой тоску и пессимизм, который острее оттого, что вот уже дня 2-3 мы не получаем хлеба, воды почти нет, и ... ах, да и зачем говорить. Что до меня, я жутко боюсь, что в Азии Кочетковы меня просто бросят к черту на произвол судьбы. Почти совсем стемнело. Кончаю писать, темно, а в вагоне нет никакого освещения.

12/XI-41

13e jour de voyage. Dans le wagon comble, malgré le poêle qui flambe au bout du couloir il fait très froid. Sommes de nouveau arrêtés en plein champ. Aujourd'hui il fait particulièrement froid, de 20 à 25 au dessous de zéro. Même pour écrire, c'est difficile à cause des mains trop rigides. Quel sale temps, tout de même. Les Kotchekoff se préparent à faire de la popote dans le poêle. Alexandre Serguéévitch est couché sur la «banquette centrale», brisé par une crise de foie. Ce qui est ennuyeux, très ennuyeux, c'est que la 2e fenêtre près de laquelle je suis à demi- couché presque toute la journée et la nuit, ou plutôt dans le cadre de la 2e fenêtre manque une 2e vitre, en sorte que la vitre glacée, gelée à l'intérieur de la 1e fenêtre me souffle continuellement à la face un froid tel que j'ai la trouille de rhumatismes à venir. M'est idée qu'on voyagera encore deux semaines et que le 26-27 on arrivera à Tachkent. Toujours pas de pain: pas de chance aux arrêts. Ça, on peut le dire, que le voyage est long comme un jour sans pain. Comme déjà quelques jours sans pain. Et ces poux qui me bouffent. Pas moyen de se laver. Changer de linge? Mais où mettre le linge sale? Si je le mets dans ma valise, ça foutra les poux partout... Jolie situation нечего сказать. Quant à jeter le linge sale par la fenêtre, c'est d'une prodigalité... Fini de lire «Les Beaux Quartiers». C'est un grand livre.

.....
..... 13h.30. Ai changé de linge, ai mis le linge sale dans un petit sac. N'en changerai plus jusqu'à Tachkent. Il est sûr

que ce voyage est cauchemaresque: froid, faim, poux, absence d'eau, etc. Mais cela valait la peine — rien que pour voir Mitia. C'est seulement parce que Mitia est en Asie que j'y suis parti. Ce que ce sera bien de le voir. Quelle sera sa première exclamation qui lui viendra aux lèvres? Oh! Je ne me fais pas d'illusions. Il se peut fort bien que Mitia soit tout à fait indigne de mon attachement pour lui, mais il faut bien s'intéresser à quelqu'un, avoir un but quelconque, n'est-ce pas.? Curieux de savoir si j'aurai de nouveau des poux ou si ceux-ci seront partis avec le linge sale... Tout cela, ce voyage, c'est ignoble... Le tout, c'est de ne penser qu'à la joie que j'aurai de revoir Mitia, laissant de côté toutes les considérations d'ordre négatif. Et puis le climat joue un rôle énorme, absolument. J'espère que l'azur m'en remettra un coup... Ce vieux Mitia. Je voudrais bien savoir au juste, ce que je leur demanderai aux Nasonoff... Evidemment, il faudrait, avant de parler avec la grand-mère et l'oncle, converser en tête à tête avec Mitia... Il se peut que Kotchetkoff m'aide à m'installer chez quelqu'un à Achkhabad, en sorte que ce que je demanderai aux Nasonoff sera allégé, au moins de la question du logement. Resterait la nourriture, le blanchissage... Que ferai-je à Achkhabad? Etudierai-je ou travaillerai-je (à quoi?) Ou bien les deux ensemble? Le tout c'est de ne pas rester seul, au bout du compte. Mais j'ai l'impression que Kotchetkoff ne me laissera pas tomber. Tout de même, c'est un poète, il a connu et a été l'ami de Marina Ivanovna, ça engage, tout cela... Evidemment ce ne sera pas une petite affaire que de trouver un pied-à terre à Tachkent... Mais Tachkent est encore loin. D'après mes calculs — 2 semaines de voyage nous séparent de la capitale de l'Ouzbekistan. Pour le moment faisons route vers les ports de Syzran et Kouïbychev sur la Volga. Avec nous, dans le wagon sont deux familles de militaires blessés et bruyants, qui vont à Samarkand. Des bavards, pas mauvais types, au fond.

13^и день пути. В переполненном вагоне, несмотря на печь, которая топится в конце коридора, очень холодно. Мы снова стоим среди поля. Сегодня особенно холодно, минус 20—25. Даже писать трудно, пальцы застыли. Какая все же противная погода. Кочетковы собираются стряпать в печи. Александр Сергеевич лежит на средней койке, его сломил приступ болей в печени. Что очень и даже очень неприятно, это то, что в окне, около которого я полу-

лежу почти весь день и ночь, или, вернее, во второй раме этого окна не хватает стекла, так что от первой рамы, замерзшей изнутри и покрытой льдом, мне все время в лицо дует так, что я опасюсь будущих ревматизмов. Думается мне, что мы будем ехать еще две недели и приедем в Ташкент числа 26–27. Все еще сидим без хлеба. Не везет на остановках. Да, можно сказать, как во французской поговорке, «путь длинен, как день без хлеба», даже как уже несколько дней без хлеба. А вши так и жрут меня. Никакой возможности вымыться. Может, переменить белье? Но куда девать грязное белье? Если я положу грязное в чемодан, вши разведутся повсюду. Хорошенькое положение, нечего сказать. А выбросить грязное белье в окно, это уж такая расточительность... Кончил читать «Богатые кварталы». Действительно великая книга!

.....
..... 13.30. Переменил белье, положил грязное в маленькую сумку. Больше до Ташкента менять не буду. Ясно, что эта дорога кошмарная, холод, голод, вши, отсутствие воды и т.д. Но это стоило — хотя бы ради того, чтобы повидать Митю. Ведь только потому, что Митя в Азии, я и поехал. Как будет хорошо его повидать! Какое первое восклицание придет ему на уста? О! Да я не строю себе иллюзий. Очень возможно, что Митя совсем недостоин моей к нему привязанности... Но надо же кем-то интересоваться, иметь какую-нибудь цель, не правда ли? Интересно бы знать, будут ли у меня еще вши или эти уже исчезли, вместе с грязным бельем. Все это путешествие совершенно омерзительно... Главное — думать о Мите и о радости встречи с ним и отмечать в сторону все отрицательные соображения. Да и климат играет огромную роль, абсолютно! Я надеюсь, что от лазури я воспряну. Быть может, все, в конце концов, хорошо устроится? Ах, старик Митя. Я бы все же очень хотел знать, что точно я буду просить у Насоновых. Конечно, надо бы перед тем, как говорить с бабушкой и дядюшкой, сначала с глазу на глаз поговорить с Митей. Возможно, что Кочетков мне и поможет устроиться у кого-нибудь в Ашхабаде. И тогда то, что я бы просил у Насоновых, было бы облегчено: без жилья, оставалось бы только питание и белье. Что же я буду делать в Ашхабаде? Учиться или работать (кем?), или и то и другое? Главное — не остаться одному, в конечном итоге. Но у меня впечатление, что Кочетков меня не бросит. Все же он — поэт, он был знакомым и даже другом Марины Ивановны, все это обязывает. Конечно, будет трудно найти пристанище в Ташкенте. Но Ташкент еще далеко. По моим расчетам, еще две недели пути нас отделяют от столицы Узбекистана. Сейчас мы

направляемся к портам Сызрани и Куйбышева, на Волге. С нами в вагоне едут в Самарканд семьи раненых военных, они шумные, болтливые, но, в сущности, неплохие люди.

Par exemple, il faudra aller aux bains-douches à Tachkent. Je ne me figure pas du tout la conversation avec la grand-mère de Mitia au moment où je lui demande de m'aider... Ah, ça, non par exemple... Bah, on verra! Espérons toujours — ça ne coûte rien et allège l'atmosphère intérieure. Beaucoup de choses dépendent et de comment est la ville, et des relations de Kotchetkoff, et de comment est l'appartement des Nasonoff, et du climat... Les militaires mangent mieux que les autres passagers, parce qu'ils ont mieux fait des provisions. Ce qui serait chic, c'est d'aller dans un café à Achkhabad avec Mitia... Comme ça, on continuerait notre tradition moscovite, nous nous rappellerions «l'Artistic», «le National», «le Moscou» et aussi «la Rotonde» et «le Dôme». Tout cela est fort loin, ma foi, fort loin. On en est réduit à ressasser uniformément les mêmes bêtises. Les académiciens et quelques types du wagon, une délégation, espèrent aller de Syzran à Kouïbycheff avant notre train, avec un train ouvrier, histoire de demander aux autorités qu'on laisse notre train rouler à partir de Kouïbycheff comme un train de passagers — ça irait plus vite. Tout le monde en a marre de ce sacré voyage: pas de pain, pas d'eau, pas de charbon et le train qui avance comme une tortue. Le major Kazakoff a déjà foutu le camp à Kouïbycheff, histoire de presser les événements. Mais je crois très peu à la réussite de ces démarches, auprès des représentants du gouvernement: ils ont autre chose à faire, les représentants du gouvernement... A se tourner les pouces, par exemple. Puis, simplement, je doute que quelqu'un s'inquiète de nous. Pas de provisions, c'est ça l'emmerdant. Encore, ça, la majorité des évacués l'accepterait si le train roulait bien. Mais il avance horriblement lentement... Alors, alors, peut-être que ça réussira à Kouïbycheff. Au moins du pain. Je serais très content d'en bouffer (tout le monde aussi, du reste). Par l'URSS sont bus toute l'eau de cologne, tous les parfums, faute de vodka et de vin. Il paraît qu'il y a de bonnes glaces à Achkhabad. Ce que ce serait chic: tous les deux assis à une table, Mitia et moi, en train de bavarder... Image idyllique, s'il en fut. Il paraît qu'on passera Syzran dans la nuit, comme ça, encore, on n'aura pas moyen d'acheter à bouffer.

Например, надо будет сходить в баню в Ташкенте. Я совершенно не представляю себе разговор с Митиной бабушкой в тот момент, когда я ее буду просить мне помочь... Вот это уж совсем нет. Да ну ладно, посмотрим. Будем надеяться — это ничего не стоит и облегчает внутреннюю атмосферу. Многое зависит от того, каков город, на что похожи связи Кочеткова, какая квартира у Насоновых, каков климат. Военные в поезде лучше питаются, чем другие пассажиры. Это потому, что они лучше заготавливали запасы на дорогу. Что было бы шикарно, это в Ашхабаде пойти в кафе с Митей, так мы бы продолжили нашу московскую традицию, мы бы вспомнили «Артистик», «Националь», «Москву», а также и парижские «Ротонду» и «Дом». Все это очень далеко, да, так далеко! Приходится все время смаковать одни и те же глупости. Академики и несколько типов из вагона образовали делегацию и хотят поехать из Сызрани в Куйбышев вперед нашего поезда на поезде рабочих, чтобы попросить власти пустить наш поезд из Куйбышева как пассажирский поезд. Это было бы гораздо быстрее. Всем это проклятое путешествие надоело до чертиков: без хлеба, без воды, без угля, а поезд тащится, как черепаха. Майор Казаков уже рванул в Куйбышев, чтобы попытаться поторопить события. Но я очень мало верю в успешность этих хлопот перед государственными властями. У них есть другие дела, у представителей государства — например, ногти чистить и ляды точить. Просто я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь было до нас дело. Продуктов нет, вот что самое говенное. Да и то большинство эвакуированных с этим смирилось бы, если бы поезд шел нормально. Но он идет отвратительно медленно; ну, ну, ну, может, и выйдет что-нибудь в Куйбышеве. Хотя бы хлеба. Я был бы очень рад пожрать хлеба, все остальные тоже, кстати. По всему СССР выпиты весь одеколон и все духи, за неимением водки и вина. Говорят, в Ашхабаде хорошее мороженое. Как было бы здорово: сидим с Митей за столиком, болтаем. Идиллическое видение, каких мало! Говорят, через Сызрань проедем ночью, значит, опять не будет возможности купить пожрать.

La voie ferrée longe la Volga. Pour toujours je hais la Volga et la Kama, à cause de la Tatarie, théâtre des plus horribles moments de ma vie. Bientôt allons boire du thé. Allons, la vie n'est pas si mauvaise que ça. Bien sûr, il faut rouler le plus loin possible de ces froids ignobles de la Russie. Il fait de plus en plus sombre. Tous courent regarder la Volga, car le train s'est arrêté après 20

minutes de lente marche, comme de juste et de bien entendu, au fond ce voyage est un continuel arrêt. On parle de ce que la Volga est pour nous une sorte de Rubicon. En effet, on peut bavarder pendant des heures sur «la limite de deux mondes», et que les Allemands ne veulent aller que jusqu'à la Volga et que c'est «toute une époque» et que c'est presque un moment historique et autres insanités. Ce n'est pas la Volga qui nous empêchera, tout en étant le Rubicon, de geler jusqu'à Tchkaloff. Finis d'écrire. Sombre.

Полотно идет вдоль Волги. Я навсегда возненавидел Волгу и Каму, из-за Татарии, где пережил самые ужасные моменты моей жизни. Скоро будем пить чай. Ну, ладно, жизнь, в конце концов, не такая уж плохая. Конечно, нам нужно отъехать как можно дальше от этих страшных русских морозов. Становится все темнее и темнее. Все бегает смотреть на Волгу, так как поезд стал после двадцати минут замедленного хода. В сущности, как и следовало ожидать, путешествие это — сплошная остановка. Разговоры о том, что Волга представляет для нас нечто вроде Рубикона. Действительно, можно часами обсуждать «границу между двумя мирами»; что немцы хотят дойти до Волги; что это «целая эпоха»; почти исторический момент и прочие глупости. И все же, даже будучи Рубиконом, Волга не может нам не замерзать до Чкалова. Кончаю писать. Темно.

13/XI-41

Переживаем очень трудные дни. 2 недели путешествия, и всё еще не доехали до Сызрани. Сегодня ночью все спали в шубах, так как вследствие готовности в топке загасили celle-ci¹ — неумелые люди, пришлось вновь разжигать, не было дров и угля. К утру все проснулись околелыми. Теперь на каждой станции, в поле, мы бегаем за каким угодно топливом для топки. Стоит исключительно сильный мороз. Нас неожиданно застигла ранняя зима. Державин и Кочетков говорят, что даже в 17^с—18^с гг., в годы разрухи и страшного беспорядка, и то было больше порядка на дорогах, — и они впервые переживают такие передрыгаи. А это — люди бывалые, qui ont vécu², как говорится. Но в таком положении они дей-

¹ ее.

² пожившие.

ствительно не бывали. Хлеба уже дней 6 как не удавалось достать. А мороз не ждет – и невиданный. Сегодня таскали все утро полена, дрова, бревна, даже шпалы... Всем напоминает времена революции, но даже еще хуже. А ведь всего четыре месяца войны – а какой безобразный беспорядок во всем. *Du reste*¹, наш вагон – картина всероссийских беспорядков *en miniature*². Каждый хочет распорядиться по-своему, все вносят противоречивые предложения, причем *c'est toute une histoire que de tirer quelqu'un pour faire le travail nécessaire*³. Вагон раздирается склоками, причем у некоторых доходит дело до «хамов», «подхалимов» и пр. Источники споров – в основном на базе готовности. Каждый норовит пройти вне очереди; пользуются больными детьми, чтобы готовить 2–3 раза... Более неорганизованных, сбивчивых, противоречивых людей, чем русские, не видывал и видывать не буду. Сейчас – 13 h. 30. Если будет *coup de chance*⁴, часика через полтора удастся в топке вагона сварить картошку, если какие-нибудь косолапые дураки не затушат ее до этого. *Partout règnent des*⁵ междоусобицы, разъедающие «коллектив». Какой, к чорту, коллектив! Интендант Казаков поехал в Куйбышев. Может, он там как-нибудь облегчит наше положение, в смысле быстроты продвижения, хлеба? Поговаривают о том, что он поехал в Куйбышев, т.к. там у него семья. Конечно, особенно не надеюсь на плодотворность его *démarches*⁶, если даже таковые будут. Ведь в Куйбышеве правительство и нарком путей сообщения. Но до Куйбышева еще далеко. До Куйбышева неизвестно сколько километров; до Сызрани – 20 км. Говорят, на нашем пути произошло крушение, которое задерживает наше продвижение. Выступило морозное солнце. Все говорят, что никто ничего не умеет организовать (верно, между прочим). Читаю гениального «Гамлета» в переводе гениального Пастернака. Читаю также забавные, хотя чуть-чуть устаревшие, очень остроумные и талантливые «12 стульев» Ильфа и Петрова. Что ос-

¹ Кстати.

² в миниатюре.

³ целая история, чтобы добиться, что кто-нибудь сделает необходимую работу.

⁴ удача.

⁵ Повсюду царствуют.

⁶ хлопот.

танется от советской литературы? Грин, Ильф — Петров, может, Пришвин и Шолохов. Ничего неизвестно с фронта — неоткуда получать новости. От мира, в сущности, полностью отрезаны. Вот хорошо, если бы 2^й фронт к чорту расколошматил бы немцев! Ведь, в сущности, во всех бедах они виноваты не меньше, чем мы сами, — даже больше. В России ЖИТЬ хуже, работу же найти легче, чем на Западе; на Западе же работа — все, но, получив работу, — жить легче, ВКУСНЕЕ. Прямо не знаешь, как быть. Хотя сейчас вопрос об этом не ставится: *du moment qu'on y est, faut s'arranger comme on peut*¹. Подождем — увидим. В конце концов, можно творить в полном смысле слова, занимаясь какой угодно дрянью, которая бы «давала на жизнь». Это даже было бы пикантно. Конечно, люди «свободно творящие», вроде Жида, Монтерлана, Валери — примеры соблазнительные. Они не вынуждены заниматься посторонними делами. Но ведь им лет 40—60, а к этому времени никто мне не говорит, что я не достигну их положения. Конечно, жалко своей *jeunesse non dorée*²: хотелось бы комфорта, хорошей еды... По всей вероятности, это может быть достигнуто только в зрелом возрасте. Очевидно совершенно, что надо просто снизить свои требования к жизни, постольку поскольку эти требования действительность *telle qu'elle est*³ не может удовлетворить. Очевидно, нужно плевать на сейчас и завтра, а *viser beaucoup plus loin*⁴. В сущности, надо забыть о молодости и работать на достижение обеспеченности в зрелые года. Вообще это ничего не меняет, эти рассуждения. Одно дело — реальная жизнь в СССР с ее возможностями и невозможностями, дело другое — идеалы, моральные требования, мечты и надежды. У настоящего, ЯСНОГО человека не должно быть *décalage*⁵ между идеалами, мечтами и надеждами — и реальными возможностями. Этот человек должен здраво смотреть на жизнь и приравнять свои требования к действительности. Прочь глупые мечты, порождающие ипохондриков и *ratés*⁶. Нужно уметь СО-

¹ поскольку мы уже тут, надо устраиваться, как можем.

² не золотой юности.

³ какова она есть.

⁴ а целить дальше.

⁵ разлада.

⁶ неудачников.

РАЗМЕРЯТЬ. Конечно, нужно знать и реальные возможности, не преувеличивать и не преуменьшать их. Надо жить опять-таки «по лестнице» — ведь сразу площадки 8го этажа не достигнешь. Но надо знать, что каждая ступень ведет к этому этажу — и не пренебрегать ею, и не думать, что это — конечный пункт. Я, например, хочу быть, скажем, знаменитым писателем. Основное — сохранить себя. Заниматься я могу чем угодно, лишь бы уметь самому себе создать максимум благоприятных условий для творческой жизни. Всему свое время. Придет и комфорт, и деньги, и женщины, и слава, и заграница. Нужно уметь ЖДАТЬ — и не отчаиваться. Все изменяется, все имеет временный, переходный характер. Как-нибудь устроюсь, будет когда-то мир... Небось! Хорошие времена настанут — хоть в 40–50 лет — и то хлеб, спасибо и за это. В конце концов, я сейчас пока в целостности и сохранности, как-то «шамаю», любимые книги — со мной... Что толку, что не знаю, что ждет меня в Азии? Ведь все равно как-нибудь устроюсь. Умея много не ожидать от будущего, зная свои силы и возможности, я побегу, в конечном счете — это ясно. Все же мне предстоит приятная штука: встреча с Митькой. Да еще, вдобавок, она может не произойти, можно замерзнуть в пути, могут нас не высадить в Ташкенте; высадив же, могут не пустить в Ашхабад; в Ашхабаде могу не устроиться; встреча с Митькой может быть испорчена отказом мне помочь; *tout cela est fort possible et peut fort bien arriver*¹. Я это знаю, но так как органически надо надеяться и радоваться чему-то, я это и делаю, невзирая на возможную призрачность моих надежд. Знание шаткости моих перспектив не мешает мне иметь эти перспективы, которые меня как-то питают морально. *Je me connais — et c'est beaucoup*.² Пусть все разрушится, все надежды — наплевать. *Je l'aurai prévu, d'une part, et de l'autre l'aurai pris du plaisir de ces espérances, tout en sachant que tout peut fort bien foutre le camp. C'est paradoxal, mais pratique. N'empêche que cette nuit ce me semble fort qu'il fera aussi froid qu'hier — et pire, peut-être*.³

¹ все это возможно и, конечно, может случиться.

² Я себя знаю, и это уже немало.

³ Я это раньше предвидел, с одной стороны, а с другой, я получил удовольствие от всех этих надежд, хотя знал, что все может полететь к черту. Это парадоксально, но удобно. А кстати, мне кажется, что нынче ночью будет так же холодно, как вчера, а может, и хуже.

Сейчас еще ничего, топят. А ночью ведь не достанешь дров... В этом-то и соль. Давно не мылся. Но ничего, доедем! Говорят о том, что эвакуационный документ на Союз писателей оформлялся, но его не успели захватить из-за спешки отъезда, так что у нас есть только индивидуальные справки об эвакуации, и Ташкент может нас не принять. Но неужели туда из Москвы не протелеграфировали о том, что вот едет эшелон с вагоном Союза писателей, так-то и так, общий документ придет после, со следующей группой... Все же вряд ли, доехав до Ташкента, нам придется ехать в другой город. *J'y suis, j'y reste*¹. Но все можно ожидать от неорганизованности наших руководителей. Но до этого еще далеко. Потом, я-то, в сущности говоря, хочу доехать до Ашхабада, и одна из эвакуационных справок направлена в Ашхабад, и Кочетков... Но все это слишком рано. Миновать бы холода, главное. А там — увидим. Еще пока неприметно начинает темнеть. Все перенесем, а все-таки доедем. Думаю, что в Ташкент нас пустят — все-таки вагон кто-то дал, справки кто-то выдал... Увидим. Все-таки туго мне сегодня пришлось из-за холода — не приспособлен я к этому. Говорят, делегация академиков поехала в Куйбышев, — может, они облегчат продвижение эшелона. По-видимому, мне надо просто пойти по проторенной дороге: закончить ср. школу, поступить в университет, быть скучным человеком, *tout en*² сохраняя всю мощь и внутреннюю свободу, творя параллельно с карьерой, — это самое умное. Удастся ли это — другой вопрос. Возможно, Митьке это удастся. Но до этого всего еще очень далеко.

14/XI-41

Вчера в 4 часа *après-midi*³ прибыли в Сызрань. Удалось достать по 250 г хлеба на каждого — заказали Казаков и академики, поехавшие вперед в Сызрань. Даже получил весь эшелон полный обед — суп с лапшой (1ое), съеденный вчера, и *bason*⁴ (2ое), съеденный сегодня. Сейчас начинает смеркаться: 3 часа *après-midi*. Стоим в Сызрани без малого сутки, ко-

¹ Уж раз мы тут, тут и остаемся.

² вместе с тем.

³ *Здесь и далее:* пополудни.

⁴ копченая ветчина.

ично, противно, но, по крайней мере, хорошо поели. Сегодня доставали уголь на крыше высоченного вагона. В вагоне не прекращаются склоки и скандалы. Какие-то итальяшки в бараках, *sans plus*¹. Какие это, к черту, интеллигенты? Просто смешно. До Куйбышева километров 120. Воображаю, как долго мы будем плестись! Интересно, когда мы выедем из Сызрани. Думаю, что сегодня ночью. Рузвельт заявил о том, что заем СССР будет покрываться русским сырьем через 5 лет после заключения мира. Говорят о структуре будущего мира, о сотрудничестве между народами. Вряд ли это будет – если и будет – прочнее, чем планы Вильсона и S.D.N.² Слишком много слышали мы слов, таких, какие сейчас произносит Рузвельт. Конечно, золотые, превосходные слова. Умная речь Рузвельта; речь Черчилля – остроумно; речь Бивербрука, хвалящая Сталина; речь Гарримана. Интересно в речи Бивербрука то, что он говорит, что Англии придется пройти через те испытания, через которые проходит сейчас Россия. Не означает ли это 2^й фронт? Последняя сводка: бои на всем фронте. Кажется, очень упорные на Калининском направлении. А шикарно – 7го был парад Красной армии *sur la Place Rouge à Moscou*³, как всегда, во всех предыдущих годовщинах *Révolution d'Octobre*⁴. И Сталин был и произнес речь. Тимошенко произнес речь в Воронеже; говорят, он теперь начальник Южного фронта. Парад, положим, всех обманул: был он... в 8 ч. утра. Нет, я абсолютно уверен, что даже если Гитлер возьмет Москву, все равно его разобьют. А мы правы, что едем в Ср. Азию, – там безопаснее. Шикарно было бы устроиться в Ашхабаде, с Митькой *à côté*⁵, с университетом под боком... *Pauvres rêves! Ils sont inutiles.*⁶ Но я добьюсь своего. Как-нибудь все устроится. Составляю сборник лучших стихов главных поэтов Франции XIX^{го} и XX^{го} вв. К сожалению, из источников – книг недостает: Гюго, Леконт де Лиль, Ламартин, Виньи, Рембо. Мой сборник будет состоять из избранных стихов следующих поэтов: Гюте, Бодлер, Верлен, Маллармэ, Вале-

¹ не более.

² Лига Наций.

³ на Красной площади в Москве.

⁴ Октябрьской революции.

⁵ рядом.

⁶ Бедные грезы! Они ни к чему.

ри. У А. де Мюссэ я нашел только одно превосходное стихотворение: «l'Andalouse»¹, которое войдет в сборник. Уже выписал в тетрадку лучшие стихотворения Готье, Верлена. Неприятно чувство, что это — лишнее занятие, которое как-то «потонет». Все же каждый придерживается своей линии, и я — своей: любви к литературе, к поэзии. Ха! Поезд поехал. Точно простояли мы здесь 23 часа 10 минут. Но, в общем, Сызрань нас приняла хорошо. Говорят, или мы пообедем Куйбышев, или остановимся на полчаса, вход в город *étant*² запрещен. *Je ne me fais pas d'illusions*³ насчет продвижения до Куйбышева: ехать будем дня два-три, если не больше, с остановками в поле, черепашиным шагом. Если бы нас от Куйбышева или Чкалова пустили пассажирским поездом, а не эшелоном, то продвигались бы мы во много раз проворнее. Ем морковку. Картошку всю съели. С запасами туго. Державин, Кочетков и я мечтаем о водке и вине, чего абсолютно нельзя достать от Москвы до Ташкента. *Il est vrai que*⁴ в Москве можно было достать по очереди. Возможно, что от Куйбышева мы пойдем нормальным путем. От Чкалова — одноколейка. Я думаю, что тактичнее: дать или не дать телеграмму Митьке о моем продвижении? Пожалуй, стоит. Скажем, в Чкалове: «Продолжаю путь на Ташкент Эфрон». Бесспорно, все расчеты на будущее — пусты, поскольку я еще, во-1^х, не доехал до Ташкента, во-2^х, не знаю, примет ли нас Ташкент, в 3^х, не знаю, пускают ли отдельных лиц в Ашхабад. Основное, конечно, доехать до Ташкента и чтобы там нас приняли. Мне почему-то кажется, что мне придется трудненько в смысле проезда в Ашхабад. Хотя, кто знает... Конечно, поможет Кочетков, конечно, буду показывать справку об эвакуации, где написано (впрочем, мною) «в гор. Ашхабад», и телеграмму из Ашхабада с адресом... Не знаю. Увидим.

16/XI-41

17 jours de voyage.⁵ Вчера в 10 часов вечера прибыли в Куйбышев. Удалось группе из нашего вагона, которая пошла в

¹ «Андалузская женщина».

² будет.

³ Я не питаю иллюзий.

⁴ Правда, что.

⁵ 17 дней путешествия.

НКВД, добиться гуляша и 200 г хлеба, которые тут же приесли, разделили и съели. Кроме того, академикам (ВКВШ) удалось добиться снабжения всего эшелона хлебом (в размере приблизительно 1 кг на человека), маслом (кажется, 200 г), сахаром (400 г), банкой баклажанной икры, манной крупой. В общем, здорово. Сегодня утром все это погрузили в багажный вагон. Со всех сначала собрали по 50 р. Я тоже внес свою долю. Потом, стоя у буфета вокзала для получения этих продуктов, оказалось, что нужно внести за наш вагон еще добавочно 1350 р. Так как большинство пассажиров сидело в вагоне, то я внес эти деньги — 1350 р. — коменданту Лапину. Но потом оказалось, что так как поезд уходит раньше, то закупить продуктов на добавочную сумму не удастся. Надеюсь, что скоро мне вернут мои деньги. Из Сызрани до Куйбышева ехали быстро — здорово. Был в самом Куйбышеве — почти европейский город, крупный, в общем ничего, лучше, чем все встреченные города. В Куйбышеве в общем простояли 15 часов. Что плохо, это что не удалось умыться. За 30 км от Куйбышева мы будем иметь длинную остановку на ст. Кинель, где нас перерассортируют. Возможно, там получим хлеба. Продуктов вышеозначенных академики ВКВШ добились через ЦК. Кажется, добились они распоряжения по линии о быстрейшем нашем продвижении. Увидим. *Cette manne du ciel est venue tout à fait à point*¹: все начинали голодать очень сильно. Плохо то, что, впопыхах грузя продукты, за сим, за тем, забыли взять достаточное количество воды, и нечем умыться. Это, конечно, очень досадно. Досадно также, что никогда не знаем, сколько поезд стоит на каждой станции, так что просто опасно бегать за водой. Но авось в Кинели удастся достать. Любопытно, действительно ли теперь мы будем быстро продвигаться. Вполне возможно, впрочем: во-1^а, линия Куйбышев—Чкалов—Ташкент не так загружена эшелонами, как другие линии, а во-2^а, если распоряжение ЦК дано, то это очень хорошо, *ma foi*². А в вагоне продолжают пышно цвести склоки. 14го числа на Москву было совершено два разрушительных дневных налета. Москве, конечно, сильно достается. На Западном фронте — ожесточенные бои на Волоколамском направле-

¹ Эта манна небесная пришла как раз вовремя.

² право.

нии и у Наро-Фоминска. На Можайском и Мароярославецком направлениях – сравнительное затишье, которое можно объяснить подготовкой нового германского наступления. Интересное заявление Бенеша (président de la République Tchecoslovaque¹). Образована Польско-Чехословацкая конфедерация. Бенеш говорит о будущем тесном сотрудничестве Запада и Востока Европы. Ядро Центральной Европы: Польско-Чехословацкая конфедерация. Германия после окончания войны должна будет быть децентрализована, разделена на ряд мелких государств, как в довоенное время, с разделением Пруссии также на 3 государства. Говорит Бенеш также о том, что СССР нужно будет заключить договор с Польско-Чехословацкой конфедерацией. Конечно, его речь чрезвычайно интересна. Но стоит ли сейчас говорить о будущем государственном устройстве Центральной Европы, когда еще абсолютно никаких конкретных перспектив разгрома Гитлера не видно. Слава Богу! Немцы оккупировали: Польшу, Голландию, Норвегию, Данию, Грецию, Югославию, Бельгию, значительную часть Франции, Белоруссию, Украину, прибалтийские страны; промышленность оккупированных стран работает на nazis²; вместе с 3^й империей воюют финны, венгры, румыны, словаки; фактически эти страны и Болгария оккупированы Гитлером. Немцы владеют румынской нефтью, украинским хлебом и Донбассом и продолжают ожесточенное наступление на Москву, причем, по видимому, возьмут ее; они еще не потерпели ни одного военного поражения; как бы ни были велики их потери, а в России они продвигаются. Нецелесообразно говорить об устройстве будущей Европы, поскольку даже 2^й фронт не создан. Черчилль говорит о том, что, возможно, немцы захотят опять к весне вторгнуться в Англию, и ничего не говорит о 2^м фронте. Мог ли ошибиться Сталин, говоря о 2^м фронте, или это еще придет? Какого чорта устройство послевоенной Европы, когда немцы прут и прут и не идут назад? Удастся ли Англии вести чисто экономическую войну, как это она делает сейчас? Многие скажут весна 1942го г. Тут, возможно, и 2^й фронт будет создан на Европейском континенте, и вторжение в Англию немцы могут предпринять. А немцы все прут к Москве. Не-

¹ президент Чехословацкой республики.

² нацистов.

бось Наро-Фоминск очень близко от Москвы. Немцы вводят в бой все новые резервы. Чорт их знает, удастся ли им окончательно прорваться к Москве? Потоплен крупнейший английский авианосец «Арк-Ройяль». Все же абсолютно неясны перспективы развития военных действий. Хорошо говорить об устройстве новой Европы. Но ведь все же, товарищи, звучит это несерьезно, поскольку основной предпосылки – победы военной – и не предвидится! Конечно, какой-то круг людей больше знает, чем все, и оттого, быть может, может обсуждать европейскую будущую реорганизацию. Бесспорно, у нас не все данные в руках, вот в чем дело. Больше всего интересно то: говорил ли Сталин о 2^м фронте по собственным домыслам, по каким-то обещаниям или по абсолютной уверенности, подкрепленной заявлениями formels¹ соответствующих лиц? Это – неизвестно. Все же трудно поверить, что это – слова на ветер. Не бросает он их никогда. Интересно, когда будут делить продукты. Завтра-послезавтра, наверное. Как бы не зачерствел хлеб. Составление моего сборника продвигается. Кончил читать «12 стульев»: больно для этих времен благополучна эта книга, да и не хочется как-то. Способен читать только стихи: единственное непреходящее ни при каких обстоятельствах. Хочется, хочется верить в разгром Германии, но признаки, признаки! Беспокоюсь о моих 1350 рублях, я все же уверен, что завтра-послезавтра мне их отдадут. По-иному быть и не может. Интересно все-таки, как будем ехать от Куйбышева. Сейчас едем быстро. В общем, Сызрань и Куйбышев – вполне города удачные и удовлетворительные. Господи, как хочется пойти в баню! В Ташкенте, или где остановимся, сейчас же пойду. Шикарно, что получили газету. А еду я, samarades², на неизвестность. Но прочь назойливые мысли. Как-нибудь устроюсь: жить же надо. Вот буду ли работать или учиться, или подрабатывать, учась, не знаю, не знаю... Это там выяснится, на месте. Погода явно потеплела, хотя все же остается холодной. Все эти разговоры о недовольстве войной германского народа очень хороши, но где победы, где восстания? Как говорится, нема. А продукты нужно будет разделить в скорейшем времени и деньги получить также.

¹ официальными.

² товарищи.

17/XI-41

18 jours de voyage. Hier soir avons reçu pas mal de pain¹ — тот, который был получен 15^{то} вечером, — pain blanc et noir, fameux². Человек с деньгами, Головин, отстал в Куйбышеве, но вчера вечером догнал поезд в Кинели. Сейчас — 9 h.30 du matin³ — стоим на ст. Кинель. Всю ночь производили какие-то маневры с поездом, водили его вперед и назад по путям, рассортировывали его. Кажется, его облегчили от нескольких товарных вагонов. Вчера вечером и сегодня утром ходил за водой. Сегодня утром enfin me suis lavé — très agréable et utile, ma foi⁴. По моим расчетам, через 10–9 дней будем в Ташкенте. Очень надоело это путешествие. Говорят, что получена на станции телеграмма от наркома пути об ускорении нашего продвижения, так что часа через 2–3 поедем. Еще ничего не разделили из тех продуктов, что лежат в багажном вагоне; досадно, но, по крайней мере, есть хлеб. Говорят, у ВКВШ также нет никаких «оправдательных» эвакуационных бумаг, кроме личных эвакуационных справок. Так что они в таком же положении, что и мы. Но они расторопнее — впрочем, по-видимому, потому, что их попросту количественно больше. Сейчас я точно узнал, что на станции Кинель получена телеграмма замнаркома путей сообщения, предписывающая включить нас в график как пассажирский поезд. Итак, мы — пассажирский поезд и продвигаться будем значительно быстрее. Шикарно. Теперь — главный интерес в том, что нас ожидает в Ташкенте. Жалко, что еще не начали делить продукты. Нет, конечно, при возможности я возьму прямой курс на среднюю школу. Мне нужно добиться среднего образования соûte que соûte⁵. За него пока я могу платить. Мне очень важно это: ведь высшее образование могу я получить только при условии среднего образования. Конечно, в Средней Азии мне нужны площадь, питание: это основное. Тогда я смогу учиться. Правда, я пропустил 3 месяца... Но я их догоню: дали б возможность учиться, это главное. Вообще у меня проект работать летом, в каникулы, что-

¹ 18 дней путешествия. Вчера мы получили хорошую партию хлеба.

² белого и черного, хорошего.

³ 9.30 утра.

⁴ наконец вымылся — очень приятно и полезно, право.

⁵ во что бы то ни стало.

бы как-то возместить, скажем, произведенные на меня какие-то затраты. Хотелось бы устроиться так: Кочетков нашел бы мне какую-нибудь площадь в Ашхабаде; питался я бы вместе с Насоновыми и Митькой, с ними договорившись и внесши им известную сумму денег. Сейчас же бы поступил на учебу в школе. Усиленно бы учился, а летом, пользуясь знакомствами Кочеткова, стал бы подрабатывать. План, бесспорно, заманчивый, но стоит он вилами на воде. Возможно, в Ашхабад попасть, по тем или иным причинам, не удастся; попавши туда, il se peut¹ во-1^х, что Кочетков площади для меня не найдет, во-2^х, Насоновы могут отказаться меня снабжать. Все может быть. Но все же мой план вполне целесообразен и, возможно, вполне осуществится. Но очень я не надеюсь. Во всяком случае, до крайности надоело это громоздкое, нескончаемое, грязное путешествие. Поскорее бы оно кончилось. Сегодня буду переписывать из «Fleurs du Mal» лучшие, по моему мнению, стихотворения в черновик моего сборника. У Митьки есть «Poèmes Barbares» Leconte de Lisle'a; если буду жить в Ашхабаде, нужно будет прочесть, так же как и «Variétés»? Валери (пресловутые «отдыховские» Variétés). Шикарно было бы сидеть с Митькой в какой-нибудь чайхане, вспоминать время былое и пить что-нибудь! В нашем вагоне едут какие-то курьезные карикатуры: например, сорокалетняя горе-драматургша, в штанах и полусапогах, которая носится повсюду со своей, по-видимому, единственной пьесой, давая всюду и всем ее читать и quêtant les conseils². Какая проституция творчества! Manque de tact, de discrétion, le plus absolu.³ Еще карикатура: закоснелый теоретик литературы, плохой писатель и raté⁴, хвастливый фанатик Криницкий. Молодой, совершенно неграмотный критик Макаров: небритый спекулянт, risée de tout le wagon⁵, поминутно клянчащий что-нибудь у всех. Или, например, сестры Зорьки, мещанки с золотыми зубами, думающие только о готовке. Единственные «люди»: Державин и Кочетков. Когда же наконец мы поедem?

¹ возможно.

² прося советы.

³ Отсутствие такта, деликатности, самое абсолютное.

⁴ неудачник.

⁵ посмешище всего вагона.

17го вечером поделили весь хлеб possible и imaginable¹. Вчера же получили масло. Едем пассажирским поездом № 74, по графику и расписанию, *voyez-vous ça, ma chère! D'un chic...*² Сегодня проехали Чкалов — anciennement Orenbourg, où l'on³ ссылало царское правительство. Должны еще разделить сахар, крупу, колбасу и отдать мне мои 1350 рублей. Едим хорошо: сегодня ели гуляш с кашей — и на завтра осталось. Самое приятное и замечательное: ем вдоволь масла со свежим хлебом. Шик! Очень давно не ел так масло. Плевать, что завтра-послезавтра его больше не будет. Обойтись я без него прекрасно могу. Это люкс, а я больше всего люблю именно люкс и сейчас largement⁴ его потребляю. Едем мы здорово быстро. Дня через 3—4 приедем в Ташкент. А говорят, приедем 21го числа, через 2 дня. Говорят, что в Ашхабад пускают только по особым пропускам и туда почти нельзя попасть вследствие открытой границы с Ираном. Но Ашхабад — местопребывание Митьки; кроме того, il est appelé à être⁵ культурным центром, да и народ туда не просачивается, так что я туда непременно попаду. Впрочем, Кочеткова беспокоит principalement⁶ временное устройство в Ташкенте, если еще нас туда пустят. Проезд в Ашхабад беспокоит его меньше. Вообще, все — неизвестно. Но, по крайней мере, скоро приедем. Счастливицы наши ВКВШ! Их-то в Ашхабад пустят наверное. Вообще-то говоря, лишь бы в Ташкент пустили, а не отвели к чорту на кулички. Лишь бы в кишлак не отправили. А впрочем, вдруг все устроится? — Вполне возможно. Державин — очень веселый, остроумный человек. Но сглупил: обременен семьей в 4 человека: жена и 3^{их} детей. Вот такие штуки все портят, всю жизнь. А между прочим, деньги нужно будет мои получить обратно, и возможно скорее. Нет, едем мы хорошо. Небось, я думаю, с Кочетковым не пропасть. Помоему, Кочетковы и Державины — наиболее квалифицированные. Непременно надо будет попасть в Ашхабад; это — куль-

¹ возможный и невозможный.

² подумайте, дорогая! Какой класс.

³ бывший Оренбург, куда

⁴ широко.

⁵ он должен стать.

⁶ главным образом.

гурный центр Средней Азии. Кочетков думает сначала найти *piéd à terre*¹ в Ташкенте, похлопотать о делах, съездить в Анхабад. В общем, потом увидим. Хорошо, что я с Кочетковыми.

ТАШКЕНТСКИЕ ЗАРИСОВКИ

28 августа 1942 г.

Сегодня – заседание Президиума Союза советских писателей Узбекистана. Заседание происходит в здании Союза, в крытой галерее с выходящими на двор широкими стеклянными просветами. Зимой в этой галерее находится столовая. Теперь, по причине жары, столы, стулья и буфет вынесены на волю, во двор, или, как принято говорить, в «сад» (в честь жиденького подобия фонтана). Обед начинается в два часа. Приходят проголодавшиеся писатели, их родственники, матери с детьми, сотрудники аппарата Союза, Литфонда, Охраны авторских прав.

Сегодня заседание Президиума. К двум часам заполняются столы. Но нет пока что признаков подавания. Со двора видны прения и выступления, происходящие в галерее, из открытых окон которой слышны отрывки речи, восклицания и валит табачный дым. Установка руководства Союза – максимальное присутствие писателей на заседании – все должны участвовать в общественно-творческой жизни Союза, знать задачи, стоящие перед писательским активом, выступать и говорить свое мнение о предыдущих высказываниях, *en un mot*², приносить свой вклад в дело выработки путей дальнейшего развития творческой мысли писателей, разработки бытовых вопросов и т.п. Все это прекрасно.

Но вот уже два часа, и значительная часть писателей, вместо того, чтобы присутствовать на заседании, слушать речи и высказывать свое мнение по разным животрепещущим вопросам, начинает заполнять двор и сетовать на отсутствие обеда. Подавальщицы и кассирша спокойно сидят и едят суп, равнодушно поглядывая на сидящих за столиками творцов, семейства и служащих. Наконец появляется помощник отсек-

¹ убежище.

² одним словом.

ра Союза — быстрый, длинноносый, басистый и очкастый человек — и кричит подавальщицам: «Не подавайте писателям! Пусть идут на заседание Президиума! Только служащим!» Писатели возмущаются, начинают говорить, что никакого отношения к заседанию они не имеют, что их на это заседание не приглашали, что это безобразие, что им надо на срочное свидание, а тут сиди и дожидайся конца заседания Президиума. Толстая еврейка-подавальщица, жена какого-то украинского или еврейского писателя, картавя, кричит: «Очень интересное заседание! Товарищи писатели! Идите на заседание, подавать не будем!» Но у каждого из сидящих есть свой блат; начинаются шепотные мольбы официанток: «Подайте мне, я спешу, я не писатель». Во дворе гудит гул голосов, и этот гул мешает заседающим; подавальщицы кричат «тише!», что не мешает им поднять гвалт на кухне, споря из-за очереди на получение обедов. Бегают дети, лают собаки, жалуется библиотekarша: все места заняты, а у нее только полчаса перерыва, чорт знает что такое. Кассирша наконец доедает суп, начинает выписывать чеки, и начинается обед.

Нет, решительно Президиум не может конкурировать со столовой.

29 августа 1942 г.

Недавно зашел к одному известному профессору-пушкинисту. Собственно говоря, знаком я не с ним, а с его женой; встречал ее в Наркомпросе, болтаем с ней о политике; она знает мою биографию и немножко воображает, что я — знаток международной политики, что не так уж неверно.

Дело под вечер; только что прослушали вечернюю передачу Совинформбюро; сводка плохая; настроение — en conséquence¹. В комнате — седоволосый и седобородый проф<ессор> Ц<явловский>, его жена — с кротким, чуть-чуть уныло-ироническим выражением лица. Когда-то она была, наверное, красива; теперь поблекла, но сохранила некое обаяние доброты сердца. Он и она — типичные дореволюционные интеллигенты, перестроившиеся окончательно на новый лад, но сохранившие прежние привычки, manières de

¹ соответствующее.

раiter¹, какие-то повадки прошлого. Кроме того, сидят племянник – красноармеец и племянница – сотрудница местной областной газеты. Красноармеец – молодой, чуть застенчивый, улыбающийся человек. Мадемуазель – вспыльчивая брюнетка. Разговор – скользкий. Все, кроме красноармейца, настроены оппозиционно. Хотя, вернее, это типично интеллигентская фронда. Особенно кипятится молодая девушка. Она несдержанна на язык и клеймит колхозную систему. «Я была в районе, я видела, я знаю, что это такое...» Они с красноармейцем пикируются; она защищает частную собственность: «изначальное» и т.д. Он – «правоверен». Родственники посмеиваются над ее агрессивностью, но в душе согласны; советуют закрыть окно. Разговор неизбежно переключается на *thème du jour*²: Второй фронт. Потоки высказываний, предположений, стратегических данных; в общем, все сходится на том, чтобы клеймить англичан за бездействие, и разделяют убеждение (прежнее) И<осифа> С<талиина> о «загребании жара чужими руками». Профессор и его жена, племянник и племянница плавают, явно плавают в море относительности; подобные «военно-принципальные» разговоры неизбежно приводят в тупик. Дело в том, что совсем открыто никто не высказывается, и даже если высказываются, то опять-таки приходят в тупик, к неизбежному выводу: «Мы ничего не знаем, все впереди». Но какого чорта было так долго говорить, обсуждать положение, кипятиться и волноваться, чтобы прийти к этому выводу? Мне кажется, что этот пессимистический исход, этот вынужденный фатализм, этот тупик напрашивался сам собой с самого начала; с самого начала можно было произнести этот вывод, не прибегая к длинным рассуждениям. Мне все это напоминает басню Фенелона о Ruyghus. Я это высказываю; все смущены и удивлены. Ясно, что надо было просто поговорить, хотя знаешь, что из этого ничего не выйдет плодотворного. Иными словами: да, мы знаем, что можно было сразу сказать, что мы ничего не знаем и не можем знать, что у нас нет данных, что мы можем только ждать событий, но для чего же мы собрались здесь; о чем говорить? Отчасти они правы, но как это несерьезно! Другое дело – салонный

¹ манеру выражений.

² тему дня.

французский блестящий разговор, искупающий свою бессмысленность, бесцельность, бесплодность и бессодержательность своей формой, переливами языка, блеском парадоксов и анекдотов. Но здесь все говорят искренне, кипятятся — в который раз! — как настоящие дети. Нелюбовь к четкости слова, к скупости в пользовании им, рыхлость, неопределенность; — *passer le temps, causant de choses importantes, tout en sachant l'inutilité de pareilles conversations — et c'est tout*¹.

Приходят два поэта: Павел Антокольский и Владимир Луговской. Павел А. — маленький, черноглазый, с обезьяньим лицом, живой человек. Владимир Л. — человек высокого роста, ходит с палкой, прекрасно одевается; густые брови, великолепная шевелюра, *regard léonin*²; курит трубку. Англофил, говорит медленно. Говорят, что он — дворянин, и называют какую-то знатную фамилию; *en tout cas il en a tout l'air*³. От него пахнет водкой. Все писатели пьют. В разных дозах, но скорее мало, чем совсем нет, скорее много, чем мало *et ainsi de suite*⁴. Пьют Толстой и Погодин, Луговской и Антокольский, Ахматова и Городецкий, пьют все.

В.Л. рассказывает, как он побил человека, кричавшего «бей жидов», причем Павел А. будто бы это видел. Павел А. неуверенно поддакивает. Постепенно центр тяжести разговора переходит к двум писателям. Как большинство из своих собратьев, когда они соберутся вместе, они начинают говорить о недалеком довоенном прошлом. У этих двух в воспоминаниях явно перевешивает тоска по выпитому и съеденному. Все они ездили на съезды в республики, где их угощали; сколько выпито и съедено! Мне смешно. Представляю себе, как бы матернулся рабочий или крестьянин, слушая описание выпивок и пиров этих «паразитов» (обязательно бы так выразился!).

А. и Л. рассказывают, главным образом, о Грузии, драках в ресторанах, выпивках, имитируя акцент грузин. Все это занимательно, ибо Л. — прекрасный рассказчик, а А. — остроумный человек, но крайне примитивно. Нашли о чем вспоминать! О кафе и окороках! Ну и источники вдохновения. А

¹ проводить время, говоря о важных вещах, одновременно сознавая тщетность подобных разговоров, — и это все.

² львиный взгляд.

³ во всяком случае, у него именно такой облик.

⁴ и так далее.

ведь это официальные сливки интеллигенции. Все-таки насколько они ниже западной. А может, они правы? Ведь, действительно, описываемые наслаждения – «бесспорны». Это, конечно, так. Но это очень грубо и примитивно, и то, что наслаждения такого сорта перевешивают в их сознании, – показательно и характерно, hélas¹. Такой «чувственный материализм» хорош и терпим только в гармоническом равновесии с préoccupations² и увлечениями высшего, даже иррационального порядка. Ce sont des poètes, que diables³, надо быть тоньше! Не говоря уже о несоответствии облика их творчества и облика их жизни: прославление сурового труда, с одной стороны, ненависть к буржуазии и т.д., а с другой – идеалы жизни, тождественные с устремлениями капиталистов: хорошая выпивка, хороший обед, хорошая квартира. Это выходит очень неловко.

Еще об интеллигенции. Интеллигенция советская удивительна своей неустойчивостью, способностью к панике, животному страху перед действительностью. Огромное большинство вешает носы при ухудшении военного положения. Все они вскормлены советской властью, все они от нее получают деньги – без нее они почти наверняка никогда бы не жили так, как живут сейчас. И вот они боятся, как бы ранения, ей нанесенные, не коснулись и их. Все боятся за себя. В случае поражения что будет в Узбекистане? Все говорят, что «начнется резня». Резать будут узбеки, резать будут русских и евреев. Страх перед этой резней. «Власть непрочна». Любопытно, как несдержанна и словоохотлива русская интеллигенция. С одной стороны, немец – «фриц», «мы их истребим», «сволочи» и т.д., с другой – «будет резня» и оханье при слухах об отступлении. А при победах – вы видите! Я это всегда говорил! Я это еще, помните, когда предвидел! Вот мы какие! Да мы без англичан обойдемся! Нельзя же такому человеку отвечать: «Позвольте, уважаемый! Тогда вы говорили о резне, и мрачно говорили, водя пальцем по карте: путь отрезан, отступление невозможно, что мы здесь будем делать, будет резня!» Это, конечно, сказать нельзя ни в коем случае.

¹ увы.

² заботами.

³ Это же поэты, черт возьми!

Любопытно отношение интеллигенции к англо-саксонским союзникам. С одной стороны, все говорят о предательстве Англии, наживе Америки, «исконной вражде» этих стран по отношению к СССР. Говорят о «загребании жара», «политике non-intervention¹», Гессе, капитализме. С другой стороны, наличествует симпатия к этим странам, ибо кто после войны будет «нас снабжать продовольствием, кто будет помогать восстанавливать промышленность»? Никому из них не хочется новых пятилеток. «Одни мы восстановимся только через 50 лет». Все мечтают о «condensed milk»², американском шоколаде, ширпотребе. И не только об этом. Многие фронтеры мечтают о том, что Англия и США сумеют сделать наш строй более гибким и либеральным, будет новый НЭП, увеличится свобода слова и печати и т.д. В интеллигентах борется сознание, что союзники слишком много говорят и слишком мало делают, и желание попользоваться в будущем благами, исходящими от этих же союзников. Из разговоров явствует, что жалеют не о Днепрогэсе и майкопской нефти, а о санаториях в Кисловодске и дачах. Им бы очень хотелось, чтобы союзники разбили немцев, восстановили границы СССР, а потом завалили продуктами, восстановили промышленность и немного смягчили «систему». И когда оказывается, что все-таки союзники не благотворительное учреждение, когда союзники медлят ли, мало бомбят ли, начинается возмущение, разговоры о предательстве. Это очень любопытно. Несмотря на интеллигентскую тенденцию к оппортунизму, к приспособленчеству, они отнюдь не трезвые политики. Их аппетиты и воспоминания их — главенствуют, и когда создается угроза этим аппетитам в настоящем или будущем, то вешаются носы и слышатся слова возмущения. Любят советскую власть гораздо больше за то, что она материально дала, дает и должна дать именно им, интеллигентам, чем за то, что она вообще сделала.

30 августа 1942 г.

Вчера и сегодня в парке им. Пушкина (в Старом городе) организованы «грандиозные гуляния». Весь сбор — в фонд помощи эвакуированным детям. В комиссию по организа-

¹ невмешательства.

² сгущенном молоке (англ.).

ции этих гуляний (привлечение артистов и т.п.) входят «дамы-сливки» Толстая, Иванова, Абдурахманова. Толстая, помню, говорила о неразберихе и кутерьме и порхала от одних к другим – днями – для организации всего этого дела. Вчера по просьбе Радзинской (делегированной бригадиршей всех дежурных в парке) дежурил у ворот парка. *Étaient censées*¹ дежурить также и многим другим дамам, но они выполняли чисто декоративную функцию. Я – *modeste*!² – дежурил лучше всех. Все заключалось в том, чтобы не пропускать никого без билетов и по блату. Вся соль этого гуляния в том, что можно купить по дешевке разных продуктов. Это-то и должно всех привлечь и набрать деньги для детей. Это-то и привлекает народ. Делается же это в Старом городе потому, что узбеки в своей массе гораздо богаче русских, жадны на продукты и могут свободно тратить деньги, *CQFD*³. Усевшись на главных воротах входа, маленький узбекский оркестр начинает протяжно какофонить, завлекая прохожих. Я усмехаюсь: совсем сидят они, как на верху мечети. Раньше завлекали на молитву, теперь – на гуляние. *Marrant!*⁴ Я должен никого не пропускать без билетов и пропусков, но эта музыка настолько взвинчивает нервы, настолько влияет на всех, что я теряюсь, а посетители, обезумев коллективным помешательством, прут вперед с выпученными глазами. Вообще я часто наблюдаю, как толпа легко подвергается самому настоящему помешательству, и понимаю, как могут воевать армии, понимаю штурм, и героизм, и штыковые атаки. Я сам в толпе теряю волю. До чорта влияет скопление. В толпе становишься безвольным идиотом – боишься, радуешься, теряешь равновесие. Коллективная душа... Да, если хотите, но невысокого качества. Большинство дам, привлеченных комиссией помощи эвакуированным детям, приехали в парк для закупок пирожков, винограда, коврижки, булок. О детях никто и не знает, и не помнит. Но хоть деньги идут им. «Тугие на подъем» артисты хотят, чтобы им возможно больше платили, а устроители – ибо деньги должны идти на детей возможно больше – хотят платить воз-

¹ Полагалось.

² скромный!

³ Сокращение от *фр.* *ce qu'il fallait démontrer* – что и требуется доказать.

⁴ Забавно!

можно меньше. D'où¹ — «конфликт» (как любят выражаться наши учебники по истории литературы). Поражает количество инвалидов. Инвалиды — проблема. 99% получают спецснабжение и спекулируют получаемым всюду — на базарах и улицах. Все инвалиды пьют. Очень много разложившихся военных — преимущественно из раненых или вернувшихся с фронтов из комсостава. Поражает огромное количество вульгарных «подруг» командиров. Проституция во Франции изящнее все-таки. Узбекская публика симпатичнее русской. Пьяные узбеки симпатичнее пьяных русских. Пьяный русский обязательно полезет драться, а узбек ограничится горланством. И уж конечно, le mauvais exemple² водки, пьянства исходит от русских. Нищие, хулиганы и темные элементы в Ташкенте — почти поголовно русские, армяне, евреи, а узбеки — почти совсем нет, или уж заразившиеся от вышеупомянутых. Узбеки — преимущественно торгово-земледельческий народ. На заводы идет сравнительно мало; много — в театры и оркестры. Конечно, в такой парк девушке нельзя пойти одной. Да и, в сущности, делать там — кроме жратвы и питья — абсолютно нечего. Галдеж, а выступления — низкокачественны (узбеки, конечно, поражаются жиденскими фейерверками). Я не имею понятия о том, как было раньше в Ташкенте, но развлекаться здесь средне-культурному человеку негде. Есть кино, есть театры. Есть парки. Театры дороговаты и утомительны. Дансингов, cabarets, boîtes de nuit³ абсолютно нет. Ходить танцевать в парки считается — для людей, достигших некоторого культурного или материального уровня, — mauvais ton⁴. Там публика самая разношерстная, и тереться в ней не представляет никакого интереса. Все боятся поздней ночи; одна из постоянных, неизменных тем разговоров — ночные грабежи и убийства, чрезвычайно частые в Ташкенте. Итак, остаются только театры и кино. Зимой — концерты. В Москве часто устраивались вечеринки — танцы на дому у знакомых; иногда с выпивкой, иногда — без. Но в Ташкенте это не распространено в связи, очевидно, с трудностями материально-бытового порядка: и негде, и не на что. В Ташкенте, в связи с эвакуацией, живет явно

¹ Отсюда.

² дурной пример.

³ кабачков, ночных баров.

⁴ дурной тон.

чересчур большое количество народа. Улицы с утра до вечера полны людьми. Негде погулять одному, всюду скопления народа, как *retour de manifestation du temps du Front Popu*¹. Раньше, начинает казаться, люди меньше покупали. Теперь все, страшась голода, спешат объесться – «что завтра будет», а потом ходят голодные и без денег. Никакой регулярной жизни. Впрочем, русские регулярностью не отличались никогда, а теперь особенно. Международно-политическое положение настолько запутано и непонятно, что все спешат насладиться, чем можно. Оттого так полны базары, оттого так полны театры и кино, оттого так безудержно пьют. Пили и раньше, но все-таки не в таких массовых размерах. Молодежь раскололась на два больших лагеря: одни соглашаются терпеть лишения и учиться или учиться и кое-как подрабатывать, другие – идут на завод и в армию, махнув рукой на образование и стремясь, *au dégriment de leur avenir*², к легкой наживе именно сейчас – «завтра могут мобилизовать», а на заводе, постаравшись, можно вышибить неплохую деньгу, а потом «гулять» и пить. Кроме того, для русских силачей легко дается физическая работа. И не надо думать – а это весьма существенно для большинства. Вопрос женщин. Нормального образованного человека поразит в Ташкенте чрезвычайная вульгарность, примитивность женщин. Огромное большинство из них (я говорю о молодых) исключительно верно воспроизводит тип уличных девок. Любопытно, что ужасно редко встречаешь красивых. Или это тип крикливой, вульгарной работницы, или «мамзель», подыгрывающаяся под дешевенькую актрису и напоминающая проститутку низкого пошиба, с подведенными ресницами и ртом; или тип ученицы, близко соприкасающийся с предыдущим типом. Есть тип девушки-мещанки, некрасивой, *refoulée*³, работающей; из таких иногда выходят агрономши или наркомпросовки. Есть тип студентки, порой пренебрегающей своей внешностью, ушедшей в чертежи, книги, общественную работу. Женская молодежь, *à des exclusions très rares*⁴, исключительно неприв-

¹ при возвращении с демонстрации во времена Народного фронта.

² в ущерб своему будущему.

³ скованной.

⁴ за редчайшими исключениями.

лекательна. Женщины лет 25–30 – уже лучше; среди них встречаются ничего себе. Но это тоже очень редко. Вообще народ очень, очень уродлив. Лучше, оригинальнее узбеки: изящнее, лучше одеваются. Но им, конечно, очень недостает культуры; они часто грубы и крикливы. Ташкент – царство дисгармонии.

2 сентября 1942 г.

Писатель Басов. Сед, как лунь, седая борода и усы. Толст, коренаст, мал ростом. Похож одновременно на Тургенева и на Чернова. Из народников. Член ВКП. Действительно светлая личность, идеалист, вера *comme à 18 ans*¹; это – редко. Пишет, правда, плохо, но ничего. Явно честен. А *côté*², молодая работница ушла с фабрики...

ДНЕВНИК № 13

3/1-43

За эти несколько дней моя жизнь успела перевернуться, причем перевернуться самым крутым, самым неожиданным образом. 31го числа был вывешен приказ о призыве граждан 1925го года рождения на действительную военную службу. Изя меня подвел, и Новый год я встретил один с вином, жареной картошкой, коврижкой и сливочным маслом – в общем, *côté*³ продуктов, на славу. 1го числа обедал у П.Д.: икра, рыба, винегрет, портвейн, мясной суп, плов, чай с тортом. Я уже тогда решил идти в военкомат 2го числа и торопился, торопился насладиться жизнью (получил 1000 р. от Лили). 2го числа мы с Новаковичем отправились в военкомат; просидели, простояли, проваландались весь день; прошли подобие медкомиссии, определившей нас годными, заполнили анкету; паспорт у нас забрали. Сегодня решилась наша судьба. Я, по правде сказать, очень надеялся на то, что нам дадут отсрочку, так как мы школьники и выпускники 10го класса. Прошел призывную комиссию, которой сообщил об

¹ как в 18 лет.

² А рядом

³ в смысле.

арестованных и ответил на вопрос, когда приехал из-за границы и т.д. Всем говорили, в какой род войск их определили; мне же сказали « подождать решение комиссии ». Поздно вечером, после того как нас собрали в большом зале военкомата и военком майор Коканбаев, толстый узбек в орденах, произнес пламенную речь (сначала на русском, потом на узбекском языке), начали раздачу документов. Молодые рабочие с оборонных заводов получили отсрочку до 1го июля, все остальные получили явочную карточку — явиться такого-то числа с вещами в военкомат. Новакович, которого определили в артучилище (все окончившие свыше 7 кл. зачисляются в училища), получил явочную карту на 10^е число; он зачислен в команду № 2. Я тоже получил явочную карту № такой-то, но увидел, что графа «и зачислен в команду №» заполнена неразборчиво — что-то вроде «тр.». И тут кто-то сказал, что это — трудармия, и что это — очень плохо, что это — каторга и что туда направляют уроженцев Зап. Украины, заключенных и прочий сброд. Роят окопы, каналы, работают на заводах и даже в колхозах. Какой ужас! Завтра утром я пойду с Новаковичем в военкомат, во что бы то ни стало добьюсь военкома или начальника 2^й части и спрошу — мол, всем сказали, в какой род войск их определили, а мне не сказали. Тогда, я думаю, он ответить будет должен, ибо действительно всем сказали. В случае подтверждения того, что я определен в трудармию, я попрошу изменить это решение и определить меня в артучилище — мол, неразлучен с Новаковичем, хочу защищать родину и быть вместе со своим товарищем. Кстати, захвачу справку об эвакуации от Союза писателей. Сомневаюсь, чтобы что-либо путное вышло из этой затеи, но нельзя оставаться пассивным, и хоть выяснить, куда я определен, необходимо. Итак, через шесть дней окончательно и бесповоротно кончится моя культурная жизнь и начнется страшное, бредовое, холодное и чуждое неведомое. Почему я хочу быть в одной части с Новаковичем? — Потому что он все-таки мой товарищ и мне страшно, страшно идти одному, совсем-совсем одному в какую-то страшную, каторжную трудармию. Неужели мне готовится Алина участь? Неужели мне придется работать простым рабочим или копать землю, несмотря на мои 9 классов, несмотря на мой французский язык? Неужели эта репрессия обрушится на меня — и за что,

и на сколько времени? Возникает вопрос, в связи с мобилизацией — каким образом разойтись с Марией Александровной? Оставить ли ей кожпальто, чтобы она продала? Или взять с собой — понадобится? Ведь если это трудовая армия, то форму они там не дадут... А с другой стороны, страшно, что она придет и начнет трепаться, скажем, в Литфонде. И если меня отпустят, то где жить? Неужели придется бродить без пристанища, как нищий? Ведь мою комнату тотчас же займут, когда я уеду. Потом проблема рюкзака; у меня нет рюкзака. Допустим, увидят в трудовой армии, что я непригоден к работе; пришлют обратно в Ташкент — так где же жить я буду? Ужасно все это тревожно, непривычно, страшно, зловеще. Хорошо лишь, что есть 6 дней. Надо будет, когда точнее узнаю (завтра же), протелеграфировать Муле и Лиле (если примут телеграмму, конечно); надо будет позвонить Изе, повидаться с ним и поговорить о трудовой армии, надо будет получить деньги, сходить в школу, приготовить вещи, сходить к П.Д. Куча дел. И все как-то не верится, что действительно начнется ужасное Неведомое. Кому я оставлю мои дневники и книги? Как мне жаль, как мне жаль всего! Я окунусь с головой в грубость и дикость. Но ничего — не надо терять надежды. Бог милостив.

4/1-43

Сегодня утром был с Новаковичем в военкомате. Потоптались на базаре (он продавал папиросы, я — рыбу; ха!); потом я пошел в военкомат и, сравнительно мало там промотавшись, вновь предстал перед комиссией. Я захватил документы об эвакуации, свидетельство о рождении и пр. и пр. Говорил о том, что я советский человек, учусь отлично, делаю доклады и хочу защищать родину, а не идти в трудовую армию; что не моя вина, что посадили отца и сестру и что я был за границей, и все в таком тоне, и попросился в артиллерийское училище. Оказывается, если бы я вступил в комсомол, этим было бы все значительно облегчено. Но поздно теперь. Как я мог знать, предвидеть? Тогда мне предложили каверзный вопрос: «Раз вы хотите защищать родину, что вы скажете, если мы вам предложим пойти просто в армию — не в училище, а просто в армию?» Я быстро начал соображать, что все-таки трудовая армия — это не фронт и лучше быть

рядовым не на фронте — меньше риска быть уकोкошенным. И сказал, что ответил бы: «Решаете вы, а я бы хотел — бы хотел, не хочу — пойти в артучилище». Тут они сказали, чтобы я пошел и подождал, а они обсудят. Потом вызвали и сообщили: «Решение комиссии остается прежним». Ясно, что они просто не имели права поступить по-иному: разговаривали они со мной вполне вежливо и сносно и просто ничего не могли сделать, раз по такой-то статье (есть осужденные, был за границей) полагается трудармия. Теперь я спокоен — *du moins je sais que j'aurai tenté ce que j'ai pu. J'ai échoué; ce n'est pas ma faute*¹. Сегодня продал пальто кожаное на ул. Ленина за 2200 р. Двести уже проел. Позвонил Л.Г. — увижусь с ней 6^{то} или 7^{то}; она еще ничего не знает. В Литфонде денег получить сегодня не удалось: говорят, их и нет. По крайней мере, за эти 5 дней отъежусь изрядно. Сейчас иду на школьную вечеринку; говорят, будет жратва. Отправил Мульке телеграмму.

6/1-43

Côté² жратвы, вечер в школе прошел вполне удачно. Я наелся досыта винегрету, коврижки и пирожков с мясом; пили чай, пиво, а нам, призывникам, даже дали вина. А так как были т.н. «танцы до утра», то я, не умея танцевать, скучал. Вчера был в Старом городе, где купил перчатки теплые шерстяные за 100 р., старую спецовку (вместо пиджака) за 125 р. Кроме этого, зашел к Рабиновичу, который дал старые зимние брюки, которые я и надену, когда пойду десятого числа. В Старом городе наелся превосходнейшего плова (без мяса) по 45 р. порция, пил вино, ел шашлык, яблоки — в общем, роскошествовал вовсю. Плова сначала съел две порции, потом, сделав покупки и возвращаясь в центр, не утерпел и съел еще одну — так вкусен он, *accompagné*³ портвейном, который здорово «пропихивает». Вечером начал писать письмо Муле; оно почти сегодня закончено. Сегодня купил 3 кг картошки, сливочного масла, белую булку и ков-

¹ по крайней мере, я знаю, что попробовал сделать, что мог. Не вышло; я не виноват.

² В смысле.

³ сопровождаемый.

рижки, купил ватник за 450 р. Рабинович достал мне бумаги для писем; он у меня покупает пиджак и рубашку; обещает дать теплую нижнюю рубашку; постарается достать копченой рыбы и поможет получить вперед хлеб; все это выяснится 9го числа, не позже. В школе, возможно, соберут для меня кое-что из носильных вещей; сегодня у меня была классрукша, оказавшаяся, совсем для меня неожиданно, хорошим и сердечным человеком: дала мне свои 150 р., обещала похлопотать о тех вещах, которые мне нужны, обещала постараться достать в школе пирожков; 9го я у нее буду дома — она просила зайти; по-видимому, тогда выяснится, что они достали из вещей и продуктов. Вообще-то говоря, самый большой вопрос — ботинки; я не знаю, продать ли мне пальто и на вырученные деньги поехать в ватнике, купив грубые ботинки. А то у меня на ногах лишь тонкие парижские полуботинки и протекающие калоши. 8го, если не будет дождя, пойду в военкомат и выясню там, как мне следует поступить: лучше ли ехать в шубе и тонких ботинках или продать шубу, купить ботинки посolidнее и ехать в ватнике. Там же должны знать. Кроме того, завтра Л.Г. узнает у каких-то знакомых, сын которых забран в трудармию, в чем он поехал; я ей позвоню и узнаю. Завтра обедаю у П.Д. — может, с этой стороны будут деньги (хоть 100 р., я думаю, во всяком случае, обеспечены). Продаю заранее плитку за 175 рублей. Коврижка и часть масла съедены. Держу пари, что П.Д. даст хоть колбасы на дорогу. Завтра в 7.30 должен продать хлебную карточку с 15го числа за 250 р.; 100 р. — коврижкой, 150 — деньгами; кроме того, жук, с которым я имею дело, должен принести колбасы, я его просил. Гораздо лучше и легче иметь дело с одним человеком, чем таскаться на базар, который я ненавижу. Завтра сфотографируемся всем классом в 1 час дня. Кстати, я хочу попытаться спеться с этим жуком в плане обмена моих ботинок на толстые рабочие; может, выйдет что-либо. Такие ботинки действительно жизненно необходимы. Вообще завтра день выяснительный; пойду (постараюсь выкроить время) в Литфонд; необходимо поймать Эфроса (теперь он, а не Мадарас, директор Литфонда) и просить денег и чего только можно на отъезд. Что-то Литфонд даст обязательно. Кажется, в школе джемпер уже достали; еще я говорил о ботинках и носках; на ботинки я, конечно, не надеюсь, но все может быть. Все эти дни была превосходная погода, но

боюсь, что начнется дождь, и тогда настроение испортится. 8го организуется вечер у одной из одноклассниц; пойду (если действительно он организуется) опять только из-за жратвы, так как скука будет смертная; не умею я что-то веселиться. Был сегодня у Л.Г. 9го, вероятно, принесу ей письмо Муле и дневники. Она трусиха и боится везти письмо и дневники почему-то: мол, вдруг в них что-либо неподходящее написано, и вдруг обыск (в поезде-то!) — и ей отвечать и т.д. Впрочем, думаю, повезет, т.к. ничего особенного там нет. На фронте дела хороши: взят Моздок, взяты Нальчик, Прохладная, Цимлянская. Жиро скоро встретится с де Голлем, вероятно. Эмиссар France Combattante, le général d'Astier de la Vigélie¹, по словам Пертинакса в «New-York Times», потерпел неудачу в переговорах с Ногесом, ибо Boisson, Chatel не хотят изменять порядков правительства Виши и отменять антиреспубликанские петэновские декреты и постановления в Северной и Западной Африке. На фронте в Африке затишье; все без изменений. Наелся хорошо, пора спать. A Dieu Vat.²

10/I-43

A l'heure qu'il est³ я должен был бы быть в военкомате, но дело повернулось опять; снова изменения, осложнения, и я не знаю, что думать; мое положение или очень ухудшилось, или очень улучшилось; опять все запутано. 8го числа я наконец поймал А.М.Эфроса, чтобы попросить у него денег. Эфрос, выслушав мое сообщение о призыве в трудармию, тотчас же определил, что мне туда идти нельзя, а надо быть или в армии, или учиться. Я пошел, по его совету, к М.Голодному (военная комиссия Союза писателей). М.Голодный, так же как и Эфрос, решил меня поддержать и сделать все, чтобы избежать трудовой фронт. К сожалению, получилось так, что я Голодного застал только в 7 часов, и мы условились на 9ое число в 3 часа встретиться в Союзе. Девятого я узнал, что Союз писателей запросил ЦК партии (секретаря ЦК) и секретарь ЦК обещал выяснить мое дело. Уже были случаи, что

¹ Борющейся Франции, генерал Астье де ля Вижели.

² Что Бог даст.

³ В данный момент.

каких-то польских писателей забрали в трудармию, а потом освободили по запросу ЦК. Это было 9го в 4 часа. Я должен был в 11 часов узнать у Лежнева результаты запроса, но, по видимому, секретарь ЦК ушел в театр, и не было известно ничего, хотя Лежнев «действовал кружными путями». Очевидно, Лежнев позвонил в 10 часов вечера в ЦК, но тот человек ушел. Все это мне стало известно в 11 ч. вечера вчера. Еще днем Голодный говорил, что «поскольку наличествует запрос ЦК, то мне кажется, что он (я) может завтра не являться», но тогда (в 4 ч. дня) Лежнев возражал против этого. Вчера же в 11 ч. вечера Лежнев дал мне совет не являться. «Я не вижу особой беды, если вы не явитесь завтра, — сказал он, — вряд ли завтра же к вам будут применены санкции, а послезавтра все должно выясниться». Раз Лежнев, Эфрос и Голодный, все согласны в том, что мне необходимо избежать трудармии, раз Союз хлопочет обо мне в этом плане, то я, мне кажется, сделал правильно, последовав совету Лежнева. Он, как-никак, отв. секретарь Президиума ССП. Говорят, что он очень осторожен и ни в коем случае на ветер советов давать не станет. А то, действительно, явился бы я, и пришло бы, допустим, постановление ЦК меня оттуда освободить, и это было бы, мне кажется, гораздо труднее — я уже бы работал, был бы на заводе или в части. С другой стороны, делу может повредить факт неявки как плохо характеризующий. Потом, я очень боюсь быть задержанным на улице без документов: а ведь у меня только явочная карта, уже просроченная! А задержать могут, могут вполне — милиция, военные. А там походи, выкручивайся. Страшно противно и неприятно быть на иллегальном, противозаконном положении. Но мне тоже кажется, что Лежнев не стал бы говорить попусту, не взвесив то, что говорит. Л.Г. и Дейч тоже такого мнения; также и мать Темы, которая хорошо знает Лежнева и Союз. Вчера встретил И.Г., которая сообщила, что М.А. спрашивала обо мне; действительно, я вот уже 9 дней к ней не хожу, и она, конечно, беспокоится. Я просил передать И.Г. ей, что я на днях зайду. Сложно то, что мое пальто на хранении у Дейчей (я решил ехать в ватнике), а вид ватника наведет ее на сомнения о 2ом (кожаном) пальто, что случилось с ним и шубой. И сегодня мне опасно ходить (да к тому же воскресенье). Говорят, призывная комиссия в воскресенье не работает; мне это лишний козырь. Я думаю, что в случае неуда-

чи, как и удачи, Лежнев позвонит военкому Окт. РВК Коканбаеву и объяснит, почему я не явился. Основное – это чтобы до результатов запроса со мной ничего не случилось: чтобы за мной не пришли и не задержали на улице. Как и всегда, уповаю на Бога. Авось все устроится. Все книги, документы и дневники – на хранении у Л.Г. Очень боюсь, что из пустой трусости Л.Г. дневники уничтожит. Писал ли я что о ней с плохой стороны? Сейчас не помню; если да – то уничтожит наверняка. Все это, и пальто, должно быть передано Мульке. Письмо ему она процenzуровала; некоторые места, резко упадочно-безнадежного характера, самые литературные, ею вычеркнуты, остальное оставлено. Был вечером Изя; продал ему за 400 р. галстук, пиджак, рубашку. Всего останется у меня денег рублей 300. Вещи собраны в рюкзак, продукты буду везти в авоське. Есть 2 кг хлеба, сухари, коржики 30 штук (сладкие), 1 колбаса. Еще будет ½ кг колбасы, ½ кг сыра, ½ кг коврижки. Все эти дни кутил. Завтра постараюсь увидеть И.Г., чтобы дать ей письмо М.А., потому что я всегда опасаюсь, чтобы М.А. не подняла бучу в Союзе или Литфонде. Может случиться так, что я все-таки уеду, а потом меня освободят, а она тем временем поднимет бучу, которая очень повредит моей репутации и может повлечь за собою такие последствия, как выселение и снятие со снабжения. Этого надо избежать. Если бы я не уехал, то я зайду к М.А., дам 200–150 р. и талон на зимний паек (3 кг риса, 20 яиц, 5 кг сухофруктов), если она захочет. А то я боюсь, если она узнает, что я мобилизован в армию, то она может пойти требовать каких-то денег в Литфонд и показывать мое обязательство, – а я вернусь, и каково будет мне? В случае отъезда я ей напишу подробное письмо, в которое вложу талоны на паек и пропуска в гастроном 2^й – это покроет целиком первый долг; и порекомендую ей сходить к Дейчам. В общем, как-нибудь постараюсь устроить. Темнеет. По-видимому, погода портится и предстоит похолодание. К вечеру надо будет позвонить Лежневу – узнать, когда зайти завтра, напомнить ему о себе и узнать, сообщено ли в ЦК, что мне надо было явиться сегодня. В школе дали носки, мыла кусок, носки шерстяные, пирожков с мясом 13 штук (все съедены). Валентина Ивановна дала полотенце-салфетку, сухарей, 1 ½ кг хлеба, 50 р. и 3 пищекоцентра (картоф. котлеты в порошке); П.Д. дала 100 р., ниток, иглол, була-

вок, коробку спичек, носовой платок, сахару (*entamé*¹), 2 колбасы (одна съедена), табаку, чаю, кусок мыла, дала валенки, в которых и поеду; в общем, повела себя замечательно. В счет аббасовского пайка получу от М.М. шапку-ушанку. Очень боюсь, что взрежут рюкзак (это очень практикуется, а <я> рассеянный, неуклюжий до чрезвычайности и не замечу). Как было бы замечательно не уехать в эту трудармию, быть от нее освобожденным. Возможно, что тогда меня определят рядовым. Но ведь тогда дадут обмундирование и питать будут уж во всяком случае лучше, чем в трудармии; а это имеет ведь очень большое значение. Конечно, в комиссии могут сказать, что мне предлагали пойти «просто в армию», но что я отказался. Да, варианты возможны всякие: первый, что ЦК ничего не сделает, второй — что меня определят в результате запроса «просто в армию» и третий — что мне дадут отсрочку. Трудармия, пехота или отсрочка — вот что решится завтра. Из всех трех вариантов я предпочитал бы последний — чтобы дали доучиться; потом шел бы второй, а потом — третий. Позвонить, узнать, который час. Ко мне должен прийти человек с вышеуказанной колбасой, сыром и коврижкой. Очень страшно за будущее, но как приятно сидеть у себя дома! Что бы ни случилось, так сказать, последние минуты были ничем не омрачены. Но как я гениально питался в эти дни! Коврижка, масло, пирожки, рис-шлов, винегрет, пиво (на недавней школьной вечеринке) — все было, и я уже успел поправиться. В дорогу есть достаточное количество открыток и бумаги. Читать возьму Селина «Путешествие на край ночи», «Фронт» Корнейчука и мою книжечку «*Quintessences*»². Н-да, дела-делишки. Но как приятно сидеть дома! Впрочем, моя совесть чиста: я уже совсем готов был ехать и не явился только потому, что Лежнев мне так посоветовал. Сейчас время — около 5 ч. 30. Пожалуй, надо было согласиться идти в пехоту, когда предлагали, а не упорствовать насчет училища. Я не надеюсь на отсрочку. Интересно, что сделали с этим Подрядчиком (Л.Г. о нем мне сообщила: польский писатель, был тоже забран в трудармию, потом освобожден). Боюсь, что я испортил себе все дело тем, что не явился; Эфрос, например, говорил мне,

¹ начатого.

² «Квинтессенции».

чтобы я явился (но это было до звонка в ЦК). Правда, он ведь не отв. секр. ССПУЗ, как Лежнев; он мне советовал явиться, «а потом вас вернут, как Подрядчика». Может, действительно, надо было проявить добрую волю? Но ведь Лежнев... Впрочем, *suffit*¹. Все равно уж поздно и ничего не изменишь. Бог, Бог, который раз я обращаюсь к тебе! Ты мне много раз помогал: когда я был в Казани, при выходе из московского вокзала (когда не было московской прописки). Я всегда обращался к тебе в тяжелые минуты своей жизни, говорил «*A Dieu Vat*» — и все выходило, все было в порядке. Помоги же мне и на этот раз. Сделай так, чтобы мне ничего не было за неявку, чтобы меня не задержали на улице, чтобы — и это основное — запрос ЦК окончился успешно. Я тебя очень, очень об этом прошу. Ведь это определит мою дальнейшую жизнь; ты знаешь, Бог, что надо быть счастливым и нормально жить; пожелай мне доброго и сделай так, чтобы запрос ЦК закончился успешно и дал результаты. *A Dieu Vat*.

12/143

Вчера утром Лежнев звонил Непомнину в ЦК, тот сказал, что ЦК не вмешивается в эти дела. Лежнев должен был, по крайней мере, позвонить в РВК объяснить, почему я 10^{то} не явился, но он и не подумал этого сделать, сославшись на занятость и послав меня к Голодному, которого я не застал. Тогда я сам двинул в военкомат. В военкомате творится «организованный беспорядок»; никто и не заметил того, что я вчера не явился, и на явочной карте написали: явка 17^{то} января в 10 ч. 00 утра, причем только с вещами, без хлеба, и рабочим без взятия расчета — просто проверка готовности к отъезду. Поел плова, шашлыка, выпил вина. Все 30 коржиков съедены, также и колбаса, и хлеб *entamé*². Сегодня вечером или завтра утром придет спекулянтишка: принесет 25 коржиков, ½ кг сыра и ½ кг колбасы и ½ кг коврижки. Возможно, продам чемодан. 13^{то} иду на концерт симфонического оркестра п/у Мусина, солист С.Фейнберг: 1ая симфония Скрябина и 3ий фортепианный концерт Рахманинова; иду из-за 3^{то} ф-пнного концерта, который обожаю. Сегод-

¹ хватит.

² начат.

ня, возможно, пойду в кино смотреть «Как закалялась сталь». Хотелось бы сходить в Театр Революции на «Искусство карьеры» Скриба. Завтра дам телеграмму Толстой о моей отправке в трудармию с просьбой похлопотать о переводе в военное училище. Вряд ли Голодный или Лежнев что-либо смогут сделать в этом плане, а Алимджан отказался вмешиваться в эти дела. Возможно, сегодня принесут 400 г колбасы из гастронома 2^ю (по новому пропуску). Но как я вчера ликовал, уходя из военкомата! Вообще всем дали отсрочку. Наши войска взяли всю группу курортов: Минеральные Воды, Кисловодск, Пятигорск, Железноводск и пр. Это очень здорово. Большая речь Рузвельта. В Тунисе находится около 60 000 войск держав оси; союзники там не очень успешно действуют; кстати, отличаются французские войска Лекленна и де Лармина; молодцы французы. Толстой получил третий орден: орден Трудового Красного Знамени. Сегодня заходил к хозяйке; ее не было дома; оставил записку, что зайду завтра днем. В Союзе дают мясо 3 кг, но я не в списках, и пока дают только членам Союза и членам семей фронтовиков. Мясо — превосходное. Ну, не дадут, tant pis¹. Читаю Писемского. Думаю — позвонить П.Д. или нет? Возможно, завтра позвоню; je ne veux pas perdre², как говорится, une bouchée³. Любопытно, за сколько можно продать чемодан; дело в том, что паек спекулянта обойдется мне в 450 р., а деньги нужны и нужны; мало ли что еще нужно купить. Скоро будут давать рис, — передам его хозяйке. А вот если и яйца получу, то вряд ли передам. В Литфонде дня через два будут деньги. Что-то от Мули нет телеграммы: или он ее послал и она еще не дошла, или он не получил моей телеграммы, или получил столь поздно, что не счел нужным посылать свою. Так бы хотелось иметь от него напоследок привет. Так, все усилия прилагаю к успешному питанию; смешно сказать, все говорят, что я за эти дни поправился! Уже соскучился по коржикам; авось спекулянтишка принесет сегодня; завтра утром-то наверное. Эх, были бы деньги, купил бы вина; в Старом городе продается превосходнейший белый портвейн. Завтра же продам чемодан.

¹ не беда.

² я не хочу потерять.

³ ни одного куска.

13/143

Вчера Мадарасик колбасы не достал — не успел. Постарается сегодня; надо будет подцепить его в столовой и напомнить. Просто неохота самому в очереди стоять, а у него время есть. Решил продать мыло, чай, табак и чемодан: *cela fera de l'argent*¹. Жду спекулянтишку — вчера он не пришел, и мы с ним условились, что если он не придет 12^м вечером, то пожалует 13^м утром. Так как я рассчитываю, что он придет (еще только 10.30 часов, а мы условились от 10 до 12) и принесет вкусные вещи, то я, не желая портить аппетита, еще ничего не ел — да и нечего. Если удачно продам, что предполагаю, то обязательно куплю 200 г сливочного масла — особенно оно необходимо, если спекулянтишка принесет коврижку и сыр. Сегодня до 12, или вернее, до часу, жду спекулянтишку; потом пойду оценить чемодан; потом вернусь домой и махну в столовую; днем, после столовой, зайду к старухе; потом отправлюсь или домой, или пойду в кино; уходя, оставлю записку Скитаюму (спекулянтишке), чтобы зашел к вечеру до 8; а в 8 отправлюсь в концерт. Было бы необходимо выжать как можно больше денег из Литфонда; постараюсь «аккрошировать»² Эфроса; напишу заявление рублей на 300, скажу ему, что Литфонд обещал помогать материально, а я уже месяц ничего не получал; авось подпишет. Вот леший спекулянтишка, если обманет, не придет! А так хочется поесть вкусного! Завтра утром, возможно, махну в Старый город есть плов и пить вино — если будет хорошая погода. Да, любопытно, как мне удастся продать чемодан и придет ли утром спекулянтишка с продуктами. Возможно, что завтра получу рис и яйца. Если получу, то рис отнесу хозяйке, а сам буду устраивать роскошные омлеты. Чай продам рублей за 60, за мыло хотел бы 200, но узбеки предлагают сто. Сейчас продал чай за 60 р. и ½ стакана кислого молока. Интересно, придет ли спекулянтишка. Я ему шею сверну, если придет потом, а не когда условились.

14/143

Вчера утром спекулянтишка притащился и притащил 25 коржиков и немного коврижки. Все это сейчас уже съедено — *chez moi ça ne traîne pas*³. Потом мы с ним пошли оценить

¹ получатся деньги.

² От *фр.* *accrocher* — зацепить.

³ у меня с этим дело не задерживается.

чемодан в комиссионку. Там оценщик сказал, что он эту вещь не примет, но на улице Правда Востока мне за нее дадут 800 рублей. Мы условились со спекулянтишкой, что он зайдет вечером, принесет остаток продуктов на 200 р. и 600 р. наличными. Я позавтракал в Союзе, зашел к хозяйке; с этой стороны все в порядке — я посулил ей рису и денег, и она пока не «бузит». Вечером спекулянтишка не заявился, и я пошел в ОДКА, где прослушал довольно безразличную мне 1^{ую} симфонию Скрябина и замечательный 3ий ф-пнный концерт Рахманинова. Купил на сегодня вечером билет на «Живой труп» в театре Берсенева. Сегодня идет дождь. Программа дня такова: в 12 ч., если до этого не придет спекулянтишка, пойду продавать чемодан, причем продам его ни в коем случае дешевле, чем 800 р.; *du moins*¹ постараюсь. Потом пойду и стану в очередь за рисом, если только есть яйца; если яиц нет, то из-за одного риса, который достанется хозяйке, стоять не буду ни в коем случае. Надо купить картошки — очень захотелось ее. В Литфонд подал заявление на деньги; скоро должны быть. Я думаю, что спекулянтишка меня надул: продал все коржики, а основное и хорошее: сыр, колбасу и коврижку почему-то оставил. Впрочем, он, может быть, еще придет. Все ломаю голову: удобно или нет звонить П.Д.? Нет, пожалуй, неудобно. Увидим, что принесет этот день. Очень хочется продать чемодан не меньше 800 рублей, не продешевить. И потом, очень хочется застать сегодня яйца. Купить картошки, поджарить и выпустить эдак яйца четыре: будет гениально! Вот что плохо, так это что дождь — промокнут ноги, промокнет, соответственно, и настроение. Наши войска взяли Эссентуки. Генерал Жиро организует французскую африканскую армию; она получает американское вооружение. Телеграмму Людмиле Ильиничне решил не давать.

14/I-43

Сегодня утром спекулянтишка пришел не в срок, тогда, когда меня уже не было, и обещался прийти в 7 ч. сегодня вечером. Я продал чемодан за 750; осталось 300 р.; купил картошки 2 кг, банку баклажанной икры, 2 огурца, 250 г сахарного

¹ хотя бы.

песку, купил один бублик, 10 конвертов, выпил $\frac{1}{2}$ стакана вина, купил 2 огурца соленых и 150 г масла сливочного – вот тебе и 400 рублей. Яиц не давали, так что я в очередь и не стал вставать. Обедал гениально: на hors-d'oeuvre¹ черный хлеб с маслом и баклажанной икрой. Суп изготовила соседка Мария Михайловна (она меня угостила бараньим супом, а я получил в гастрономе 2^м – Мадарасик достал – баранью голову, и сегодня вечером она будет варить суп и будет есть sa part²). На 2^м – жареная картошка с солеными огурцами, и М.М. угостила котлетой (опять-таки из мяса, полученного в Союзе и которого я не получил). А сегодня вечером будем варить баранью голову; если самого съедобного мяса там и не так много, то суп получится отменный, тем более, что есть крупа и картошка. Хотя я и взял билет в театр, но вряд ли пойду – хочу дожидаться спекулянтишку, да и в слякоть переть неохота. Сейчас готовлю кофе. С песком – благодать! Авось спекулянтишка вечером занесет коврижку – тогда совсем хорошо будет. Читаю Мопассана.

15/143

Сегодня написал, по совету Дейча, письмо о моем деле секретарю ЦК Ломакину и передал его в ЦК. Попытка не пытка, может, что и выйдет. Дейчик дал мне телефон Ломакина; завтра буду названивать и узнавать. В Литфонде Эфрос выписал 300 р., но денег опять не было, и я ни шиша не получил. Спекулянтишка притащился, но не мог поймать своего «патрона» и потому не принес сыра и колбасу. Обещает завтра. Звонил П.Д. Приехал Митя Толстой; завтра буду у них обедать; завтра же постараюсь получить в Литфонде денег. Передал хозяйке талон на рис. Яиц не будет. Письмо Ломакину – последняя моя надежда на избавление от трудармии. Всю коврижку, баклажанную икру, масло, хлеб и картошку съел; аппетит у меня какой-то сверхъестественный. М.М. угостила полтарелкой превосходного плова собственного изготовления (на моей плитке у меня в комнате – из-за штепселя). Погода стоит дегугантнейшая³: снег мокрый, грязь; гало-

¹ на закуску.

² свою порцию.

³ От *фр. dégoûtant* – отвратительнейшая.

ши протекают. Итак, завтра, по крайней мере, хорошо пообедую у П.Д. И приятно повидаться с Митей Толстым. Сейчас варится суп из остатков головы телячьей. Боюсь, что письмо Ломакину будет *la bonne idée qui vient trop tard*¹. Любопытно, что будет 17го и на когда назначат окончательную отправку. Сейчас — 12 ч. 30 ночи. Глаза слипаются. Завтра будет весьма «мотательный» день: надо и вещи собрать, и Ломакину звонить, и зайти в школу за справкой, и в Союз пойти узнать, можно ли получить денег, и к П.Д. пойти, и к Дейчам зайти за ватником. Не знаю, как быть со спекулянтишкой; очень неохота пропустить сыр и колбасу; я с ним договорился, что если он занесет обещанное, а меня дома не будет, то пусть оставит продукты у соседей, где я оставлю для него деньги. А не надует ли он меня? Вдруг оставит меньше, чем надо. Лучше всего напишу записку ему, чтобы он приходил вечером, а вечером я рассчитываю быть дома. Деньги же, на всякий случай, возможно, оставлю у соседки. Не знаю, увижу. Ой, матушки-бабушки, по вечерам болит больной зуб, и гнусно делается во рту и на душе. Читаю довольно-таки скучного «Тюфяка» Писемского.

19/1-43

16го обедал у П.Д. — была необыкновенно соленая рыба, и вообще обед был неоригинален и неудачен. У П.Д. нелады с Митей Толстым, его приняли — *à vingt ans, pensez*,² — в Союз композиторов, и он очень самоуверенный молодой человек и хочет быть хозяином, отсюда трения. 17го, в исключительно холодный, морозный день, я провел в военкомате, как и другие призывники. Я был в ватнике, ушанке, валенках. Разорялся на плов и лепешки, форменным образом разорялся: порция плова (пиала) стоит 45 рублей, а маленькая лепешка — 15 (и есть и по 20, 25, 30). Но как все это вкусно! и *la faim tenaille*³. Продам оба мыла. Только вечером 18го числа я получил обратно свою явочную карту с отсрочкой до 25го числа, причем 25го явиться без расчета и без продуктов — как и 17го. 19го, сегодня, меня вызвали в ЦК, в военный от-

¹ прекрасной идеей, которая приходит слишком поздно.

² это в двадцать лет, подумать только.

³ голод так терзает.

дсл, к тов. Хакимову, который мне сообщил о том, что «в Октябрьский райвоенкомат даны соответствующие указания, и чтобы я шел туда числа 20го–21го, и там мне все скажут». Итак, дело двинулось, и, насколько я понимаю, или меня перевели в команду № 2 и зачислят в военное училище, или дадут отсрочку. Возможно, что завтра утром я отправлюсь в военкомат и узнаю у майора Коканбаева – военкома, как и что. Получил талон на овощи, получил письмо от Мули, письмо от Али, перевод на 300 р. от Мули, телеграмму от... Вали: «Срочно телеграфируй точный адрес для перевода вернулась в Москву Валя». Очень хорошо, а то я уже махнул рукой и думал, что Валя отвернулась от меня после «разоблачительного» письма. Завтра – самый сложный день. Для того, чтобы получить перевод на почте, необходимо, чтобы со мной пошел Новакович, ибо мой паспорт – в военкомате, а без паспорта денег не выдают, и я написал доверенность на имя Новаковича, чтобы он получил по своему паспорту. Значит, надо с ним идти на почту; на почте еще могут к чему-либо придраться, и придется все начинать сначала. Это – раз. Во-вторых, завтра надо получать овощи, надо получать деньги в Литфонде, надо зайти к М.А., которая сидит на мели без гроша. А когда же я успею в военкомат? И овощи получить, и деньги получить, а в военкомат без денег я отправляться не могу. Нет, пожалуй, придется туда пойти числа 21го, а завтра постараться сделать все дела; ведь деньги очень нужны, и овощи тоже. Конечно, хотелось бы поскорее узнать свою участь. Меня все время терзает какой-то сумасшедший голод. Сегодня ел коврижку и бублики; сейчас варю перловую кашу. Блокада Ленинграда прорвана! И вообще замечательные успехи.

22/1-43

Вчера был в военкомате; там ничего никто не знал нового касательно моих дел. Каждое посещение Старого города буквально меня обдирает – вчера истратил 160 р.: вкуснейший суп с рисом, мясом, картошкой и приправами, штук 6 лепешек, 3 шашлыка, кофе – *ça vous guine*¹. Потом весь день звонил Хакимову, но все не заставал его; позвонил помощнику

¹ это же разорение.

Ломакина Матвееву, который сказал мне, что мое дело поручено Хакимову, который является заместителем заведующего военным отделом ЦК, и именно с ним я должен связаться и иметь дело. Наконец, к вечеру я дозвонился к Хакимову, который сказал, что ко дню моей явки — к 25^у, все будет сделано и сообщено в военкомат. Для пущей верности я ему позвоню 24го числа — накануне явки. Не верится мне что-то, что он что-либо сделает, и что то, что он позвонит туда, окажет влияние на ход событий. Боюсь, что он считает мое дело «неинтересным», мелким и потому ничего, или очень мало, сделает. Впрочем, зачем же было меня вызывать? И раз Ломакин дал ему указание, то он должен исполнить обязательно. Итак, послезавтра буду ему звонить с напоминанием о моем деле. Сегодня на базаре продал шерстяные носки и зеркало — 75 р.; купил 3 лепешки, 3 пряника и 1 бублик; сейчас все это съедено, и варится «суп» из остатков тыквы, картошки. Л.Г. наконец сегодня получила на почтамте по доверенности мои 300 р.; завтра их у нее получу. Должен Новаковичу 35 р., да кофе надо купить — 28 р. (для М.М.); вот уже 63 р. долой. Есть хочется все время, просто трагедия; это от хорошего аппетита и от того, что благодаря этой вольнке с призывом голова не может ни на чем сосредоточиться и только и думаешь, что о жратве. Позавчера отнес хозяйке 100 р. Литфондовские 430 р. проедены в лоск. От Али прелестное письмо и фотокарточка, которая мне дорога и которую буду беречь. Вчера вечером с Новаковичем пили вино (самодельное, очень хорошее, но вышло очень мало: по 2 ½ стакана на человека) и жарили картошку (картошка моя, масло и сковородка — его). Аля пишет, что выслала 100 р. Сегодня послал ей письмо; завтра дам телеграммы Муле и Вале. Сегодня — «генеральная оттепель»; галоши дико протекают. Наши войска взяли Ставрополь. Сегодня в 18.00 Новаковичу явиться в военкомат; любопытно, когда их отправят. Суп варится.

24/143

Вчера был у П.Д. и обедал; был остроумный Чуковский. С оказией Л.И. прислала мне письмо, которое и передала мне П.Д. Л.И., в ответ на мое письмо, пишет, что сейчас А.Н. вызвать меня не может, ибо нельзя дать никакой вразумитель-

ной версии для «официальных демаршей», как она выражается, — ибо вызывать в Москву школьника среди учебного года невозможно; так Л.И. пишет, что как только я окончу 10^й класс, А.Н. сделает все, чтобы вытянуть меня в Москву, а до этого мне надо потерпеть, тем более, что ее мамаша уедет не ранее конца марта — начала апреля, а после ее отъезда Л.И. вышлет мне денег — пусть я напишу, сколько мне «надо, чтобы не голодать». Письмо выдержано в очень теплых тонах и дает крепкую надежду на вызов в Москву летом. Я вполне согласен с Л.И. Эх, кабы дали отсрочку! Вот лафа была бы! Сегодня буду трезвонить в ЦК Хакимову, напомнить ему обо мне — мне ведь завтра являться. Обедать в Союзе, там же менять книги. Увлекся Писемским — «Старческий грех», «Ипохондрик», «Русские лгуны», все это талантливо и читается с интересом. И Мопассана читал с огромным удовольствием. Сегодня идет мокрый снег. Галоши протекают до неприличия — башмаки и ноги совсем мокрые. Осталось от 300 60 р. — зато вчера был сыт целый день. Думаю продать валенки; все равно без галош они никуда не годны. Надо прицениться в скупункте. Купил бы плитку, картошки, масла. Впрочем, очень торопиться не следует. Пока что Хакимова нет. Надо дозвониться до Л.Г.; зайти к ней вечером. А завтра в 9 — в военкомат. Новаковича со 2^й командой (те, кто зачислен в училища) окончательно отправят 27го числа, с вещами, взять расчет и продуктами. Да, сегодня необходимо дозвониться до Хакимова. А есть каждое утро как хочется! Впрочем, отчасти это от лени; если бы учился, было бы все-таки другое состояние. A Dieu Vat.

27/1-43

Двадцать пятого был в военкомате. Назначили явиться 28го тоже без расчета и без вещей — значит, назначат на какое-нибудь другое число окончательный отъезд. Военкома добиться не удалось; если ему и звонил Хакимов, то военком не довел инструкции до сведения оперативной части, и в военкомате по поводу «соответствующих указаний» по-прежнему никто ничего не знает. Там творится дикий беспорядок; никак не могут отправить людей, таскают по баням, где у них поруют вещи и течет холодная вода, маринуют по чайханам по 5 дней, а потом возвращают домой с тем, чтобы вскоре

начать всю процедуру снова. Бред! Я дрожу при мысли о том, что все это мне предстоит. 25^{то} продал валенки за 325 р., которые уже проел: голод мучит и мучит, только о нем и думаешь: ведь плитки нет, масла нет, нет хлеба, картошки, макарон; а без всего этого ничего нельзя дома готовить и приходится разоряться на базаре. Сегодня отправляется окончательно Новакович. Вчера во 2^й половине дня безуспешно пытался дозвониться до Хакимова, но ничего не вышло. Был у П.Д. и обедал; отдал ее Лене стирать белье; очень боюсь, что назначат день отъезда, а все это не высохнет из-за погоды сырой. Променял варежки на бублики. Утром отправляюсь за свеклой в Союз — 5 кг себе и 5 кг М.М. Свою долю продам на базаре — на кой она мне? Это тоже будет делом нелегким; все еще не отдал 16 р. за кофе М.М., да и Новаковичу должен 35 р. А есть, есть все хочется и хочется целый день, просто беда какая-то. Наше наступление на прежних фронтах успешно продолжается. Сегодня обязательно необходимо дозвониться к Хакимову и попросить его или позвонить к военкому, если он этого еще не сделал, или еще раз ему позвонить, потому что ничего не изменилось и все по-прежнему. Какая досада, что здесь нет А.Н.! Все было бы сделано в два счета, и дали бы возможность доучиться. А теперь я сильно сомневаюсь, чтобы вышло что-либо путное из всех этих хлопот. A Dieu Vat, впрочем.

28/143

Сегодня опять дали отсрочку до 2^{то} — 2^{то} надо явиться, и опять без расчета и без вещей. Что за бред! Вчера дозвонился до Хакимова. Сначала он мне говорил, что я все узнаю в военкомате, а потом я, по его совету, позвонил его начальнику, заведующему военным отделом Гогсадзе. Разговор был короток; о моем деле он знал и только спросил, какой именно это военкомат, что я ему и сообщил. Лишь сегодня я понял истинный смысл фразы Хакимова: «В военкомат даны соответствующие указания». Это совсем не означает: даны указания из ЦК по вашему делу, отнюдь нет, а лишь говорит о том, что-де, мол, в таких случаях, как ваш, у них имеются соответствующие указания на то, как действовать! Это подтверждается его ссылками на военкомат: там скажут, там узнаете, и тем, что в военкомате никто ничего не знает — не

знает потому, что ничего не было сделано! Значит, Хакимов просто положился на военкомат, ничего не выяснил и отослал меня к Гогсадзе, который тоже ничего не сделает, вероятно. Сегодня я позвонил помощнику секретаря ЦК Матвееву, который мне сказал, что по моему делу Хакимову было поручено выяснить и сделать что-либо, если возможно. Тогда я ему изложил создавшееся крайне нелепое положение и попросил позвонить Хакимову или Гогсадзе, что он обещал сделать. Завтра я позвоню Гогсадзе и Матвееву же. Все это абсолютно как в «Le Château» de Franz Kafka. Проел шапку-ушанку; теперь важно скрыть это от соседки (я ей уступил часть каракалпакского пайка за эту шапку и рюкзак); теперь же она порывается вернуть обратно шапку, но я буду тверд – *et pour cause*¹! А все же получить часть пайка необходимо (если начнут выдавать раньше отъезда). Сегодня получил хлебную карточку на февраль; это хорошо, потому что к отъезду смогу взять на 5 дней вперед хлеба, а не покупать его на базаре. Сегодня выдавали на Калининской по банке шпротов (вместо яиц), но я не стал стоять, так как была колоссальная очередь. Пойду завтра утром; авось достану. Денег совсем не осталось; возможно, придется попросить у соседки; я уж ей должен 26 рублей. И на обед надо раздобыть денег. Думаю отдать галоши в починку в мастерскую Литфонда, и чтобы сделали вне очереди, благо я призываюсь в армию; и на это нужны деньги. Я все жду Алиных 100 рублей, да и к 1^{му} числу П.Д. должна дать 100 рублей, но ведь жить-то надо каждый день, и голод здорово прохватывает. Конечно, страшно досадно, что я не занимаюсь и не хожу в школу, но просто физически не могу этого сделать; пока мои дела с военкоматом окончательно не выяснятся, я в школу ходить не буду. Еще надо будет получить козинаки 0,5 кг. И особенно хочется получить шпроты. Надеюсь, что завтра утром удастся получить. Хожу без галош, в ужасно грязных ботинках, и порчу их безбожно; бедные ботинки! Надо будет зайти на почтамт – может, что-либо есть. Прочел с удовольствием «В водовороте» Писемского. Конечно, роман этот чуть реакционен, написан небрежным языком, психологии мало, но характеры в нем – живые, ознакомляет он со многим, что не знал прежде, читает-

¹ по явным причинам.

ся легко, легко в него вчитаться, и нигде нет ощущения скуки. Сейчас читаю «Взбаламученное море». Наше наступление успешно продолжается на прежних направлениях. Звонил П.Д.; зайду к ней, очевидно, числа 31го–1го, ну и пообедаю, конечно, о чем и мечтаю, ибо, как всегда, увы! — голоден. Здорово будет, если получу шпроты, вот здорово! У плитки моей соседки, которая стоит у меня с ее чайником, перегорела спиралька. Ну и, конечно, та меня заставит платить за половину ее, потому что я когда-то ею пользовался! Тут уж ничего не поделаешь.

29/143

Сегодня позвонил к Матвееву и получил от него наконец определенный ответ: «Вам отказано». — «Где? В военкомате?» — «Нет, ваш вопрос ставился перед штабом САВО». По крайней мере, теперь я знаю, *à quoi m'en tenir*¹, и могу больше не звонить и не мучиться уклончивыми ответами разных Хакимовых. Теперь ясно — отказали и баста. Может, большой ошибкой было то, что я не телеграфировал Алексею Николаевичу; но что он может сделать оттуда, так далеко, да и совестно мне всегда к Толстым обращаться. Будь он в Ташкенте — другое дело, но из Москвы он вряд ли смог изменить курс моей судьбы в желанную сторону. Сегодня получил банку консервов — дивная белуга или бычки в томате; в 15 минут всю съел. Голод, голод! Все время хочется есть. Надо быть или очень занятым, или влюбленным, или интересоваться очень чем-либо: а если всего этого нет, то вспоминаешь о голоде, и сознание голода затмевает все прочее. Интересно, как я буду праздновать день моего рождения, 1го февраля? Наверное, никак — нет ни гроша денег: М.М. должен 36 р., Мадарасу — 10. Читаю «Взбаламученное море». Завтра пойду проведать насчет заливки галош. De Gaulle и Giraud наконец встретились. Эх, были бы деньги, пошел на базар и накупил всякой всячины.

*Soir du même jour*²

Решительно сел в калошу (и то — протекающую!). Впрочем, это ничуть не смешно. Ну что тут поделаешь? Голод,

¹ на что могу рассчитывать.

² Вечером того же дня.

да и только! Все время сверлят и мучат мысли о еде. Хочется есть, а денег нет; вот и вся постановка проблемы. Есть хочется просто-напросто целый божий день. Утром сегодня, например, я пошел часам к 11; с полчаса стоял за консервами, получил их; пошел на почту, на почте — ни денег, ни писем. После этого дома был в 13 ч.; потом пошел обедать в Союз; продал на 16 р. книг. В Союзе, на две обеденных карточки Басовых, съел два супа с джугарой и два «рагу» из свеклы и моркови. Все утро я хотел есть, и съел эти два обеда страшно быстро, смешно сказать! Но они меня совсем не насытили. Я отправился на Алайский базар, где купил ржаной бублик за 10 р. и пряник за 6 р. Пряник — белый, очень вкусный, но, увы! — маленький. Я сейчас же съел. Бублик, на закуску к консервам (не есть же их просто так), думал донести до дому, но настолько проголодался, что не удержался и съел в дороге добрую половину его. С большим трудом я не съел его целиком. Придя домой, я открыл банку консервов — какая-то рыба в томате, очень вкусная и напоминающая парижско-американские «Pilchards»¹, которые я когда-то едал. Менее чем в 15 минут все содержимое банки было поглощено, вместе с остатками бублика. Любопытно, что все говорят, будто я медленно ем! И вот сейчас я сижу... и нюхаю запах пустой коробки от консервов. И все время видения еды проносятся в моей бедной голове. В Ташкенте слишком много соблазнов: на базарах с рук можно купить абсолютно все: и белые булки, и бублики, и пряники, и колбасу, и конфеты, и масло сливочное и топленое, и сало, и даже сахар. Но все это очень дорого. Меня мучит голод; мучит форменным образом; во всяком случае, я от этого страдаю. Соседке везет: она прикреплена к ларьку персональных пенсионеров, и ей перепадает и масло, и рыба, и даже белый хлеб. Сегодня она получила в филиале 2го гастронома макароны и сейчас их отваривает. Мой же гастроном на Пушкинской пуст. Как хотелось бы макарон! Но я у нее не попрошу одолжить мне, т.к. она откажет: я уже ей должен, да и побираться стыдно. Но как дьявольски хочется макарон! Может, все-таки попросить, а? Вопрос этот распухает; я чувствую, как я краснею, краснею заранее от просьбы, которую, как я чув-

¹ рыба породы макрель.

ствую, я сделаю, ибо голод не тетка. Посую ей оставить после отъезда пропуск — а он на 2 или 3 месяца, так что ей все будет сполна возвращено. Ну, отправлюсь с поклоном и попрошу ее, авось сжалятся, не откажет. *Un peu plus tard.*¹ Хе-хе-с! Все в порядке, пьяных нет, полный успех. Соседку опьянила перспектива получить пропуск в магазин после моего отъезда, и кроме того, я ей обещал отдать 350 г макарон и до моего отъезда, если будут выдавать. А в настоящее время, здорово живешь, стоит уже вода на плитке, макароны скромно лежат, готовые быть брошенными в кастрюлю, когда вода закипит; кроме этого, у меня есть немного томата (правда, чуть-чуть перебродившего по старости); *à défiant de beurre et d'huile*², эти остатки томата + соль + перец придадут известный вкус макарон и отличнейшим образом сделают свое дело. Ура! *Vive de Gaulle!*³ При перспективе еды я готов прослезиться и орать даже «*La Madelon*»! *L'ennuyeux, c'est qu'il faudra laver la casserole après la bouffaille — il faut la rendre propre aux voisins.*⁴

3/II-43

Вчера в военкомате, простояв на холоде и прождав 6 часов, я получил обратно паспорт и приписное свидетельство, на котором написано, что я «зачислен в резерв до особого распоряжения», так же как и остальные 10—12 человек четвертой команды. Ходят слухи, что пошлют работать на Урал, но, во всяком случае, «особое распоряжение» может быть и нескоро, и я даже очень рад: завтра же возобновлю занятия в школе, все же лучше учиться пока как ни в чем ни бывало. Я, дурак, в минуту бедствия продал учебники, поторопился; *ça me fera les pieds*⁵. Придется сначала заниматься с каким-нибудь товарищем, а потом купить по спекулятивной цене, что обойдется мне от 50 до 100 р. Долгов разных у меня накопилось с добрую сотню, не считая того, что я давненько не заходил к хозяйке. 31го получил

¹ Чуть позже.

² за неимением сливочного и растительного масла.

³ Да здравствует де Голль!

⁴ «Маделон»! Неприятно то, что придется мыть кастрюлю после шамовки, — ее надо отдать соседям чистой.

⁵ это мне урок.

9 кг шалы в Союзе; продал их на базаре за 580 р., которые истратил на еду, и 31го, 1го и 2го сытно ел (купил белую большую булку, 500 г масла растительного, пряников, 2 кг картошки); благодаря этому неплохо встретил день рождения, даже объелся, что хуже. 31го – au poil¹, – пришло поздравительное письмо от Али. Сегодня получил открытку от Лили от 16/I; пишет, что звонила ей Валя, вернувшаяся из мобилизации на трудфронте; она пробыла там 4 месяца (долго, черт возьми!); беспокоилась обо мне; к Лиле, по словам последней, однако, не зашла. Лиля выслала 300 р. Должны бы скоро прийти, собственно говоря. Деньги должны быть от 3^х источников, не считая Мули: Лиля, Валя, Аля. Надо купить плитку, учебники, нужны деньги на обеды в Союзе (достал-таки 2^ю карточку), на хлеб, надо что-то выплатить хозяйке, надо купить кофе, надо выплатить долги, уплатить за квартиру... Надо сходить в парикмахерскую, в баню... Надо наладить вопрос с обедами – соседка соглашается носить супы, если будет посудина, а посудина стоит 40 р. Н-да-с, мило!.. А придется перестать ходить в столовую с завтрашнего дня, благо буду ходить в школу. Но думаю, что налажу как-нибудь это дело. Завтра надо купить хлеб на 2 дня и продать его, чтобы были деньги на обед, на парикмахерскую, на концерт (хочу завтра пойти в концерт – 1ая симфония Калининкова, 2^й концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова; солистка Роза Тамаркина). Пойду, если хватит денег, если не прожру на базаре, что легко может случиться ввиду беспрестанного голода. И за сколько продам хлеб, тоже неизвестно; может, удастся совместить. Да! забыл, еще надо дать 3 телеграммы: Муле, Лиле, Вале, и это будет стоит 16 рублей. Все будет в порядке, если продам за 50 рублей. Еще надо написать письмо Л.И. – завтра уезжает «оказия» – и занести его. Н-да-с. Купить хлеб в магазине, продать его, отнести письмо, отправить телеграмму, купить билет... и не опоздать в школу; все это не фунт изюма. Эх, если бы не проклятая хозяйка, все было бы в порядке. С удовольствием прочел Писемского; теперь взял Чехова и Леонова. Рано лечь спать, чтобы написать толковое письмо Л.И., – встать рано утром и все успеть. Любопытно, как-ков получится завтрашний день.

¹ шикарно.

Все мои планишки и расчетики внезапно опрокинулись: опять, в ночь с 3^ю на 4^ю, заболел рожистым воспалением ноги: той же, которая болела и в I^ю раз. Красная, распухшая нога; ступить нельзя, так болит. Вот уж третий день лежу на своей ужасно твердой «кровати» (тщедушный матрасец на досках) — вернее сказать, на своем grabat¹. Очень жестко, так жестко, что перевернуться с боку на бок, да еще с больной ногой, — целая история, целая эпопея в актах и картинах. Подушки нет; голова лежит низко-низко на кучке белья и старых брюках; под этим всем — «Лит.-крит. статьи» Горького для постамента. Живу впроголодь, питаюсь только 2 обедами из Союза, которые приносит М.М. На 2^ю — все рисовая каша, а суп такой плохой, что я его не ем. И 400 г хлеба — et c'est tout². Недавно М.М. получила по моей карточке у себя в магазине белый хлеб; раз она может без всяких препятствий получать там его и по моей карточке. то надо будет наладить дело так, чтобы она и впредь получала — ведь sa ne lui coûte rien³. Кстати, и я и она сидим без денег. Лиля пишет, что выслала мне 300 р., но на почтамте их еще нет. Лиля пишет также, что много болеет, что к ней звонила Валя, чтобы узнать обо мне; она — Валя — пробыла четыре месяца на трудфронте. Завтра — воскресенье; что-то мы будем есть (столовая не работает)? Читаю мрачнейшую книгу Леонова «Вор». Талантливо, но очень хромает композиция, он, наверное, думал, что скачки, отступления и забеги вперед в изображении человеческих жизней «современны», а получилось несколько сумбурно. Настроение отвратительнейшее — из-за голода, скуки, отсутствия перспектив, из-за боли и потерянного времени. Даже плакал сегодня, думая о своей нелепой, грязной, безрадостной жизни. Ну, даст Бог, все устроится. В это надо верить; иначе — как. На фронте дела превосходны. Сталинград и его район очищены от немцев; также и Воронеж. Приближаются к Ростову, Донбассу, Украине; уничтожена 6ая германская армия, причем сдались в плен 24 генерала (среди них — фельдмаршал фон Паулюс). С юга немцев прут и прут. Это очень

¹ убогом ложе.

² и это все.

³ ей ничего не стоит.

большая и серьезная победа Red Army¹. Черчилль был в Турции; велись всякие переговоры; присутствовали военные миссии; это тоже очень важно. Giraud <i>de Gaulle</i> установили экономическую и военную связь; политическую – нет. Это и понятно: пока в Африке² администрация состоит из людей Виши, нельзя ничего будет сделать в смысле *libertés républicaines*³. А военная обстановка, столь напряженная, не позволяет пока никого смещать и говорить о форме правления. Так говорят союзники. Ну, я устал, и света недостаточно. A Dieu Vat.

11/II-43

Продолжаю болеть, но мне кажется, что болезнь, вследствие принятия стрептоцида, идет теперь на убыль и дня через два максимум я буду в состоянии нормально ходить. В воскресенье была у меня П.Д. Дала 30 р., полбелой булки, кусок сахара, 3 мандарина, 2 граната, 3 яблока, 2 мясных котлеты. Милейший человек. Все это было съедено в тот же вечер. Была Л.Г., принеся «И.Л.», № 8–9 с «Мистером Бантингом»; я ей дал опустить письмо Але; письмо, вернее, конверт, – не заклеен. Я боюсь теперь, что Л.Г. прочтет письмо, а там содержится уничтожающая характеристика ее и Дейча. Что за глупая рассеянность! Но я надеюсь, что она прямо бросила письмо в ящик, не читая. С соседкой все время перепалка – она взбалмошный, истеричный человек, требующий к себе особого внимания, особого с ней обращения. Увы, я не в состоянии что-либо сам сделать и всецело завишу от нее: она берет мне обеды, хлеб, подогревает их на плитке, и все это на свои деньги; конечно, она отнюдь не обязана все это проделывать. Вместе с тем она хочет все время дать чувствовать свое великодушие, и отсутствие у меня заискивающего тона повергает ее в ярость. Очень противно так зависеть от человека. Показателем повышения здорового состояния является также и повышение аппетита. Безденежье все продолжается. Лиля писала: «Выслала тебе 300 р. на жизнь», но или эти 300 уже когда-то получены (открытка не датирована), или

¹ Здесь и далее: Красной армии (англ.).

² С<верной> А<фрике>.

³ республиканских свобод.

задержались. Вчера удалось послать телеграмму Муле, сообщающую военкоматские результаты и просящую телеграфировать февральские, говорящую также о болезни, — что должно подстегнуть его с отправкой денег. К 15^м должно быть 70 р. от П.Д., но они уйдут на долги. Долгов много. Козинаки соседка не получила — по 2^м пропускам не давали. Есть заветные 30 р. на эти 2,5 кг. Все-таки сладкая вкусная штука, обязательно надо будет получить, когда выздоровлю. Сходить в баню, на почту, получить козинаки, продать 50 г чаю и 2 коробки папирос. К П.Д. переезжают Басовы — чета художников. Сегодня — четверг. Уж в воскресенье рассчитываю быть у П.Д.

11/II-43

Звонил П.Д., она придет завтра к 4^м и принесет деньги. Хоть бы что-нибудь пожрать принесла. Ужасно есть хочется. К 15^м числу Московский группком собирает сведения о писателях-москвичах и их семьях, проживающих в Ташкенте, — для хлопот о коллективной реэвакуации. И в общезнании уже все взбудоражились. Зря, по-моему: рановато. Завтра утром продам чай, папиросы — встану наконец; пойду на почту; узнаю насчет козинаков, куплю бубликов. Долгов всего 150 р. Завтра отдам М.М. 50 р. — ½ долга. Дико дорогие обеды в столовой. Интересно, принесет ли П.Д. что-либо пожрать. Вряд ли, потому что она придет до обеда. Надо позвонить Л.Г. — я сразу увижу, прочла она письмо или нет. Нету дома. Пора спать — а то завтра развалюсь, ведь я еще не совсем выздоровел, отнюдь нет. А наружу меня гонит голод. Впрочем, если нога будет очень плохая, то не выйду. Увижу. A Dieu Vat.

16/II-43

Получил 1000 р. от Лили и 500 от Вали. Купил плитку, выплатил М.А. 200 р. (у нее умер муж) и последние 5 дней хорошо питаюсь, что стоит диких денег, но так хочется есть, что этот вопрос ставится прежде всего. Получил 400 г мяса из Кара-Калпакии; пропустив через мясорубку, изжарил и съел. Осталось р. 300. Покупаю учебники; вчера был в школе; очень важно поскорее купить все необходимые учебники,

чтобы поскорее догнать класс в пропущенном. Чорт меня подрал продать учебники! Рожистое воспаление продолжается — ходить мучительно, хожу, согнувшись в три погибели, хромая нога вся опухла, и хожу в галоше, т.к. она не входит в башмак. Врач 3^я поликлиники дала мне направление в хирургическую амбулаторию, потому что сама затрудняется поставить диагноз — очень долго длится это рожистое воспаление (с 4го числа, несмотря на 8-дневное лежание и стрептоцид). Сегодня пойду в эту амбулаторию; школу придется пропустить (у меня официальное освобождение от занятий до 18го числа, так что ничего; но теперь я хочу возможно меньше пропускать занятий, т.к. отстал я изрядно). Сегодня обедаю у П.Д. *Toujours ça depris*¹, тем более, что в марте она уедет и *je serai baisé*² и без обедов! Несу ей обстоятельное письмо Л.И. о моих делах, чтобы передано было оказией. Дам телеграмму Вале, что получил деньги. Дал телеграмму Муле, чтобы высылал февральские деньги. П.Д. дала телеграмму Л.И. о том, что я оставлен до «особого» р«аспоряжения» и продолжаю занятия. Сегодня помылся, оделся в чистое, пойду к парикмахеру; давно пора, а то совсем заплесневел в своей норе. Red Army взяла Ворошиловград, Новочеркасск, Ростов/Дон. Вопрос о 2^м фронте опять на 1^м плане — недаром было совещание в Касабланке; должны же они начать действия, облегчающие русских.

18/II-43

Продолжаю хромать, хоть и менее, чем раньше. Получил 300 р. от Мули, 150 из Литфонда. А молодец Валя, что прислала 500 р.! Я почему-то был уверен в том, что она поможет, оттого в свое время и известил ее. Хожу в школу; купил почти все учебники. Сегодня получил отлично по истории; поручен доклад о Кирове. Сейчас съел, пропустив через мясорубку, каракалпакское мясо (грамм 350). Очень вкусно, но съел бы 2 таких сковородки, конечно. Жарю хлеб. Сегодня купил лепешку за 40 р. у молочника-узбека; нечего жрать утром, прямо беда: пока хлеб получу, да еще и хромаю. Сахар почти весь съеден; сегодня-завтра закончу. Разоряюсь на молоко: с саха-

¹ Хоть это.

² я останусь как дурак.

ром очень вкусно. Завтра тот же молочник должен мне принести 100 г масла за 65 р.; как-никак дешевле, насколько я знаю, чем на базаре, и я возьму — и наверное съем все завтра же. И масло совсем кончается. Деньги текут здорово. Все уходит на еду. Вся беда в том, что здесь, имея деньги, можно купить все, что душе угодно. Будь я в Москве — другое дело. Я бы там серьезно занялся французской литературой, и это занятие выбило из головы бы мысли о голоде — тем более, что там нечего достать. А здесь ведь только и думаешь о жратве: нет здесь хорошей библиотеки, где можно было бы заниматься, а базары в изобилии и продукты тоже, и вот и думаешь только о них: как-никак ведь живешь-то в смысле пищи ненормально, есть хочется дико, тем более, что ничто не «заглушает» голода. А в Москве хоть ГЦБИЛ и Валери и т.п. Можно было бы забыть. А здесь все привлекают масло, картошка, сахар, белые булки, пирожки и прочие прелести, и все это в изобилии бесстыднейшем. Вот и разоряешься. Две выдающиеся речи: 12¹⁰ и 13¹⁰ числа Черчилля и Рузвельта. Особенно мне понравилась речь Рузвельта: поистине мудрая речь. Если б все могло сбыться так, как он говорит! Читаю «Мои английские знакомые» Ирины Эренбург (кажется, дочь Эренбурга). Наши войска взяли Харьков. Завтра молочник с маслом, не съест сахар и весь хлеб (оставить на утро), писание писем (Муле, Але), телеграмму Муле о получении денег. Купил немного бумаги — на дневник и письма. Видел старый американский фильм: «Мелодии вальса» avec Fred McMurray et Gladys Swarthout. Почему у нас показывают только старье? Но и то хлеб.

ДНЕВНИК № 14

20/II-43

Спрашивали по истории — отлично, по химии — посредственно. Сегодня суббота. Надеюсь завтра обедать у П.Д.; позвоню ей вечером. Необходимо сегодня или завтра зайти к Л.Г. взять ватник и дневники, а потом и книги; все сразу — тяжело. Читаю «Изгнание» Л.Фейхтвангера; интересно. Поручили доклад о Кирове; материал достал. Деньги не удержи-мо текут — ведь хочется есть каждый день, трачу на булочки, сегодня купил две булочки и ½ <кг> картошки. Они очень вкусные, эти булочки, но стоят 23 р. штука. Особенно они вкус-

ны, когда их нарежешь ломтиками и подогреваешь прямо на плитке; они хрустят, румяные, горячие, чуть-чуть сладкие... Конечно, все это чепуха и не стоит выеденного яйца, но я ничем не способен увлечься настолько, сколько надо, чтобы забыть о собственном аппетите, который настойчиво заявляет о себе все 24 часа в сутки. Прямо ужас, как деньги тают. В «Изгнании» действие происходит в Париже, но города, Франции, французов в романе пока (1ая книга) нет совсем, и это служит причиной того, что я несколько не удовлетворен романом; все-таки он чуть-чуть по-немецки ограничен, неповоротлив, этот Feuchtwanger, несмотря на все бесспорные достоинства и заслуги его произведений. Но в общем, «Изгнание» — очень здорово. Кстати, как ни странно, ей очень не хватает интернационализма: всё немцы-эмигранты да наци, это создает затхлость. Я фанатик Парижа, может, потому мне и обидно, что Фейхтвангер недостаточно изобразил Париж в своем романе. Сейчас около шести часов, я звонил Л.Г., но ее нет дома. Хожу уже без палочки, но ступня все же такая опухшая, что не входит в ботинку и приходится ходить в галоше. Еще светло, но уже начинает смеркаться. Отшель. Мне не хочется выходить, потому что я не люблю чмокать грязного тающего снега и, кроме того, что не выдержу и спущу на базарчике в конце ул. Кирова рублей 50, и это абсолютно перевернет весь мой бюджет, и денег останется 75–100 рублей. Как надоел этот назойливый голод! Два последних дня покупал лепешку у молочника: надо же что-нибудь есть утром! Обошлось это мне в 80 р., да еще 100 г масла, да еще молоко! Обеды в Союзе дорогие, микроскопические порции и к тому же невкусно. Хотелось бы быть совершенно сытым каждый день: тогда бы и учился лучше, и голова бы лучше работала. Может быть, это потому, что я еще расту, или что я малокровный, но есть я готов буквально целый день. А может, это и нормально, не знаю. Разорительно это уж во всяком случае, это да.

21/II-43

Денег осталось 9–10 рублей, не больше. Мило! Вчера М.М. была по какому-то делу у М.А. Та получила письмо от Деевой, в котором она пишет о том, что в апреле-мае предвидится реэвакуационный эшелон писателей из Ташкента в

Москву. Вообще-то это хорошо, но плохо то, что об этом знает хозяйка; я боюсь, что она забеспокоится о своих деньгах, — мол, уедет, не заплатит, и может сделать глупость — рассказать все дело, допустим, Марии Михайловне, а та разболтает всему дому, и это может поставить под угрозу мое пребывание в общежитии, с одной стороны; с другой же — это может помешать моему отъезду в Москву — допустим, из-за этого не включают в списки, и в-3^х, это может дойти до Толстых, и у меня будут, в некоторой степени, *coupés les vivres*¹ и урезаны перспективы. Важно было бы ей подкинуть денег, но сейчас их нет, вот в чем дело. Тем не менее, зайду к ней сегодня *pour montrer, en quelque sorte, ma bonne volonté*² — мол, хромаю и болен, и денег нет, а все-таки не забываю и зашел. Единственное, что меня страшит, — это именно огласка, которая может помешать моим планам и расстроить их. Оттого надо все время лавировать с хозяйкой, держать себя возможно дипломатичнее, чтобы она не выкинула какой-нибудь штуки — не написала бы, допустим, письмо в Московский Союз, как она собиралась это сделать, потому что тогда Толстые, обращаясь в Союз насчет моей реэвакуации, наткнулись бы на эту историю и, конечно, мгновенно прекратили все хлопоты. Единственная моя возможность вернуться в Москву, где все-таки ближе к культуре, Европе, Франции и событиям, — это Союз писателей и Толстые. Огласка моей истории с хозяйкой все испортит, и потому эта огласка недопустима. И эта проблема взаимоотношений с М.А. портит и отравляет уж и без того невеселую жизнь. Сегодня обедаю у П.Д.; вечером, вероятно, буду у Л.Г., и на почтамте, и у хозяйки. Лето должно все разрешить. Я совершенно твердо уверен в решимости союзников предпринять в этом году комбинированные массовые наступательные операции и создать Второй фронт, который облегчит советское бремя войны. Положим, они в Тунисе завязли, но это — временно, и я так же твердо уверен, что близок час, когда войска держав оси будут опрокинуты. Правда, я опасаясь диверсии Гитлера на Средиземном море, но такая диверсия не изменит его участи. Союзники победят, это ясно.

¹ отрезаны средства к существованию.

² чтобы показать, в некотором смысле, мою добрую волю.

22/II-43

Читаю «Сущий рай» Олдингтона – вернее, перечитываю. Вчера был у хозяйки. Хотя она и говорила о письме Е.И., но ни разу не обмолвилась об эшелоне в Москву. Ну, обещал зайти, когда будут деньги. Как мне надоело ей платить! Интересно, является ли юридически *valable*¹ мое второе обязательство – т.е. может ли оно мне доставить неприятности в случае предоставления его хозяйкой в суд? Я еще не выплатил первый долг. Конечно, идеально было бы закончить 10^й класс, продолжать помаленьку подсыпать денег хозяйке и внезапно уехать, оставив ее с носом. Но этот план вряд ли выйдет. В школе поговаривают о том, что уже в апреле, после конца третьей четверти, пошлют на полевые работы в колхоз, и те, кто не поедет, не получают аттестат за 10^й класс. Как мне поступить тогда? Положение запутается до предела; мне даже противно думать об этом. Да, весна-лето 1943го г., вероятно, ознаменуют новый период в моей жизни, поворотный период. А все-таки страшно мне жить, и неуютно, и нехорошо. Но может быть, конечно, и хуже. Сегодня купил у молочника хлеб за 25 рублей в долг; завтра собираюсь ему отдать остатки масла и 10 р. (опять-таки в долг) за лепешку. Действительно, недостает хлеба. Опять-таки я утверждаю, что ненормальное, голодное состояние, в котором я пребываю, гораздо менее ощутимо было бы в Москве, чем здесь. Здесь можно купить абсолютно все: черный и белый хлеб, сливочное и растительное масло, сахар и конфеты, картошку, пирожки с мясом, коврижку, пряники – все, что желудку угодно. Вот и сидишь и думаешь об этих базарчиках, где все можно за деньги достать. А в Москве лишь отовариваются карточки, да функционируют столовые, а купить ничего нельзя. Там бы я не думал о деньгах, раз все равно ничего нет, и там была бы Библиотека иностранных языков, где я проводил бы свободное время. Правда, теперь студенты обязаны 4–6 часов работать на заводе, совмещая учебу с работой, но я бы выкраивал время. Вообще, Москва – центр, и там мне место, а не где-то у чорта на куличиках в Узбекистане. Здесь слишком для меня пустая жизнь и такие продовольственные соблазны, которые несовместимы с моим кошельком. Ведь я живу не по

¹ действительным.

средствам — когда есть деньги, я их растрачиваю все на то, чтобы несколько дней быть вполне сытым; голод не тетка, ничего не поделаешь. Благоразумнее было бы растягивать эти деньги на каждодневный обед в Союзе, но я ненавижу благоразумие, и ведь хочется есть досыта каждый день. Вот я и сижу сейчас, как олух, без единого рубля. Послезавтра зайду к Л.Г. Американские войска за последние 4 дня боев потеряли 41 000 человек (в Сев. Африке). В южной части Туниса войска держав оси наступают и теснят союзников. Да, что-то дела союзников неважны. Чем это объяснить? Воевать они не умеют, что ли? Или не ввели в бой всех сил? Конечно, сейчас нужно было бы создать Второй фронт, чтобы облегчить наше наступление, чтобы поддержать это наступление, чтобы это наступление не остановилось, не «зачахло». Мне несколько непонятно, почему на совещании в Касабланке не присутствовали представители нашего командования, а наше правительство было только информировано о ходе переговоров. Даже с Чан-Кай-Ши совещались Дилл и Уэйвелл, а с нами что-то нет. И почему нет союзного военного органа — какой-нибудь Центральной ставки, центрального штаба советско-американо-английских вооруженных сил, которая бы вырабатывала планы действительно координированных действий? А то выходит так, что планы совместного наступления вырабатываются лишь Англией и Америкой, мы же почему-то не посылаем на решающие совещания своих представителей, и в результате вот сейчас мы наступаем без всякой поддержки со стороны; а союзников бьют в Сев. Африке. Никакой координации здесь не видно. Впрочем, события развиваются, и все еще впереди.

24/II-43

Вчера — приказ Верховного главнокомандующего Сталина. Ничего нового; ни слова о союзниках. «Ввиду отсутствия Второго фронта в Европе Красная армия одна несет все бремя войны». Предостерегает против самообольщения и успокоения: борьба только разгорается, враг силен и может пойти на всякие авантюры. Вчера взял 800 г хлеба по карточке и вечером же променял на 4 бублика и один пирожок с рисом и, естественно, все это и съел. А сегодня утром сижу

без еды какой бы то ни было, en compagnie¹ учебника физики и «Сущего рая» Олдингтона. Денег нет, уныние! Вспоминаю недавний обед у П.Д. Какие гениальные мясные щи, жирнейшие, с кислой капустой! Котлеты и свекла, чай с сахаром, конфеты, белая булка! Я ел за троих, но если бы это было дома, то доставило бы гораздо больше удовольствия: дома можно сосредоточиться на еде и получить от нее истинное наслаждение, а в гостях надо разговаривать и быть хотя чуточку чинным. Когда кончится этот проклятый голод? Как он надоел, как он назойлив! Наступили солнечные дни. Décidément², я не очень-то продвинулся по сравнению 1937–1938 гг.: тогда я и мама приходили к Лебедевым, и я, в ожидании обеда, усаживался за «Marianne» или «Canard Enchaîné» и погружался в чтение, пока мать разговаривала с Маргаритой Николаевной. У меня был одинаковый аппетит на пищу и на журналы. Так же и сейчас: прихожу к П.Д., обедаю, съедая максимум, а потом читаю «Вестник УзТАГа», центральные газеты, для приличия комментирую прочитанное и болтая с П.Д. о разных пустяках. 5–6 лет прошло, et je n'ai pas changé³ и в гости хожу так же! La seule différence, c'est que⁴ тогда я не голодал, а теперь голодаю форменным образом. Увы, в 12–14 лет у меня было больше préoccupations intellectuelles⁵, чем сейчас, и это объясняется почти беззаботной жизнью и сытым состоянием. А теперь все мысли сворачивают на еду. И так поганно жить с этой дурацкой соседкой и чужими людьми, и так неприятно, что нельзя сказать ей правду в глаза: что она нелепый и бестолковый человек, и то, что она мне носит обеды, не является подвигом. Да, мир клином не сошелся на ней, но на данном этапе он, увы, сошелся на ней, и мне приходится юлить, уступать — и то беспрестанно у меня с ней скандалы, и я боюсь, что она разозлится и расскажет Марии Александровне, что у меня были деньги и я их проел, а моя версия ведь, что у меня ничего не было, оттого я и плачу мало. Вот и зависишь от чорт знает кого. Веду грязную жизнь, в школе мертвечина и скука, дрожишь, как бы

¹ в компании.

² Вот уж действительно.

³ а я не изменился.

⁴ Единственная разница в том, что.

⁵ интеллектуальных интересов.

чего не вышло с хозяйкой, голодаешь, очень мило — и все же может быть еще хуже, и должен еще быть довольным. Танцую я на канате, да и только. И очень боюсь себе сломать нос или хотя бы поранить. Надо быть льстецом, дипломатом... А очень противно заниматься дипломатией по мелочам, имея дело с идиотами, от которых зависишь. И есть, есть хочется. Сегодня зайду к Л.Г.; надо взять ватник и дневники; а потом уже и книги заберу. Может, угостит чем-нибудь (хотя на нее в этом смысле не приходится рассчитывать). И козинаки не взял — денег нет, и в баню надо сходить. Мучают язвы на ногах. Да, дорогуша, ты что-то превращаешься в сварливую старуху. Хочется обновления, да и сытости хочется. Ну, пожалуй, пойду посмотреть вестник — погода хорошая, и в комнатах холоднее, чем на воле. Руки грязные, а чтобы вымыть — целая история: нет посуды собственной для воды, а просить — *c'est toute une longue histoire*¹. Н-да-с. Ну, пойду.

26/II-43

Жизнь течет своим чередом. Получил хор. по физике. Ссоры с соседкой. Должен старику-молочнику 110 р. за булочки и лепешки. Вчера получил в распреде масло; сегодня продал его за 120 р. (400 г). 25 р. уже ушли: 5 р. на чистку ботинок (век уж не чистил), 12 р. — пирожок с повидлом, 10 р. — бублик, 3 р. — конфета. Надо же есть. Сегодня в школу не пойду, буду обедать в Союзе, зайду на почтамт. Может, на Калининской дают козинаки — тогда возьму. У меня три карточки — моя и две от Шильдкрета. Так как есть деньги, то я смогу сытно пообедать в Союзе. Думаю, что молочнику дам 60–70 р., если не будет козинаков и обеды не будут очень дорогими. 28го пойду к П.Д. (позвоню ей завтра) и получу, по-видимому, причитающиеся 100 р. Был у Л.Г., забрал дневники. У нее были 10 и 12 №№ «И.Л.»; они дьявольски интересны, но, увы и ах, нигде их нельзя достать, а она, конечно, не одолжила. Единственный действительно интересный журнал — «И.Л.», а достать нельзя. Читал «Сущий рай» Олдингтона. Конечно, очень талантливо, но, на мой вкус, чересчур много эротики. И наивно все-таки. Французы лучше пищут, тоньше. Эх, что бы я ни

¹ это длинная история.

отдал для того, чтобы прочитать хоть одну книжечку NRF за 1939^а год! Нет, обязательно надо достать последние номера «И.Л.» — там есть статья Песиса о французской литературе, о Ромэне, Монтерлане... Все это необходимо прочесть. Сейчас начал «Подросток» Достоевского. От Али давно нет писем. Наши сводки стали «скромнее» — но недаром Сталин предупреждал против чрезмерного оптимизма и представлений о близкой и легкой победе. Гарвин, лорд Бивербрук вновь требуют скорейшего открытия Второго фронта в Европе и говорят, что *l'occasion*¹ может не повториться год или два и что сейчас — «самый раз» для удара на Германию с северо-запада, дабы поддержать наше великолепное наступление и не дать возможность Гитлеру перегруппироваться и реорганизовать свои силы. В телеграмме Рузвельта Сталину по поводу 25^й годовщины РККА — ни слова о действиях объединенных наций. Корреспонденты задают Рузвельту всякие каверзные вопросы насчет 2го фронта и приказа Сталина, но Рузвельт увертывается. В Тунисе союзники отбили наступление войск держав оси и нанесли им тяжелые потери.

27/II-43

Вчера продал масло за 120 р.; 1 суп и 3 вторых стоили 14 р.; 25 р. истратил утром на бублик, конфету, пирожок с повидлом; итого — 40 р. 5 р. на чистку ботинок, 20 р. на пряники; в общем, сегодня молочнику заплатил 50 р., и т.к. он еще принес лепешку, то остаюсь ему должен 101 р. На Калининскую не заходил — просто забыл. На почтамте — ничего. Читаю «Подросток» Достоевского. Вчера телеграмма от Мули: «Телеграмму получил рад возобновлению учебы перешли Алину карточку верну срочно пересниму обнимаю Муля». Нет, карточки я ему не пошлю — не хочу рисковать потерей. Может, пошлю другую, менее для меня ценную (более раннюю), а ту, которую получил из Ракпаса, не перешлю; она мне слишком дорога. Итак, написать письмо Муле — и о хозяйке тоже изложить положение. Выучить химию, узнать насчет прикрепления в распреде хлебных и сахарных карточек. Говорят, скоро будут давать масло за февраль. Оказывается, давали 400 г топленого; было бы гениально иметь 400 г топленого масла:

¹ Возможность.

с лепешечкой, эх! Но для того, чтобы «поймать» это масло, надо караулить и тому подобное. И, кроме того, все равно надо было молочнику заплатить и пообедать в Союзе. Завтра, вероятно, обед у П.Д. Вряд ли сегодня успею сделать все намеченное. A Dieu Vat.

3/III-43

В воскресенье утром был у П.Д. Были превосходнейшие блины, красная икра, топленое масло, колбаса, белая булка, *café au lait*¹. сахар... Лафа! — По случаю Масленицы. Давненько я не ел блинов. Необычайно приятная вещь! В тот же день был у Горского — товарища по бывшей школе 64^а. И там мне повезло: уха, вкусная рисовая шауля... и опять блины! Блинный день, *décidément*². А вчера ночью я опять заболел, опять меня трясло как в лихорадке, опять рожистое воспаление, по-видимому, ничто иное. Опять придет доктор и пропишет стрептоцид, опять Мария Михайловна хлопочет, все то же самое: *l'histoire se répète*³. Письмо от Али: у нее авитаминоз, она хворает, опухают десны, и, кажется, выпадают зубы. Она иронизирует: «После войны отрастут». Н-да... Но все время подчеркивает свою бодрость. Телеграмма от Мули: «Эренбург рекомендует обратиться Алексею Николаевичу Малая Никитская 2 рассчитывает он поможет вернуться Москву целую Муля». Как только смогу, телеграфирую Муле, что эти шаги давно уже предприняты; как бы он, по бестактности и желанию помочь, не стал беспокоить Толстых, а ведь это может мне повредить. У Лидии Григорьевны видел дьявольски интересные номера 10 и 12 «И.Л.». Страшно трудно, почти невозможно достать этот журнал, а между тем это, пожалуй, единственно «читабельный», единственно подлинно интересный журнал. Прочел «Подросток» Достоевского. Чад, бред, но читаешь, не отрываясь. Все это, конечно, страшно теперь отдалено от нас, все эти чувства и прочее, но Достоевский такой мастер, что проглатываешь эту устарелость темы, да еще с лихвой. Какой писатель! Но как он не выносит «вольнодумцев»! Нет-нет, да и кольнет! Теперь

¹ кофе с молоком.

² вот уж действительно.

³ история повторяется.

читаю «Эпилог» Дю Гара в «И.Л.» за 1940 г. Между прочим, Т.Пливье – очень талантливый писатель, его вещи мне нравятся. Говорят, новые два первоклассных романа: Pearl Buck «Драконово племя» – о борьбе китайцев (печатается в январском № «И.Л.») и «Луна зашла» Дж.Стейнбека – о войне. Недурно было бы позвонить П.Д., что я опять заболел, и она бы принесла что-нибудь поесть, но il ne faut pas abuser¹ и рисковать тем, что надоешь, ради жратвы на один раз – слепо.

4/III-43

Продолжаю болеть. Читаю «Клима Самгина». Молочнику должен 88 р. (недурно!). За день съел тарелку супа и тарелочку рисовой каши. На Калининской выдают козинаки; постараюсь упросить М.М. получить мне завтра. Щекотливо то, что ведь все это на ее деньги (хоть я и отдам, а все-таки неловко просить что-либо получить). Шильдкрет дал две карточки в столовую; одной пользуется М.М., а я получаю лишнее второе: c'est toujours ça², настаивать же на 3^м втором при наличии безденежья и ношения М.М. обедов нельзя. Написал письмо Але; уже отослано М.М. Завтра напишу открыточку хозяйке. Была докторша, прописала стрептоцид, диагноз – рожистое воспаление, да еще, по видимому, лимфатические железки подгуляли. Направление в больницу не дала, говорит – не примут; рекомендует пойти к хирургу. Еще одна соседка говорила с А.А. обо мне; та обещала постараться выхлопотать мое помещение в какую-нибудь хорошую больницу. Держу пари, что если она или Литфонд что-либо выхлопочут в этом плане, то к этому дню я уже буду здоров, и ни черта не получится, а потом опять заболею, и будет поздно! Все ругают больницы; есть одна-две хороших, где и кормят неплохо, но попасть в них – toute une histoire³. Впрочем, может А.А. чего-нибудь и добьется? Все может быть. Была сегодня какая-то особа, переписывающая всех жильцов, – фамилия, и.о., где работаешь, какое отношение к Союзу писателей, сколько кв. мет-

¹ нельзя злоупотреблять.

² и то хорошо.

³ целая история.

ров в комнате. Ух, не люблю этих переписей, опасаясь их! М.М., по моей просьбе, позвонила П.Д.; та придет завтра и принесет что-нибудь пожрать; ура-ура-ура! Может, это и унинительно, но скорее всего, нет, потому что П.Д. ко мне расположена, помогать в плане жратвы может, и Л.И. указания ей дала на этот счет. Опять-таки, *c'est toujours ça de pris*¹. Наши войска взяли Ржев; это хорошо для москвичей. Да, важно убедить М.М. взять завтра козинаки — страшно не хочется проворонить их, а сегодня уже давали, может, завтра уже не будет. Но я ей, наверное, должен чорт знает сколько! Стремительно наступают сумерки, так что трудно писать. Кончаю. A Dieu Vat!

6/III-43

Позавчера была П.Д.; принесла рису (сырого), полнейшую тарелку плова с мясом, бутылочку молока, ¼ банки топленого масла, колбасу, кускового сахара, ½ булки. Очень здорово получилось! Молочнику должен 88 р. Сегодня был у хирурга; у меня тромбофлебит и рожистое воспаление (рецидив); я взял на всякий случай направление в больницу, но никуда, кроме как в Тахтапульскую, меня не положат (из-за того, что рожистое воспаление — инфекционное заболевание), а в Тахтапульскую я не поеду, потому что это — у чорта на куличиках, и никто не будет ездить привозить шамовку. Лежа здесь, по крайней мере, носят из Союза, да и П.Д. заходит (зайдет завтра, ура!), а там... Да и вообще считаю, что «дома лучше» — особенно потому, что сейчас можно ложиться только в очень хорошую больницу, стационар, например, или институт физическ. методов лечения. Выхлопотать через А.А. и можно было бы, да с рожей не примут. Пришли 100 р. от Али; отдам молочнику долг. Сегодня получил 600 г макарон и 50 г зеленого чая, который загоню молочнику в счет долга, да еще 20 р., а остальное доплачу. Итак, есть макароны, есть немного риса; хлеб взял на 3 дня и загнал; съел 2 пирожка с повидлом, пряник, лепешечку; сглупил, конечно, но есть хотелось-то! Читаю «Клима Самгина».

¹ и то хорошо.

8/III-43

При помощи грелок и лежания вытравливаю рожу. Постепенно ноге становится лучше. Некоторым соседям очень бы хотелось, чтобы я отправился в любую больницу, — боятся заразы, черти; но я твердо решил лежать здесь до окончания рожистого воспаления, а потом постараться лечь в какую-нибудь хорошую лечебницу, где мне выяснят состояние здоровья, сделают анализ крови и где хорошее питание. Вчера была П.Д.; принесла топленого масла, сахара, 3 превосходных жареных рыбы, 2 котлеты, 1 колбасу, кофе с молоком, полбулки. Все это вчера же было съедено. Макароны кончились; сегодня доел рис. Вот вкусно я вчера поел, прямо на славу! Отправил открытку Лиле. Может, сегодня М.М. получит в Союзе мясо. Осталось еще топленое масло. Возможно, что зайдет Л.Г. и принесет № 10 «И.Л.», где окончание «Мистера Бантинга». Погода хорошая. Наши войска взяли город Гжатск — между Можайском и Вязьмой. Разговоры о возвращении в Москву... Интересно все-таки, сделает ли что-либо в этом плане Толстой или Л.И.? Сейчас мое письмо дошло, и П.Д. ей пишет всегда обо мне. Говорят, собираются эвакуировать семьи писателей-фронтовиков. Недурно будет, если я останусь здесь один! Надо неустанно напоминать о себе Людмиле Ильиничне; лишь Толстые могут меня вытянуть в Москву. С молочником расплатился, но страшно трудно не влезть опять в долги — так удобно он приносит утром или лешку, или булочку, а ведь именно утром-то страшно хочется есть, и проходит полдня, пока М.М. раскачается и принесет что-либо поесть. Итак, надо ждать обеда, хлеба или булочек, может — мяса. «Самгин» начинает мне надоедать, но закончить эту первую часть все-таки надо было бы. Фу ты, есть хочется! Как надоело питаться скачками — иногда голодать, иногда обжираться. Все надоело, только есть хочется. Ну, увидим.

9/III-43

Вчера первую половину дня голодал, а потом принесли булочки и хлеб, а потом еще суп и два вторых, и вторую половину дня я был сыт, тем более, что было топленое масло П.Д. Сегодня в Союзе выдают мясо; М.М. все никак не может на-

питься чаю, все собирается идти за ним. Если продам табак, то будет возможно купить кило картошки (она теперь стоит 35 р. кило) и останется 30 р. на козинаки, да еще будет пятерка или десятка в подмогу М.М. на обед. Интересно, получили эти козинаки или нет? Пока, увы, все зависит от М.М., так как я не выхожу. Было бы очень удачно, если бы М.М. сегодня получила и мясо и козинаки и купила картошку. Но вряд ли это так случится: такие вещи редко бывают на земле (фу, как глупо!). Но козинаки надо получить во что бы то ни стало. Между прочим, я думаю, что скоро встану, т.к. нога почти совсем прошла; мне хочется долежаться до ее полного выздоровления, начать принимать стрептоцид; хочется, чтобы еще раз пришла П.Д. и принесла бы поесть. Позвонить ей неловко сегодня, т.к. все же она была позавчера! Вот было бы шикарно, если она пришла бы сегодня! Эх, шикарно, шикарно... Как бы я поел! Тэк-с, табак продан. Деньги на картошку и козинаки есть; все зависит от доброй воли соседки. Я рассчитывал на молочника, что он сегодня даст мне утром в долг лепешку и молоко, но он, чорт, почему-то сегодня утром не пришел, а ведь каждый день приходит! И я сегодня утром голодаю, опять голодаю. Вот шикарно было бы, если бы зашла П.Д.! Может, догадается зайти? Конечно, искушение велико ей позвонить, но ведь нет никакого предлога к этому: ничего не изменилось с того дня, как я ее видел, а ведь не скажешь: «Жрать хочу, приходите!» Просто нечего сказать в телефон, не о чем говорить! Так что звонить ей неудобно — может, сама придет, даже мне кажется — вероятнее всего. Эх, шикарно было бы! Остался бы я один; в tête-à-tête¹ со всякими вкусными вещами! Гениально было бы, ma foi². Интересно, что принесет М.М. сегодня. Есть хочется очень. Н-да... Может, все-таки, П.Д. догадается прийти?

Soir du même jour³

Вместо козинак получил 1 кг 250 конфет; 250 пришлось уступить М.М. Осталось 100 штук; 15 я съел, осталось 85. Съел, в два присеста, один за другим, 1 кг картошки и 200 г мяса. Очень вкусно. Я почти сыт, но очень хочется хлеба — вот

¹ с глазу на глаз.

² правда.

³ Вечером того же дня.

чего не хватает. Постараюсь променять часть конфет на лепешку или булку, если принесет завтра утром молочник. Любопытно, сколько можно будет всучить конфет взамен лепешки; я бы хотел не больше 15, но пойду и на 20, если он не захочет давать лепешку за 15. Мне хлеб нужнее, чем конфеты. М.М. достала стрептоцид. М.М. звонила П.Д.; та сказала, что зайдет, – интересно, когда? Думаю – послезавтра; хотелось бы – завтра. В Литфонде должны дать 100 р. Эх, интересно, как у меня выйдет с молочником. Было бы гениально утром есть лепешку с конфетами, запивая молоком! Хоть бы этот старикан принес лепешку! А то приносят тогда, когда сыт или денег нет! Сегодня была Л.Г., принесла «И.Л.»; обещала послезавтра принести хлеба. Шалишь, не верю! А впрочем, очень может быть, что принесет, и я напрасно зубоскалю. Как хочется поскорее дожить до завтра утром – авось молочник принесет лепешку, вот лафа-то будет! Ну, авось принесет.

10/III-43

Полная удача с молочником. Взял у него две лепешки и два стакана молока; он согласился, как я и предвидел, на 40 конфет за две лепешки; пока я ему заплатил конфетами за лепешку (одну) и за молоко и остальное доплачу или конфетами же, или деньгами. Кажется, серьезная неудача наших войск на юге: оставили Лисичанск, Лозовую, Краматорскую, Павлоград, Красноград, Красноармейск. Точных названий оставленных городов не знаю, знаю лишь, что крупная неудача, плохая сводка. Faudra¹ уточнить. Я думаю, что если союзники не открывают сейчас Второй фронт, то это объясняется не стремлением ослабить нас, как предполагают некоторые англофобы, а гораздо скорее тем, что союзники еще недостаточно подготовлены к вторжению на континент, недостаточно сильны и вооружены еще. Ведь они даже не могут вытурить войска держав оси из Туниса – куда ж им думать о Втором фронте? И все же в том, что Второй фронт будет открыт в Европе в этом году, я ни на минуту не сомневаюсь; я уверен в том, что решения, принятые в Касабланке, касаются именно открытия Второго фронта, даты и сро-

¹ Надо будет.

ков проведения этой операции. Вот у нас почти все орут: «Чего они не открывают Второго фронта?», не понимая, что американские войска не имеют боевого опыта, и надо здорово их обучить и подготовить, прежде чем идти на риск такой ответственной операции, как открытие фронта в Европе. И потом, совершенно естественно, что американцы хотят иметь максимум шансов на своей стороне и компенсировать недостаток боевого опыта своих солдат огромным качественным и количественным перевесом своего вооружения. Конечно, нам, русским, хотелось бы, чтобы союзники открыли 2^й фронт именно сейчас, чтобы облегчить наступательные операции Red Army. Но нельзя не учитывать, что неудачное вторжение союзников в Европу очень даже быстро могло бы превратиться в самую настоящую катастрофу (из-за «неподготовки»), и мне кажется, что союзники только из-за нас на такой риск идти не могут. Как в Англии и Америке существует много людей, беспрестанно твердящих об опасности коммунизма, так и в СССР существует много людей, твердящих о том, что-де, мол, «подождите, Англия покажет свое истинное лицо», что англо-американский блок враждебно настроен к СССР и т.п. Может, это и так, но враг-то — Гитлер, и такие разговоры вредят делу союзников. Кстати, у нас раздоры с польским правительством, находящимся в Лондоне, — они там опубликовали заявление о советско-польских отношениях, в котором, между прочим, говорится о том, что после окончания войны должны быть восстановлены границы Польши такими, какие они были до septembre¹ 1939. А мы в ответ — о единокровных украинцах и белорусах, и что поляки хотят их оторвать от своих братьев (т.е. от советских украинцев и белорусов), и что это не соответствует Атлантической Хартии и т.п. В общем, ça annonce du bon pour l'avenir²: опять грызня из-за территорий, хотя война эта еще далеко не кончена и немцы все еще оккупируют спорные области! Это очень неотраднo. В Тунисе 1ая армия отступает, французы наступают... ничего не поймешь. Как мне кажется, в Африке здорово сражаются и одерживают победы лишь славная английская 8ая армия да прокопченные французские легионеры. А остальные, по-

¹ сентября.

² хороший знак на будущее.

видимому, еще не освоились. Впрочем, судить очень трудно. Интересно, придет ли сегодня П.Д.? Было бы весьма недурно, если бы она пришла. М.М. отправилась за белым хлебом и застряла, очевидно, в расприде, где что-то выдают, кажется, рыбу. Пора несколько отдохнуть.

12/III-43

Был у хирурга: тромбоз флебит есть, рожистое воспаление кончилось; лечить кварцем. Завтра пойду к хирургу в совнаркомовскую поликлинику — интересно, что он скажет и будет ли его диагноз совпадать с диагнозом первого врача. Получил от Лили 200 р. на почтамте, отнес хозяйке 130 (30 был должен за рис), 70 проел благополучно. Сегодня была П.Д.; принесла бутылку кофе с молоком (2^й раз), кускового сахара 8 кусков, немного сливочного масла, блинов, колбасы, 2 котлеты. Блины и котлеты съедены, колбаса entamée¹ и масло тоже. Должен молочнику 116 р. и М.М. должен. Она получила в расприде лапшу, рыбу и 400 г русского масла, о котором мы мечтали. Вот здорово! Половину макарон вчера съел. Интересно, как я выпутаюсь из долгов молочнику и М.М. Надо будет завтра вечером позвонить П.Д. и попытаться условиться прийти к ней обедать в воскресенье 14го — авось даст 100 р. (она мне дала 50, но это от себя, насколько я понимаю, а те 100 — это уже положенные). Возможно, это не совсем удобно, сегодня была, а уже завтра я ей звоню и хочу прийти в воскресенье, но мне, та foi², деньги очень нужны, да и что, увидим. Да, позвоню ей обязательно. Сейчас читаю «Событие в жизни Шведенклея» Б.Келлермана; сумерки, греется кофе; на столе сливочное масло и лепешка (вернее, остатки того и другого), так что все в порядке на сегодняшний день. Да, немцы, вероятно, возьмут Харьков обратно: там ожесточенные бои, и они рвутся к городу. Письмо от Али от 7/II-43 г. Пишет, что Муля на фронте, и беспокоится о нем. Очевидно, он был там и вернулся, так как я в конце февраля и начале марта получил от него две телеграммы из Москвы. Написал Але письмо, написал открытку Лиле, сегодня отправил. Сегодня был в школе. Как-то я сделаю с

¹ начата.

² правда.

мобилизацией на работу, которая, вероятно, будет в апреле, — на поля или на стройку электростанций — поеду или нет? Этот вопрос меня беспокоит. Сегодня я сыт. Прочел роман Келлермана — понравился, хоть и отдает немецкой безвкусицей. Пора, пожалуй, лечь спать. Завтра надо сходить к хирургу в поликлинику № 8.

14/III-43

Вчера получил в распеде 400 г коврижки по карточке на сладкое за февраль. Вчера же и съел с топленым маслом — очень вкусно. Масло быстро идет на убыль — я на нем поджариваю хлеб и вторые из Союза. Вчера был у хирурга поликлиники № 8. Диагноз: периастит, тромбофлебит, ничего страшного и должно пройти бесследно после лечения кварцем. Вчера же в первый раз облучали ногу кварцевыми лампами; надо ежедневно туда ходить к 6 часам в течение, кажется, 2–3^х дней, а потом опять показаться хирургу. В понедельник буду хлопотать, чтобы произвели дезинфекцию моей комнаты, а то все время буду заражаться рожей — и от того, что этого требуют некоторые идиоты, испугавшиеся «рассадника заразы». Вчера вечером звонил П.Д., но ее не было дома; позвоню часам к 11–11. 30; авось пригласит обедать. Может, зайду к Л.Г., если сговорюсь, *ce sera toujours ça de pris*¹ — чем-нибудь да и угостит, хоть хлебом или супом, а есть надо. Молочник сегодня утром ничего не принес (да и должен я ему 116 рублей!), и я сижу голодный. Немцы рвутся к Харькову; думаю, что они возьмут его, потому что у них на юге превосходство, и очень крупное, в танках и мотопехоте — собрали отовсюду и бросили на юг: им важно удержать Донбасс, не допустить Red Army к Днепру. А наши войска взяли Гжатск и Вязьму на Западном фронте и в этом районе продолжают наступление. Посол США в СССР Стэндис заявил, что «русский народ не информируется об американской помощи»; его заявление вызвало порицание правящих кругов США (Уэллеса, Уилки); это — скандал, и он не информировал свое правительство о своем заявлении и сделал это заявление без ведома его. В Тунисе положение не очень изменилось: то те, то другие имеют перевес. Звонил Л.Г. — нет

¹ и то хорошо.

дома. Звонил П.Д. – тоже нет дома, ушла на концерт! Может, пройти туда, постараться ее застать? Лена говорила, чтобы я пришел обедать, как обычно, в 4–4.30. Нет, идти в Консерваторию, пожалуй, рискованно – приглашения у меня нет, еще не пропустят.

15/III-43

Вчера все-таки пошел на концерт – и успешно, Митя Толстой устроил билет. Прекрасная первая часть 7^я симфонии Шостаковича, превосходная «Торжественная увертюра» Глазунова. Скучные доклады; много народа, видел Изю с какой-то уродиной-девушкой и уродливым женомом¹. После концерта, по приглашению П.Д., пошел к ней обедать (причем на концерте мучился, что она не догадается меня пригласить). Превосходный обед: hors d'oeuvre² – рыба соленая (усач), потом мясной суп, потом картошка с рубленным мясом («монастырское»), горчица, соленые помидоры. Хлеб черный, au dessert³ булка с маслом, сладкий чай. «Чего же боле?» Мои расчеты были несколько опрокинуты, ибо получил всего 50 р. (а думал получить все сто) – ну да, она зачла те 50 р. в счет 100. Потом, вечером, зашел к Л.Г.; дала хлеба и лапши, и таким образом, придя домой, вечером не пришлось голодать – все было съедено начисто. 25 р. отдал молочнику сегодня утром (причем он ворчал, что «мало», свинья!), а 25 дал на обеды М.М. От Мули открытка – говорит о какой-то предстоящей «радикальной перемене работы» и о переговорах с ТАССом по этому поводу. Но не уточняет. Хочет заделаться военкором, что ли? Не похоже это на него, по-моему. Денег за март от него еще не получал; ничего об их высылке не пишет. Это – плохо (для меня). Читаю Гамсуна. В школе приходится все-таки неважно из-за того, что много-таки запущено из числа этих проклятых точных наук, которые мне портят кровь и настроение. Вообще в школе страшно надоело – пичкают совершенно не нужными мне науками, и, главное, я совершенно не уверен, что удастся получить аттестат: или я прова-

¹ От *фр.* jeune homme – молодой человек.

² закуска.

³ на сладкое.

люсь на экзаменах, или пошлют куда-нибудь, а я не поеду, и в наказание за это откажут в аттестате. И окажется, что я даром ездил на хлопок! Впрочем, пожалуй, незачем забивать себе голову всякими мрачностями раньше срока. Меня беспокоит молочник: я ему должен 91 р., и он кряхтит, что я мало плачу. Так как у меня денег нет, то я ему предложу завтра следующую комбинацию: чтобы он мне носил лепешки, и за каждую я ему буду платить не деньгами, благо их нет, а хлебом (вероятно, 800 г за штуку), а 91 р. выплачу через несколько дней, когда будут деньги. Он уже два дня не носит лепешек — то ли у него нет их, то ли он боится за свои денежки. Во всяком случае, я ему предложу повременить с этим долгом в 91 р. несколько дней, носить мне лепешки и получать за них хлеб. Для меня основное — есть утром, вечером я могу терпеть. А есть хочется буквально *au sortir du lit*¹, и ходить утром за хлебом, стоять в очереди не хочется — насколько комфортабельнее, когда ты в кровати, приходит этот старик и несет лепешку! — и, кроме того, лепешка вкуснее хлеба. Я думаю, что завтра с ним сговорюсь, хотя он и будет зол, пожалуй, что ни денег, ни хлеба завтра утром я ему не дам. Противно, что все слышно за стеной, и потом М.М. будет спрашивать, почему я делаю такие невыгодные комбинации, и что глупо давать 800 г хлеба за одну лепешку. Противно, когда даются глупые советы. Завтра, вероятно, будут дезинфицировать мою комнату — я действовал через поликлинику. Воображаю, какая будет вонь. Любопытно, как выйдет завтра с молочником и принесет ли он завтра утром лепешку. Хотелось бы.

16/III-43

Красная армия оставила гор. Харьков. Это следовало ожидать — на юге дела плохи, и немудрено: они двинули войска, танки и авиацию со всех фронтов, чтобы остановить наше наступление на Днепр и предотвратить захват Донбасса. На Западном фронте дела хороши — наступление продолжается. Вероятно, на этой неделе меня спросят по физике, химии, истории, а на следующей я сдам алгебру, стереометрию, тригонометрию. Так лучше — когда знаешь, когда именно

¹ как только встаю.

спросят, а то иначе пришлось бы все зубрить гуртом, а это — невозможно. Двадцатого—двадцать пятого должна закончиться 3^я четверть, оттого я и беспокоюсь об отметках. Сегодня вечером пройду весь материал по истории, который я пропустил, завтра подзубрю физику, послезавтра, вероятно, спросят по химии. Программы по предметам должны быть пройдены к 1^ю апреля; отсюда я заключаю, что наш класс отправят или на посевные работы, или на строительство электростанций — и это в начале апреля. Некоторые надеются, что нас не тронут, т.к. мы — выпускной класс, но это вряд ли станут церемониться. Я, по-видимому, не поеду — ехать мне не в чем (башмаки уже начинают рваться — это тонкие полуботинки, а ведь других-то нет). Кроме того, я физически очень не силен, и пользы от меня не будет практически никакой; а заболею я обязательно, как говорится — «как пить дать». Нет, я не поеду — а ну их в болото, эти экспедиции: они созданы для здоровых людей, а не для интеллигентов в моем стиле. Но довольно об этом — я еще успею попортить себе кровь в связи с этим вопросом. С молочником предполагаемая комбинация не удалась: он не соглашается на 800 г за лепешку, требует 1 кг, говоря, что хлеб подешевел. Но я тоже не дурак и тоже не согласился на его «норму». Сегодня получил хлеб на два дня (800 г) и продал очень удачно за 50 р. 25 р. я ему завтра дам (и останусь должен 65 р.), а 25 я не удержался и истратил — купил два белых бублика и съел — как вкусно было! Ведь я все утро ничего не ел, а есть очень хотелось. Старик утром ушел, крихтя, что я так медленно и мало уплачиваю свой долг, — лепешек он не приносит явно из-за медленного продвижения уплаты моего долга. Итак, завтра утром — 25 р. ему в зубы; кроме того, узнаю, сколько он мне даст за 100 г топленого масла (у меня осталось грамм 150–200, и т.к. я хочу поскорее покончить с этим долгом, то, возможно, уступлю ему в счет долга грамм 100 масла). Как ни жалко, но придется это сделать, разделаться с этим надоевшим долгом. Я думаю, он не даст больше 40 р. Возможно, что М.М. завтра получит по моей карточке белый хлеб или булочки (говорю «возможно», потому что у меня хлеб взят на послезавтра и я не знаю, дадут ли М.М. белый хлеб или булочки на 19ое число). Увидим. Если ей не удастся взять белый хлеб, то масло придется продать наверняка, — а то я бы продал хлеб или булочки за рублей 40, и осталось бы всего

25 рублей долгу, а 25 р. я бы раздобыл уже легче, продав 400 г черного хлеба. Так или иначе, я этот долг скоро ликвидирую. В сущности, основное — это было бы отказаться от этих разоряющих и, в сущности, невыгодных (раз приходится продавать хлеб) лепешек. Но для меня это очень трудно. Очевидно, *je trouve quelque charme inextinguible*¹ в том, что мне эти лепешки носят на дом — эта *livraison à domicile*², с утра, чем-то меня пленяет, почему-то мне это как-то особо нравится — вероятно, тут играет роль какой-то призрак комфорта. Да, надо было бы отказаться, суметь отказаться от этих лепешек, но вряд ли я сумею. Ну, допустим, придет он завтра, вынет толстую, круглую лепешку... неужели я смогу сказать: «Нет, я не возьму»? — Конечно, нет! А долг мой сразу вскочит на 40 рублей. Именно то, что манит, — это то, что молочник приходит рано утром, и не приходится никуда идти. Я для собственного блага надеюсь, что он не принесет лепешек до тех пор, пока я ему не уплачу долга. А то этот долг будет расти и расти. Да, благоразумие говорит за то, чтобы уплатить долг и не брать больше лепешек, т.к. они — не по средствам. Это так, но я не люблю, очень не люблю благоразумия и даже в известной мере презираю его. И все же надо найти выход из положения. Ведь за 20 рублей я бы мог иметь 300 лишних грамм хлеба! Но для меня основное — это именно иметь что есть утром, когда встаю. 400–500 г хлеба меня насыщают вплоть до школы, потом (от 13–14 ч. до 18–19 ч.) я терплю не так уж мучительно, вечером съедаю суп и два вторых (часов в 7 вечера), а с 7 до, примерно, 11–11.30 тоже терплю. Самое для меня главное — иметь что съесть утром, тогда это меня начиняет бодростью на всю последующую часть дня и помогает переносить бесспорное недоедание. Брать хлеб с вечера с тем, чтобы оставлять на утро? Но я почти что уверен в том, что у меня не хватит силы воли, чтобы не съесть этот хлеб, — ибо голод все-таки не тетка, и этот хлеб будет представлять большой соблазн. Да, положение довольно безвыходное. Оно бы разрешилось очень просто, если бы этот молочник-старик перестал бы носить лепешки, но он настолько же алчен, насколько я падок до его лепешек, и его расчет таков, что, рано или поздно, я все равно заплачу; он допуска-

¹ я нахожу какую-то неугасимую прелесть.

² доставка на дом.

ст долг расти до определенной суммы, потом прекращает носить лепешки, если я не плачу, ждет, пока я уплачу известное количество денег, потом опять начинает носить... Ну, пора приняться за историю.

18/III-43

Молочнику остался должен 25 р. (сегодня он взял в счет долга 100 г топленого масла за 40 р., как я и предполагал, да еще, сволочь, кряхтел, что масло жидкое). Сегодня думал продать мои 400 г хлеба за 25 р., чтобы окончательно ликвидировать долг, но раздумал и съел хлеб. Да, я несколько профершипился¹: сижу без денег и в долгах. Как только разделяюсь с молочником, то перестану покупать у него лепешки: действительно, это слишком невыгодно и не по средствам. Не понимаю, что Муля не шлет денег? Возможно, завтра-послезавтра в raspредe будет топленое масло за март, а денег у меня нет ни гроша, буквально. Вчера, чтобы получить хлеб и отвратительные черные макароны в raspредe, пришлось продать учебник по литературе. Вероятно, что сегодня спросят по химии; знаю ее неважно (не успел подогнать); но надеюсь, что на «пос» отвечу.

19/III-43

Вчера таки сдал химию, как и ожидал, на «пос», причем директорша заметила, что я «совсем забросил учебу», и пригрозила, что «по химии у вас будет поср. в аттестате, т.к. 4ая четверть будет неполной». Пос. в аттестате — это наплевать, — я большего и не хочу, но признание директоршей того, что 4ая четверть будет неполной, наводит на противные мысли о скорой отправке в колхоз на работы. Кажется, мне устроят в Наркомпросе опять пропуск в магазин и карточку в детскую столовую; обещают устроить пропуск наверное; столовая-то — не бог весть что, кажется, что-то сугубо затирушное, но если нечего жрать, как мне, — и то хлеб. Я добиваюсь, чтобы мне дали пропуск в магазин на март, а то иначе придется ждать целый месяц, — выдачи в этом магазине начинаются обычно с 15го числа каждого месяца. А что будет 15го апреля — неизве-

¹ От нем. *verspielen* — проигрывать.

стно. Не знаю, удастся ли мне получить пропуск на март, — может, у них уже нет мартовских пропусков (выдают-то их в первых числах каждого месяца). В таком случае на март придется облизаться. Газета «Правда Востока» выходит в уменьшенном формате через день. Иду попытаться получить белый хлеб в магазинчике М.М. по моей карточке, чтобы, продав, иметь деньги на случай выдачи топленого масла в расприде за март и отдать долг молочнику.

19/III-43

В расприде рыба (конч. селедка) за февраль, но колоссальное количество народа; масла нет. Хлеба белого не дали. Мой план таков: пройти в школу, узнать, есть ли физичка, и сдать ей физику, а в школу не идти, т.к. я звонил П.Д. и напросился на обед в $\frac{1}{2}$ 5⁴⁰. А впрочем, благоразумнее сдавать не с глазу на глаз, а на уроке, и я это сделаю в понедельник или сегодня, если успею. Я позвонил П.Д., т.к. я страшно голоден, денег на обеды в Союзе нет, а хлеб обречен на продажу из-за долга молочнику. Хотелось бы сдать физику на этой неделе, но дело потерпит и до понедельника, а с глазу на глаз сдавать опасно слишком. Да и потом, она увидит мои шикарные конспекты, и посредственно в четверти, к которому я и стремлюсь, по-моему, обеспечено. История и литература будут отлично, черчение — вероятно, хор., по математике «песик» завуч (математичка) да наскребет: она ко мне хорошо расположена. Писал диктовку — отлично. Вчера в комнате у меня произвели «повальную дезинфекцию» — даже тюфяк, на котором я сплю, облили лизолом или карболкой. Воняет комнатка на всю Европу. Н-да. Конечно, неудобно вышло (да и не очень-то, уж если подумать), что я по телефону «подогнал» разговор так, что П.Д. была вынуждена сделать «роковой» вопрос: «А может быть, вы и сегодня свободны?» Было бы очень хорошо, если бы я мог прийти завтра и послезавтра, но как ей дать это понять? Поскольку я понимаю, кормить меня не стоит им никаких трудов, ведь они люди обеспеченные; но как им дать понять, что я бы хотел обедать в субботу и в воскресенье? Может, вскользь заметить, что у меня два следующих дня свободны, с тем чтобы П.Д. сама сказала «приходите»? Ведь, в конце концов, она же сама мне говорила всегда: «Приходите обедать сре-

ди недели». Я действительно страдаю от голода. Все время хочется есть. Нет, необходимо отвязаться от молочника. Это дьявольски трудно. Пример: еще сегодня утром он мне предлагал лепешку, но я отказался, сказав, что у меня нет денег. Он ушел, а я через минуту почувствовал такой голод, что выбежал в пижаме в коридор за ним, чтобы взять лепешку! Но его уже не было — к счастью, в сущности, потому что лучше иметь долг в 25 р., чем в 65. И то для меня составляет проблему заплатить 25 р., так что... По детским в магазине выдают рыбу и 300 г топленого масла. Эх, получить бы пропуск на март! Фу, как есть хочется, прямо ужасно. Я сегодня зайду в Наркомпрос, узнаю сам насчет пропуска. Пускай дают на март, чорт возьми, — до апреля человек может скобочиться, смысл имеет дать именно сейчас.

19/III-43

Сегодня предпринял весьма неблагоразумный шаг — продал на рынке хлебную карточку вплоть до конца месяца за 175 р. Конечно, это неблагоразумно, но я ненавижу всем сердцем благоразумие, я живу сегодняшним днем и сыт хочу быть сегодня до отвалу, а не помаленьку каждый день. Эти 150 р. (25 истратил на два вкуснейших пирожка с повидлом по 12 р. штука и стакан морса) дадут мне возможность дать М.М. на обеды 20 р., 25 р. отложить на разные выдачи, которые могут быть в распреде (допустим, масло, табак) и в магазине № 7 (если мне дадут туда пропуск на март месяц; там выдается рыба и 300 г топленого масла: вот шикарно было бы получить эти 300 г!), 25 р. отдать молочнику и 80 р. оставить на две лепешки. Благодаря этим деньгам хоть дня на 3 обеспечил себе обеды (т.к. надо же «подсыпать» иногда М.М., а то мой долг ей очень растет, и у нее денег тоже не водится много). И долг надо отдать, и лепешек поесть, и денег М.М. дать, и оставить денег на выдачи. Я, конечно, мечтаю получить масло и в магазинчике, и в распреде — вот было бы замечательно! Но это вряд ли будет так. Но хоть хлопковое масло я должен получить в распреде, если не топленое (что-то ни вчера, ни сегодня не было топленого). Хотелось бы, конечно, топленого — оно дороже, всегда можно хоть 100 г продать молочнику за лепешку. Очень важно было бы получить пропуск на март месяц, пока у них есть еще топленое масло. Беленькая

была сегодня больна (она выдает пропуски), так что сегодня ничего не вышло. Придется зайти мне завтра — может, она будет там; там надо это дело проверить поскорее. А может, не смогут и дадут только на апрель. Увидим. Надеюсь, что молочник завтра принесет лепешку — ведь сегодня он принесил. И я с шиком отдам ему долг и даже заплачу за новую лепешку, если таковая будет в наличии. Но держу пари, будет как раз так, что именно тогда, когда у меня есть деньги, он не принесет лепешку! Но, опять-таки, увидим. Н-да, превосходные пирожки с повидлом! Да, кстати, необходимо таки будет урвать у Л.Г. эти 50 р., которые она полубещала: мол, мне должны заплатить в Радиокomitee, и на днях я смогу вам этой суммой помочь, но пока у меня свободных денег нет. Смешной она человек, ей-богу. В том-то и соль, чтобы выручить человека из тех денег, которые нужны для себя! А то какая же цена ее помощи и что это за термин «свободные деньги»? Мне смешно на ее скупость. «Я думаю, что смогу вам одолжить эту сумму». Да, так надо не давать ей забыть о том, что мне эта сумма таки очень нужна. Может, повезет, и она одолжит. Возможно, попрошусь на воскресение. Сегодня, после того как был безуспешно в Наркомпросе, я пошел на почтамт; там ничего не было на мое имя до востребования. Время было 14.30 — оставалось два часа до обеда у П.Д. Около почтамта продавали домашнего изделия пирожные «Наполеон» (15 р. штука), бублики (10 р.), конфеты... Я с утра ничего не ел и алчно глядел на все эти глупые прелести. Тут я вспомнил, что у меня есть с собой карточка на сахар и попытался ее продать, но ничего не выходило, ибо у меня карточка иждивенческая, а по иждивенческим давно ничего не выдают. Потом пошел на базар и пытался там продать карточку, но таких, как я, оказалось много, и никто этих карточек не берет. Тогда я внезапно решил ликвидировать хлебную карточку. Я просил 225 р.; узбеки давали 150, наконец одна женщина начала давать 160; сторговались на 175 — *se qui fait*¹ приблизительно по 40—45 р. кг. Тут же я купил два пирожка с повидлом (мои любимые) и ушел, триумфально их уписывая. Каких только вкусных вещей не продается! Пирожки с рисом, наполеоны, булочки (к которым питаю особую страсть), булки, лепешки, блинчики, котлеты, конфеты!

¹ что составляет.

Обед у П.Д. мне сегодня очень понравился: кильки на hors d'oeuvres¹ (я их съел, кажется, 5 штук – pas moins²!), суп с вермишелью и красной морковью (я его посыпал рубленым зеленым луком – объедение!). А на второе мне наложили здоровую порцию гениальной тушеной капусты с кусочками мягкой баранины. Какая капуста, мм! Замечательно вкусно, я начинаю понимать эльзасцев, ah! les saucisses de Strasbourg!³ Очень вкусно было. Потом чай с сахаром и белая булка. Вот это обед, это я понимаю! Я выпил три стакана крепкого чая с сахаром и съел 5 кусков булки! Коли есть, так есть на славу, раз еще, к тому же, угощают. П.Д. при мне получила кипу писем от Л.И. По-видимому, они довольно скоро уедут – впрочем, не раньше месяца, потому что им надо собираться, укладываться, вещей – масса, чемоданы у Толстых в Москве, а П.Д. и Лене укладывать вещи некуда, так что они еще будут хлопотать о пересылке чемоданов (пустых) из Москвы в Ташкент. И надо пересылать машину в Москву и об этом хлопотать. Да, уедут они, по-видимому, не раньше месяца, учитывая необходимость подготовки к отъезду. Мне не понравилось, что Л.И. не пишет ни слова обо мне, но, может, это в пылу срочных деловых писем, связанных с отъездом П.Д.? По-настоящему, я думаю, что можно Толстым будет хлопотать о моем возвращении тогда, когда приедет П.Д. и будут ликвидированы успешно хлопоты по соединению всей семьи. П.Д. обещала напоминать Л.И. обо мне, но дело, конечно, не в ней, а в том просто-напросто, захотят ли действительно Толстые меня вытянуть в Москву или не захотят, – если по каким-либо причинам не захотят, то никакие напоминания П.Д. не помогут. Да, мне не понравилось абсолютное молчание Л.И. по моему поводу. Но, может быть, ей просто не до меня в связи с хлопотами по отъезду П.Д., отправке машины и т.д.? А может, ей мое письмо не понравилось? А может, ей Лиля что-нибудь обо мне наговорила: допустим, что Лиля, скажем для своего спокойствия, не хочет, чтобы я приезжал в Москву (потому что жить-то я буду у нее), и дала понять Л.И., что мне приезжать в Москву не следует, может, даже рассказала историю о хо-

¹ на закуску.

² не меньше.

³ ах! страсбургские сосиски!

зайке. Но это — очень неправдоподобно, и в общем я склонен считать молчание Л.И. (в данной оказии) просто исключительной темой отъезда П.Д. Да, так оно и есть. Надо ждать следующих поступлений писем от Л.И.; я уверен, что она напишет П.Д. и обо мне. Относительно того, что я замышлял касательно двух ближайших дней, мой план удался лишь частично — но и то хлеб: послезавтра я приглашен обедать. Да, я спешу пользоваться жизнью, как только могу — едой, так едой, сейчас это — основное; уедет П.Д., и я, как своего носа, долго не буду видеть хорошей, вкусной пищи. П.Д. враждует с Митей Толстым — он необуздан, много, по-видимому, из себя воображает (благодаря своей фамилии, «роду» и дружбе с Шостаковичем он в 20 лет — член Союза композиторов, и, конечно, *ça le remplit d'orgueil et il se croit tout permis*)¹. Он получил сегодня письмо от Л.И. — по-видимому, ругательное (наверняка П.Д. нажаловалась на него за какие-то его проступки), или даже от А.Н. Он очень разозлился, что-то кричал Лене и не вышел обедать, причем мне сказал, извиняясь: «Не примите это на ваш счет, у меня ужасно заболела голова», хотя я отлично знал, в чем дело. Он, вероятно, не прав и с жиру бесится. Так. Увидим, принесет ли лепешку завтра молочник. Было бы весьма желательно получить завтра же пропуск на март. Надо будет завтра же зайти в Наркомпрос.

20/III-43

Сегодня, в общем, — довольно удачный день. Получил 400 г масла хлопкового в распреде, получил карточку в магазинчик Наркомпроса, разовые бесплатные талоны на обеды в детской столовой. В магазинчике получил 300 г масла топленого и 300 г рыбы, которую продал за 20 р., и съел пирожок и два пряника. Т.к. сегодня, как я и предполагал, молочник лепешки не принес, то утром пришлось потратиться на булку и 3 бублика — 50 р. Вообще денег ни хрена не осталось, кроме 5 р. Сейчас около 10 вечера, и несмотря на то, что в течение дня я съел 1 венскую булочку, 3 бублика, из коих 2 с топленным маслом, 2 пряника, пирожок с рисом, пирожок с картошкой, тарелку «супа» с лапшой, тарелку мучной каши (в столовой детской), две тарелки

¹ он этим страшно гордится и думает, что ему все позволено.

супа с рисом, две порции свеклы и два стакана семечек, я сейчас чувствую себя голодным и мечтаю о том, что, может быть, молочник удосужится принести завтра утром наконец лепешку. Звонил Л.Г. насчет денег; пока отложено до понедельника. Какая она, однако, скупая! Боже мой, как я ненавижу экономных, скупых и благоразумных людей. Я прощаю, вернее, извиняю вынужденное благоразумие тех, у кого есть какая-нибудь *idée dominante*¹, тех, кто не успева-ет заботиться о деньгах и еде и у которых поэтому все идет благополучно в этом отношении. Но я ненавижу сознатель-ный расчет, сознательное благополучие. И несмотря, на-пример, на то, что я знаю о том, что то, что я продал кар-точку, может быть названо опрометчивым и глупым, не-смотря на это — я не жалею о совершившемся. В конце кон-цов, учатся на ошибках — может, я научусь ценить хлеб бла-годаря этой продаже карточки — 10 дней я буду лишен его. Но вообще я не привык думать о будущем, на будущее мне наплевать, оно совершенно неизвестно. Грань, определя-ющая разницу между ролью самостоятельных действий са-мого человека и ролью посторонних сил, — эта грань мне совершенно не ясна. И я склонен думать, что сейчас, *plus que jamais*², особенно сейчас основную роль в определении судьбы человека играют эти непредвиденные обстоятель-ства: Война, Нужда в Рабочей силе и пр. И это очень не-приятно — сознавать такую ничтожность удельного веса на-ших решений в определении нашей собственной судьбы. Действительно, прямо-то какие-то игрушки. Нет, скорее бы кончилась эта война; я уверен, что все же жизнь будет луч-ше, когда будет мир, чем когда идет война. Война — это страшный бред. Но я боюсь, что она затянется. «Война бу-дет длиться больше, чем это могло бы показаться на пер-вый взгляд», — заявил Cordele Hull. А он-то человек авто-ритетный и знает, *de quoi il retourne*³. Поступивши в ин-ститут, мне уж не удастся уклониться ни от работы на заво-де, ни от отъезда на работы. В школе еще могут разговари-вать, а в институте дело обстоит посерьезнее, и всякие де-каны и прочая и прочая вряд ли идут на соглашение. Да во-

¹ ведущая идея.

² больше, чем когда-либо.

³ в чем, собственно, дело.

обще *mon avenir*¹, даже самое ближайшее, подернуто густейшей пеленой гнуснейшей неизвестности. Несмотря на то, что я не работаю, я считаю, что мне приходится трудно. История с хозяйкой, беспрестанные хлопоты о жратве, отсутствие родных и друзей, всепоглощающая скука, отсутствие любимого дела, отсутствие конкретных перспектив будущего да такой *handicap*² для понимания окружающих явлений, как длительное пребывание за границей — все это делает мою жизнь ненормальной и тяжелой. Хорошо хоть то, что завтра — обед у П.Д. Думаю, что надоел я ей. Хе-хе, еще неожиданно в кармане нашел 10 р. Пригодятся. Э-эх, как хочется, чтобы завтра утром молочник принес лепешку! Я взял бы стакан молока и стал бы есть куски лепешки, намазывая их топленным маслом! Как было бы хорошо, если он принесет! Уже скоро спать пора. Написал письмо Але. М.М. жарит макароны; фу, как хочется есть!

21/III-43

Сегодня утром молочник вообще не пришел, и часть утра я сидел за стереометрией злой и голодный, нюхая запахи, доносившиеся из комнаты соседки (она жарила лапшу). Наконец мне удалось «поддеть» одну молочницу: она мне за мои 400 г масла (я решил расстаться с хлопковым, хоть его и больше, и оставить себе топленое — оно жирнее и вкуснее, его можно мазать на хлеб, класть во все блюда, которым оно придает сносный и даже вкусный вкус и запах) дала 60 р. и 6 бубликов. Все бублики (частью помазанные маслом и в натуральном виде, частью поджаренные — вернее, подрумяненные с маслом) съедены. Таким образом, я сейчас пойду на обед к П.Д. в более нормальном состоянии, чем прошлый раз, когда я *à peine*³ разбирал, что ел, так я был голоден. Но и на этот раз я буду стремиться есть возможно больше. Т.к. порции большие и наливать или накладывать 2^й раз нельзя, то я налегаю, главообразом, на хлеб. Да и вообще на все налегаю. Плевать на приличия, пусть знают, что я голоден, да и не для того же *pour que je mange du bout des lèvres*¹ меня приглаша-

¹ мое будущее.

² Здесь: препятствие (англ.).

³ едва.

ют к обеду, а для насыщения. И я ем за троих. Надо взять талоны в детстоловую — может, на обратном пути успею поесть. А не успею — не беда, потому что талон не пропадет и можно будет прийти на другой день или взять два обеда. Надо будет зайти на почтамт. Соблазн купить картошки. Что лучше — лепешка или картошка? Тэк-с. Идем обедать.

22/III-43

Обед у П.Д. был «неважный» — кавычки потому, что уж конечно, он был лучше, чем где бы то ни было, но слабее обычных обедов у Толстых: суп мясной с клецками, котлеты и очень вкусная жареная картошка, чай с сахаром. Я здорово налегал на хлеб и все-таки ушел с неуспокоившимся аппетитом и пошел на базар и там, конечно, протратился: съел вкусный пончик с яблоками — 10 р., купил лепешку — 25 р., стакан семечек — 6 р. и два бублика, и от 60 рублей ничего не осталось. Но зато вечером я был вполне «укомплектован». Видел приехавшего из Москвы А.Старцева. Важное известие — «Инт<ернационая> лит<ерату>ра» закрылась. «Сложная обстановка, это не подходит, то не подходит». Итак, закрылся единственный интересный, подлинно интересный журнал. Очень жаль, для меня это большой удар. Сегодня сдал физику, неожиданно на хорошо — физичку подкупили мои шикарные конспекты. Говорят, с 25^{то} каникулы; до них осталось всего лишь два дня, и за эти два дня мне необходимо сдать алгебру, геометрию, тригонометрию; очень мило! Тут-то я и провалюсь; по алгебре стоит плохо. Молочник утром ничего не принес. Только предложил молока, которого я не взял. Может, он боится носить лепешки, потому что видит, что я едва-едва и тянув дело выплатил ему деньги прошлые разы? Бес его знает, во всяком случае, он уже дней 4–5 не несет лепешек, или даже все 6. У Гауптмана есть книга: «В вихре признанья». А я могу сказать: в вихре питания; действительно, жизнь портит аппетит, и особенно аппетит утренний. Вставши утром с жестчайшего ложа, жрать хочется сверхъестественно. Сегодня взял в долг у молочницы (той, вчерашней) на 55 р. хлеба с обязательством заплатить ей завтра. 55 рублей, когда ни гроша в кармане! Конечно,

¹ чтобы я ел без всякого удовольствия.

это крайне безрассудно. Но, боже мой, какой хлеб! Грамм 400—500 белейшего хлеба, с топленным маслом — исключительно вкусно! И я поджарил тосты, такие румяные, ох! Но как расплатиться завтра? Я позвонил Л.Г.; все сулит и обещает: завтра, послезавтра... И сухим тоном: «Сейчас деньги достаются трудно, поэтому это будет взаимообразно». *Pour faire sentir le poids ce sacrifice*'а.¹ Эх, в другое время я бы ей ответил как следует: катись, матушка, куда следует с твоей «суммой», без тебя обойдусь, потому что не переносу этого твоего тона. Но я ссориться с нею не имею возможности, *because*² пока я в Ташкенте, то ее рассказ о моих делах с М.А. может мне повредить, и кроме того, я не знаю, может, еще придется с ней посоветоваться, и она может мне принести пользу. Вот и не отвечаешь и миришься с оскорблениями. О, я бы многих послал бы куда следует, так они мне надоели. Анна Львовна (одна из соседок) одолжила мне 25 р. до завтра вечером, но если до этого я не получу от Л.Г., то не смогу ей вернуть. Л.Г. обещает завтра или послезавтра. Я так думаю, что придется отдать все масло за хлеб, да еще эта узбечка, держу пари, будет требовать денег. Прощай, масло! Но может, это и хорошо — потому что без масла мне не так будет хотеться хлеба. Эх, как я люблю бублики! Было бы неплохо продать старику 100 г масла завтра за 40 р. деньгами — все же хоть малость масла останется, а то узбечке этой придется отвалить все масло, да еще, пожалуй, приплатить деньгами. А если взять 40 р. деньгами, то и масло останется, и деньги (долг) заплачу. Н-да, сложная штука. 100 г у меня не отвешено, да и вряд ли молочник согласится дать деньгами — скорее всего скажет: «Завтра принесу лепешку, тогда мне дашь 100 г масла», и придется все пожертвовать моей кредиторше; с ней трудно столкнуться, она плохо понимает по-русски. Но какой хлеб, о, какой вкусный хлеб с маслом; а какие тосты, фу! Говорят, каникулы будут 6—7 дней — до 1го апреля. Говорят, скоро поедем в какие-то лагеря. Я никуда не поеду — *du cul*³, всю жизнь мечтал, очень надо. Если молочник принесет завтра хлеб, бублики или лепешку, то опять будет долг, опять беспокойство! Еще с молочницей я как-то разделаюсь,

¹ Чтобы дать почувствовать всю цену этой жертвы.

² потому что (англ.).

³ в ж...

раз есть масло и 25 р., но как быть с ним тогда... Да, голод, голод, все время хочется есть. Сегодня получил письмо от Али. Она тоже считает Эренбурга плохим писателем и плохим журналистом. Впрочем, я Эренбурга не читал ничего, кроме неважных статей последнего периода. Н-да-с, дела. Так я и не осуществлю своей мечты – не поем вареной картошки с маслом! С маслом очень жалко расставаться – оно придает вкус супам и вторым из Союза, его можно мазать на хлеб... которого нет, жарить на нем... опять-таки недостающий хлеб. Любопытно, принесет ли молочник завтра утром чего-либо пожрать или нет. Любопытно, как я сговорюсь с молочницей; держу пари, что будет – с ее стороны – много гортанных криков. Был в детской столовой, ел суп-лапшу и мучную кашу-запеканку. Все было бы хорошо, но там на меня косо смотрят, т.к. там едят только дети. В Наркомпросе мне рекомендовали брать обеды на дом именно по этой причине. Но нет на это времени, и приходится есть там. Наши войска оставили гор. Белгород. Вероятно, скоро оставят Чугуево. Было бы неплохо, если бы в нашем магазинчике выдавали что-нибудь (хотя нет ни гроша для покупки чего-либо). Ой, как жалко расставаться с маслом! Но иного выхода не придумаю: денег нет, занимать – не у кого, а платить долги необходимо. Занялся переводом книги П.Валери «Regards sur le monde actuel». Интересная и трудная работа. Н-да, пора спать: уже 1 ч. 45 утра, цифра солидная. Глаза слипаются, рот открывается для зевка, рука ослабевает... Поговаривают о том, что будет весенний паек, как зимний; вот было бы шикарно! Спать; утро вечера мудренее.

25/III-43

Вчера сдал математику и успешно окончил III^ю четверть. Т.е. для меня успешно. Вчера Л.Г. одолжила 50 р., и П.Д. дала 50 р. У П.Д. обедал: вкусный мясной борщ, две котлеты с жареной картошкой, хлеб, чай с сахаром и вином. Очень здорово. Написал заявление в Союз писателей насчет моего возвращения: секретарша А.Н. говорила по телефону с П.Д. и сообщила ей, что Л.И. говорила со Скосыревым (он – член Президиума) и тот сказал, что вызов мне устроить возможно: надо, чтобы было от меня заявление; А.Н. положит на это заявление свою апробацию («поддерживаю это ходатай-

ство» или что-нибудь в этом роде), и тогда... Ну, написал заявление и письмо Л.И., и все это пойдет оказией в Москву сегодня-завтра. 10 дней пути — значит, 4^{то}—5^{то} Л.И. это прочтет. Теперь каникулы до 1^{то}; даже что-то не верится. А потом, наверное, захотят отправить на работы. Но се soup-ci — des clous et d'la reau!¹ Никуда не поеду. От вчерашних 100 р. вчера истратил 10 р. на бублик, 25 р. пошли на уплату долга одной соседке, двадцать уплатил, вернее, даже 25, уплатил за хлеб (за тот белый, знаменитый) молочнице, 30 р. уплатил молочнику за лепешку. Ему и ей должен в общей сложности 35 р. 2 р. истратил на пиво в Союзе. Сегодня — перевод от Мули: 300 р. Хозяйке отвалою 100, долг Л.Г. — 50, М.М. — 70 р. (50 за обеды, 20 за булочку, которую продал, чтобы заплатить завтра молочнице) и то останусь должным ей 44 р. Значит, останется 80 р. 10 р. на долг молочнику, 5 р. на телеграмму Мульке — останется всего 65 рублей. Вот те и триста! Любо глядеть, право! Зато сегодня хорошо ел: лепешка, хлеб — все это с топленным маслом, два обеда в детстоловой (два борща и две вкусных оладьи), полтора супа и две каши из столовой Союза. Je m'porte bien!² Завтра суббота — позвонить П.Д., чтобы прийти в воскресенье обедать. Читаю «Не переводя дыхания» Эренбурга. Да, между прочим, придется-таки мне купить картошки на 50 р. (1 кг), пока есть масло! Полкило сварю, полкило изжарю. И останется 15 рублей! Продолжаю перевод Валери.

27/III-43

Вчера обедал у П.Д.: редька с маслом, мясной суп с овощами, любимая choucroute³ с сосисками и бараниной, чай с сахаром; в общем, обед на славу. Вчера купил ½ кг картошки, сегодня утром съел 1 бублик, кусок коврижки и пирожок с рисом; вчера утром — два бублика. Ничего нет вкуснее, чем бублики утром: эдак штуки 3—4 самый раз утром съесть. В общем, 50 р. отдам Л.Г. числа 31^{то}—1^{то}, когда получу остающиеся 50 р. от П.Д. Сегодня в отношении питания — удачный день: утром, как писал, 1 бублик, 1 пирожок с рисом и кусок коврижки, потом, часа в 3—4, — пряник за 5 р., потом

¹ на этот раз ни за что и в ж..!

² Я здоров!

³ тушеная кислая капуста.

удалось поехать на один талон два обеда (подвиг), состоящие из рассольника и рисовой каши. Потом, о удача! – удалось получить в распеде белейшие макароны (600 г). Вечером сегодня съел полную сковородку рисовой каши и тарелку вкусного супа; теперь готовлюсь съесть вторую тарелку этого супа. Отнес 100 р. хозяйке. Она собирается в Москву! *Se serait le comble*¹, если она меня будет преследовать с этим долгом в 2000 в самой Москве! До уплаты первого долга осталось 200 р. Кряхтит, что мало плачу, а у самой с полкило или больше сливочного масла, которое она мажет на хлеб. Жду письма от Мули. Как бы попроситься на обед на завтра (потому что в Союзе ничего нет в воскресенье). Конечно, *il ne faut pas abuser*², но я все-таки завтра утром позвоню, и всего вероятнее, дело будет *all right*³. Продолжаю переводить Валери. Начал «Не переводя дыхания» – и бросил: разбросанно, недоработано, хотя материал – превосходный и есть удачные места. Но в общем – несерьезно. И писал-то он книгу всего какие-нибудь 3 месяца, и писал в Париже о Котласе. Сейчас читаю Шеллера-Михайлова «Жизнь Шупова, его родных и знакомых». Надо удержаться, чтобы не сожрать сегодня часть макарон, – а вдруг завтра дело со жратвой у П.Д. не выгорит, а есть надо. Осталось 4 рубля! В среду-четверг поеду к Усовой за «*Caves du Vatican*». Ее муж болен, в клинике. Соседка болтает, союзники продвигаются в Тунисе.

31/III-43

Ничего лучшего не нашел, как заболеть вновь рожистым воспалением, *en conséquence de quoi*⁴ лежу в кровати и принимаю стрептоцид. Молочнице должен 180 р. (3 булочки по 20 р. и кусок хлеба за 40). Меня даже удивляет ее терпение, которое вряд ли будет долго продолжаться! За последнее время прочел две книги Синклера: «*Jimmy Higgins*» и «100%». Интересно, конечно, но чересчур назойливо и несколько однообразно; издавать бы такие книги на хорошей бумаге с иллюстрациями, это им бы не повредило. Любопыт-

¹ Это было бы уж слишком.

² не следует злоупотреблять.

³ благополучно (англ.).

⁴ вследствие которого.

но было бы проследить эволюцию Синклера как писателя: от самых ранних произведений до «Зубов дракона» en passant par¹ «Le Roi de l'Auto» и «Малая сталь». Мне кажется, что поздние его произведения более художественны, проработаны, продуманы. Да, 11ый № надо достать. Вчера соседка, следуя моим инструкциям, позвонила П.Д. — мол, чтобы меня сегодня не ждали. В заключение П.Д. сказала, что зайдет ко мне, как только будет свободное время. И оттого я ее ожидаю или сегодня (хорошая погода сменила плохую), или завтра, что вернее. Очень хорошо — принесет чего-нибудь поесть. Говорят, 8ая армия прорвала фронт войск держав оси в Тунисе. Надо будет это выяснить. Умер Рахманинов. Разрушительная бомбежка Берлина англичанами. Написал заявление в Литфонд на 150 р. Надеюсь сегодня-завтра получить их — тогда выплачу долг молочнице и дам соседке денег на обеды. В расприде вчера давали 5 кг сахарной свеклы. Соседка получила, но я не мог получить; авось еще будут давать. Говорят, в этом году колоссальный урожай сахарной свеклы: в самом деле, кого бы ни встретил, все несут свеклу, абсолютно все. И она очень вкусна и питательна. Еще не получал соли за февраль и март и сладостей за март. Больше всего хотелось бы получить пряников. Шикарно было бы, если бы сегодня зашла П.Д. и принесла чего-нибудь à manger². Впрочем, если и завтра зайдет — тоже неплохо будет. Читаю «Воспитание чувств» Флобера.

3/IV-43

Первого числа была П.Д.; принесла колбасу, сахару, 2 котлеты и 2 яйца. У нее решается вопрос, оставят ли распределитель Толстых или отнимут. Если отнимут — плохо: уж не будет хороших обедов. Получила она уже вызов от Толстых. В анкете есть вопрос: место рождения. Напишу я, конечно, Прага; и опасаясь, что в милиции из-за этого возникнут затруднения: откуда да когда и пр. Анкета заполняется для получения пропуска после получения вызова (все это — через милицию). Должен 100 р. молочнице и уже второе утро ухожу, чтобы не попасться ей на глаза! Совсем как un étudiant

¹ пройдя и

² поесть.

insolvable¹. Вчера продал и проел белые брюки, рубашку. Сегодня неудачно наткнулся на директоршу; придется идти в школу! Говорит она, что испытания будут и что в этом году в них включили дополнительные предметы. Союзники заняли Габес и победоносно оттесняют роммелевские и арнимовские войска к побережью. Французский «Верблюжий Корпус» занял Кебили; интересно, удастся ли войскам оси эвакуироваться из Туниса с минимумом потерь или они будут застигнуты? Фашисты в Африке обречены. В Алжире стали вновь действовать муниципалитеты (после соглашения Жиро с де Голлем, очевидно). Возможно, что союзники закончат очистку Сев. Африки – а потом и откроют Второй фронт. На 27ое апреля созывается в США по инициативе американского правительства конференция по вопросу о послевоенном продовольствии, его продукции и распределении. СССР принял предложение участвовать в ней; также и Англия. Все еще не получил карточку в столовую Наркомпроса, но должен получить – и получу. С удовольствием читаю «Education Sentimentale» Флобера. С 31ого установилась теплая погода. Одолевают глупые мечты о крупных деньгах, при которых я мог бы одеться и отъесться. Раскрылась история с продажей шапки (М.М. сама виновата); в результате я ей должен 500 р., pas moins's!² И важно теперь особенно, чтобы М.А. молчала. Скорее бы в Москву! О Боже, как здесь надоело, и люди, и разговоры, и долги, и страхи, и обилие продуктов, и невозможность их приобретать! Все надоело. Пора, пора уезжать отсюда. Написал Але. Ни от кого ничего нет; хоть бы деньги пришли! А в Литфонде – ну, конечно, «не раньше пятого». Везет мне! Да, – позвонить сегодня П.Д., чтобы напроситься завтра на обед.

6/IV-43

Получил 300 р. от Мули. 100 отдал молочнице, 100 – М.М. за обеденные долги, 60 истратил в одно утро, купив и съев 1 булку, 2 бублика, 2 шоколадные конфеты, 2 «сердечка» (узбекские вафли) и одно самодельное хрустящее «пирожное» с изюмом и урюком. Все это было мгновенно съедено, и, по

¹ неимущий студент.

² и не меньше-с!

крайней мере, в это утро я не голодал. Остальные 40 рублей пошли на уплату за квартиру, стакан семечек, конфеты, зубную щетку и порошок для зубов (*il ne faut pas se négliger*¹) и щетку для мытья. В итоге у меня десять рублей, долг в 50 р. молочнице (взял у нее сегодня на 10 р. молока — раз плюнуть! — и 4 бублика) и в одну булочку — соседке. Придется изворачиваться, продавать хлеб. У П.Д. неприятности: открепили от распределителя, так что в воскресенье *j'en ai été roug mes frais*²; думаю позвонить ей сегодня или завтра, т.к. у нее этот вопрос все же как-то наладится, и она сказала, чтобы я звонил. Скоро кто-то должен приехать из Москвы с «оказией» от Л.И.; может, и мне будет от нее письмо. Крупнейшие налеты на Берлин и Эссен английской авиации; в Тунисе продвижение союзников продолжается; по видимому, скоро возьмут Саконеп. Открытка от Лили; Кот — на фронт едет (написал ей с дороги); она скоро вышлет деньги: «Прости, что задерживаю деньги, на днях вышлю». По моим расчетам эти деньги я получу не раньше, чем дней через 9–10. В Литфонде все еще нет денег, *ce qui ne m'arrange guère*³. Там новый директор — *ce qui m'arrange encore moins*⁴, т.к. вполне возможно, что он не захочет, как прежний — Эфрос — выдавать мне 1⁰⁰ и 15⁰⁰ деньги. Академии наук, всем ее московским институтам, предписано быть к 15^м мая в Москве. Все говорят, что в Москве жизнь исключительно трудная. Но все же мне туда необходимо попасть; здесь надоело и противно: только и делаешь, что заползаешь в долги из-за жратвы, и вообще, ультратыловой город при отсутствии соответствующих сумм в кармане или соответствующего распределителя — штука отвратительная. А в Москве я все-таки надеюсь и поступить в МГУ, и работать в ГЦБИЛ, и найти работу по переводческой части. Здесь же это все невозможно. Все говорят, что союзники «тянут» с открытием Второго фронта для того, чтобы мы в максимуме были ослаблены войной, учитывая, что мы все равно будем продолжать эту войну, раз мы отвоевываем свои территории и сепаратный мир невозможен, т.к. СССР на ус-

¹ не надо опускаться.

² я остался на бобах.

³ что меня совсем не устраивает.

⁴ что меня устраивает еще меньше.

тушку Украины не пойдет, а Германия добровольно сама оттуда не уйдет. Значит, мы будем воевать сколько надо, а союзникам и горя мало: они могут спокойно вооружаться и грянуть на Европу, когда почтут нужным. Когда началась в 1939^м г. война между Германией и Англией с Францией, то все говорили, что СССР не будет вмешиваться в эту войну, и что эта война ослабляет обоих партнеров, и что это нам на руку; теперь же *les rôles sont changés*¹, и союзники теперь могут отчасти рассуждать так, как рассуждали мы до 1941го г. И все же мне кажется, что в 1943^м г. союзники Второй фронт откроют, т.к. будут достаточно сильны для этого. Покончат с Тунисом, а потом грянут на Европу. Наше наступление на западе остановлено, так же как и немецкое — на юге; впрочем, трудно сказать, что творится на фронте: может, есть крупные операции, о которых нам пока ничего неизвестно. Прочел «Воспитание чувств»: прекрасный роман. Читаю «Поднятую целину» Шолохова. Сегодня необходимо будет зайти в магазин № 7: может, там будут что-нибудь давать (не то макароны, не то мука). А макароны бы получить неплохо.

7/IV-43

Сегодня дал молочнице 20 р.; осталось долгу 30. Она ничего не принесла (был черный хлеб, но я не взял). Но зато удалось взять в распреде на 9ое число 4 бублика (даже пошел для этого к заведующему, а то на 9ое не давали!). В течение дня «все» 4 бублика были съедены. Получил карточку в столовую детскую и обедал там; обед обычный — суп-лапша и мучная каша, но поддерживает все-таки. *C'est toujours ça.*² Но как я люблю бублики! Но вот что любопытно: насколько чувствуешь себя бодрее, все настроение иное, когда сыт бываешь. *Pas de chance*³ с обедами у П.Д.; звонил ей вчера — все еще хлопочет о распреде, и еще ничего не получилось путного, так что ничего не вышло. Завтра, вероятно, в магазине № 7 будут выдавать муку или макароны, или то и другое. Весь мой наличный капитал — ровным сче-

¹ роли изменились.

² И то хорошо.

³ Не везет.

том два рубля. Постараюсь завтра продать хлеб, если удасться взять на 10^к, — тогда будут деньги на предполагаемые продукты, а не будет продуктов — так отдам часть долга молочнице (т.к. завтра утром, вероятно, что-нибудь у нее возьму, если принесет); есть же надо, а мой расчет — на литфондовские деньги и 50 р. от П.Д., не считая перевода от Лили, которого я ожидаю через неделю. Сейчас буду есть суп из Союза.

9/IV-43

Сегодня звонила П.Д.; завтра пойду к ней обедать; она предполагает уехать числа 26го; возможно, что мне будет письмо от Л.И., т.к. приехала «оказия» и П.Д. сегодня получит письма. Но вряд ли — скорее, не будет ничего (почему-то мне так кажется). Позавчера муку (1 кг 200) не получил, т.к. было колоссально много народа. Возможно, что завтра получим пропуск на апрель-июнь-июль в распред; вчера и сегодня по талонам 1–2 апреля давали белейшие макароны и чай; боюсь пропустить эти макароны: когда дадут пропуск, то они могут кончиться. Завтра обязательно надо взять муку, т.к. задолжал молочнице 110 р. (беру у ней хлеб и молоко), а в Литфонде упорно не дают денег. Итак, завтра — *une journée chargée*¹: утром ждать молочницу (авось принесет бубликов), потом сигать в гастроном и в магазин или даже в Союз, чтобы получить пропуска в распред (очень хочется получить эти макароны!), потом обедать в столовке, к ½ 5^{то} — к П.Д., *ouf!*² Муку получить необходимо, надеюсь, что завтра не будет столько народа, сколько было позавчера; в распреде хочется получить бублики, но все это очереди, очереди, и не знаешь, куда ткнуться, а время летит и летит! Вчера не пошел в школу и написал сочинение, огромное-преогромное, но толковое, и, надеюсь, оно произведет соответствующий эффект; написано оно с расчетом на контрбалансирование возможных неудач по точным наукам на испытаниях. Английская и американская армия в Тунисе соединились; Роммель отступает к северу. Исключительно интересная речь помощника гос. секретаря США Берли; надо было бы ее вырезать; может, попро-

¹ тяжелый день.

² уф!

шу у П.Д. завтра газету и вырежу для моей библиотеки внешней политики. По крайней мере, хоть не так плохо питаюсь последние дни благодаря двум столовым и молочнице. Но долги, долги!

ДНЕВНИК № 15

16/IV-43

В воскресенье продал муку (за 130 р.), бегал по снабжению. Обедал у П.Д. В настоящее время должен 190 р. (*pas moins'ss!*¹) молочнице (каждый день брал у нее молоко и хлеб на 50–60 рублей). П.Д. предполагает уехать 29го. Митя Толстой поселяется в общежитие на Пролетарской 4 (ЛОЛГК); ему будут присылаться деньги, и Л.И. через Ломакина добилась для него хорошего пайка. Вчера обедал у П.Д. Суп с грибами и мясом. Котлета и тушеная красная свекла, салат, блинчики с конфетами, чай. Очень вкусно. Последнее время питаюсь хорошо благодаря утреннему хлебу и молоку и поддержке обеда в столовой эвакудетей. Но долги, долги! Беспokoит, как бы хозяйка не выкинула какой-нибудь штуки — не пошла бы, например, жаловаться в Союз. Жду денег от Лили — ведь она писала, что «на днях высылает», впрочем, идти они могут долго. Пожалуй, придется-таки, начиная с завтрашнего дня, применять тактику убегания от моей *créancière*², благо стоит хорошая погода, и учить уроки в парке. Хор. по физике, отл. по истории. Редактор стенгазеты к 1го мая. Говорят, будет много испытаний. От Л.И. — ни слуха, ни духа. И немудрено: она сейчас занята благополучным прибытием в Москву из Ташкента П.Д., вещей и автомобиля, и когда П.Д. прибудет, то мои шансы повысятся, я думаю, — и П.Д. ей напомнит обо мне. Сегодня удалось взять бублики. Чудо как я их люблю! Читаю «Успех» Фейхтвангера. Письмо от Али; ответил. От Мули — ничего. Союзники заняли Djebel-Mansour и находятся в 50 милях от Туниса. Любопытно, как удастся немцам избежать окружения и уничтожения, удастся ли им своевременно эвакуировать свои войска из Сев. Африки. Пока что число пленных — 30 000. Интересно, будут ли фашисты защищать Бизерту и Тунис? Из

¹ не меньше-сс!

² кредиторши.

нашего дома в Москву должны выехать 4 семьи писателей (вчера выехали Лидины). Когда-то я наконец поеду! Завтра могут спросить по химии. Завтра обещают дать в Литфонде деньги, но все они уйдут на долги М.М. за обеды, и долг Л.Г. еще не возвращен.

17/IV-43

Сегодня в школу не пошел, зато получил 150 р. в Литфонде. На базаре купил бублик и кусок гениальной настоящей халвы — 20 р. Потом купил 5 бубликов; осталось 2. Дал 60 р. М.М., остался должным еще 27. 20 р. осталось на уплату за электричество. Завтра возьму хлеб на 2 дня и продам, и будут деньги на обед в детской столовой и уплату части долга Л.Г. Завтра не забыть ей позвонить: она обещала накормить меня обедом. Отлично по сочинению на тему о «Поднятой целине». Молочнице должен 190 р. Она требует «расчета» — чтобы отдал весь долг, так что завтра утром придется испариться, и испаряться придется вплоть до получения денег от Лили. Н-да-с! Написал открытку М.А. (недели 3 у нее не был); встретил А.С.; он говорит, что она временно спятила с ума, но теперь поправляется. Собственно говоря, идеально было бы, если бы она скапутилась: она бы не представляла для меня более, таким образом, никакой опасности. Погода хорошая, солнечная. Денег от Лили пока нет. В результате трех последних бомбежек Берлина убито 3500 и ранено 7500 человек. Уничтожены целые кварталы. В Сев. Африке союзники продолжают продвигаться в направлении Бизерты и Туниса. Венгерский премьер Каллаи посетил Муссолини; это истолковывают как попытку ведения «самостоятельной политики» Италии по отношению к Германии, как брешь в странах оси. Не знаю. Возможно. Вероятно, ликвидировав Тунисский плацдарм, союзники, после некоторой подготовки, нападут на Сицилию и Южную Италию. Это очень вероятно. Читаю «Успех». Весьма интересно. Самое сильное желание мое, за исполнение которого я отдал бы *все*: перечесть «La Nausée» Жан-Поля Сартра и прочесть сборник рассказов «Le Mug» его же. Как хочется перечесть Монтерлана, Жида, Моруа, Коллетт, Сименона! Нет, французская литература периода меж-

ду двумя войнами – первая в мире, самая замечательная и лучшая. Н-да-с. Итак, завтра утром – смыться. Pas joli¹, но что делать?!

18/IV-43

Сегодняшний день можно считать удачным. Утром ушел к 9 часам из дому, чтобы не нарваться на молочницу. Был с 10 до 13 ч. на литкружке во Дворце пионеров. Руководит кружком Бахтамов – умный, веселый, симпатичный человек. Rien d'extraordinaire ni de très, très cultivé, mais il faut savoir se contenter de peu.² Литкружок приятен тем, что члены его читают всякую чушь, и можно дельно покритиковать и par là³ самому кое-чему научиться. Вообще – приятное времяпрепровождение. Читают стихи, рассказы... Marrant!⁴ Потом удалось получить бубликов на два дня (один продал, чтобы иметь de quoi bouffer⁵ в детстоловой). Пообедал в детстоловой, а в 15.30 обедал у Л.Г.; оставил ей мое сочинение и письмо от Али. Dècidément⁶, надо будет отдать ей долг (50 р.), а то начинает получаться неловко для меня самого. Денег нет, вот в чем вся соль, и для того, чтобы отдать ей 50 р. придется продать хлеб за 2 дня. Завтра химия, физика, тригонометрия! Держу пари, что по одному из этих предметов обязательно спросят. Хотелось бы не ударить лицом в грязь. Осталось 2 бублика. Денег – ни гроша. Читаю «Успех». Налеты, налеты, налеты на Германию. La guerre commence à devenir emmerdante. Quand finira-t-elle, que diable! Je suis sûr et certain que dès la cessation des opérations militaires la Russie aura des ennuis sérieux à propos des pays limitrophes (Lettonie, Lithuanie, Estonie) et des frontières avec la Pologne. Oui, l'avenir politique est fort loin d'être rose. Tout ce que je veux, c'est qu'on me foute la paix. Après tout, comme dit Valéry «Il faut tenter de vivre». Tentons! Mais la vie que je mène maintenant est ennuyeuse – oui, tout simplement ennuyeuse.

¹ Некрасиво.

² Ничего особенного и не слишком уж культурный, но надо уметь довольствоваться малым.

³ тем самым.

⁴ Забавно!

⁵ на что пожрать.

⁶ Все-таки.

De plus en plus je suis certain que Moscou m'est nécessaire; et de moins en moins je suis sûr de réussir d'y revenir de sitôt.¹

19/IV-43

Соседка, Мария Михайловна, получила от родных известие, что они получили для нее вызов и оформляют его. Эге-ге, товарищи, похоже на то, что я уеду отсюда последним — если вообще когда-либо уеду. Впрочем, надеюсь, что приезд П.Д. в Москву ускорит мой приезд: Л.И., освобожденная от этих «главных хлопот», сможет предпринять шаги, необходимые для моего возвращения. И П.Д. сама там за меня постоит, поторопит Л.И. Я все-таки думаю, что раз та обещала, так исполнит. Вот только очень плохо, что я потерял свой московский паспорт с московской пропиской и что у меня теперь только временное удостоверение из Ташкента (до 23го мая; потом надо будет возобновлять, ну и, наверное, дадут паспорт на 3 месяца). Продолжаю читать «Успех». Союзники — в 25 км от Туниса. Ведутся атаки на Тебурбу и Pont-du-Face. Сегодня взял по карточке на завтра и послезавтра 4 булочки; две съел, две променял на 3 бублика и 8 р. деньгами, благодаря чему смог обежать в детстоловой и имею деньги на обед на завтра. Солнечные дни. Утром, ушедши от молочницы, занимался в «парке» (довольно-таки заср...й, но все-таки деревца, скамейки). Спросили по химии; вероятно — пос. Кстати, почему-то собирали сведения: нет ли работающих на оборонных заводах, есть ли менее 14 лет, есть ли длительно больные... К чему эти сведения? Плохой признак; Впрочем, беспокоиться раньше времени не намерен. Вчера вечером полтора часа бездумно шатался один около кино «Хива» и аттракциона «Мотогонки»; народа масса, особенно молодежи. Кстати, надо прозондировать почву, чтобы дали пропуск в магазин НКП на апрель.

¹ Война становится действительно занудной. Когда же она кончится, черт возьми! И я абсолютно уверен, что как только прекратятся военные действия, у России будут серьезные неприятности по поводу соседних стран: Латвии, Литвы, Эстонии и границ с Польшей. Да, политическое будущее далеко не розовое. Я же хочу только одного: чтобы меня оставили в покое. В конце концов, как говорит Валери, «надо пытаться жить». Попытаемся! Но моя жизнь теперь довольно-таки скучная — да, просто скучная. К тому же я все больше уверен, что Москва мне необходима; и я все меньше и меньше уверен, что мне удастся туда скоро вернуться.

20/IV-43

Уже 4^й день (завтра – 4^й) ухажу утром, чтобы не досаждала молочница со своим долгом (вернее, с моим долгом). Сегодня утром голодал изрядно, т.к. съел только обед в детстоловой (к 13 ч. 00), а он только раздражает аппетит. А за хлебом, который кончался, было слишком много народа. Зашел ко мне Горский, с ним гуляли в парке им. Горького, болтали. Дал ему читать Блока (однотомник); он пойдет в субботу, постарается достать № 11 «Интерлита» за 1942^й г. – там есть роман Синклера «Зубы дракона» – и что-нибудь Достоевского. Он – славный парень, умный и, вероятно, с будущим. Вступает в комсомол, хочет сделать военную карьеру. Сегодня – письмо от Али. Встает она в 5 часов утра, работы много, одета плохо (судя по описанию) и все же бодрa и такая же, как была. Очень мне ее жалко – что за поганая игра судьбы! В школу не пошел. Был на базаре (одолжил у Горского десятку; за 8 р. купил пиалу «винегрета» – кислой капусты и кусочков вареной свеклы, который съел по дороге). Обед из Союза – суп (борщ) и два блинчика. Таких блинчиков я бы съел штук 10–15; что мне 2 штуки? Мне кажется, что есть я могу буквально целый день. Вечером я взял на послезавтра хлеб; съел его за чтением «Успеха». По возвращении с главпочтамта меня трижды настиг ливень; я был без галош и без ватника. Завтра математика и две физики; день неважный: могут спросить и по тому, и по другому предмету. Как мне надоели эти проклятые точные науки! И вообще, все ужасно надоело и наскучило. Кстати, скандал с поляками. Дело в том, что они запросили Международный Красный Крест произвести расследование о расстрелянных польских военнопленных. Немцы обвиняют русских, а русские – немцев в этом расстреле. Немцы говорят, что мы в 1940^м г. расстреляли значительную часть польских военнопленных в Смоленской области. А мы говорим, что после отступления советских войск в 1941^м г. из Смоленской области польские военнопленные, находящиеся на строительных работах, попали под власть гитлеровцев, которые их и расстреляли. Польское Министерство национальной обороны опубликовало заявление о запросе Международного <Красного> Креста явно под влиянием немецкого коммюнике. Нам это явно не пришлось по душе, и вчера «Правда» разразилась статья

ей под красноречивым заглавием «Польские сотрудники Гитлера». Сегодня — сообщение ТАСС, в котором говорится, что эта статья полностью отражает «мнение советских руководящих кругов» и что заявление ген. Сикорского не только не улучшает, а ухудшает дело, т.к. подтверждает заявление Министерства национальной обороны и свидетельствует о значительном влиянии прогитлеровских элементов в польском министерстве. Кроме того, сообщение ТАСС прямо высказывает предположение о предварительном сговоре немцев с их прогитлеровскими агентами в «министерских кругах г. Сикорского». Если сопоставить это с антисоветской кампанией, ведомой частью польской эмиграции, и с разговорами о «санитарном кордоне», то станет ясно, что в этом отношении *ça sent diablement*¹. Это все из-за территорий, отторгнутых СССР у Польши, и которые некоторые круги хотят вернуть обратно Польше; отчасти действует и боязнь коммунизма. В Тунисе интенсивность боев пала; вероятно, войска держав оси сильно укрепились в горной местности. Сегодня довольно основательно вымылся. Идет дождь; это меня не устраивает. Все никак не могу поговорить с кем следует о карточке на апрель в детраспред. Денег из Москвы нет. Новый налет на Специю.

22/IV-43

Вчера обедал у П.Д. Превосходный обед: зеленый суп, совсем в стиле знаменитой *soupe à l'oseille*² (конечно, не хватало яиц и сметаны!), на второе — котлета и макароны, зеленый салат — тоже во французском вкусе. В общем, наелся здорово — и хлеба вволю. Как вкусно было! А было бы еще раз в сто вкуснее, если бы удалось съесть все эти красоты дома, сосредоточивая все внимание на еде и не отвлекаясь обязательной в гостях болтовней. Но все-таки и так было здорово насыщаться. Чай с сахаром, оладьи. Хорошо! А до этого, взявши его в магазине, съел 400 г белейшего любимого хлеба и поел в детстоловой. А вечером съел обед из Союза. В школу не пошел. Сегодня же у меня престранное утро. Во-первых, льет дождь. Проснулся я с мыс-

¹ чертова вонь.

² суп из щавеля.

лю, что нет в кармане ни гроша, и ворочался-ворочался с мыслью: как же добыть чортовы деньги? И Л.Г. я должен 50 р., и на обеды в детстоловой денег нет. Наконец осенила идея: продать карточку на остающиеся 7 хлебных дней. Как-нибудь без хлеба я управлюсь и, по крайней мере, смогу уплатить долг Л.Г. — мне становится неловко, что я ее заставляю ждать, тем более, что у нее мое сочинение и мне скоро нужно будет его взять, чтобы подать учителю, а ломать комедию, являясь «как ни в чем ни бывало» — противно и мне не под стать. А продажа карточки дала бы мне рублей 100–120, и все было бы в порядке (кроме, конечно, хлеба). Я встал и попросил у соседки мою карточку (я вчера брал белый хлеб ей и мне в ее магазине и отдал ей обе карточки). Она порылась-порылась... Оказалось, что она потеряла обе карточки! Проект мой рушился, словно картонный домик. Но уже было время уходить, дабы избежать моей молочницы-créancière¹. Приближаюсь я к выходу из нашего коридора... и вдруг слышу сколько раз вожделенный (из-за хлеба и молока), а теперь зловещий крик, с сильнейшим узбекским акцентом: «Сла-адкое моло-ко-оо!» Я заметался. Куда спрятаться от нее? А то будет ругаться и требовать те 190 р., которые я, при всем желании, не способен уплатить — нет денег, и все тут! К счастью, у нас в доме до второго этажа есть галерея, мостик, ведущий к ряду квартир. Молочницу туда кто-то позвал; я это увидел и мигом, держась поближе к стене, скатился по лестнице, пересек двор, завернул за угол дома и вышел на улицу; только меня и видели. Я был спасен, и лил мерзейший дождь! Я успел захватить с собой три книжки; продал их в букинист. магазине за 9 р. Таким образом, имею деньги на обед. Удачно было бы получить пропуск в детмаг на апрель, взять там рыбу и продать ее, а на вырученные деньги купить булочку или бублики. Но я даже не знаю, выдадут ли мне этот пропуск. На счет карточки дело обстоит пока неопределенно. Конечно, М.М. каким-то образом возместит эту потерю. Лучше всего было бы, если бы она мне дала рублей 150 деньгами на покупку карточки: я бы на этом деле выиграл бы, т.к. свою собственную карточку, если бы она не потерялась, я бы продал не выше 120–100 рублей. Итак, 150 р. деньгами

¹ кредиторши.

— лучший выход. Хуже будет, если она купит карточку и даст мне — потому что опять-таки я продам эту карточку не дороже 100–120 р. Еще хуже будет, если она, как-либо добывая хлеб, будет давать мне его — потому что тогда денег не будет, а сейчас мне нужны именно деньги. Но я очень-то настаивать да указывать не могу — ведь я сам ей должен около 500 рублей, о чем она всегда может напомнить. Пусть действует по своему усмотрению — я не такой дурак, чтобы спорить или поднимать бучу. Мне кажется, впрочем, что дешевле 160–175 р. она нигде не сможет найти карточки и потому даст мне 150 р. как более выгодные для нее. Впрочем, я, быть может, ошибаюсь насчет цены, но по-моему, так. Если она мне даст только сто или 120 р., то я ей скажу, что на эти деньги я не смогу купить карточку, а если покупать просто хлеб, то простой расчет 25 р. 400 г помножить на 7 покажет ей 175 р. Допустим, что она скажет: покупайте, я потом еще прибавлю. Тут уж что-либо возразить я не смогу. Вообще, любопытно, как это все обернется. Она хочет продать рис — конечно, это не даст 150 рублей. Ну, в общем, увидим. Мне кажется, что я не прогадаю. Н-да-с, история! А вдруг будут продавать карточку... Тоже за 120, как я хотел сделать? Я хотел так дешево продать, чтобы не толкаться слишком долго на базаре, чтобы сразу иметь деньги. Но вообще-то, по-моему, вряд ли М.М. найдет дешевле, чем за 150 рублей. Будем надеяться! В таком случае, получив эти 150 рублей, я еще выгадаю 30–50 р., потому что сам никогда бы не продал карточку за такую цену. Очень интересно, как кончится эта история. А вдруг она заявит, что карточка-де, мол, стоит 120 рублей? Ну, я протестовать особенно не стану. Увидим. Если она достанет карточку, то, всего вероятнее, я ее продам. Надо сходить в НКП, авось получу пропуск на апрель, возьму рыбу и продам ее. Н-да-с, все это очень мило. Кончаю читать «Успех». Бомбежка нашими самолетами Тильзита. На фронтах — ничего существенного. Вчера было веселое заседание литкружка Дворца пионеров.

23/IV-43

В отношении карточки всего вероятнее то, что соседка купит мне сегодня карточку, и на этом дело и кончится. О 150^м

рублях нечего и мечтать; кто-то ей вбил в голову, что карточку можно купить за 80 рублей, ну и, *naturellement*¹, она теперь не хочет перетратить денег. Сегодня она пойдет на базар (сегодня дождь перестал, погода хорошая) и купит карточку. Я ее, вероятно, продам. Какая досада: вчера у нас в магазине № 7 давали макароны, сладкое на апрель, рыбу, не было много народа, а у меня нет пропуска на апрель! Очень хотелось бы все это получить. Сегодня зайду в Наркомпрос, буду хлопотать. Ничего, кстати сказать, противнее этих хлопот я не знаю. Но хлопотать буду, потому что раз все кругом заняты снабжением, то и я в долгу оставаться не могу и вынужден подражать другим. Конечно, можно обойтись и без макарон, и без рыбы, и без сладкого. Но пример заразителен. На май, кажется, мне дадут пропуск в детстоловую; все-таки она здорово помогает, хотя обычно после нее мне все больше хочется есть. Сегодня меня настигла молочница (я даже не был одет). Но скандала не последовало; я ей обещал денег и даже имел цинизм взять у нее в долг на 50 р. хлеба и на 10 р. молока, *ce qui porte ma dette à 250 roubles, pas moins'ss!*² Н-да, дела. Английская 8ая армия взяла Эпфидавилль. 27го апреля в Hot Springs открывается конференция Объединенных Наций по послевоенным вопросам продовольствия. Кончил «Успех», прекрасная книга. Но и в литературе я остаюсь франкофилом и считаю, что французы пишут лучше и умнее всех.

24/IV-43

Вчера потратил чуть ли не половину дня на то, чтобы получить пропуск в Наркомпросе в детмаг № 7 на апрель месяц. Но зато получил, а 26го, вероятно, получу карточку в столовую на май месяц. В отношении истории с потерянной хлебной карточкой дело обстоит крайне плохо. Была эта М.М. на базаре, ну и конечно, «обожглась» о цены на карточки: и помину не было о 80-рублевой! Хотя она недавно получила 600 рублей, но с денежками расставаться не хочется, и вот вчера вечером она уже переменяла тон. Если 22го она мне предлагала ликвидировать долг в 60 р. за обеды да

¹ естественно.

² итого, моего долга выходит 250 рублей, и не меньше-сс!

плюс 80 р. деньгами, то вчера вечером она уже мне припомнила историю с шапкой, с «испорченной посудой», сказала, что это могло «и с вами случиться», что «о карточке не может быть и речи», вообще вела себя по-хамски. Сказала, что будет делиться со мною хлебом, который будет доставать... и дала мне малюсенький кусочек в грамм 150—170, не более! Вот сволочь! И все дело в том, что я ничего не могу возразить, потому что она носит обеды и история с шапкой меня связывает. Так что *je suis baisé dans les grandes largeurs*¹. Кажется, плюс хлеб, она согласна ликвидировать долг в 60 р. за обеды и кормить меня даром до окончания месяца. Т.е. это я так понял; возможно, что и ошибаюсь. Интересно, сколько хлеба она даст мне сегодня! Все-таки это хамство — потерять карточку в 400 г и давать 150 гр.! Но я связан и ничего не могу сказать; *ça me fait diablement râler*². Молочница уже миновала; хлеба у нее нет, просит денег. Все просят денег, *c'est la loi*!³ Вчера на улице встретил Эфроса, сказал ему, что мне нужны деньги в Литфонде. Он мне ответил, что «у меня из-за вас неприятности» (в самом деле, главбух меня не жалует и протестует против оказания мне регулярной денежной помощи). Спросил, сколько мне остается учиться; согласился подписать очередной счет. Я сегодня подам туда счет в 150 рублей; увидим, что и когда выйдет. Конечно, хотелось бы получить деньги поскорее, но пока он подпишет, пока будут деньги и т.д., много воды *s'écoulera sous les ponts*⁴. Кстати, тот кусочек хлеба, который мне вчера дала М.М., я стоически не съел, хотя и был изрядно голоден: продав его сегодня на базарчике, я буду иметь деньги, необходимые для получения продуктов в детмаге (кажется, макароны, копченый лещ и сладкое за апрель). Страшно досадно, что придется или сладкое, или рыбу продать, но это, вероятно, будет необходимо, т.к. я поставил себе целью не позже завтрашнего дня отдать Л.Г. мой долг в 50 рублей, тем более, что мне необходимо забрать у нее мое сочинение, — а без денег я к ней идти и делать вид, что «все в порядке», не хочу. Не то что она нуждается — чорта с два! — но

¹ я оказался облапошен по всем фронтам.

² это меня ужасно злит.

³ таков закон!

⁴ утечет под мостами.

раз долг, так долг, и надо его отдать, а не морочить голову; я и так уж слишком долго ей не отдаю его. Итак, основная цель: не позже завтрашнего дня отдать Л.Г. пятьдесят рублей, *coûte que coûte*¹, как ни жалко будет продавать рыбу или сладкое. В общем, у меня всего накопилось 320 рублей долгов: 250 – молочнице, 50 – Л.Г., 10 – Горскому, 10 – Аникину за тетрадки и школьные пирожки и хлеб. Недурно, нечего сказать! Кстати, сегодня к часу должен прийти Горский; авось принесет что-нибудь читать. Думаю к 11^ч подойти в Литфонд с моим счетом и оставить его там; к 11.30 зайти в магазин и посмотреть, большая ли там очередь; всё, весь распорядок дня зависит от того, большая ли будет очередь там или нет. В школу не пойду. Да, интересно, что мне принесет этот день.

25/IV-43

Вчера взял макароны; взял также 200 г «сладкой замазки»; рыбы уже не было, так что денег для Л.Г. не смог достать. Вчера мне М.М. сунула 50 рублей, но я их истратил на бублики и жратву. Вчера вечером же съел все макароны и сладкое съел в один час. У Л.Г. сегодня не был; утром был на кружке; съел там пирожок со свеклой; ближайшее заседание – в среду. 1го – 2го придется помогать Бахتامову в проведении гуляния во Дворце пионеров; рассчитываю на буфет – авось что-нибудь да перепадет; я так ему и постараюсь дать понять: если устроишь пирожков побольше или какую угодно жратву, тогда буду тебе помогать. Вообще в кружке иногда интересно. *Me suis fait payer le ciné par une fille*² из кружка – компании ради. 3^й или 4^й раз смотрел «Антон Иванович сердится» – лучшая комедия советская; только звук был плохой, как и в большинстве случаев; впрочем, в Москве звук лучше. Написал статью в стенгазету – скоро надо будет эту стенгазету выпускать (к 1^у мая). Обедал в детстоловой; все-таки подспорье. Обедал у П.Д.; она собирается уезжать 3го; между прочим, сулит деньги; думаю, что ее отъезд, при всей его «*regrettabilité*»³ (если можно так выразиться), мне кое-что в связи с ним долж-

¹ во что бы то ни стало.

² За меня заплатила в кино девчонка.

³ «сожалительности».

но перепасть; она говорит о деньгах, между тем как она мне уже дала 50 р. майские (до 15го, autrement dit¹); вероятно, она мне даст еще 50 за 2^{ую} половину мая вперед. Был хороший, сытный обед: суп с белыми клецками и зеленым луком, хлеб в изобилии (j'm'en suis servi, ah ouïche!²), на второе — макароны с жирным мясом (вкуснейшим!) и горчицей, на третье — рис и сладкий компот из слив, на 4ое чай с двумя кусочками булочки. Я был сыт! Денька через три я к ним заявлюсь опять, тем более, что деньги очень нужны, ma foi³. Завтра утром придется опять смываться от молочницы: Лиля упорно ничего не шлет или, вернее, почта упорно не пересылает ею посланного. Н-да, долги. М.М. угостила тремя вкусными котлетами. Я бы таких съел десять штук, честное слово, так вкусно, что просто ужас. Вообще много на свете вкуснейших вещей: котлеты, бублики, халва — и многое другое. Прочел гениальную пьесу Чапека «Мать». Вот это — искусство! В школе проходим «Гамлета». Заранее предвкушаю радость от прохождения этого знаменитого произведения. Я очень люблю «Гамлета», «Макбета», «Кориолана» и «Сон в летнюю ночь». «Бурю» я, по-моему, не читал, «Отелло» и «Короля Лира» — тоже. Завтра, возможно, получу карточку в детстоловую на май месяц, во всяком случае — постараюсь. Союзники в Тунисе начали генеральное наступление по всему фронту и продвигаются во всех направлениях в ожесточенных боях. Немцы оказывают жестокое сопротивление. Начали действовать отряды американских парашютистов. Эдак так, пожалуй, немцев-то в Тунисе действительно скоро выкинут к чертовой бабушке. А там после этого союзники пойдут на Италию, вероятно, там откроют Второй фронт. Заявление Черчилля о том, что, по полученным сведениям, немцы собираются на русско-германском фронте применить химическую войну; тогда Англия будет применять немедленно эти же методы войны на протяжении всей германской территории. Н-да, если немцы пустят газы на Москву... И все-таки надо туда стремиться. Там интереснее жить, чем здесь. Читал скучных немецких «иенских романтиков»; лучший из них — Тик. А Гофман вообще неизмеримо выше всех их.

¹ иными словами.

² я себя обслужил, н-да-сс!

³ право.

27/IV-43

Последние дни в школу не ходил, хлопоча о карточке в столовую на май месяц; все еще ее не получил, возможно, получу завтра. Ведь все это делается не совсем законно, ибо мне 18 лет. Советское правительство прервало дипломатические отношения с польским правительством: правительство СССР обвиняет польское правительство в сговоре с Гитлером (дело о расстрелянных польских военнопленных в Смоленской области); оно «докатилось до сговора с врагом». Интересно, что скажет английское правительство по этому поводу. Скорее всего — ничего не скажет. Конечно, такие газеты, как News Chronicle, Evening Standard и Manchester Guardian будут, вероятно, осуждать польское правительство, но не это ведь имеет решающее значение, а важно здесь знать позицию Черчилля. Японцы заявляют, что они будут расстреливать тех летчиков, которые виновны в сознательном разрушении жилых объектов, бомбардировках мирного населения и прочих актах жестокости. Ага, запели теперь! Сами же первые заварили кашу, сами — самые жестокие, а теперь, конечно, «Летающие крепости» приходится не по вкусу. На Тунисском фронте продвижение всех войск союзников вперед продолжается. Вчера был у Л.Г.; взял наконец свое сочинение, которое, вероятно, сегодня подам (сегодня иду в школу). Сейчас будем проходить «Гамлета», очень хорошо: я достал перевод Пастернака и книгу Смирнова о Шекспире. Самый раз что надо. Сегодня, возможно, мне принесут «Бесов» Достоевского — принесет юный поэт, вундеркинд, калужанин, сын работницы, говорят, очень талантливый, Валя Берестов. Возможно, что я, он и человека два-три еще будем «издавать» альманах собственных произведений. Надеюсь, что в четверг буду обедать у П.Д. и что она мне даст денег, и я смогу наконец отдать Л.Г. эти несчастные 50 р. Продал мой портфель, мой символ, мою эмблему — за 50 р. на базаре! Уж очень хотелось есть, очень. В пятницу или субботу, возможно, получу 150 р. в Литфонде. На 50 р., вырученные от продажи портфеля, купил булочку венскую (20 р.), два бублика по 10 р. каждый и кусочек вкуснейшей любимой халвы за 10 р. Бублики продолжаю обожать — увы, в большинстве случаев платонически. Есть хочется все время. В гастрономе (распреде) выдают масло и мясо, но колоссальная

очередь, а сегодня надо идти в школу — меня и так, наверное, будут ругать, что я очень много пропускаю. Вообще, надо сказать, что за последнее время я очень разленился. Уж очень надоели эти самые точные науки. На чорта они мне нужны? Au moins¹, сегодня 2 урока литературы, — но и два урока математики!

29/IV-43

Вчера был очень удачный день в отношении жратвы. Позавчера, продав ватник за 90 р. и 6 бубликов (все 6 были уничтожены в тот же вечер), на следующее утро купил 1 кг картошки (50 р.), 50 г топленого масла (30 р.), пучок зеленого лука (3 р.); остальное пошло на конфеты и обед. В то же утро съел, изжарив ее, одну за другой картошку (две сковородки) с луком. У, как вкусно! Вкуснее всего на свете, пожалуй (исключая, пожалуй, обожаемый мною винегрет с майонезом... и многое другое). Потом, посредством беготни и отыскания знакомых в очереди, удалось получить 600 г макарон и 400 г хлопкового масла. Пообедал в столовой (суп-лапша, мучная каша), отнес макароны домой; получив масло, продал его за 130 р., вернее за 125 и 5 конфет по рублю. Купил пирожок с рисом (отлично изжаренный и вкуснейший) — 10 р. Съел. Купил пирожок с урюком (тоже очень вкусный) — 15 р. Купил булку вкусную — 20 р. и 3 бублика (ох, эта страсть к бубликам!) — 30 р. Оставалось 50 р. Оставил 2 бублика дома, пошел в школу, там съел булку и бублик, очень даже премило. Потом истратил 5 р. на конфеты; оставалось 45 р. Потом — 2 р. на брагу — 43. Потом пришлось отвалить 15 р. на починку плитки — и осталось 28; потом 10 р. на бублик — и осталось 18. В школе отдал 10 р. — долг за пирожки. И еще выпил какой-то дряни. В общем, à l'heure qu'il est² осталось net³ 6 рублей. Вечером пошел на кружок. Было весело. Читаю «Бесов», которые принес мне Валя Берестов, калужский поэт-вундеркинд, маленький, тихий, смеющийся, в очках, чахоточный, в темном кителе и брюках и зеленых башмаках, сын работницы. Возможно, что

¹ Хорошо, что...

² в данный момент.

³ чистых.

он, я и еще 2 человека «издадим» свой собственный, не записимый ни от кого, альманах. Сегодня с ним переговорю в детстоловой по этому поводу. 1го и 2го мая, вероятно, буду помогать Бахتامову проводить гуляние во Дворце пионеров. Рассчитываю на вознаграждение из буфета; возможно, что мой расчет не оправдается. Вчера съел в кружке грамм 130–150 хлеба. Вечером съел все 600 грамм макарон с остатками масла и лука; очень вкусно. Сегодня взял стакан молока (10 р.), вернее, 1 ½ стакана, и 4 бублика у молочницы; таким образом, должен ей 300 р. Н-да-аа! Сегодня в школу не пойду (отправка на канал, занятий не будет). Еще не получил карточку на май месяц в детстоловую; надо обязательно получить – но сколько глупой беготни из-за этого! Сегодня в последний раз обедаю у П.Д. 3го она уезжает. В письме к ней Л.И. указывает, что мое заявление и приложенное к нему письмо А.Н. передано в Союз писателей, и Скосырев обещал включить меня в ближайший список возвращающихся. Что ж, увидим. Написал письмо Але. Эх, была бы девчонка, которую можно было бы пригласить во Дворец (есть у меня свободные билеты), да нет подходящей. Тэк-с. Мчатся.

30/IV-43

Вчера был в последний раз у П.Д. Превосходный обед: soupe à l'oseille¹ (т.н. зеленые щи) с мясом и яйцом, на второе – рис в томате и котлета, салат с луком, маслом и уксусом. Дала 900 р. Распрощался с ней. 300 р. отдал молочнице, 140 дал М.М. (после скандальчика), 200 дал хозяйке, 80 истратил на 1 кг картошки и 50 г масла. Получил в Литфонде 150 р. Отложил 50 Л.Г., отдал все долги и много проел на бубликах, пирожках и прочей жратве. Осталось всего-навсего 110 рублей. У нас в магазине дают макароны и крупу (крупу продам обязательно). Было бы хорошо получить завтра, но, вероятно, магазин будет закрыт из-за 1го Мая – или будет много народа. Интересно, будет ли парад? Демонстрация будет, я думаю. Сейчас – minuit²; идет дождь. Удивительно вкусной была картошка, поджаренная на сливочном масле и приправ-

¹ суп из щавеля.

² полночь.

ленная нарезанным зеленым луком и укропом. Эх, шикарно было бы, если молочница принесла бы завтра утречком бублики! Но — вряд ли. У нее они редко бывают. Чем больше ешь, тем более хочется есть. Столовая детская переехала на Пролетарскую ул. 14, напротив летнего кино. Говорят, завтра будут «гостинцы». Что это означает — хороший обед, что ли? И получу ли я? Надеюсь, что да: шикарно было бы получить макароны и крупу; продал *cette dernière*¹, смог бы купить масла и лука для приправы; вот было бы здорово! Читаю «Бесов». Да, картошка была «мировая». Поел я сегодня изрядно: и бубликов, и пирожков с рисом, и пряников отведал, и коврижки, и семечек. Интересно, как у нас выйдет с изданием альманаха. Каждый, конечно, будет тянуть в свою сторону — и я первый. Конечно, хочется напечатать максимум своих произведений. Кажется, послезавтра будет первое наше оргсовещание (человека 4—5). Хочется спать. Ложусь. О Боже, как все надоело.

2/V-43

Все эти два праздничных дня — 1ое и 2ое мая — мне удивительно (тьфу-тьфу, не сглазить!) везет. Во-первых, я несколько дней тому назад познакомился на литкружке с одним парнем. Он — поэт, художник. Поэт плохой, художник — получше. Крикун, похож на Блока, энергичный, взбалмошный, комсомолец, болтун страшный. Мы с ним издадим альманах. Я — отред, он — худоформление. *Воп. Mais le principal*² — это то, что он сын... своей мамаша. А мамаша эта его — нарком юстиции ССРУз! Когда я это узнал, мне стало смешно: что за курьезное знакомство! Я с ним вчера шатался по городу, разговорился, ловко повел разговор — и в результате этот добрый мальчик обязался мне помогать, чем может, вчера притащил хлеба, жареной картошки, конфет. *Il se figure*³, что я голодаю, а сам он живет хорошо (еще бы!), обещал мне помогать ежедневно. Сегодня утром принес мне хлеба, кусочек мяса, 3 конфеты, вкуснейший пирожок с рисом! Э, да это очень здорово; *si ça*

¹ эту последнюю.

² Ладно. Но главное.

³ Он себе представляет.

continue somme ça!¹ Вот на жилу напал! Обещает помогать и деньгами, когда сможет. Вообще обещает помогать каждый день тем, что сумеет взять en cachette² у своих (мы уговорились, что его помощь мне restera strictement³ между нами). Это будет очень толково, если он будет каждый день приносить хоть бы хлеб! Здорово! Он молодец, что помогает, и я молодец... что мне повезло! Вчера взял 750 г макарон и 750 г риса в магазине 7. Вчера съел 375 г макарон с маслом и луком, 800 г хлеба (все это вечером). Сегодня получил 800 г колбасы в гастрономе. Утром съел 3 бублика и выпил молоко. Все это стоило 50 р. Написал письмо Але, послал. Продал рис за 70 р. и три колбасы за 60 р. Оставил себе 4 колбасы. Оставил 50 р. для отдачи долга Л.Г. 30 р. истратил на 50 г масла (для макарон и хлеба), 20 р. на булочку, 5 р. на конфеты, 30 р. на бублики, 5 р. на лук. Обед в детстоловой, питье воды, стоимость колбасы – 20 рублей. Осталось 10 р. Сейчас варю макароны. Есть 4 колбасы, 400 г хлеба, хороший пучок лука, одна венская булочка, 3 бублика, 2 конфеты, хорошая книга. Виват! Праздничные дни удались мне на славу. А завтра утром должен зайти Рафик. Что-то он принесет? Хороший, бодрый первомайский приказ Сталина. Уже в нем не говорится «ввиду отсутствия Второго фронта в Европе», а, наоборот, говорится о «доблестной англо-американской авиации», о том, что битва за Тунис предвещает создание Второго фронта в Европе, и заканчивается приказ словами: «Недалеко то время, когда Красная Армия *вместе с союзными армиями* сломает хребет фашистского зверя». И вообще все время слово «союзники». Это – очень хорошо; значит, договорились мы с ними.

6/V-43

Что нового? Эх-ма, ничего особенного. Положим, есть: «лед тронулся» на Восточном фронте. Наши войска юго-западнее Новороссийска прорвали немецкую оборону протяжением в 25 км и углубились в нее на 13 км. Ожесточенные бои; взята важная станция Крымская, еще какие-то пункты

¹ если так будет продолжаться.

² тайком.

³ будет абсолютно.

и пр. За границей все комментируют первомайский приказ Сталина и приветствуют его как документ, свидетельствующий о единстве союзников, опровергающий гитлеровские бредни о разногласиях и опрокидывающий расчеты фашистов в плане разногласий. И «доблестная англо-американская авиация» — эти слова также приветствуются, ну ясно. Вообще приказ, как говорится, действительно «мировой», ободряющий и выдержан в духе «союзном», а это сейчас основное и наиглавнейшее. В Тунисе союзники находятся в 16 км от Бизерты. А немчиков-то скovyрнут оттуда, обязательно! Все более и более начинает попахивать Вторым фронтом. Второй фронт будет, *quoi qu'en disent les*¹ обыватели и дурачье! Прочел книгу Монтерлана «Холостяки»; очень остроумная и правильная книга; Монтерлан — первоклассный писатель; как хочется прочесть «*Les Jeunes Filles*» и последующие две книги! И перечесть «*Aux fontaines du Désir*». Но это возможно лишь в Москве. М.М. получила пропуск в Москву. *Je suis* несколько *vexé*², потому что *je me payais l'illusion*³ быть вызванным в Москву первым, а пока что *je suis foutu au cul*⁴ со всеми обещаниями, а М.М. никто ни черта не обещал, а на практике все получилось. Она получила пропуск не по линии Союза. А Толстые понадеялись на Союз и действуют по этой линии; *ont-ils raison?*⁵ Пока там в Союзе раскочаются... Н-да... Все это по-прежнему неопределенно и еще не перешло стадии обещаний. Испытания начнутся 1го июня и кончатся 1го июля; испытания будут по всем предметам, кроме черчения. Интересно все-таки, уеду ли я этим летом в Москву или нет? Хотелось бы, конечно, главным образом, из-за чрезвычайной тяги к французской литературе, к Европе, к центру и сердцу событий. Все-таки Ташкент, как-никак, — провинция, и меня очень тяготит. Надо, надо переменить воздух, приблизиться к полноценной жизни, к любимым мною книгам. Пожил здесь, в Узбекистане, — и баста, хватит. Сегодня к 9.15 буду у Такташа (сына этой наркомши) — вчера

¹ что бы об этом ни говорили.

² Я несколько обижен.

³ питал надежды.

⁴ обкручен насмерть.

⁵ правы ли они?

люторы уговорились собраться там насчет альманаха. Это будет первое наше собрание. Сегодня продал кунжутное масло, полученное в детмаге, 400 г за 130 рублей. 55 из них истратил (1 булочка, 3 бублика, пучок лука). Так-с. Прочел «Бесов»: ге-ни-аль-но, замечательно.

8/V-43

Victoire! Les armées alliées ont occupé Tunis et Bizerte. Staline a reçu l'ambassadeur anglais, Archibald Kerr.¹ Командующим европейским театром военных действий назначен генерал Деверс, вместо погибшего Эндрью. Эти три знаменательные события произошли в один и тот же день. Итак, Тунисская кампания закончена; длилась она 6 месяцев. Теперь – очередь за Вторым фронтом. Интересно, что с немцами – эвакуировались ли они, или сдались в плен, или продолжают сопротивляться? Молодцы союзники. Эх, быть бы сейчас в Алжире! Вчера продал хлебную карточку (с 11¹⁰ до 20¹⁰ числа); ел килограмм картошки, жаренной в масле, конфеты, лук, хлеб; уплатил часть долга молочнице; остаюсь ей должен 20 рублей; сегодня истратил 50 рублей на булочку и три бублика; со стаканом молока это отменно вкусно. Так как должен 50 р. Л.Г. и завтра, вероятно, к ней пойду, то днем придется продать остающуюся карточку с 22¹⁰ по 31⁰⁰; думаю продать за 160 р., как и ту, предыдущую. Глупо продавать карточку – сам же потом будешь 20 дней сидеть совсем без хлеба, но как прикажете делать, раз есть долги, это раз, а второе – соблазны ташкентских базаров: булочки, бублики, конфеты, картошка и т.п.? А третье – мое презрение к здравому смыслу и благоразумию, моя приверженность сегодняшнему, именно сегодняшнему, а не завтрашнему дню и мое желание «хорошо жить» именно сегодня, а не «после дождика в четверг», и предпочтение хорошо наесться один раз кропотливому разделению всех благ на длительный период. «Легкомыслие» мое – вполне сознательное легкомыслие. И я плюю на здравый смысл, экономию и благоразумие. И потом –

¹ Победа! Союзные войска заняли Тунис и Бизерту. Сталин принимал английского посла Арчибалда Керра.

молодость, хочется чего-то хорошего, а сейчас у меня хорошее — книги да еда, и все. Вчера не был в школе; сегодня — пойду. Мне поручили переписку материалов в альманах. Мило! 6 дней помогал мне Такташ хлебом; вчера не помог; думаю, что из-за собственной глупой взбалмошности и все-таки «больших» расхождений и разногласий между собой и мной. Сейчас иду обедать в детстоловую. М.М. получила пропуск в Москву; интересно, кто мне будет носить обеды из Союза, когда она уедет? Это, кстати сказать, серьезнейшая проблема, о которой следует подумать. Завтра — заседание кружка во Дворце пионеров; вероятно, увижусь с Такташом и выясню вопрос о «снабжении»: почему он прекратил со вчерашнего дня свою помощь мне. Вернее, я об этом говорить не буду — пусть сам первый заговорит (если придет). Дело в том, что он чересчур необузданный и своевольный и на нашем заседании 6^м вел себя очень глупо и невежливо, всему противоречил и ругался, даже отказывался оформлять альманах. В конце концов согласился (т.к. я ему дал почувствовать, что раз обещал, то держи слово) и обещал приготовить обложку в воскресенье — т.е. завтра. Вот почему я думаю, что он придет. И 99% за то, что он заговорит о прекращении помощи мне и скажет, что был занят и т.д. и дело это возобновится. Но я первый ни в коем случае не буду об этом говорить; все-таки, *le tact*¹... В общем, увидим. Я думаю, что он возобновит свою помощь. А я — *j'y tiens*², особенно теперь, когда продам последнюю карточку и хлеб понадобится еще больше, чем раньше. Да, кстати, он должен завтра делать доклад о Маяковском. Вчера был с Горским в кино, смотрели «Сталинград» (интересно). Горский влюблен и оглушает себя общественной работой. Это очень смешно — в лермонтовские времена он оглушал бы себя вином, картами, женщинами, а теперь... общественной работой! Все-таки он человек незаурядный и своеобразный. Сегодня могут спросить по химии. От Лили все нет денег. Может, они уже пришли? Может, я давно их проел? Н-да, *c'est triste!*³ Но ничего.

¹ деликатность.

² за это держусь.

³ печально!

10/V-43

Сегодня сижу на бобах, или, *plus exactement*¹, на двух «плохейших» обедах из детстоловой и Союза писателей. И без хлеба. Чувствую поэтому себя неважно. Альманах продвигается неплохо — я переписываю то, что решено поместить, и, по возможности, оформляю. Такташ, сволочь, не звонит и не заходит. Недавно купил за 8 р. «*Au bonheur des Dames*» Зола, в хорошем издании; надо прочесть. Спросили по химии; пос. Испытания будут длиться месяц — с 1го июня по 1ое июля (или даже по 3^е). Письмо от Али. Вчера — удачный день в смысле жратвы. Утром — обед в детстоловой, потом обедал в столовой Горского. Потом обедал у Л.Г. (тарелка супа, хлеб, пшенная каша, вермишель, чай). А потом взял 800 г хлеба на оставшиеся талоны карточки, купил 50 г масла, пучок лука и вечером нажрался хлеба с маслом, солью и луком на славу. Отдал Л.Г. долг. *Elle n'a pas été autrement contente.*² Да, любопытная история: Аля сообщает, что, как ей написал Муля, Алешка, брат Митьки, — в Москве! Он уже успел побывать на фронте. Муля возобновил хлопоты об Але, но она не настроена оптимистически в этом плане. Мне ее очень жалко. А ведь Алешка получил 8 лет, как и она. Везет ему, подлецу. Впрочем, он, кажется, только всего-навсего дурак, да и только! Союзники заняли La-Houlette, Джедейду, Тебурбу, окружили 120 000 немцев. Немцы отступают к мысу *Vôhe*. Организованное сопротивление прекратилось. Бомбежка Италии и Германии. Ожесточенные бои на Кубани. Тэк-с. Пора спать. От Лили — ничего.

11/V-43

Сегодня утром был у Такташа; он дал хлеба; условились на завтра утром. Шутка сказать — ведь я голодаю! И потом ведь и его презираю, так что мне не стыдно у него просить. Жить, пережить надо, а потом насрать им всем на голову. И очень даже хорошо, если он будет каждый день давать хлеб. Я взял на себя сделать обложку к альманahu (он говорит, что у него нет на это времени из-за испытаний; держу пари, что его роди-

¹ точнее.

² Она была весьма довольна.

тели пробрали за потерю времени; теперь он несколько охладел). Но мне на это глубоко наплевать; мне важно лишь одно: пусть дает жратву и бумагу на обложку; остальное — плевать. Все-таки хлеб — поддержка. Телеграмма от Мули: «Тревожит твое длительное молчание Аля тоже обеспокоена майские выслал целую Муля». Хоть то хорошо, что майские выслал. В Тунисе — катастрофа держав оси. С 8го ноября по май 64 000 пленных. Немцы сдаются тысячами; бомбят их транспорты. 6 их генералов — в плену. Это реванш за Дюнкерк, и неплохой!

ДНЕВНИК № 16

16/V-43

Что сказать о том, что произошло за эти последние пять дней? Болел я рожей (опять!), голодал, вновь возобновил отношения с Такташом, который, к несчастью, уезжает в Фергану. Один день хорошо поел, продав полученные в гастрономе селедки за 150 р., причем чуть не забрал поганец-милиционер. Жарко. Сегодня наконец ответил на Мулькину телеграмму. Прочел интереснейшую книгу: «О тех, кто предал Францию» (там — «J'accuse» Simon'a, статьи Моруа, Пертинакса, Ромэна). Кто же этот Симон? Я почему-то думаю, что это — Henri de Kérillis. В Тунисе взято в плен 17 генералов. Американские войска высадились на Тихом океане на Алеутских островах. Там идет ожесточенное сражение. Речь Черчилля в Вашингтоне, в которой он говорит, что приближается момент, когда союзные войска пересекут моря для того, чтобы вступить на континенте в смертный бой с врагами. 23го менять паспорт (истекает срок временного удостоверения). Надо будет сфотографироваться. Ненавижу и боюсь этих хождений в милицию и этой официальщины. Такташ обещал быть на сквере в 10 ч. вечера, чтобы дать хлеба в последний раз. Надеюсь, он придет. Жрать хочется отчаянно. Жду Бабая, чтобы продать ему галоши и купить бубликов. Глупо, преступно, — но жрать отчаянно хочется, а Мулиных денег все нет. 100 р. должен молочнице. Фу, как жрать хочется! Пусть поскорее приходит Бабай. Эх, жизнь. О Боже, Боже, как все надоело и опротивело. Надоела и опротивела школа: все те же лица,

те же шутки, те же отупляющие скучнейшие предметы и те же дубины-учителя. Надоела улица — вульгарная и крикливая. Надоело и опротивело собственное «я» — без руля и без ветрил, злое и пессимистическое. Надоела грязь, надоели голод и безденежье. Все — противно, от всего тошнит; вот уж буквально *la pausée*¹. Одного только хочется — жратвы. Да и то, когда есть деньги в кармане, то автоматически перестает хотеться есть и ешь уж без удовольствия. Я ем лишь с удовольствием то, что мне достается даром или почти задаром. А то, за что плачу, кажется невкусным. Вот вам и психология. П.Д. приехала в Москву вот уже дней 5, вероятно, тому назад. Эх, деньги, деньги! Только они и нужны. Но как я устал от этой грубой, грязной, глупой жизни. Чем кончится моя ташкентская авантюра? Мобилизацией на трудфронт или в армию, возвращением в Москву, оставанием в Ташкенте? Я живу в предчувствии катастроф. Провал на экзаменах мерещится мне... А учиться серьезно, продолжать тянуть лямку подготовки к этим экзаменам нет сил, пытаюсь так, как я, — приходится массу времени тратить на добывание продуктов, продажу и т.п., и кроме того, я ненавижу точные науки и не умею на них сосредотачиваться. Н-да, принесет ли Такташ хлеба в 10 ч. *That is the question.*

17/V-43

Вчера Такташ не явился; заходил к нему сегодня утром — нет его. Чорт с ним. Взял у молочницы в долг 4 бублика за 45 р., *ce qui porte ma dette à*² 135 р. Л.Г. скоро уезжает; увижу ее или сегодня вечером, или через два дня. Говорят, что списки Литфонда (о возвращающихся в Москву) утверждены. Солнце, синее небо, жарко. «Вестника УзТага» еще не читал. Скучно. Читаю «Масоны» Писемского. Учиться ужасно не хочется. Денег на обед нет; у кого бы подцепить трешницу? Потому что пропускать обед ужасно нелепо — какой бы он ни был, все-таки — подмога. Да, обязательно надо будет получить карточку в магазин на май; поговорю об этом с Цявловской. Есть очень хочется.

¹ тошнота.

² итого, моего долга.

18/V-43

О Боже, Боже, ну как же все погано и надоедливо сквозь призму голода. Буквально все помыслы — на еде. У меня — «глаза завидующие». Я просто заболеваю от зависти и голода, когда вижу людей, тащащих «авоськи», полные бубликов, булочек и прочих благ. Но особенно я обожаю булочки и бублики. Деньги, деньги, деньги, деньги и еще раз деньги, и деньги, и деньги. Их нет. Они нужны до зарезу, до упаду, ибо на них можно купить все эти прелести, которые меня так пленяют. Сегодня пришлось занять 3 рубля на обед у соседей по общежитию и 10 р. у соседа по парте в школе. 6 рублей истратил на стакан семечек, 4 рубля оставил на обед на завтра и на конфетку за рубль. У нас в распреле чудесное вино Cahors¹ за 101 р. литр, и нет денег, а я так давно не пил, и так хочется, ох! И жрать хочется просто панически. Пытался продать калоши хоть за 50 р., но ничего не вышло — все эти узбеки, которые приходят на дом, не берут их даже за эту цену, а тащиться на базар мне не под силу. Денег все нет, ни от Лили, ни от Мули. Да, деньги. В них все. Мое настроение всецело подчинено количеству поглощаемой пищи. Мне надо есть, и мне мало того, что я получаю. Я беспрестанно думаю о еде. Булочки и бублики — вот объекты моей мечты и всех моих чаяний. Хлеба я не люблю, для картошки нужно масло, а булочки и бублики для меня — все. *C'est honteux mais c'est comme ça.*² Gillouin et Benoist-Méchin бежали на самолете из Франции в нейтральную страну; они опасались ареста со стороны Лавая. Спрашивали по алгебре. Ответил на «пос» — и то хлеб. Читаю «Масонов» Писемского. Да, вероятно, все так противно и тошнотворно именно из-за голода.

18/V-43

Был в цирке с Шильдкретом; видел плохие аттракционы и хорошего гипнотизера (очень смешно). Не сегодня-завтра получу пропуск на май в маг. № 7; там за май ничего не выдавали, так что мне еще можно будет получить, и в гаст-

¹ Карор.

² Это постыдно, но это так.

роном за май должен получить макароны или крупу и масло. Долг молочнице растет и достигает 180 р. Н-да, когда придут Мулины деньги, то придется все ей выложить, пожалуй! А ведь ничего не поделаешь – утром жрать страсть как хочется, и я сам ее зову, чтобы она обязательно заходила, и всегда ругаюсь, если она не приносит ничего. Да, вообще у меня сегодня был удачный день: во-первых, взял хлеб у нее, купил молока, потом пришел Такташ (он еще не уехал) и принес мне хлеба, и я жрал вдоволь, потом пообедал с частью хлеба в детстоловой, потом в школе еще получил хлеба, потом обедал дома (обед из Союза). Так что день неплохой. Основное – голод утром. Заголовок в «Известиях»: «Блестящая победа доблестных англо-американских войск в Тунисе». Pas moins'ss!¹ Вот здорово! Значит, Сталин и союзники сговорились окончательно; некоторые делают предположения, что мы пошли на ряд уступок, без чего ничего не могло выйти. А теперь совершенно ясно, в этом году будет открыт Второй фронт в Европе. Пора, пора их разбить окончательно. Завтра в школу не пойду. Сначала узнаю, принесла ли чего молочница, потом зайду к Такташу, потом, вероятно, посижу-отдохну в парке им. Горького, потом пойду обедать, загляну в распределитель и Узкитаб, зайду домой, к часу встречусь с симпатичным Эдиком Бабаевым (он ко мне заходил раза три); возможно, что в тот же день мы пойдем на худож. выставку. Хочу посмотреть «Леди Гамильтон» в кино (идет в зимнем кино «Хива»). Вот все-таки преимущество магазинов, что всегда можно иметь свободные деньги, продав что-либо (масло особенно). Мечтаю о макаронах (которые, увы, съедаю все в один раз). Почитываю статьи Пертинакса и Моруа о поражении Франции. Очень интересно. Шильдкрет ко мне симпатизирует. Vive de Gaulle.² Спать.

<19>/V.43

Такташа не было дома. Я сижу в парке им. Горького на синей скамейке. Передо мной, за низкими зелеными кустами, что-то строится. Строят старые узбеки и какие-то бабы; стро-

¹ Не меньше-сс!

² Да здравствует де Голль.

ят лениво, с прохладцей. Со стороны входа, налево от меня, доносятся звуки города: гудки автомобилей, трамвайный скрип. В воздухе разлит запах акаций; весь город им пропитан. Вдоль аллеи, с каждой стороны ее, высятся портреты вождей и маршалов в орденах. Там детей. Я вспоминаю Мёдонский парк; насколько все-таки он был лучше, ну скажем, вот этого парка! Он отвечал своему назначению: в будние дни там можно было сидеть и гулять уединенно, en rêvassant¹. А здесь всегда всюду кучи народа, назойливо врывающиеся в твое одиночество. Вот я жалуясь на свое одиночество; но, в сущности, я делаю это, исходя из чисто материалистических и практических соображений: люди в большинстве случаев (конечно, хорошо настроенные) помогают физическому существованию своих родственников, близких и друзей; тот, кто лишен определенного круга, среды, и кто при этом нуждается, испытывает, forcément², такие неприятности и лишения, которые при наличии этого круга и среды перестали бы существовать. В этом плане мне люди нужны: надо жрать, надо иметь связи, надо иметь знакомых, помогающих тебе и вводящих тебя туда-то и туда-то. Без людей, без их протекции не проживешь, — и это особенно в такие тяжелые (в материально-бытовом отношении) времена, как теперь. Но имей я деньги, необходимые для нормального существования, я уверен, что я бы пребывал в одиночестве. Кроме как на предмет довольно низменного их использования, мне люди не нужны: я их не люблю. Не люблю также их из-за того, что без них не проживешь, из-за того, что человек высший должен всегда быть связан с кучей низших, без которых, как говорится, — ни туда, ни сюда. И это особенно сейчас, когда независимые источники дохода перестали существовать и приходится выдерживать тяжелую борьбу за копейку. Теперь все живут скопом, и мой идеал обеспеченного индивидуализма неосуществим сейчас. Конечно, люди играют еще роль чисто развлекательную — когда становится скучно с самим собой, то необходимо рассеяться, развлечься, и тогда начинаешь общаться с людьми — общаться до тех пор, пока несходство характеров и культур не приведет к отвращению, ссоре, разрыву. Бес-

¹ в раздумье о том о сем.

² неизбежно.

спорно, то, что я пишу, — абсолютно субъективно; je le donne pour ce que ça vaut, et cela vaut peut-être exclusivement pour moi¹. Но я полон любопытства к своей собственной судьбе, и мне объективно интересно, с точки зрения историка и романиста, как она будет в дальнейшем разворачиваться. Трудфронт, институт, работа? Москва или Ташкент? Для меня эти вопросы чрезвычайно важны. И пока они не разрешатся — жить будет по-прежнему скучно, в беготне и ташкентском застое.

21/V-43

19^{то} получил 200 р. от Лили, 20^{то} — 300 от Мули. Эти дни хорошо питался (19^{то} получил 600 г макарон в распеде). Получил карточку в детмаг на май. Еще за май ничего не выдавали; выдают сейчас за апрель 200 г сливочного масла и столько-то там мяса. Еще не удалось получить, т.к. масса народу. Возможно, что получу завтра. Осталось рублей 15—20. Ссора с М.М., и она мне больше не носит обедов из Союза, так что придется ходить самому, что трудно, учитывая уроки. Возможно, сегодня спросят по стереометрии. Итак, мне обеспечено получить масло и мясо за апрель в детмаге, и еще хлопмасло 400 г (когда будет) в гастрономе за май, и, вероятно, еще 600 г макарон или крупы по 2^у талону за май же, и кроме этого, продукты за май в детмаге (еще на май ничего не дают). Отправил открытки Лиле и Муле. В воскресенье пишу письмо Толстым. Вчера был на худож. выставке; общий уровень — rien de bien fameux². Все никак не попаду на lady Hamilton. Купил хорошую «Histoire Grecque» par V.Duruu (Hachette, 1876); faut rafraîchir mes connaissances dans cette branche³. Недавно ел кашу рисовую с луком на масле у Бахтамова; он халтурщик, но симпатяга. Сталин принял Josef Davis, приехавшего в СССР с личным посланием Рузвельта. Дэвис посетил Сталинград. Бомбежка Сицилии, Сардинии, Германии. Вероятно, скоро — Второй фронт.

¹ я знаю ему цену, и, может быть, цену исключительно для меня.

² ничего особо хорошего.

³ «Греческую историю» В.Дюрюи (Ашетт, 1876); надо освежить свои познания в этой области.

Надо сказать, что ссора с Марией Михайловной пришла не вовремя: в самом деле, столовая ССП работает с 2 до 5, а у меня смена в школе начинается в 2 часа. Не могу же я уходить с уроков, в самый разгар повторения и подготовки к испытаниям особенно. А не пойдешь — останешься без обеда, благо теперь М.М. не носит. Отношения у меня с ней восстановились, но я ни за что не предложу первый ей носить мне обеда (*bien que ça lui est absolument égal, étant donné qu'elle prend les repas pour elle-même*). Elle serait bien trop contente de voir que je ne peux me passer d'elle et je préfère avoir faim plutôt que de lui donner lieu à des «remontrances amicales» et à la constatation de ce qu'elle a raison, et qu'elle le disait bien, etc. J'en ai marre, d'avoir tout le temps à remercier et tout et tout. L'indépendance m'est chère. Avec un grand plaisir, je lis l'histoire grecque par Victor Duruy; je rafraîchis mes souvenirs d'histoire ancienne que j'étudiais chez Maillard. Je me rappelle que j'étais très fort en cette matière, vu, naturellement, que je m'y intéressais. Aujourd'hui matin suis allé au commissariat de milice; à 5 heures je dois recevoir mon passeport. (J'ai été le porter à prolonger.) Au magasin № 7 on donne 200 grammes de beurre et du saucisson; il faudrait attraper cela aujourd'hui mais probablement, il y a cent mille personnes là-bas; naturellement chaque fois qu'on apprend que des produits quelconques vont être mis en vente, tout le monde se précipite et il faut attendre quelques jours avant d'aller au magasin, si, naturellement, on n'a pas l'intention de passer quelques heures de queue sous un soleil de plomb. Et dans ce cas, il arrive souvent que lorsqu'on arrive au magasin, les produits que l'on voulait avoir sont arrivés à terme, qu'il n'y en a simplement plus. Ainsi je ne sais pas du tout si j'arriverai à attraper le beurre et le saucisson.

(хотя ей это абсолютно все равно, ввиду того, что она берет обеды и для себя). Она была бы очень рада видеть, что я не могу без нее обойтись, а я предпочитаю быть голодным, чем давать ей повод для «дружеских замечаний» и соглашаться, что она права, что она это уже говорила и т.д. Мне надоело все время кого-то благодарить и пр. и пр. Мне моя независимость дорога. С большим удовольствием читаю «Греческую историю» Виктора Дюрюи; освежаю свои воспоминания древней истории, которую я изучал у Майяра. Я по-

мню, что я по этому предмету был сильным, именно потому, что я им интересовался. Сегодня утром был в комиссариате милиции; в 5 часов я должен получить паспорт (я ходил его продлевать). В магазине № 7 дают 200 гр. масла и колбасу; надо бы поймать это сегодня, но, вероятно, там тысяча человек; конечно, каждый раз, как узнают, что будут продаваться какие-нибудь продукты, все кидается туда, и нужно переждать несколько дней до того, как идти в магазин, если, конечно, не собираешься торчать несколько часов в очереди под палящим солнцем. И даже тогда часто бывает, что приходишь в магазин, и те продукты, которые хотелось достать, уже кончились, их просто больше нет. Я, например, совсем не знаю, удастся ли мне поймать масло и колбасу.

Вчера передавался по радио текст большой речи Черчилля на заседании конгресса США в Вашингтоне.

23/V-43

15го мая 1943го года исполнительный комитет Президиума Коммунистического интернационала объявил о роспуске Коминтерна. Мотивы: в основном — специфические особенности каждой страны (наличие их), политическое созревание компартий отдельных стран, отмирание Коминтерна как организационной формы. В заключение говорится о том, что все сторонники Коминтерна должны сосредоточить все силы на борьбу против гитлеризма. Итак, конец III^{го} Интернационалу, просуществовавшему 24 года! Это — колоссальное событие. Совершенно ясно, что это постановление — одновременно уступка союзникам и стратегический ход: ведь теперь уж никто не поверит геббельсовским сказкам о «большевизации Европы», и антикоминтерновский пакт теперь является бессмыслицей. Роспуск Коминтерна — большое политическое, и не только политическое, поражение Гитлера. Это — большой шаг на пути к конечной победе. Воображаю заголовки английских и американских газет! Этот роспуск Коминтерна — проявление практической гибкости советского правительства. Это — очень здорово. Мои личные дела таковы: объявлена поверочная регистрация всех военнообязанных, призывников и военнослужащих по месту учета; регистрация будет происходить с 1го июня по 1ое июля. Во-первых, конечно, я опасаясь последующей моей

мобилизации на трудфронт — это основное опасение. Во-вторых, я боюсь, что эта регистрация помешает испытаниям — если придется днями шляться в военкомат, как в памятные дни призыва. Да, увидим, как это будет протекать и чем это, *surtout*¹, окончится. Хотелось бы, чтобы ничем, конечно. Будем молить об этом Бога. Завтра поеду в милицию за временным удостоверением, которое должны продлить и которое я дал туда вчера утром. Ободряющая речь Черчилля: говорится о том, что будет сделано все возможное, чтобы в 1943^м г. снять большую часть давления, оказываемого на Россию. И если говорит это Черчилль, то это означает, и означает абсолютно ясно, что в 1943 г. будет создан Второй фронт. И баста. Я надеюсь, что это заткнет глотку нашим некоторым идиотам, болтающим без удержу против «капиталистов». Черчилль сказал, что победа в Тунисе равносильна победе у Сталинграда. Свыше 200 000 пленных; общие потери фашистов за время африканских битв — 950 000, *pas moins*'ss!² Да, теперь англичане и американцы крепко спяны победой общего оружия. Половина американских военно-воздушных сил сосредоточена в районе Тихого океана; также и большая часть американских сухопутных армий и военно-морского флота. Черчилль сказал о том, что предстоит широкое союзное воздушное наступление на Японию. Вообще борьбе с Японией уделяется много внимания, по крайней мере, столько же, сколько борьбе с Гитлером. Конечно, в борьбе с Японией главные удары будут наноситься американцами, но и англичане будут с ними бороться вместе. Чехи осуждают профашистскую политику польского правительства. Ведь поляки у них отняли какую-то территорию. Оказывается, поляки кричат о польско-венгерской дружбе, несмотря на то, что Венгрия воюет с СССР и Англией. *Du joli!*³ Любопытно, как будет разрешена польская проблема. Проблемочка довольно-таки мрачная и трудная, *vu l'opiniâtreté des polonais*⁴. Сегодня был у Л.Г.; дала супа, немного хлеба, четыре маленьких оладьи, чаю. И то хлеб. На днях уезжает в Москву с Дейчем. На днях же уезжает и

¹ главное.

² не меньше-сс!

³ Красиво!

⁴ принимая во внимание упрямство поляков.

Академия наук в полном составе. Любопытно, уезжает ли в Москву МГУ из Свердловска. Сегодня на литкружке получил по милости Бахтамова грамм 200–250 хлеба (я ему оказал услугу, приобретши для него водку в моем распеде). Вчера удалось получить 200 г сливочного масла. 100 г продал за 50 р.; на них купил хлеба и пучок зеленого лука; все это (хлеб, масло 100 г и лук) было съедено тем же вечером. Кончилась мясо, кончилась рыба, и кончилась колбаса; в общем, за апрель еще остается получить столько-то мяса или колбасы и 800 г рыбы. Рыба была бы желательна, благо ее я бы продал тотчас же. Вчера весь измок от ливня. Сегодня прочел книгу Эренбурга «Трест Д.Е.», — занимательно и остроумно; достал (одолжил Шильдкрет на 2 дня) «Падение Парижа». Денег, конечно, нет.

25/V-43

Никаких особенных новостей нет. Вчера занял 10 р. утром у одних соседей, 50 рублей вечером — у других. На эти 50 р. купил хлеба и зеленого лука и, читая «Падение Парижа», с превеликим удовольствием съедал этот черный хлеб с солью, заедая его простонароднейшим луком. Голод, голод, когда ты кончишься?! С обедами устроено благополучно (по крайней мере, в данное время): М.М. сама предложила носить мне обеды, что и благополучно делает. Я же вынужден довольно сильно заниматься зубрежкой, учитывая конец четверти и близость испытаний. Сегодня обязательно спросят по физике и могут спросить по истории и математике. Если до 1го июня я не получу повестку о явке в военкомат для прохождения поверочной регистрации, то придется, согласно приказу, сходить в военно-учетный стол милиции для получения этой повестки, в этом случае постараюсь, чтобы мне назначили явку на день, не содержащий экзаменов. Любопытно, как долго ее проходят, эту регистрацию? Действительно, только ее не хватало. Первые два испытания через 5 дней — литература письменная и устная. Все страшно бояться их, ну а я, конечно, нет. За границей ничего особенного выдающегося не происходит (т.е. вполне вероятно, что происходит, но мы, во всяком случае, об этом не знаем). Бои ожесточенные на о. Атту (Алеутские острова), причем американцы там очень лупят японцев. Начинает в Нот

Springs (Virginia) развертывается конференция по вопросам послевоенного продовольствия. Делегат СССР избран председателем какой-то секции. На фронте — ничего существенного. Думаю, что немцы скоро перейдут в наступление новое. Но и на этот раз *on les foutra au cul*¹. В детстоловой — суший бардак: нет стульев, нет ложек, нет тарелок (последние надо приносить с собой). Вчера меня одна озлобленная баба там обозвала «буйволом»! (Я пытался получить из-под нее стул.) «На фронт надо», — и т.д. Я раньше всех получил обед, сидел на стуле и ел из тарелки, *alors ça la foutait en gâle*². Придется теперь ходить с тарелкой (которой у меня нет). Денег — ни гроша (проел вчера эти 50 рублей). Н-да, положеньице. *Tout cela est fort emmerdant*.³ Сейчас надо зубрить физику. Идет дождь, *se qui ne m'arrange guère, vue que j'ai vendu*⁴ мой ватник и калоши протекают. Ботинки разорваны, брюки и рубашки грязные (надо мыло, да еще найти прачку, *rouah!*⁵ и денег нет). Вообще, *du joli*⁶. Скучно все это. Ну, пора приняться за физику, иначе грозит «плохо».

27/V-43

Вчера был удачный день: получил в детмаге 600 г макарон и 1 кг 500 пшена. Пшено продал за 150 рублей; купил 100 г масла, 3 бублика по 11 рублей (белых), один за 10, булочку, кусок коврижки, луку. Оставил 15 р. на обед в детстоловой и возможные выдачи в гастрономе и в том же детмаге. Позавчера избавился (получив «пос») от стереометрии (до испытаний по ней, конечно); осталось еще быть спрошенным по физике и тригонометрии; вероятно, спросят сегодня. Вот будет скандал, если я провалюсь на экзаменах и если дадут осеннюю переэкзаменовку! Но надеюсь, что этого не случится. Первого числа будет первый экзамен — по литературе письменной. Второго числа, если не получу до этого повестки, пойду за ней, согласно приказу, в 6^е о/м в военно-учетный стол, причем объясню, что у меня сейчас выпускные

¹ погоним их в ж...

² и это ее приводило в бешенство.

³ Все это весьма хреново.

⁴ это меня совсем не устраивает, ввиду того, что я продал.

⁵ фу!

⁶ красиво.

экзамены, и попрошу мне назначить на тот же день явку на регистрацию в военкомат. Сегодня уезжает одна моя créancière¹, которой я должен 50 р.; необходимо ее не встретить до отъезда; ce sera toujours 50 r. de gagnés². Продолжаю читать «Падение Парижа». Талантливо, интересно, но поверхностно, порой чересчур схематично передаются события и люди. Да, было бы хорошо, если через четыре дня я бы узнал, как обстоит дело с этой регистрацией. Конечно, я боюсь «забрития», но надеюсь, что оно не наступит. Вчера написал письмо Але. Беспокоит меня все более вопрос о возвращении в Москву, о пропуске, о поступлении в ВУЗ. Как противно, что нельзя ничего рассчитать, что нельзя делать никаких планов, что все настолько вилами на воде! До чорта надоела эта неустойчивая пора. Не жизнь, а какое-то пустое круговерчение. Куда там мечты об «интенсивности», которым я предавался когда-то! Сейчас не до этого, а, увы, — лишь до жратвы. Вообще все дико надоело. Что бы я хотел: выдержать экзамены, получить аттестат, уехать в Москву и поступить там в МГУ или, если он не приедет, в какой-нибудь ВУЗ литературный или иностр. языков. Может — найти работу, скажем, в Радиокomitee; работать в ГЦБИЛ над французской литературой, работать серьезно (читать, сравнивать, делать выписки); цель — написание «Истории современной французской литературы», охватывающей период между войнами 1914—1918 и 1939го гг. Этот путь — культурный, литературоведческий, писательский, переводческий — мой единственный путь. Все остальное — не по мне. И трудфронт, вероятно, был бы катастрофой. Но может, это лучше, чем просто фронт? Но лучше и этого не надо. Увидим, конечно, как и что, но ужасно надоело жить между небом и землей, все время ожидая каких-то катастроф и не имея времени заняться тем, что тебе любо и тебя интересует.

29/V-43

Вчера выдался удачный день. Начиная хотя бы с того, что меня не вызвали по тригонометрии и что посредственная

¹ кредиторша.

² будут все же выиграны 50 р.

четвертная отметка обеспечена без риска плохой отметки и без лишних разговоров о моем непонимании математики. Присутствовал на двух уроках литературы; там выяснили некоторые неясные вопросы, и при всем моем знании этого предмета все же эти уроки прошли для меня с пользой: еще лучше выдержку соответствующие экзамены. Из школы пошел в распред и получил макароны. Утром же взял в долг у молочницы булочку за 20 рублей (которую и съел тогда же) и хлеба на 70 р. Таким образом, мой долг молочнице достигает 240 р. Недурно! Соседка пронюхала, что я после утренних уроков в школу не пойду (вернее, не пронюхала, а это я сам, дуралей, ей разболтал), и мне пришлось идти за обедом в Союз писателей (предварительно я зашел в свою столовую и пообедал там). Хлеба я съел 100 г, а остальные 800 г пришлось продать на рынке (теперь продавать опасно, ибо милиция штрафует и арестовывает за это) за 50 р. На 28 р. купил 50 г сливочного масла, за 4 р. — пучок зеленого лука, за 1 рубль — пучок укропа. Кроме того, возвращаясь с обедом из Союза, захватил в букинистическом отделе за 10 р. *Essais de Montaigne*, 1846^я г. издания. Надо знать Монтэня, надо совершенствовать свою культуру. Осталось 7 рублей. Моя *créancière*¹ не уехала, увы; я стараюсь ее не встречать; должна уехать в понедельник; важно, чтобы она мне не напомнила о долге, а для этого надо ее не встречать. Сегодня надо дочитать 3 последние главы «Падения Парижа», надо пойти в распред, узнать, не выдают ли чего, надо прочитать «Вестник» последних известий, надо не встретить *créancière*, надо вымыть руки, надо пойти в столовую к трем часам или к двум и постараться получить конфеты по карточке (вчера выдавали). Надо получить, кроме того, карточку в детстоловую на июнь; а там бабы, крик, ругня, очередь, тьфу!.. Но жрать ведь надо, правда? Если получу конфеты, то, вероятно, придется продать: все же бублики, булочки или хлеб нужнее: чая я не пью, а хлеба, с которым вкусно есть конфеты, нет. Впрочем, если конфет будет меньше двадцати, то продавать не стану — нет смысла, много на вырученные деньги не купишь; а вернее всего, вообще не получу конфет. Вчера сообщение о том, что Черчилль в Вашингтоне подтвердил заявление, сделанное им в Касабланке, —

¹ кредиторша

о том, что союзники намерены нанести еще более мощные удары по противнику в текущем году. Яснее сказать о том, что Второй фронт в Европе будет открыт в 1943 г., для человека, облеченного властью, невозможно. Молодцы союзники; все делают как по писаному. У них уже значительное воздушное техническое превосходство над фашистами, не говоря о морском превосходстве. Черчилль и Рузвельт подчеркивают то, что конечная цель войны – безоговорочная капитуляция противника. Они это все время подчеркивают. Да, Италии теперь несдобровать; из Сицилии, Сардинии и Пантеллерии самолеты союзников делают мешанину; то же самое происходит с большим количеством немецких городов: Кельн, Эссен, Дортмунд, Дюссельдорф, Берлин, Росток, Мюнхен и пр. Теперь совершенно ясно и очевидно, что немцы эту войну проиграли. Они обречены. Вчера и сегодня не занимаюсь; хочу дать себе передышку, после которой буду гораздо лучше готовиться. Я сильно рискую тем, что по ряду предметов получу переэкзаменовку на осень; поэтому необходимо готовиться самым серьезным образом. Не боюсь я только литературы и истории; все остальное мне угрожает поражением. С завтрашнего дня я начинаю готовиться по литературе и физике. Особенно почему-то опасаясь физики. Задумываюсь над вопросом: неужели же придется продать карточку на хлеб на июнь месяц, чтобы купить рабочие ботинки? *Ce serait désastreux.*¹ А мои теперешние ботинки разваливаются. Интересно, что хорошего принесет этот день.

31/V-43

Сегодня повторял с товарищем литературу; завтра – экзамен по литературе письменной (сочинение). Вечером мне тот же товарищ сообщил тему (свободную): «Нас голос Родины на подвиги зовет». Откуда он узнал, что будет эта тема, и будет ли она действительно? Итак, завтрашнее утро я потрачу на сочинение. Сейчас же после сочинения еду на трамвае до 6^{то} о/м, чтобы там мне дали повестку в военкомат; постараюсь, чтобы дали на 1ое или на 2ое июня: хочу поскорее покончить с этой регистрацией и чтобы она мне не поме-

¹ Это было бы катастрофично.

шала сдать экзамены. Наша улица теперь обслуживается 13^м о/м на ул. Кирова, и район, в котором находится наша улица, вероятно, тоже изменился, — но поскольку все мои военные документы должны быть в Октябрьском военкомате, то я перво-наперво пойду в 6^с о/м того же района (тем более, что и паспорт мне продлили в 6^м о/м, и прописан я там же). Надеюсь, что хоть с этой стороны — к какой милиции и к какому райвоенкомату я отношусь — волынки не будет. В общем, завтра увидим. Вчера продал карточку и починил ботинки; осталось 50 р. Японские войска на о. Атту уничтожены. Письмо от Али.

Продолжение предыдущего

Позавчера конфет получить в столовой не удалось, т.к., оказывается, у меня отрезан прикрепительный талон. Позавчера же совершенно неожиданно встретил Лидию Максимовну Бродскую, приятельницу Нины Николаевны. Мы с ней пошли гулять и болтать; я ее поразил известием об освобождении Алеши. Она меня угостила двумя стаканами вкуснейшего кислого молока с хлебом, потом пили чай с конфетами и бубликами в чайхане. В заключение она мне подарила макинтош своего мужа, но т.к. он не был сортабельным¹, то я его продал на базарчике за 200 р., чем обеспечил себе пропитание на 2 дня. Удивительно повезло, *il faut en convenir*². Купил толстый узбек, который долго напяливал это пальто на себя. Вчера был на литкружке (в воскресенье будем в литкружке САГУ, которым руководит Кашкин). Потом пошел к Бахتامову, оставил у него книжечку моих стихов 42^ш года (с тех пор стихов не пишу), причем ел у него сухари и брынзу и выпил микроскопическую порцию слабой зубровки (той самой, которую он получил благодаря мне). Бахтамов — халтурщик и не бог весть что, но симпатяга и веселый человек. Потом был у Л.Г. Вероятно, сегодня она уехала. Она осталась *fidèle à elle-même*³ до конца: намеревалась использовать меня, чтобы помочь ей донести паек из магазина. Противный цинизм все-таки: знает о моем голодном состоянии и думает, что какой-то поганый суп дос-

¹ От *фр.* *sortable* — приличный.

² надо согласиться

³ верна себе.

точно искупит эту помощь: тащить мне разные вкусные вещи для чужих! Но, к счастью, этого сделать не пришлось, она переменяла мнение и послала меня к своей знакомой с порученьем. На том и расстались. И она еще рассчитывала, что я ей позвоню, чтобы условиться помогать на вокзале! Чего я не сделал. Я ей сказал, что у меня испытанье по литературе – так она сказала, чтобы я ей позвонил и сообщил, как прошел экзамен и «попутно» условился с ней о помощи на вокзале. Живут в доме академиков, имеют массу знакомых и хотят меня использовать! Но я не позвонил. Думаю, что Л.Г. будет Муле наговаривать на меня. Вчера же встретил – совпадение! – Арсения Николаевича Насонова, дядю Митьки, историка (он сейчас курсант связи); он мне сообщил, что Алеша восстановлен в Москве на работу, на которой он был прежде. Чудеса! Завтра отправлю письмо Але (уже написано и законверчено). Приятно, что ботинки починены, но дико мучают гвозди внутри. Вчера отправил 2 телеграммы Митьке – в Свердловск и в Москву – почему он не пишет, о встрече с Л.М. и А.Н. и «рад судьбе Алеши». Авось получит одну из них и ответит. Бабушка и Софа выехали в Москву. Н-да, все уезжают в Москву, а сколько еще мне здесь торчать – неизвестно. Вся жизнь – вилами на воде, и, о Боже, все противно, кроме еды, удовлетворения беспрестанного голода. «Что день грядущий мне готовит?»

1/VI-43

Благополучно сдал экзамен по письменной литературе; писал свободную тему: «Нас голос Родины на подвиги зовет» (Лебедев-Кумач). Написал много и не рассчитал времени, так что пришлось сдать черновик и то, что успел переписать в беловик. Но отлично, вероятно, обеспечено. Касательно дел военных, сегодня ничего не получилось: был в 6^м о/м, и, оказывается, для того, чтобы они выписали повестку в военкомат, надо, чтобы я стал в отделении милиции на учет; а для того, чтобы стать на учет, необходимо принести домовую книгу; как на грех, та, у которой эта книга, целый день не была дома. Если она придет, то я поеду к 9 часам с книгой в милицию; *sinon*¹ – поеду завтра. Происходила перерегис-

¹ в ином случае.

трация паспортов, и мне сообщили, что несмотря на то, что я представил справку с места учебы, я включен в список подлежащих трудовым (наверное — с.х.) работам, так же как и некоторые другие учащиеся нашего дома. Когда я возразил, что ведь я подлежу мобилизации на с.-х. работы по школе, то мне возразили, что теперь какой-то «новый приказ» по этому поводу. Я лично думаю, что это перегиб: ведь в прошлом году я получил повестку о явке на завод, и пришлось взять в школе справку о том, что я подлежу мобилизации на всякие работы только по школе. Если пришлют повестку до июля, то я первым делом пойду за такой разъяснительной справкой в школу, которая, *forcément*¹, должна будет дать мне *еe puisque les examens continueront jusqu'au 3 juillet*². Если же повестка придет в июле, после окончания экзаменов, то как мне надо будет делать в этом случае — трудно сказать. Возможно, что школьники поедут на с.-х. работы (включая и 10^й класс) после испытаний; а возможно, что десятиклассники будут подлежать отправке по тем учреждениям и ВУЗам, куда они поступят после экзаменов. Но я решил никуда не ехать — основное ведь вернуться в Москву. Ну, буду сидеть без карточки, в крайнем случае. Необходимо дожидаться пропуска; если не дождусь, то когда поеду? Если я буду пропадать где-то в колхозе, то как же я вернусь в Москву? Правда, есть слабая надежда на Бахтамова с его списком, в который я включен, — это список освобождения от с.-х. работ. Не знаю еще, насколько этот список действителен и утвержден ли он. Надо будет поговорить с Бахтамовым и поговорить с товарищем-десятиклассником насчет этого. Во всяком случае, никуда я не поеду, поскольку моя установка — Москва. Поставили в Союзе писателей «ультиматум»: или столовая, или пропуск в распределитель. Я предпочел пропуск в распределитель — тем более, что сегодня я наконец получил пропуск в детстоловую на июнь месяц. Таким образом, у меня одна столовая и два распределителя. Встретил Горского, сидели в скверике на Ассакинской, и я разорился на пиво (10 р. кружка), две кружки. *Mais je lui devais bien ça*³, т.к. должен ему 30 рублей. Горского родители хотят помес-

¹ по необходимости.

² раз экзамены продолжаются до 3 июля.

³ Но я был ему должен хоть это.

ить в Медицинскую академию, но он хочет идти по чисто военной части: в артиллерийское или бронетанковое училище. Встретил вчера сына Пастернака. Он уже лейтенант Академии бронетанковых войск, продолжает учиться по этой части. В общем, он – странный и скорее противный тип. Сегодня в детмаге давали конфеты, но мне опять не удалось получить, т.к. нет прикрепительного талона (его отрезали в гастрономе и поставили печать). Авось получу сладкое в гастрономе. Говорят, будет рыба за май; мне полагается и за апрель. Конечно, все продам, лишь бы получить! А сегодня взял лишь 400 г соли. Денег абсолютно нет. Неужели придется продать Монтэня и «Histoire Grecque»? Voilà où j'en suis.¹ Когда я думаю о своем положении, то страстно желаю его конца и начала «Новой эры», какого-то возрождения. Но когда мне начинает угрожать трудфронт, колхоз или что-либо в этом роде, то мне начинает казаться, что я замечательно, прекрасно живу и что надо во что бы то ни стало сохранить все по-прежнему. Да, все зависит от обстоятельств! Был на почте – Rien². Как противно, что стены сквозные и все абсолютно слышно: таким образом я лишен возможности насладиться чтением вслух моих любимых поэтов. De Gaulle et Giraud начали переговоры в присутствии генерала Катру. Очень любопытно, каков будет результат этих переговоров. Схватился вчера с проф. Цявловским: он говорил, что Франция «гнилью пахнет» и т.д., а я защищал Францию. Я никогда не позволю, чтобы передо мной плохо говорили о Франции, sans donner³ отпор. Да, есть нечто унижительное à voir⁴ насколько мы ни черта не можем предвидеть и как le destin se joue de nous⁵. В комнате жарко; сижу и потею. Скука.

3/VI-43

Сегодня блестяще сдал устный экзамен по литературе. В последние два дня я был охвачен чрезвычайной продовольственной активностью. Вчера узнал, что в гастрономе дают

¹ «Греческую историю»? Вот до чего я дошел.

² Ничего.

³ не давая.

⁴ видеть.

⁵ судьба нами играет.

шоколадные конфеты на май месяц, но только по карточкам, прикрепленным в спецконторе. Попутно я зашел на рынок, где купил за 20 р. иждивенческую карточку на сахар, чтобы взять в детмаге конфеты на май («крыжовнички»). До этого я прикрепил мою карточку в спецконторе. Пошел я в детмаг, вынимаю карточку (купленную), пропуска и деньги. Когда же надо было уже получить, то оказалось, что я ухитрился потерять карточку на пути к детмагу! И, конечно, не нашел. Вот зол я был! Выкинутые впустую 20 рублей! Пошел я в гастроном; но там мне улыбнулось счастье: вместо полагающихся 200 г шоколадных конфет продавщица отпустила мне 400, причем вышло это так: у прилавка стоят две продавщицы, одна берет чеки, вырезает талоны на пропуске и говорит соседней, сколько та должна взвешивать конфет для данного человека. Моя же очередь подошла как раз тогда, когда первая продавщица чем-то была отвлечена; она взяла чек, переспросила: «200 грамм?» и не передала своей соседке, чтобы та свешала мне 200 г, а вместо этого начала болтать с кем-то со стороны. Вторая продавщица спросила меня: «Вам?..» Я ответил: «400...» En cas de vérification un chiffre chez la première¹, я всегда мог бы сказать, что думал, что конфеты дают в двойном размере, чем и объясняется, что я выбрал именно цифру 400, а не, скажем, 800. Так или иначе, мне свешали 400 г, и я быстро-быстро ушел, боясь, как бы первая не сказала второй: «200!» Конфеты я продал 36 штук за 72 р. (по 2 р. штука); остальные штук 10–15 съел в два присеста (вкуснейшие конфеты, жалко было продавать!). Потом, о эпопея! — я пошел, поплелся вернее, т.к. у меня ужасно болят ноги в залатанных ботинках, опять на Алайский базар, где вновь купил карточку за 20 р., потом проковылял в детмаг, взял 200 г конфет и продал их за 40 рублей; что мне позволило купить булочку, 4 булика и пирожок с повидлом и, таким образом, хоть вечером-то насытиться. Но сколько беготни из-за этого, сколько потерянного времени! Сегодня после испытаний, пообедав в детстоловой (там приходится тратить массу времени: там беспорядок дикий, нет посуды и т.д.), поехал в Старый город к Усовой, жене знакомого моего, доцента ТГПИ Д.С.Усова, милого и культурного «интеллигента», только недавно

¹ В случае проверки цифры у первой.

умершего. Ее не было дома. Тогда я отправился в другой конец Старого города отыскивать перерегистрационный пункт. (Вчера я был в 6^м о/м, стал на военный учет и получил повестку на перерегистрацию на завтра, 4го числа.) Нашел этот пункт, где мне сказали, что придется потратить целый день на это дело: опять медкомиссия, опять военком, опять все сначала. Надеюсь, что и результат будет тот же, что и раньше, — т.е. что меня оставят в запасе и в покое. Пусть Бог будет мне в помощь — и все будет в порядке. Плохо то, что завтра до явки в 12 часов на перерегистрационный пункт придется ехать к чорту на куличики на консультацию по французскому языку в школу 147^ю, там, где я буду сдавать, и сдавать придется 5^ю, т.е. тогда, когда будет очень важная консультация по алгебре у нас в школе. Как это я все успею, и кончится ли перерегистрация окончательно завтра, не скажут ли, как во времена призыва: «Заходите завтра утром»? С них станет! Конечно, всех скопом поведут на медосмотр, а я грязный, и мыла нет, и бани не работают, и будет стыдно перед остальными... Bah! Pourvu que ça se termine bien, le reste — on s'en fout, des détails aussi.¹ Встретил Алешу Пумпянского; его тоже не берут à cause de son origine² (Эстония до СССР), и он надеется, что его не тронут. И я надеюсь. Сегодня здорово загорел. Никаких особенно важных или сенсационных международных новостей нет. Дэвис из СССР возвратился в США; налеты 100 «летающих крепостей» на Неаполь, налеты союзной авиации на Сардинию, о. Пантеллерию и Сицилию. Налет 500 германских самолетов на Курск. Налет германских самолетов на город в Юго-Восточной Англии, позавчера — на Лондон (эх, черти, все-таки на Лондон налетают, но это уже не то — не «ковентрировать», а «эссенеи» и «Тунисград»). Между прочим, я уверен, что будут налеты на Москву. Сегодня одна добрая душа взяла для меня в детмаге 400 г льняного масла (была колоссальная очередь). Я его вечером продал за 130 р., se qui m'a permis³ купить булочку, 4 бублика и 1 пирожок с повидлом и быть сытым вечером и оставить немного денег на завтра. Сегодня за проезд без билета в трамвае меня отвели в мили-

¹ Ладно! Пусть только хорошо кончится, на остальное начхать, на подробности тоже.

² из-за его происхождения.

³ что мне позволило.

цию (злая контролерша отвела меня, а когда узнала, что я — учащийся, язвительно сказала: «А еще будущий инженер!» — *ce qui me fit marrer en douce, et je me marrai encore plus quand je la vis courir après chaque milicien pour qu'il me dresse contravention, et chacun d'eux répondait: «C'est pas mon boulot, non mais des fois!»* (évidemment, en russe). A la fin je tombai sur une débouaie femme-flic qui me lâcha eu me faisant promettre que je ne recommencerai plus. Je bondis comme un cabri (à cause des 25 roubles) et m'en allai, lui disant: «Entendu, chef!»¹

Что день грядущий мне готовит?

4/VI-43

Пишу утром. La journée a commencé plutôt mal!² Что-то произошло на трамвайной линии, и потому, проехав только одну остановку, я с полдороги возвратился домой, и консультация s'en est allée à l'eau³. Придется завтра утром — если не скажут явиться опять на перерегистрацию — придется поехать прямо на экзамен. Ведь я ни разу не заглядывал в книгу, и не знаю грамматику, и не имею понятия о преподавателе, который меня будет спрашивать, и потому рискую поражением и провалом! Mais espérons que tout ira bien — c'est tout ce qui reste à faire.⁴ Через часок поеду на регистрационный пункт. Написал письмо Але и открытку Муле. A Dieu Vat.

4/VI-43

Пишу вечером. Сегодня решила моя судьба. Я мобилизован на работу в промышленность; должен явиться в поне-

¹ что меня очень внутренне рассмешило, потом я еще больше смеялся, когда увидел, как она бегает за каждым милиционером, чтобы он меня оштрафовал, и каждый отвечал: «Да ведь это же не мое дело, черт возьми!» (Конечно, по-русски.) В конце концов я попал на добродушную милиционершу, которая меня отпустила, после того как я обещал, что больше не буду. Я вспрыгнул, как коза (из-за 25 рублей) и ушел, сказав: «Будет сделано, тов. начальник!»

² День начался довольно плохо!

³ полетела насмарку.

⁴ Но будем надеяться, что все пройдет благополучно, — это все, что мне остается.

дельник без вещей. Одно утешение: кажется, я буду жить, где живу, и работать в самом Ташкенте: так сказал мне писарь, хорошо ко мне относящийся: «Сейчас набор на ташкентские заводы, а пришли бы вы позже — был бы уже на Чорчик». И точно подтвердил, что я работать буду в Ташкенте. Надеюсь, что это будет так; в таком случае, это гораздо лучше, чем отправляться куда-то к чорту на куличики. Но будет ли это так? Меня сейчас беспокоит вопрос о школе — экзамены сорваны, но необходимо добиться аттестата, выдачи его или соответствующей справки без испытаний в максимально, предельно короткий срок. Я покажу повестку, скажу, что мне надо в понедельник быть с вещами и потому очень прошу выдать до аттестата, по крайней мере, справку, «потому что страшно досадно, что меня мобилизуют как раз во время экзаменов, и не пропадать же 10^й классу» и т.д. Все дело в том, что решат директорша и завуч; необходимо, чтобы решение было в мою пользу. Сегодня вечером был у Горского; решил сдать экзамен по французскому в 64^й школе, а не в этой 147, что так далеко. Это, в конце концов, моя прежняя школа, и я не думаю, что там будут чинить препятствия из-за формальностей и согласятся, чтобы я сдал экзамен и получил справку. Я хочу сдать, чтобы три первые отметки были отличные (по экзаменам); этим легче будет склонить «начальство» на выдачу аттестата. Занял у Горского 50 р. Таким образом, должен 70 р. ему. Завтра или послезавтра он должен достать пива. Говорят, КП Англии влилась в тредюнионы; говорят, Красный Крест отказался расследовать «катыньскую бойню»; говорят, Сикорский отмежевывается от прогитлеровцев; говорят, в Ташкент приехал какой-то митрополит. Сегодня письмо от Али. A Dieu Vat.

5/VI-43

Сегодня утром сдал французский яз<ык> в 64^й ср<едней> школе на отлично и получил соответствующую справку. Говорил в моей школе с завучем и директоршей. Дело обстоит так: для того, чтобы освободить меня от испытаний, необходимо, чтобы я представил или справку из военкомата о том, что я действительно призван на работу в промышленность, или справку с завода, на котором я буду работать. Все

дело в том, что повестка — недостаточное основание (для ГорОНО) для освобождения от испытаний. Там (в ГорОНО) могут сказать: «А вдруг его отпустят, ведь еще это только повестка, и ее недостаточно». Ну что ж, ничего не поделаешь, придется постараться взять в военкомате такую справку; думаю, что добьюсь этого. Ведь очень важно получить аттестат. Повестка у меня написана на завтра (на 6ое), но я приду в понедельник, поскольку мне сказали, чтобы я пришел в понедельник (я это помню), и кроме того, завтра — воскресенье. В конце концов, поскольку сказали являться без вещей, то это еще не окончательный день явки, и если и взаправду надо было являться в воскресенье, а я явлюсь в понедельник, то беда не будет велика, по крайней мере, я так думаю. Есть хочется дико, но денег нет, в гастрономе нет ничего, чего бы я не взял, а в детмаге — толпа за маслом, которое я уже получил и которое уже продал. Эх, как хочется есть! Но ничего не поделаешь. Горский сказал, что с пивом ничего не вышло. Он должен зайти в час; питаю надежду, что угостит обедом в своей столовой; не Бог весть что, но ведь есть необходимо. В предчувствии тяжелых испытаний наслаждаюсь бездействием и ленью; воображаю, как придется trimmer¹ и каким я буду грязным. Какой Аля молодец — прямо замечательно! Я рассуждаю, что поскольку и она, осужденная и находясь в заключении и учитывая все условия, не потеряла бодрости и может писать такие письма, то я надеюсь, что я буду не в худших все-таки условиях, чем осужденная на 8 лет, и тоже «не сломаюсь». Собираюсь читать Куприна. Эх, свобода! Как я ее ценил и любил! Хотя, в общем, жилось мне одиноко и голодно, хотя я скучал беспрестанно и часто думал о самоубийстве, хотя я сетовал на жизнь, — но все-таки мне кажется, что я бы ни на что не променял мою убогую комнату и грустную, бесплодную свободу. Меня часто осеняло счастье, внезапное, как вспышка магния: я — свободен! Я могу идти по той улице, которая мне нравится, идти когда хочу и куда хочу; я могу воротиться с полдороги, посидеть в парке, могу отказаться от намеченной цели прогулки... Я могу лечь спать тогда, когда мне это заблагорассудится, и встать тогда, когда мне этого захочется. Я могу читать, или писать, или про-

¹ вкалывать.

сто сидеть и думать. Я — свободен. По сравнению с другими, вечно спешащими, вечно занятыми чем-то и как бы одержимыми тревожной лихорадкой целеустремленного действия, я все время чувствовал свое превосходство: они — рабы, а я — свободен. А теперь и я попал в общую кашу, и очень важно в ней не захлебнуться и оставаться на поверхности. Я себя утешаю тем, что все — временно и преходящее, и этот период моей жизни кончится так же, как кончались и все предыдущие, и наступит новый период. В изменении — спасение (в данном случае). В Алжире создан Французский комитет национального освобождения под председательством де Голля и Жиро. В него входят генералы Жорж и Леклерк, Массини, Андрэ Филипп и Моннэ. Гикатру — ген.-губернатор Алжира. Этот комитет возьмет власть во Франции в свои руки после высадки союзников. Жиро назначен главнокомандующим.

7/VI-43

Только что был в военкомате. Начальник 2^й части сказал, что ему надо выяснить мое положение в облвоенкомате, потому что у меня 10 кл. и поэтому встает вопрос о военной учебе. Или работа на заводе, или военная учеба. У меня такое впечатление, что он склонен думать, что я себе нарочно приписываю рождение в Праге, пребывание за границей и аресты родственников, дабы избежать армии. Но сегодня он должен выяснить вопрос обо мне в облвоенкомате (à cause des 10 classes¹), и завтра в 10 часов мне надо вновь явиться в военкомат. Du moins, dans tout cela, j'ai gagné une journée libre — celle d'aujourd'hui.² Вчера повезло: к вечеру получил за май по 3^{му} талону в гастрономе 450 г сельдей и продал их за 100 рублей. Позавчера продал шубу за 400, ce qui m'a permis³ купить 1 кг картошки, 100 г масла, два пучка лука, 2 булочки, 10 бубликов, два стакана кислого молока и стакан сахара. В соединении со 100 рублями вчерашними я был сыт и позавчера и вчера по горло и даже сегодня утром

¹ по причине 10 классов.

² По крайней мере, из-за всего этого я выиграл свободный день — сегодняшний.

³ что мне позволило.

купил и съел лепешку. Осталось *en tout et pour tout*¹ 6 р. Вчера же был на литкружке САГУ. Бесконечно обсуждались какие-то довольно плоские стихи еврейского шепелявого студента. Выступал Кашкин; он, пожалуй, самый симпатичный из всей честной компании; трус, конечно, но в меру, и хороший лектор, и культурный человек. Конференция по послевоенным вопросам продовольствия в Hot Springs (Virginia) закончила свою работу. Советская делегация подчеркивала особо серьезные продовольственные нужды СССР. В Аргентине произошло военное восстание; президент Кастильо свергнут; восставшие захватили власть. Аргентина поддерживала связь с державами оси. Теперь же ее профашистский политический курс радикально изменится, и восстание, бесспорно, финансирувано и подготовлено американцами. Сегодня отдам книги в библиотеку Союза писателей, вероятно, зайду в детстоловую (она переехала, я еще не знаю куда). Зайду в детмаг и гастроном: авось что-нибудь выдадут — продадим и будем сыты. Погода хорошая. Да, и на нашем фронте, и на Западе, и в Азии назревают колоссальные события.

8/VI-43

Итак, сегодня утром решится вопрос, пойду ли я в армию или буду работать в промышленности. Тщательно взвесив *le pour et le contre*², мне все-таки последний исход дела улыбался бы больше: я себя совсем не вижу в казарменной обстановке, на строевых занятиях; мне кажется, что я физически не смогу вынести требуемого напряжения; кроме того, мне органически чужда всякая муштра; и вдобавок, все-таки есть риск смерти на фронте. А в общем, настроение у меня скорее равнодушное; как писал Мережковский: «Будь что будет — все равно». От меня исход дела не зависит, вот и остается одно: наплевать, каков бы ни был этот исход, и постараться *faire contre mauvaise fortune bon coeur*³. Сегодня меня заживо съели клопы, и, рано встав, я начал их давить сначала на тюфяке, потом на досках кровати. Необходимо

¹ всего-навсего.

² за и против.

³ проглотить горькую пилюлю, не поморщившись.

будет сегодня же вывесить тюфяк на солнце, облить доски киятком и тоже поставить их на солнце; вот только боюсь, что со двора сопрут все это. Вчера сдал книги в Союз. Вчера повезло: по 4^{му} талону получил в гастрономе 450 г сельдей, которые и продал за 130 рублей. Благодаря этому вечером смог съесть 6 бубликов с маслом и ½ кг картошки жареной с луком. Вчера вечером здорово болел зуб — даже не зуб, а противный *chicot*¹. Затеял писать роман, но в доме такой дикий гилдеж целый день стоит (сказано ведь: «общежитие»!), а в голове такой предгрозовой сумбур, что писать серьезно невозможно. Главные материальные проблемы: у меня, с ликвидацией шубы, нет пальто; необходимо купить ватник; второе — необходимо купить мыло, чтобы мыться; третья проблема — проблема стирки: я хожу в грязном белье, грязных брюках, без мыла никто не берет стирать, да и с мылом никого нельзя об этом попросить: в общежитии семьи приглашают прачку на большие стирки с простынями и т.п., дают ей мыло, таз и вдобавок кормят; я же этого себе никак не могу позволить. Те деньги, которые получаются, все идут на еду, потому что есть надо же, а покупка мыла все откладывается и откладывается, и продолжаешь ходить в грязном и стыдиться этой грязи. Это — заколдованный круг. Сколько сейчас может стоить ватник? Сейчас жарко, и не думаю, чтобы ватник стоил очень дорого на базаре. Надо будет прицениться. Впрочем, все эти рассуждения и соображения годны и применимы только на случай, если я останусь в Ташкенте и придется думать о более или менее рациональном жизнеустройстве. Если же меня пошлют в военное училище или на работу вне Ташкента, то *tout cela*², кроме, конечно, мыла, перестает быть в порядке дня. Да, что я напишу Муле и Але о том, какая судьба меня постигла? Подумать только, что через несколько часов я буду знать, что меня ждет, а сейчас еще ничего не знаю. Если рассмотреть всю мою предшествующую жизнь в Ташкенте вплоть до сегодняшнего решающего поворотного момента, то можно будет сказать, что мне жилось скучно, одиноко, неуютно. Одна настоящая отрада была — утоление голода. Все к этому шло, все почти помыслы были направлены на удовлетворение примитив-

¹ отрывок.

² все это.

ных потребностей тела. За это время я окончил (пока что еще не формально, но фактически) десятилетку — приобрел среднее образование. За эти полтора года ташкентской жизни я много прочел; некоторые книги останутся в памяти: «Успех» Фейхтвангера, «Подросток» и «Бесы» Достоевского, «Падение Парижа» и «Трест Д.Е.» Эренбурга, «О тех, кто предал Францию», «Приятели» Жюлья Ромэна, «Поднятая целина» Шолохова, «Мать» Карела Чапека и пр. Я ни о чем не жалею: за эти полтора года я много увидел, много пере­страдал и перечувствовал, и если в данное время я морально довольно-таки бессилён, если меня по-прежнему ничто особенно сильно не увлекает, если материально я нахожусь в весьма незавидном положении, — то все же та сумма впечатлений, которая мною приобретена в Ташкенте, а также все мои ташкентские чувства и переживания, все это когда-нибудь сложится в полезную для меня величину — и в смысле житейского опыта, и в смысле богатейшего материала для того романа, который я хочу написать и который, несомненно, будет когда-нибудь мною написан. А пока что надо сказать вместе с В.Берестовым: «А мы пройдем, хоть путь наш труден, терпя, страдая и борясь, сквозь серый дождь тоскливых буден, сквозь голод, холод, скорбь и грязь».

9/VI-43

Вчера утром ничего в моей судьбе не определилось. Никакого решения по моему поводу не было принято; мне отдали все мои документы и дали повестку на понедельник 14го числа, в 7 часов вечера. Кажется, тогда мне определенно скажут, что именно меня ждет. Собственно говоря, в эти 6 дней (считая вчерашний) я бы мог сдавать экзамены, но я рассуждаю так: если меня действительно призовут — а это произойдет скорее всего (или в военное училище, или на завод), то я получу соответствующую справку, по которой мне выдадут аттестат. Если же все окончится, как 2го февраля, т.е. если меня опять никуда не заберут, то я и с 9^м классами могу поступить в Учительский институт, а мощный блат нашего преподавателя литературы протолкнет меня и в Педагогический институт (я вчера с ним говорил, и он сказал, что он сделает все возможное; он ко мне прекрасно относится и действительно все, что нужно, сделает). Итак, я ре-

шил экзаменов не сдавать и ждать военкоматских решений. Хотя отдохну за эти 5 дней, и не будет преследовать призрак какой-нибудь там физики или химии; ну их к ляду. Вчера утром пришла молочница réclamer ses 240 roubles¹, соседке я должен 100 р., Горскому – 70 р. En tout et pour tout 410 roubles. Du jolii!² А в кармане – ни гроша и еще меньше желания платить все эти... громоздкие суммы, тем более, что на ordre du jour³ – мыло, ватник и, тем более, жратва. Вчера, например, с утра до 10 часов вечера я съел тарелку супа в столовой и два пирожка – и все! Вечером был у Горского; счастье, что угостил вкусной ухой с рисом и кашей с зеленым луком. Какие мои финансовые надежды? Надежды следующие: 300 Мулиных рублей; но когда они придут? Надежда на масло или сыр в гастрономе и на рыбу или мясо в детмаге (все это – для ликвидации, конечно). Сегодня придется продать Монтэня. Вчера отправил письмо Але. Вчера сообщение о налете 100 немецких самолетов на Горький (в ночь с 5 на 6 и с 6 на 7); причинен материальный ущерб, есть жертвы. Мне почему-то кажется, что они обязательно налетят на Москву. Открылась баня; необходимо пойти, но нет мыла. Опять-таки, du jolii!⁴ Мой роман пишется, хотя и довольно медленно. Столовая не переехала; и на том спасибо. Э-эх, деньги-деньги! Как вы мучаете! Бахтамов тоже продал хлебную карточку, чтобы помочь сестрам, пробирающимся из Уфы в Москву. Молодец, помогает своей семье. Хотел продать плитку, т.к. никогда почти ею не пользуюсь, но она нужна соседке, и она, конечно, заартачится. Н-да, положеньице – неважнец. Прямо-таки неважнец. Бахтамов – симпатичный человек, но на его примере увидел я, что еще много людей, плохо разбирающихся в событиях: он все твердит, что слишком долго возятся с открытием 2го фронта в Европе и что слишком долго его обещают. К счастью, у нас в правительстве поняли нелепость подобных рассуждений и пошли на полный союз с Англией и США. Недоверие и шовинизм очень мешают всем благим объединяющим усилиям и начинаниям как в СССР, так и у союзников. Не то чтобы я верил в особую прочность

¹ требовать свои 240 рублей.

² Всего-навсего 410 рублей. Хорошенькое дело!

³ повестке дня.

⁴ хорошенькое дело.

объединения «свободолюбивых народов»; но на данном этапе военного пути, и вообще во время войны это объединение, этот союз крайне необходимы для победы и особенно насущны для СССР после заключения мира, учитывая колоссальную разруху промышленности и сельского хозяйства освобожденных районов, учитывая недостаток продовольствия и оборудования, учитывая, одним словом, то обстоятельство, что без усиленной помощи со стороны союзников мы будем не в состоянии достаточно быстро, полно и эффективно восстановить свое хозяйство. И наш союз с Западом будет длиться до тех пор, пока мы не почувствуем себя достаточно сильными, чтобы вновь идти самостоятельным экономическим и политическим путем. Так, по крайней мере, мне кажется. А в общем — «и скучно, и грустно, и некому руку подать». И не знаю, будет ли удачен (удачен — значит счастлив в отношении еды) этот день. Все-таки, как ни говорите, но сытым быть — весьма великое дело. По крайней мере, я рад этой пятидневной передышке, этому пятидневному отдыху. Между прочим, мне почему-то кажется, что Второй фронт будет открыт на протяжении ближайших двух-трех недель. Но это только мне кажется так. Итак, посмотрим, что нам принесет этот день.

10/VI-43

Вчерашний день можно считать довольно удачным: во-первых, я написал первую главу моего романа (вернее, закончил окончательную редакцию этой главы), а во-вторых, был наконец в бане (Горский me l'a payé¹ и мыло тоже). Очень приятно быть ослепительно чистым. Жалко только, что нет чистой рубашки и чистых брюк, противно ходить в грязном. Потом поел в детстоловой и получил в детмаге 200 г хлопкового масла, которое продал за 50 р. и пучок лука, что позволило мне купить 4 бублика и съесть пончик за 10 р. C'était toujours ça de pris.² Вечером ел бублики с луком и солью и читал биографию Байрона; сегодня дочел ее. Очень интересная жизнь. Меня все более и более занимают вопросы, связанные с моим романом. И здесь мне Москва совершен-

¹ мне ее оплатил.

² И это уже неплохо.

но необходима, т.к. Лиля может дать мне массу сведений о своей матери, Елизавете Дурново, а мне нужны именно точные даты и точные факты: вся моя первая глава случайна и аппроксимативна¹, а точные сведения о Елизавете Дурново, Якове Эфроне, о встрече Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, о парижской трагедии Елизаветы Дурново — все то, что мне так необходимо для моего романа, я могу узнать только у Лили. Мучают также композиционные вопросы: что поставить раньше, как достичь эффекта расстановкой событий, каких рассуждений избегать. Потом мне необходимы пособия для изображения Парижа 900^х гг.: Мопассан прежде всего, ну, «Базельские колокола». Мне надо дать максимально верную и убедительную картину Парижа того времени, и то, что написано в этом плане в 1^й главе — лишь намек, схема, притом схема очень недостаточная. Вообще вся первая глава — лишь план, все вопросы которого будут разработаны в дальнейшем. Раз я пишу о подлинных фактах, то мне надо подлинные даты и подлинное, ясное представление об этих фактах. Кем был Яков Эфрон? Каков он был из себя? Какова история его брака с Елизаветой Дурново? Каких политических взглядов придерживалась последняя, и в чем состояла ее революционная деятельность? Сколько раз ее арестовывали? Каково было отношение к революционной деятельности Елизаветы Дурново мужа, детей? В каком году уехала Елизавета Дурново в Париж? Где жили ее дети? Какова была ее жизнь в Париже? В каком году произошла трагедия ее и сына, в чем сущность и какие подробности этой трагедии? И так далее и тому подобное. Все эти вопросы и очень и очень многие другие, чрезвычайно существенные для романа, найдут ответ лишь в Москве. Массу книг надо прочесть. Состав Французского комитета национального освобождения замечательно бесцветен: ни одного знаменитого политического деятеля; не то что знаменитого, но даже хоть известного. Но может, это и лучше, что входят «свежие люди» туда, не подмоченные политиканством? Нац. комитет France Combatante² ликвидирован: Французский комитет национального освобождения является единственным органом, объединяющим усилия францу-

¹ От фр. *approximatif* — приблизительна.

² Борющейся Франции.

зов в борьбе с немцами. Впоследствии он будет распущен — тогда, когда в соответствии с республиканскими законами будет образовано правительство (временное), которое назначит день выборов. Де Голль и Жиро будут председательствовать поочередно. Место пребывания комитета — Alger¹. Комитет посылает дипломатических представителей при державах — и державы посылают тоже своих представителей при комитете. То, что Жиро и де Голль объединились, — великое дело, которое ускорит победу и восстановление Франции (по крайней мере, я так надеюсь). А голодно продолжает быть по-прежнему. На базаре продают американские консервы: 170 roubles². Нет, уж лучше бублики! Было бы хорошо получить масло или сыр в гастрономе за май и продать его; или получить за июнь 600 г макарон и сварить их. Но для макарон нужно 50 г масла и пучок лука, что составляет 35 р. Вообще хочется есть, очень хочется. Превыше всего люблю булочки и особенно бублики. В детмаге сегодня дают сметану, но, конечно, колоссальное количество народа, и я не получу, т.к. в очереди не буду стоять на жаре. Вот. Эх, есть хочется очень. Сейчас около 11 утра.

11/VI-43

Вчера день был довольно мрачный. Во-первых, за весь день я съел только тарелку супа и ложки две макарон с кусочком омлета — и все. Во-вторых, так разболелся зуб, что пошел в районную поликлинику, чтоб выдрали. Оказалось — нет кокаина, и послали в горзубполиклинику. Поплутал, прежде чем ее разыскать, а когда разыскал, то оказалось, что запись на прием уже кончена! А зуб продолжал зверски болеть. Тогда я вернулся домой и лег спать. Проспав некоторое время, я проснулся — и боль уже прошла. Остальное время до ночного сна я просидел и пролежал, прочитав превосходную поэму Байрона «Бронзовый век», и читаю весьма интересного «Чайльд Гарольда». Произведение, проникнутое приятным мне историзмом, живое, красочное и очень удачное. Рузвельт заявил, что успех конференции Объединенных Наций по послевоенным вопросам продовольствия превзошел «все наши ожи-

¹ Алжир.

² рублей.

дшия». Это была первая конференция Объединенных Наций и имела большой успех. Что ж, превосходно. КП Америки осудила позицию Льюиса, подрывающего военное производство, и призвала горняков вновь приняться за работу. Горняки возобновили работу на шахтах с 7 по 20 июня. Вот здорово, КП выступает — наверное, в первый раз за все время ее существования — против забастовки! Как говорят французы, *on aura tout vu*¹. Вчера в гастрономе ни черта нового не было, а в детмаге, о роскошь, выдавали за май и апрель мясо (кажется, 1 кг 200) и 500 г сметаны. Очередь была, конечно, огромная, стоял гам и шум. Но т.к. мясо будет портиться, то его выдают и сегодня, и мне одна соседка, которая тоже там должна получить, возьмет (если хватит, конечно). Было бы шикарно получить и сметану, но вряд ли удастся, потому что, кажется, она быстро портится. Мясо я, вероятно, продам и куплю бубликов и картошки. За май в гастрономе осталось получить масло или сыр — что будет. Во всяком случае, этот день какую-то еду должен дать и будет, надо надеяться, сытнее вчерашнего. А мой маршрут таков: к 10.30–11.00 пойти в гастроном, посмотрю, есть ли там что-либо, если есть, то буду стоять в очереди, предварительно продав книгу стихов Ахматовой, т.к. денег нет ни гроша. Эх, не хочется мне продавать эту книгу, потому что там очень много замечательных стихотворений, — но что ж поделаешь... Если в гастрономе ничего не будет, то возьму путь в зубполиклинику и запишусь на прием. А потом надо будет пойти поесть в столовую, после чего я возвращусь домой и возьму мясо, если соседка его уже получила, а если ее еще не будет дома, то буду ее поджидать; когда она придет, пойду продавать мясо; думаю, что рублей 130 за него выручу. Но долги, долги! Совсем как у Байрона в добром старом XIX^м в., совсем как у Бальзака! М.М. торопит со 100 рублями, за электричество 30 р., за квартиру 7 р., Ырскому 70 р., молочнице — 240... Фу ты ну ты! А есть надо ведь каждый день. Но в общем, что бы там ни было, но сегодня я твердо намерен хорошо поесть и, вероятно, если выручу 130 р., как хочу (причем это — минимум), то, вероятно, куплю 50 г масла (30 р.), ½ кг картошки (25 р.) и 7 бубликов, и пучок луку, что истощит вырученные деньги дотла, но, по крайней мере, вполне меня насытит, что и тр<ебовалось>

¹ вот это неожиданность!

д<оказать>. Совсем гениально было бы что-нибудь получить в гастрономе и продать — тогда можно было бы купить сахара и кислого молока, и был бы полный обед. Но даже если я получу только мясо, и то будет хорошо, и то сегодня я буду сыт. Вот противно только то, что М.М. так настаивает с уплатой этих 100 р., и, конечно, если я буду жарить картошку, не *manqueга pas*¹ испортить мне все удовольствие, сказав мне: «А мои 100 р. как же?» А я ей уже сказал, что отдам ей 100 р., продав мою электрическую плитку. Ох, она все время готовит на этой плитке. И не хочет, чтобы я ее продавал, на что я ей отвечаю, что это мой единственный способ уплатить ей деньги, на что она мне говорит: «Почему вы мне не заплатили, когда продали шубу?» на что... *Bref, c'est interminable et ennuyeux comme tout... comme toute dette, quoi.*²

12/VI-43

Вчера мне очень не повезло: накануне я дал одной соседке пропуска в детмаг (она тоже там получает), т.к. там давали 1 кг 200 г превосходного мяса. Целый день ее прождал (чтобы, получив мясо, пойти его продать), и в конце концов под вечер она появилась, объявив, что с утра заняла очередь, но что ей не повезло, и мясо уже кончилось, и она его не получила. На вторник обещают или мясо, или рыбу. Если будет вобла, то я брать не буду — это невыгодно. Так как нет ничего хуже обманутых ожиданий и я ничего не ел за весь день, то я взял у Шильдкрета *взаимы* 70 р., купил 5 бубликов, булочку и семечек, *се qui m'a permis*³ насытиться очень сносно. Но долги, долги! Теперь они равняются 480 р. Сегодня или завтра придет, вероятно, молочница *клянчить* свои 240 р., но я ее постараюсь выпроводить и скажу ей, что деньги будут «обязательно через неделю». Что ж делать, если денег у меня действительно нет сейчас. Итак, все вчерашние мечты, связанные с мясом, рухнули. Сейчас в кармане — ни пфенига. Между прочим, в гастрономе вот уже 4 дня как не объявляют ничего нового, и, по-моему, в ближайшие 3 дня, включая сегодняшней, обязательно должны начать отова-

¹ не преминет.

² Словом, бесконечно и скучно, как все... как всякий долг, в общем.

³ что мне позволило.

решить какой-нибудь талон: или талон 1–2 масло за май, или мясо–рыба, или крупа–макаронны за июнь. Так что я рассчитываю в течение ближайших трех дней или выручить какие-то деньги, скажем, продажей масла или мяса, или сельдей, или получить любимую жратву в виде макарон. Как только я получу какие-нибудь деньги, я сейчас же отдам Шильдкредту 70 р.; я с ним в хороших отношениях и совсем не хочу их портить. Да-а, деньги нужны; этот факт непреложен. Сегодня вечером буду у Алисы Гуговны Усовой; заберу у нее «Les Caves du Vatican» Gide'a. Эх, деньги, деньги, как вы нужны! А хожу я давно нестриженный и небритый, без мыла, в грязных брюках и белье, в нечищенных ботинках — и все это из-за нехватки денег. Аппетит всегда пересиливает желание купить мыло. Что же поделаешь — голод не тетка. А есть страсть как хочется. Вчера опубликована речь Черчилля в палате общин. «Приближаются исключительно сложные и рискованные комбинированные морские и сухопутные операции». Союзники предъявили ультиматум о капитуляции острову Пантеллерия, но ультиматум отклонен, и бомбардировки острова военно-морскими и воздушными силами будут продолжаться. Nogues et Peyrouton ont démissionné. В Comité de Libération Nationale много сторонников де Голля: Massigel, André Philippe, Catroux.¹

12/VI-43

Сегодня вечером j'ai risqué un шаг exessivement risqué, mais qui était, comme je crois, nécessaire². Я был только что у моей знакомой Алисы Гуговны Усовой et je lui ai volé sa montre-bracelet. Elle était sur la table en toute évidence, et déjà, bien avant d'aller chez cette Усова, j'avais résolu de voler la montre, vu les dettes formidables que j'ai et la nécessité de manger quelque chose. J'ai volé cette montre tout juste avant de partir; auparavant j'ai passé environ deux heures chez cette Усова en conversations et à boire du café. Je lui ai emprunté un livre de Bergson, et, en partant, je lui ai promis de le lui rendre sitôt

¹ Ног и Пейрутон подали в отставку. В Комитете Народного Освобождения много сторонников де Голля: Массижель, Андре Филипп, Катру.

² я пошел на очень рискованный шаг, но который, как мне кажется, был необходим.

que je l'aurai lu.¹ Вообще атмосфера всего вечера была очень сердечной, я обещал «теперь к ней заходить почаще, раз лето и я больше не болею». Вообще я сознательно льстил ей и всячески старался «поднять» тон d'amitié², попросил ее достать «Идиота» Достоевского, что она и обещала исполнить. Elle s'apercevait de la disparition de sa montre très vite и, вероятно, поскольку il n'y avait dans la chambre qu'elle et moi, elle pensera (sa première pensée) que c'est moi qui ai volé cette montre³. Но тут входит в действие мой расчет; как всякие расчеты, он может оказаться верным или провалиться. По моему расчету, она должна будет с возмущением отвергнуть такое предположение о моей culpabilité⁴. Она должна будет рассуждать так: «Как, сын Марины Цветаевой, и он был такой милый и сердечный и даже обещал приходить теперь часто... Такой культурный, так все хорошо понимает... Нет, не может быть, чтобы это был он». Так она должна рассуждать. Во всяком случае, я предполагаю, что дело не дойдет jusqu'à la milice⁵; никогда (опять-таки, по моему расчету) не заявит она на сына М.Цветаевой и т.д. А если и дойдет, то я буду отрицать, ссылаясь на то, что elle ne m'a pas vu⁶ (что действительно факт). Но я надеюсь, что не дойдет. И если будет разговор с ней по поводу du vol⁷, то я тоже буду категорически отрицать. Задача завтрашнего утра — возможно выгоднее продать эти часы. А Алису Гуговну я рассчитываю увидеть завтра или в понедельник; очень любопытно, quel air elle aura⁸ и что она скажет. Кстати, сейчас читаю «Преступление и наказание».

¹ и украл у нее часы-браслет. Они лежали на столе на виду, и задолго до того, как я пошел к этой Усовой, я решил украсть часы, ввиду ужасающих моих долгов и необходимости что-нибудь поесть. Я украл эти часы перед самым уходом; до этого я провел почти два часа у этой Усовой, разговаривал, пил кофе. Я у нее занял книгу Бергсона и, уходя, обещал ей отдать, как только прочту.

² дружбы.

³ Она очень быстро заметит исчезновение часов, и, вероятно, поскольку в комнате были только мы с ней, она подумает (это будет ее первая мысль), что я украл эти часы.

⁴ виновности.

⁵ до милиции.

⁶ она меня не видела.

⁷ кражи.

⁸ какой у нее будет вид.

13/VI-43

Мой расчет не оправдался, план рухнул, антреприза погрела крах. Сегодня ночью я спал всего 4 часа — от часа до пяти, потому что ели клопы и, вероятно, «ела» так называемая совесть. Всю ночь я читал гениальное «Преступление и наказание», читал, так сказать, очень кстати, но чтение Достоевского на меня и на этот раз произвело чрезвычайно взбудораживающее действие. В 7 часов утра я уже был на базаре, а к 10 часам, через посредство одного часовщика, продал часы за 800 рублей, каковая цена меня вполне устраивала, ибо позволяла полностью уплатить долги Горскому, Шильдкрету и соседке, часть долга молочнице, позволяла два дня «роскошно» питаться и оставалось еще рублей 150–180. На базаре же утром я истратил на булочку, пирожок и кусочек коврижки 40 р.; 5 р. истратил на чистку ботинок. Придя домой, я нашел у себя на столе записку следующего содержания: «Мур, я пришла к Вам по очень неприятному делу, о котором Вы, вероятно, догадываетесь. Прошу Вас *сегодня же вечером* прийти ко мне, и я Вам обещаю, что инцидент *в этом случае* <подчеркнуто двумя чертами> будет предан забвению и выключен из памяти. Бергсона я взяла с полки. А.Усова 13/VI-43, 8.30 утра». У меня аж дух захватило. Долго я не раздумывал. Карта моя была бита, и бита крепко, и я мигом решил возвратить деньги. Я бросился в САГУ в надежде найти А.Г. там в филологическом кабинете — но там ее не было. Тогда я сел на 4^й трамвай и поехал на Беш-Агач, где она живет, — но и там ее не застал. Я был, *comme on se figure*¹, в большом волнении. Ожидая трамвая на обратном пути, я встретил Усову! Тут же ей объяснил, «что к чему»: что часы проданы, и вручил ей деньги (700 р.). Она была рада такому исходу дела (тем более, что сидит без денег), обещала ничего никому не говорить и даже пригласила приходиться. Так что «инцидент исперчен», как писал feu Mañakowsky². И выходит, что я на этом деле выиграл еще 100 р., *se qui m'a permis*³ утром наесться булкой, пирожком и куском коврижки, а вечером — купить 5 бубликов и стакан семечек. Крах моей антрепризы символичен: это крах всей моей жизненной животнo-эгоистической политики.

¹ как можно себе представить.

² покойный Маяковский.

³ что мне позволило.

Нельзя жить без настоящего, увлекающего дела, без любви к чему-то или к кому-то, без нравственного тепла, исходящего от близких людей. Иначе становишься способным на такие вот антрепризы, и царем мироздания, центром вселенной становится Бублик или Булочка. Да, *il faut que ça change*¹; иначе — невозможно. Увидим, что скажут завтра в военкомате. Союзники, после 24-часовой воздушной и морской бомбардировки, заняли о. Лампедуза (Италия). Оказывается, итальянцы называли о. Пантеллерия «Гибралтаром Средиземного моря». Вот и просрали этот Гибралтар. Гарнизон этого острова насчитывает 15–20 тысяч человек. По-видимому, на очереди — высадка союзников в Сицилии. Они — молодцы: планомерно осуществляют свой план, все у них истинно научно подготовлено, и тени нет «шапкозакидательства». Опять вчера сообщение о налете на Горький немецких самолетов. Соседка уезжает в Москву или завтра, или в четверг. Нет, плитку мне решительно неохота продавать. Допустим, дадут мне в распеде макароны, так где же я буду готовить? Опять кого-то просить? И кого? А с другой стороны, 100 рублей должен этой соседке. В гастрономе вот уже 5–6 дней как не объявляли ничего абсолютно нового, никакого нового талона не объявили. Должно быть или сыр или масло за май, или макароны или мясо за июнь. Должны, да... Было бы неплохо скомбинировать с соседкой так, чтобы она дала карточку на обед в столовую ССП (она хочет получить второе), и тогда, при наличии посуды, можно было бы взять и суп, а мне как-никак суп надо, и пренебрегать им не приходится. И еще лучше будет прийти домой уже тогда, когда соседка уже уедет на вокзал, — таким образом, будет обеспечено и второе. Но на все это нужны деньги. Неужели придется продать Жида и Грина? Н-да, *du joli*². А жрать надо. Сейчас опять засяду за Достоевского.

14/VI-43

*Événement sensationnel*³: оказывается, сегодня в мое отсутствие был какой-то профессор, который меня спрашивал и который приехал из Москвы. Он мне привез пропуск на воз-

¹ надо, чтобы это изменилось.

² красиво.

³ Необычайное происшествие.

ращение и 700 рублей денег, все это от Толстых! Его точный адрес, к сожалению, известен лишь одной соседке, которой нет дома, и потому я не могу поехать к нему и взять пропуск! А сегодня в 7 часов вечера в военкомат! Конечно, ввиду получения пропуска в Москву я буду настойчиво просить отсрочку, мотивируя тем, что все равно меня и в Москве мобилизуют, и что я два года не видел родных, и что мне необходимо получить аттестат за 10 классов. Удастся ли мне получить эту отсрочку? Какая будет досада, если меня мобилизуют как раз тогда, когда я получу возможность возвратиться в Москву, познакомиться с Мулей и, быть может, и с Митькой! *Ce serait vraiment dommage.*¹ И очень досадно, что все обернулось таким образом, что сегодня мне не удалось получить пропуск, — с ним бы в военкомате я себя чувствовал увереннее и мог бы сослаться на документ *ici présent*²; а то так еще могут не поверить (хотя я, конечно, скажу, что завтра же получу, что, действительно, верно, ибо завтра я уж получу-то наверное или даже, возможно, сегодня вечером). Очень любопытно, выйдет ли мое возвращение в Москву? *En tout cas, ce serait une déveine formidable*³, если бы меня мобилизовали в самый раз, когда я получил пропуск! Ну, я надеюсь, что Бог и на этот раз меня не оставит.

16/VI-43

В общем, можно сказать, что моя экспедиция в военкомат потерпела крах. Пока еще ничего неизвестно (нет какого-то приказа, что ли, и облвоенкомат молчит), а насчет отъезда, то мне предлагают написать заявление о снятии с учета и выехать немедленно. *Ça ne m'arrange guère, vu que des 700 roubles*⁴, при уплате долгов, покупке мыла и нормального питания в течение 2 дней *il ne reste qu'une cinquantaine de roubles*⁵. И, кроме того, какой мне интерес затевать возню (сложнейшую) с получением билета, зачем мне затевать громоздкое и дорогостоящее десятидневное путешествие, раз и

¹ Это было бы действительно жаль.

² наличествующий.

³ Во всяком случае, было бы огромным невезением.

⁴ Меня это не устраивает, ввиду того, что из 700 рублей.

⁵ останется не больше 50 рублей.

в Москве меня тотчас же мобилизуют? А здесь зато я живу en attendant¹, так сказать, que mon heure sonne², без особых хлопот. Слухи об открытии 2го фронта в Болгарии. Вчера получил 2 кг 100 макарон в детмаге.

ДНЕВНИК № 17

18/VI-43

Мои мытарства продолжаютя. Т.е., собственно говоря, se n'est pas précisément des³ мытарства, étant donné que je ne fous absolument rien⁴ — но, во всяком случае, мое положение крайне неопределенно. В военкомате ничего неизвестно (опять сегодня дали повестку о явке в понедельник); говорят: «Учитесь пока», а я и не думаю учиться, потому что у меня совершенно нет la tête à ça⁵ и я совсем не хочу тратить время моего свободного существования, т.е. le temps qu'il me reste à vivre plus ou moins indépendamment⁶, на проклятые точные науки. Раз все равно суждено быть мобилизованным и этот день не за горами! Но меня беспокоит вопрос о хлебной карточке на июль — ведь ее необходимо получить, а для этого может понадобиться справка из школы, что я действительно учусь в таком-то классе; а в школе, ввиду того, что я не показываюсь и не держу экзаменов, могут эту справку не дать. Поэтому сегодня или завтра, как это мне ни неприятно — ибо я внутренне совершенно порвал, порешил со школой, надо будет туда зайти, напомнить о себе, поболтать и т.д. Версия la suivante⁷: через день вызывают в военкомат, мотают, ничего неизвестно, со дня на день все должно определиться, в военкомате держат по целым дням — и потому экзамены держать невозможно. Необходимо, чтобы эта версия клюнула, ибо рисковать карточкой глупо. Прочел «Les Caves du Vatican»; превосходно, и язык замечательный. Деньги кончились. Сегодня уезжает в Москву М.М.

¹ в ожидании.

² когда пробьет мой час.

³ это не настоящие.

⁴ поскольку я решительно ни черта не делаю.

⁵ на это духу.

⁶ то время, которое мне осталось прожить более или менее независимо.

⁷ следующая.

Насчет Второго фронта в Болгарии – это «утка» (по крайней мере, пока что). Последние 3–4 дня сыт благодаря макаронам и деньгам – но теперь иссяк. Жарко. Возможно, завтра пойду в кино.

19/VI-43

Вчера наконец уехала М.М. Удалось не пойти ее провожать (я ушел за обедом в Союз и «опоздал» домой; таким образом я выиграл один обед; в наследство мне осталась обеденная карточка М.М. на 11 дней, что очень хорошо). Вчера продал вечером плитку за 100 р., после долгих хождений по ненавистному Алайскому базару, и купил 3 булочки, два пирожка с повидлом и булочку, *se qui m'a permis de bien passer la soirée*¹. В распри и детмаге ни черта нет; вот безобразие! Вчера вечером был В. Берестов; болтали; все это милая болтовня, но чересчур ли серьезная? Любопытное известие: сирийско-турецкая граница закрыта. Как это понимать? Мне кажется, это – блёфор, *proude aux yeux*². Вообще явно что-то назревает. Вчера – любопытная *conversation*³ с работницей Узкнимага (книжного магазина на углу ул. Кирова и Маркса). Оказывается, она жила в Париже *de 1936 à 1940*⁴, была в Лондоне, Бельгии. В Париже жила на *rue Erlanger*⁵ и говорит, что жила в *Claridge, Ritz'e* и *George V*⁶. Врет, наверное! Впрочем, *elle a l'air*⁷ действительно *de quelqu'un qui a beaucoup vu et vécu*⁸. Лет 35–38, наверное. Вспоминали *Maurice Chevalier* и *Charles Trénet*. *Peut-être pousser plus avant cette rencontre?*⁹ Стоит ли? Вчера в Союзе было пиво; возможно, что сегодня зайду к Горскому насчет кино и пива. Читаю книгу Евг. Ланна «Гвардия Мак Кумгала» о борьбе ирландцев за независимость при *Palmerston'e*. Да, в школу зайти сегодня необходимо, хоть

¹ что позволило мне хорошо провести вечер.

² пускание пыли в глаза.

³ беседа.

⁴ с 1936 по 1940.

⁵ rue Эрланже.

⁶ гостиницах «Кларидж», «Ритц» и «Георг V».

⁷ у нее вид.

⁸ что она много видела и пережила.

⁹ Может быть, продолжить и углубить это знакомство?

и не хочется; важно все-таки, пока не мобилизован, сохранять un état social¹ — особенно в отношении хлебных карточек и отправок на сельхозработы. Вчера письмо от Али. Жалко мне ее, чорт возьми: ну чего ради она торчит в этой Коми АССР и портит себе здоровье и нервы, калечит себе жизнь. Когда же ее освободят, à la fin!² Какой нам день сегодня предстоит?

20/VI-43

Сегодня по двум июньским талонам получил какую-то поганую рыбу, которую ликвидировал на базаре за 50 р., что позволило купить мне булочку и три бублика. Был на литкружке, что дало мне хлеба (в буфете); обед из детстоловой взял на дом, суп вылил (невкусный), а макароны съел. С 16.30 до 19.30 дрыхнул, валялся, читал «Приятелей» и ел бублики. Все не могу отправить письмо Але — никак не соберусь купить конверт. Вчера — открытка от П.Д., очень милая. Условился с Горским (вчера) в понедельник от 15.00 до 15.30 пить пиво в Союзе (если будет, конечно). Угостили супом с хлебом. Горский — шовинист и русопёт. Погода стоит изрядно жаркая; сегодня со мной было нечто вроде обморока, когда я стоял за обедом: я настолько позеленел и настолько изменился в лице, что даже — о, даже! — меня пропустили вне очереди! А потом ничего — прошло (связано с желудком, как всегда у меня). Вчера был в школе; по совету директорши пошел в Горно к замзаву; изложил ему мою историйку («мотают, срывают экзамены»). Он ограничился тем, что спросил меня, почему я не пришел раньше, и посоветовал сдавать мне экзамены в июле при школе ДКА. Всю жизнь мечтал, право! Завтра, если не мобилизуют еще, зайду в школу и изложу его ответ, причем скажу, что в июле не смогу сдавать (в случае, если меня отпустят), ибо надо будет готовиться к отъезду в Москву, доставать билеты и пр. И пойду в Наркомпрос. Насчет карточек, надеюсь, что все пройдет гладко: как будто директорша и завуч «сочувствуют».

¹ социальное положение.

² в конце концов!

22/VI-43

Получил 300 р. от Мули. Вчера был в военкомате, отсрочка до 25го. Надоела эта канитель чрезвычайно. Сегодня отправляю два письма Але. Вчера истратил 130 р., но зато был сыт *autant qu'on peut l'être*¹. Сегодня – важный день в смысле того, что я должен получить справку из школы на получение карточки хлебной. Без этой справки о том, что я учусь в школе, мне не дадут хлебной карточки. А в школе могут заргачиться – мол, экзамены не сдает, а справку хочет получить. Во всяком случае, сегодня выясню. Вчера вечером читал Берестову и Бабаеву, пришедшим ко мне, несколько глав из книги Ромэна «Приятели» и довел их до упаду от смеха; *le fait est*², что эта книга замечательно талантливая, веселая и остроумная. Сегодня по радио передавали что-то от Совинформбюро à l'occasion³ 2-летия «Отечественной войны Советского Союза», причем в конце говорится, что теперь все зависит от создания союзниками 2го фронта на Европейском континенте, ибо без 2го фронта разбить немцев невозможно, и что откладывание этой операции и промедления приведут к затягиванию войны, а следовательно, и к увеличению количества жертв (причем мы не говорим, что к увеличению *наших* жертв!). Ну-с, и кончается именно на упоре на вопросе о необходимости открытия Второго фронта в текущем году. Продолжаю читать «Гвардию Мак Кумгала». Вчера устроил, при помощи двух порций борща из Союза, огурца, зеленого лука и кислого молока, нечто вроде окрошки; вышло удачно. Сейчас отправлюсь в школу; директорша, наверное, уже пришла, и ее-то мне и надо, для вопроса о справочке. Начну-то я с визита к Пономарчуку, каковой визит она сама посоветовала. После захода в школу пойду за бубликами (куплю) и посмотрю «Вестник». Что-то в последние дни ничего нет интересного в международных событиях.

23/VI-43

Справку на получение хлебных карточек получил без сучка и задоринки. Возможно (если достану книгу), что буду сда-

¹ насколько это возможно.

² факт.

³ по случаю.

вать историю через 5 дней. Никаких особенных новостей международного характера нет. Южные области Италии объявлены «зоной военных операций»; на нашем фронте — «никаких существенных изменений не произошло»; немцы бомбят Волхов и верхнюю Волгу (какой-то населенный пункт). Вот только смущает новый тон, проскальзывающий в сообщении Совинформбюро о 2-летию войны: в конце этого сообщения опять настойчиво повторяется о необходимости скорейшего открытия 2го фронта в Европе в текущем году, говорится, что отсутствие 2го фронта в прошлом году «спасло Германию от поражения», говорится, что «теперь все зависит от того, как сумеют союзники использовать создавшуюся обстановку». Все это сильно пахнет не *Entente Cordiale*¹, а наоборот, критикой действий союзников, неверием в их оперативность, подстегиванием их действий. Или мне это только так показалось? Или это — «дымовая завеса»? Бес его знает. Во всяком случае, это неприятно. Ну и конечно, наши обыватели продолжают твердить о «предателях-англичанах». Хорошо хоть то, что впервые за время войны (*du moins, à ce qu'il m'en semble*²) в этом сообщении совершенно точно говорится о том, что «без Второго фронта победа над гитлеровской Германией невозможна». Без Второго фронта — т.е. без союзников. Это — очень важное признание: значит, сами мы не можем изгнать немцев с нашей территории, без помощи союзников. Все это знали, но это официально признается. Денег осталось 13 рублей; вчера был вполне сыт. Сегодня надеюсь получить конфеты и, быть может, сметану и творог в детмаге (вчера давали, но было колоссальное количество народа, и я надеюсь получить сегодня — если осталось и если дадут). И в гастроном зайду — авось там что-нибудь дают. Есть хочется.

24/VI-43

Получил 800 г колбасы и пятьсот грамм сметаны. Сметану съел, часть колбасы — тоже, а часть продал за 80 рублей (на базаре набросились какие-то командированные). Осталось 50 рублей. Новостей никаких: ни нового немецкого наступ-

¹ Дружественным Соглашением.

² по крайней мере, у меня такое впечатление.

ления, ни наступления союзников; бомбежки, да и только. Встретил Марию Александровну. Настроена мирно; предлагает (моуепnant finances¹, конечно) постирать, погладить и починить что мне надо. Не ловушка ли это (мол, возьмет, а как приду за стираным, так она – «А где обещанные 2000, почему не выплачиваешь?»). Впрочем, вряд ли, на такую подлость я ее не считаю способной, и завтра понесу ей все мое грязное белье, носки, брюки, пижаму. Надоело ходить грязнулей по Ташкенту; хочется блеснуть, да и самому приятно ходить в чистом и не стыдиться своего вида. А заломит она цену не очень высокую. Завтра – в военкомат. Неужели же дадут повестку опять на другой день? Недавно я встретил одного узбека, который тоже в этой самой 4^й трудкоманде, что и я, и тоже призывается в Октябрьском РВК; ему дали новое приписное свидетельство с отсрочкой до 1го января 1944го года! Вот было бы хорошо, если бы я получил такое же приписное свидетельство! Но, может, ему дали, потому что он узбек (по благу, через военкома Исамухамедова), или потому, что он на 1^м курсе САГУ? Если же нет, – то я не вижу причин, почему и я не получу такого же приписного свидетельства, что и он. Впрочем, надеждами себя не обольщаю. Сегодня сыт вполне (как и вчера), съев 600 г макарон, полученных в гастрономе, и продав остальные 600 г утром.

26/VI-43

Rien de neuf.² Явка – 28го, и никакого даже и намека на приписное свидетельство с отсрочкой до 1944го года. Что это за безобразия, в конце концов?! Вот уже скоро месяц, как морочат голову и не дают жить спокойно. Или пускай отправляют куда-нибудь, или пусть дают отсрочку. Надоело. Вчера утром отнес белье хозяйке; часть будет готова сегодня вечером, и я заеду. Трагедия с мылом: нет ни кусочка, последний стибрила девчонка-соседка (у меня дверь не закрывается). Денег нет ни гроша, даже вчера пришлось занять 10 р. у совершенно незнакомого человека в Союзе. Необходимо купить мыло, необходимо оставить денег для оплаты стирки, необходимо оставить денег для хотя бы частичной оплаты

¹ за деньги.

² Ничего нового.

долга в 150 р. молочнице. А денег нет. Откуда им быть? Только от продаж пайка. Вот надеюсь, что в гастрономе будет масло, да в детмаге должны давать мясо за май (или рыбу). У меня всего 240 р. долгов, если даже не считать 70 р. долга Горскому. Вчера был у Горского; не застал, но угостили обедом; правда, не очень-очень, но все-таки лучше, чем ничего. Когда же я кончу *d'être un riche-assiette*¹, когда буду есть нормально? Нет, моя теперешняя жизнь, с бездельем, долгами, отсутствием денег и неопределенностью положения, начинает быть мне серьезно в тягость. Невозможно так долго еще продолжать. Прочел «*Bouvard et Pécuchet*» Флобера (в русском переводе). остроумно, но читать все это по-русски — противно. Видел английский документальный фильм «Победа в пустыне» (о победе 8^й армии в Египте, у Эль-Аламейна и Триполи). Ничего, довольно интересно — и боевая техника у них formidable². *Se que j'en ai marre d'avoir toujours faim.*³ Да, на этот раз, если я получу хлебную карточку, то уж не продам ее — благодарю покорно, слишком есть хочется. Повезет сегодня, нет — будет ли что в гастрономе и детмаге? И почему ни черта не происходит в мире интересного?

27/VI-43

Вчера был у М.А. (вечером). Она еще не стирала. *Je l'ai tapé de 60 roubles*⁴ и кусочек мыла. Стирка будет стоить *dans les 50 roubles*⁵. Она настроена, по-видимому, миролюбиво и здраво, если не считать только того, что задумала, т.к. пишет какую-то стихотворную чушь, в 65 лет сделаться... начинающим писателем! Обещает, что брюки и рубашка будут готовы сегодня вечером. Сегодня вечером зайду. Завтра утром — в военкомат. Меня страшит перспектива вновь продавать карточку. Этого надо во что бы то ни стало избежать. Но я должен 150 р. молочнице, 110 М.А. Откуда я возьму эти деньги? Если мне не удастся сделать какой-нибудь оборот с продукта-

¹ быть нахлебником.

² От *фр.* formidable — великолепная.

³ До чего же мне осточертело быть все время голодным.

⁴ Я у нее стрельнул 60 рублей.

⁵ около 50 рублей.

ми... Вообще у меня не получено 800 гр. масла в гастрономе (за май и июнь). Потом, не получено мясо или рыба по одному июньскому талону. Потом, не получено масло (за июнь) и мясо (за май) в детмаге. Но когда еще я все это получу? А вместе с тем 400 г хлеба, обеспеченных ежедневно, — это большое подспорье, и ужасно не хочется продавать — и опять сидеть и голодать. А на Мулины и Лилины деньги рассчитывать тоже не приходится — когда-то они еще придут... Вчера был сыт — благодаря продаже книг (Верлена, Бодлера, Готье!) и 60 р. М.А. Деньги, деньги! Прямо зачарованный круг; никуда от них не уйдешь. Нет, масло было бы спасительно и освободительно. По моему, в ближайшие дни будут его выдавать. Тогда бы не пришлось продавать карточку. И еще — каждый день дико хочется есть, и денег нет. И не знаешь, что придумать.

28/VI-43

Вчера получил 400 г масла за май месяц; продал за 120 р. — и проел все деньги. Что ж поделаешь — есть-то ведь надо. Был у М.А.; она все еще не стирала; божилась, что все будет готово сегодня; буду у нее завтра вечером (в среду, кажется, пойду на «Цыганский барон», так что хочется, естественно, быть хорошо одетым). Ну, к среде-то она выстирает. Завтра, вероятно, пойду в баню. Сейчас отправлюсь в военкомат. Что-то мне там скажут? Я решил ехать или с драматургами, или с Литфондом, потому что иного пути, чем возвращение в Москву совместно с каким-то хотя бы подобием коллектива, у меня нет. Кроме того, самый главный вопрос — это то, что я самостоятельно не смогу достать билет, а если меня включают в списки отъезжающих драматургов или писателей, то я вношу деньги на билет, и все, и никаких хлопот. Так что придется сделать так именно (если, конечно, военкомат отпустит). Меня смущает, что если приехать в августе в Москву, то уже там кончаются сроки приема в ВУЗы в это время. Но это, я думаю, пустяки, и меня всегда примут даже с некоторым опозданием. Да, все неясно, как никогда. Неясно с военкоматом, неясно, когда и с кем поеду, неясно, что ждет меня в Москве. Вот и живи! Просто бред какой-то нелепый. Неужели человек настолько скован обстоятельствами, неволен располагать своей

судьбой? Mon exemple¹ сейчас — разительный этому пример. Я живу, совершенно не зная, что меня ожидает, живу, не имея никаких перспектив и не строя никаких планов. И надоела мне такая жизнь — дико. Конечно, как и на международной арене, так и для меня, ближайшие месяцы будут решающие. В этом я не сомневаюсь.

29/VI-43

Вчера был в военкомате. Опять то же самое: «ничего не знаем», «ничего не можем сказать» — и повестка с явкой 5^{то} июля (в следующий понедельник). Может быть, это 5ое июля будет решающим днем? Но сколько уже было таких «решающих» дней, которые ничего не изменили в моем положении! Вчера, увы, продал хлебную карточку за 400 р. Заплачу 80 р. М.А., 100 р. — молочнице; часть уже проел; остальное проем сегодня. По крайней мере, вчера наелся досыта урюком, пирожками и в двух моих столовых. «Если бы ты поступил на завод, то тебе бы не пришлось продавать карточку», — возможно, многие так думают обо мне. Ну и черт с ними — пускай думают. А я совершенно не собираюсь ежедневно тратить 12 часов моей жизни на грязные станки. Человек живет только один раз, и жизнь драгоценна. И поэтому я стараюсь ее сделать возможно более приемлемой и сносной. Кроме того, я — не рабочий. Я могу быть полезным переводчиком и литературоведом — и, надеюсь, когда-нибудь этим стану. А для рабочего ремесла вполне годны полчища праздношатающихся беспризорных и ленивых узбеков. И вообще сейчас мода — «завод, завод». Ну и что? Не всем же быть под одну мерку. И пока я смогу не идти на завод, я туда не пойду. Я на это имею полное внутреннее право, право человека, который жил в Париже и Брюсселе, который ездил летом в горы и к морю, человека, хорошо осведомленного политически, человека, который много пережил, много видел, право человека весьма культурного и даже утонченного (*ceci soit dit sans vanité*²). А то, что денег нет, то, что я веду идиотский образ жизни, — это факт. Но завод не даст мне денег, а даст лишь одуряющую усталость, которая заме-

¹ Мой случай.

² это сказано без всякого бахвальства.

нит дневную беготню и безделье. Если оглушать себя, то, во всяком случае, не заводом. Впрочем, en voilà assez sur ce sujet¹. Меня несколько тревожит и беспокоит отсутствие каких-либо событий со времени взятия союзниками группы итальянских укрепленных островов. Я объясняю это дополнительной подготовкой союзников к «очень сложным морским и сухопутным операциям» (по выражению Черчилля) – ничем другим такое отсутствие наступления союзников объяснить нельзя. Любопытны настроения русских. Народ в общей своей массе союзникам не верит и союзников не любит. Рядовой русский человек думает – и говорит – так: «Англичане воюют нашими костями, американцы – наживаются на войне». Вот и вся Entente Cordiale². Ну и конечно, возмущение по поводу того, что Второй фронт в Европе все еще не создан. Интеллигенция же главным образом рассуждает о вопросах послевоенных, причем большинство желает нового НЭПа, ослабления цензуры, «демократизации» и всяких благ, все это под давлением союзников. Вот два основных течения русской политической мысли на данном этапе войны. На нашем фронте – все «ничего существенного». Кто первый начнет наступать? Неужели немцы настолько ослабели, что боятся предпринять новое наступление на Восточном фронте? Вероятно, они опасаются вторжения в Европу и не хотят оттуда брать слишком много войск. Но все – и Черчилль, и всякие обозреватели – говорят, что решающие битвы немцы будут вести на Восточном фронте, что участь немецкой армии решится в России. А наши армии, по-моему, совершенно ясно и определенно ждут вторжения союзников в Европу, чтобы начать свое наступление против войск держав оси. Интересно, создастся ли в процессе войны объединенный англо-совето-американский штаб? У союзников официально такого штаба нет, но фактически система совещаний, миссий и консультаций между штабами и главами правительств соответствует такому штабу. Интересно, какую роль предстоит играть в будущих операциях победителям в Тунисе: Эйзенхауэру, Александеру, Монтгомери? Выдвинется ли нынешний командующий европейским театром военных действий Деверс? Между про-

¹ довольно на эту тему.

² Дружественное Соглашение.

чим, я совершенно уверен в том, что именно в этом, 1943^м г., союзники предпримут наступление на Европу. Правда, никогда ни Черчилль, ни Рузвельт не заявляли прямо об этом своем намерении, но в завуалированном виде и под разными соусами (напр., «мы полны решимости в 1943 году снять с России часть бремени, лежащего на ней», «приближаются исключительно сложные морские и сухопутные комбинированные операции») совершенно ясно для каждого они давали понять, что этот год — год наступления, решительного наступления на Европу. И если они так долго готовятся, то делают это совершенно сознательно, учитывая опыт Дьеппа и совершенно не хотят вновь быть вынужденными, вследствие недостаточной подготовки, вновь, как в Дюнкерке, спешно отступать. Вся подготовка удара должна быть тщательно завершена — тем более мощным и действенным будет тогда удар. Кроме того, вероятно, союзники жалеют людей и хотят, путем подавляющего технического, военного и сырьевого превосходства, компенсировать отсутствие рискованного и «широкого» использования людских резервов (в стиле Роммеля в Африке, да и вообще, в стиле немецкого командования). И они, бесспорно, правы. Во-первых, люди есть люди, и я вполне одобряю соответствующие правительства, если они берегут своих людей тогда, когда это возможно. Во-вторых, люди эти гораздо больше пригодятся общему делу победы, если они будут участвовать в последующих сражениях, чем если, из-за недостаточно полной и совершенной подготовки, они погибнут в первых боях. В-третьих, моральный фактор тоже действует, и люди всегда будут идти за тем правительством, которое печется о том, чтобы этих самых людей было перебито возможно меньше. Надо, по-моему, обладать полным отсутствием трезвого взгляда на события, чтобы рассуждать так, как рассуждало огромное большинство добрых граждан во время сражения у Сталинграда: «Союзники должны немедленно открыть Второй фронт, дабы облегчить действия Красной армии». — А если они не подготовлены к этому удару? — «Все равно, пусть пожертвуют своими людьми для того, чтобы нам помочь. Мы достаточно кровь проливали». Таков был общий лейтмотив. Почти все так думали и говорили, не сознавая, или вернее, не желая сознавать целого ряда простейших истин, необходимость постичь которые никому не при-

ходила в голову. В частности, совершенно забывалось то обстоятельство, что политикой руководит не чувство, а выгода и здравый смысл, тесным образом переплетенные. Ведь это аксиома! Ну скажите вы мне – с какой стати союзникам бросать в котел войны неподготовленных солдат или солдат, подготовленных недостаточно? Зачем им портить эффект своих действий слишком ранним использованием не доведенного до конца производства. Зачем им *рисковать*? На это отвечалось следующее: «Мы достаточно воевали с Гитлером, пока союзники сидели спокойно. Мы дали им возможность спокойно вооружаться». – Но, товарищи, простите! Вы говорите совершенно так, как будто вы, русские, сознательно бились и дрались за союзников! Выходит так, что вы нарочно позволили им вооружаться, оберегая их спокойствие, проливая кровь на советских фронтах! Неужели вы такие великодушные, что из-за прекрасных англосаксонских глаз отбили немцев от Москвы, не пустили их к Кавказу и разгромили их у Сталинграда? – Тут обычно обязательно наш собеседник вставит следующую фразу, служащую в его представлении веским доводом в его аргументации: «А что бы сделала Англия без нас? Что бы от нее осталось, если бы Гитлер пошел на нее, а не на нас?» И тут наш собеседник окончательно сам себя разоблачает, разоблачает полное отсутствие у себя политического здравомыслия и показывает то, что ложнопатриотические соображения, очень близкие к шовинизму и «шапкозакидательству», застилают перед ним действительность. Ибо вот что мы ему можем ответить: «Вопервых, пользуясь постановкой вопроса «если бы», вы отклоняетесь от того, что произошло действительно, от реальной политики; следовательно, вдаваясь в область воображения и фантазии, вы ослабляете вашу аргументацию, делая ее беспочвенной и несерьезной, ибо, чтобы понять то, что происходит, мы должны базироваться на том, что произошло, а не на том, что могло произойти. Могло произойти бесчисленное количество вариантов – но события вылились в данный, определенный вариант, и с этим-то данным вариантом мы должны считаться. Второе: ваша постановка вопроса: «Что было бы с Англией, если бы Гитлер не пошел на нас», кроме вышеуказанной недейственности (в плане объяснения текущего момента), грешит еще тем недостатком, что игнорирует самую элементарную логику. В самом

деле: все знают, что Гитлер — не дурак, и если он пошел на СССР, а не на Англию, то этому были определенные военно-стратегические причины. Путем массированных воздушных налетов на Англию и ее города Гитлер надеялся морально ослабить, «обезвредить» англичан, заставить их морально капитулировать, подготавливая таким образом путь к соглашательским настроениям, подготавливая почву для наименьшего сопротивления германскому вторжению. Гитлер убедился в том, что англичане выдержали жестокое испытание воздушными бомбардировками и что они, как и прежде, тверды в своих намерениях продолжать борьбу до победы над наци и фашистами. Гитлер убедился, что британский военно-морской флот и береговые батареи чрезвычайно сильны. Он увидел, что германский флот не приспособлен к широким десантным операциям. Он увидел это довольно скоро. Он увидел, что Америка полна решимости всецело посвятить себя в дело борьбы с Германией, что она ускоренными темпами поставляет вооружение и самолеты для Англии. Гитлер учел все эти обстоятельства — и решил не рискнуть, ибо он ожидал поражения и неудачи. Гитлер — авантюрист и игрок, вся его тактика и политика насквозь авантюристичны. Если уж такой человек, как он, если такая клика *risque-tout*¹ и авантюристов, да еще опьяненных европейскими победами, не решились вторгнуться в Англию, то становится абсолютно ясно, что все они были уверены в том, что подобная операция неминуемо потерпит крах и что немцы на этот раз потерпят поражение. Но согласно теории блицкрига и своим авантюристическим навыкам, в поисках источников сырья и располагая данными, преуменьшающими значение противника и недооценивающими его силы, немцы решили вторгнуться в Россию. Потерпев неудачу с Англией, они переметнулись на восток. Они даже послали Рудольфа Гесса договориться с англичанами о совместном выступлении против СССР, и тут наш собеседник не задаст ведь вопроса: «А что бы было, если Англия сговорилась бы с эмиссаром фюрера и пошла бы против СССР? Сладко бы нам сейчас было?» А между тем, такая постановка вопроса совершенно равноценна постановке вопроса в смысле том, что было бы с Англией, если бы мы сговорились с Германией.

¹ сорви-голов

Но, во-первых, немцы и не хотели с нами сговариваться. Во-вторых, Англия *могла* пойти с немцами против нас, а немцы даже одни против Англии пойти *не смогли*. Так что такая постановка вопроса, если заниматься предположениями, домыслами и догадками, гораздо жизненнее и реальнее, чем все другие постановки вопроса об англо-русском отношении к этой войне. В заключение – это злосчастное мнение, которое частенько приходится слышать: «Мы проливаем кровь и бьем Гитлера, а союзники сидят сложа руки; мы даем союзникам возможность вооружаться, мы их спасаем от Гитлера». Опять-таки получается впечатление, будто мы – очень хорошие дяди, сознательно борющиеся против немцев, чтобы дать возможность англичанам и американцам спокойно вооружаться и накапливать силы. А между тем это, конечно, далеко не так. Каждому человеку от мала до велика, абсолютно каждому известно, что мы, русские, боремся против врага, который на нас вероломно напал и захватил ряд важнейших территорий. Русские борются за изгнание немцев из СССР и возвращение утраченных территорий. И все. И больше ничего. На нас напали, мы защищаемся, ведем борьбу за свою землю против чужеземцев. Союзники оказались на нашей стороне: хорошо. Но какое право мы имеем от них *требовать* что-либо? Другое совершенно дело, если бы мы сами пошли против Германии и договорились с Англией. Но ведь было как раз наоборот! Мы сторонились англо-германской войны. Мы во время этой войны заключили договор. Мы во время этой войны заключили договор о дружбе с Германией! Мы надеялись в конце концов вытянуть каштаны из огня! Мы надеялись присоединиться к той стороне, которая менее всего ослабнет в этой войне. Мы кормили и снабжали Германию. Все это ясно показывает, что мы не можем иметь права что-либо требовать, на что-либо претендовать. Мы боремся за себя, за освобождение своей страны. Очень хорошо, что нам помогают союзники, оказавшиеся с нами в одном лагере. Но подхлестывать союзников, торопить их и давать им военные советы – на это мы не имеем права. Нельзя принимать позу борца за все человечество, когда борешься за свою хату. Т.е. принимать такую позу можно, но надо знать, что она является именно позой, и больше ничем другим. Если мы действительно очень облегчаем задачу союзникам, сражаясь против основ-

ных сил Гитлера, то получилось это случайно, и сражаемся мы не против фашистов, а против иностранных захватчиков. На фашизм нам было наплевать до июня 1941го г. (Что писалось тогда, до войны, с 1939го г., в наших газетах!) И надо радоваться тому, что союзники — с нами, что они нам поставляют оружие, технику, продовольствие, самолеты и танки, а не заниматься бессмысленной и праздной критикой их бездействия. Таков мой взгляд на события. Будем надеяться, что таков будет взгляд истории.

1/VII-43

Сегодня получил в гастрономе 2 кг мяса; продал их на базаре за 200 рублей, но, увы, 100 рублей у меня вытащили из кармана. На остальные обедал в двух столовых (детской и Союза), обедал с купленным хлебом, выпил литр пива, купил 3 вкусных бублика и 1 кг урюка. Все съел. Теперь у меня варится 450 г мяса. Хорошо, что на июль обеспечены две столовые. Позавчера получил в детмаге 400 г масла; вырученные 100 р. проел. Вчера на «Цыганском бароне» не был (не пошли). М.А. очень плохо выстирала все, что я ей дал: рубашка голубая испорчена ржавыми пятнами и какими-то фиолетовыми разводами, брюки — еще грязнее (даже гораздо грязнее!), чем до стирки. Но она обещала, что все будет готово, подштопано и приведено в порядок 2го числа к вечеру. Неудобно к ней заходить без денег, конечно, но неудобно также делать никуда не годную стирку. Увидим, как она ее завершит, как подчинит и подстирает, что надо. Мясо варится *interminablement*¹. На завтрашние два обеда, пиво и долг в 4 р. нет ни гроша денег. Необходимо зайти в Наркомпрос и поговорить с Журавской насчет аттестата и в Куйбышевском Районе поговорить с какой-то Капитолиной Ивановной, бывшей директоршей нашей школы. *Non pas que je pense que ces visites et conversations puissent changer quoi que ce soit et apporter le succès — mais je veux faire ça par acquit de conscience.*² В итоге мне дадут мой табель четвертных оценок и справку, что я сдал такие-то и такие-то испы-

¹ бесконечно.

² Не то что я думаю, что эти визиты и беседы могут изменить то, что есть, и принести успех — но я хочу это сделать для очистки совести.

ания. C'est piètre¹, конечно, и противно, что получают шикарный аттестат о среднем образовании все ничтожества-одноклассники. Впрочем, on peut toujours se consoler par les considérations d'ordre historique, à savoir que Chopin (ou Schubert ou je ne sais plus qui) ne fut pas reçu au Conservatoire, que tous les hommes célèbres (ou presque tous) furent de très médiocres élèves... Ouais, tout ça est fort joli, mais... Du reste, j'espère qu'étant arrivé à Moscou, avec l'aide des Tolstoï (une simple recommandation écrite de la main du maestro), je m'arrangerai toujours de quelque façon. Par exemple, je n'espère pas beaucoup entrer à l'institut diplomatique (duquel on parle), because, probablement, il faut être membre du «Komsomol» et avoir toutes les notes «très bien» pour entrer là-bas. Si cela échoue, eh bien, j'irai à l'MGU, à la faculté philologique et je me spécialiserai dans la littérature occidentale. D'ailleurs, je vends la peau de l'ours, avant de l'avoir kill. Faut encore qu'on ne me mobilise pas ici, faut encore revenir à Moscou, faut qu'on ne me mobilise pas là-bas... Faut beaucoup de conditions, quoi! De par le monde, rien de fort intéressant. Rien de neuf, sinon que les Anglais bombardent les points militaires grecs. Qu'est-ce que cela signifie? Ils veulent peut-être s'en prendre à la Grèce. Bah, comme disent les Russes – «Dieu seul le sait». Ou Monsieur Churchill.

Ma viande est prête.

A l'ouvrage!

Mes 100 roubles me font diablement râler.

Tache de graisse de provenance directe de la casserole contenant ma viande, ce qui prouve que la viande n'est pas si mauvaise que ça, si elle peut causer une tache de graisse!

можно всегда утешать себя соображениями исторического порядка, а именно, что Шопен (или Шуберт, или не помню кто) не был принят в Консерваторию, что все знаменитые люди (или почти все) в школе учились весьма посредственно... Да-а-а!.. все это

¹ Это ничтожно.

прекрасно, но... Впрочем, я надеюсь, что, приехав в Москву, с помощью Толстых (с простой рекомендацией, написанной рукою маэстро) я всегда каким-нибудь образом устроюсь. Например, я не особенно надеюсь поступить в дипломатический институт (о котором речь), потому что, вероятно, надо быть членом «Комсомола» и иметь «отлично» по всем предметам, чтобы туда поступить. Если это провалится, что ж, поступлю в МГУ, на филологический факультет по специальности «Западная литература». Хотя я, «не убив медведя, продаю шкуру». Еще надо, чтобы меня не мобилизовали здесь, надо еще вернуться в Москву, надо, чтобы меня не мобилизовали там... Надо, в общем, удовлетворить многие условия. В мире ничего особенно интересного. Ничего нового, разве что англичане бомбят греческие военные пункты. Что это означает? Они, может быть, хотят взяться за Грецию? Ба, как говорят русские, «один Бог знает». Или господин Черчилль.

Мое мясо готово.

За дело!

А все же до черта обидно за мои 100 рублей.

<Рисунок пятна с подписью:>

Жирное пятно, произведенное кастрюлей с мясом, — доказательство, что мясо не такое плохое, если может оставить жирное пятно!

4/VII-43

Позавчера занял у Шильдкрета 90 рублей и проел их благополучно в тот же день. Вчера продал на 78 рублей книг — все книги продал: и Валери, и Маллармэ, и даже все книги М.И. И был сыт. Продавая эти книги, я гораздо более ощущал себя преступником, чем когда крал вещи у М.А. и часы у А.Г. Неизмеримо более! Но я рассудил, что если я попаду в Москву, как предполагаю, то там, если мне понадобится, я всегда смогу найти и Маллармэ и Валери в ГЦБИЛ. Вот насчет маминых книг — не знаю. Глупо и преступно против *sa mémoire*¹ то, что я продал эти ее книги с надписями ко мне: «Моему сыну...» и т.д. Неужели я так мало ценю ее память и все наше общее прошлое? Ох, не знаю. Надо все оборвать — и все воскресить; начать новую жизнь, — но которая должна вернуть старое.

¹ ее памяти.

Поди-ка разберись. Но было необходимо продать, parce que la faim me tenaillait¹. Ну что поделаешь? Оказывается, при предыдущей моей продаже меня надул продавец (он теперь снят) рублей на 30–35. Теперь я попытаюсь получить эти деньги обратно (надул товаровед). Сегодня ел только детобед и 200 г хлеба из Дворца пионеров. Дико хочется есть. Черчилль, выступая в лондонской ратуше по случаю избрания его почетным гражданином гор. Лондона, заявил, что «предстоит ожесточенные бои в Средиземном море и в других районах до начала осеннего листопада». Как торжественно! Но утешительно. Телеграмма от Мули, что днями высылает июльские (300 р.). А у меня 370 р. долгов! И я обещал Шильдкрету отдать ему 90 р. на той неделе. Завтра – в военкомат. Читаю «Дневники» Жида.

5/VII-43

Сегодня в военкомате узнал о принятом решении: нам дается отсрочка до 1го сентября; послезавтра я получу соответствующий документ. И очень хорошо. Основное – в пределах этих двух (почти двух) месяцев – это возвратиться в Москву и определиться там в какой-нибудь ВУЗ. А это будет совсем не легко, как и первое, так и последнее. Драматурги еще не знают, когда едут, но вероятно, в конце июля – начале августа. Надо предпринять шаги, чтобы ехать с ними: один я не могу достать билета («нормальным» путем: прийти и купить билет – исключается, ибо там тысячи людей и драки, блата у меня нет никакого, а платить «агенту» 1000 рублей я не в состоянии). Драматурги поедут, по-видимому, раньше всех, потому что пропуска Литфонду даже еще не получены. А мне интерес попасть в Москву поскорее, поскольку, кажется, уже 1го августа начинаются занятия в ВУЗах. И попаду ли я в ВУЗ? That is the question too.² Аттестат за 10 классов мне определенно не дают, а дают табель оценок и справку о тех экзаменах, которые я сдал. Sera-ce suffisant³ для поступления

¹ поскольку меня терзал голод.

² И это тоже вопрос (англ.).

³ Будет ли этого достаточно.

в МГУ, например? J'en doute fort.¹ Вероятно, в Москве придется держать экзамены по русскому языку и литературе, истории, географии и ин. языку. Выдержу ли я такие экзамены (это тебе не школа, а потруднее)? Я, по правде сказать, надеюсь, что Толстые подсобят в этом случае, найдет Л.И. знакомого какого-нибудь, отыщет пути, чтобы облегчить мне поступление в ВУЗ или МГУ. Я, конечно, в этом не уверен, но надеюсь. Итак, все вилами на воде; хорошо хоть то, что на два месяца on m'a foutu la paix avec les affaires militaires². И то спасибо! А что еще будет в Москве? Но в Москве, пожалуй, дело другое: опять-таки, там — Толстые, которые могут устроить в случае мобилизации что-нибудь более потабельное³. Я сижу кругом в долгах и совершенно без гроша. Голодаю 2^й день. Вчера съел 200 г хлеба из Дворца пионеров и детобед. Сегодня по крайней мере часа полтора рыскал по столовой Союза, чтобы найти qui target⁴. Наконец дело увенчалось успехом (но как унижительно и противно), и я там пообедал и в детстоловой тоже. Наконец хожу в чистой рубашке и брюках. И даже в галстуках! Мои одноклассники на три дня уезжают в колхоз, после чего будет вечер. Обязательно надо будет на нем быть, дабы поесть и попить (потому что я надеюсь, что поесть и попить-то будет! В прошлые вечера — их было два — было и поесть и попить). На торжественность и одноклассников мне насрать, а вот поесть и попить необходимо. Так что необходимо не проворонить этот вечер. Мне Горский обещал пригласить меня на вечер их класса, но, вероятно, надует и ничего не сделает. Ну и черт с ним — обойдемся. Эх, с каким наслаждением, будь у меня деньги, я пошел бы сейчас на базарчик и купил булочек, бубликов! Фу, как есть хочется. И сколько вкусных вещей повсюду: в Новом городе коврижка, булочки, бублики, конфеты, огурцы, урюк (абрикосы). В Старом — лепешки, пирожки, плов, шашлык и т.д., глаза разбегаются, и желудок кричит. А я, по-видимому, превращаюсь в идиота. Нет, пора, пора уезжать отсюда.

¹ Сильно сомневаюсь.

² меня оставили в покое с военными делами.

³ От фр. *rotable* — приемлемое.

⁴ у кого стрельнуть

6/VII-43

Лед тронулся: немцы предприняли новое наступление на Восточном фронте. Сводка Совинформбюро гласит: «С утра шестого июля немецкие войска предприняли наступление в районе Орел — Курск, сосредоточив крупные силы пехоты и танков, а также при поддержке большого количества авиации. Все атаки противника отбиты нашими войсками. Лишь в отдельных участках врагу удалось вклиниться в нашу оборону. За день боев уничтожено 586 танков и сбито 203 самолета противника». 586 танков! Это количество за один день колоссально, невиданно; вероятно, мы здесь имеем дело с наступлением чрезвычайно сильным, самым ожесточенным и мощным за все время войны. 586 танков и 203 самолета за день — цифры совершенно невиданные, небывалые и говорящие об огромных силах, брошенных немцами в бой. Итак, Орел — Курск... Курск немцы, вероятно, скоро возьмут. Если только союзники не откроют вовремя Второй фронт, то нам хана — т.е. хана не окончательная, но, действительно, жертвы будут огромные и истощение всей страны еще большее. Нет, теперь союзники должны открыть Второй фронт — если только они союзники. И я абсолютно уверен в том, что в ближайшее время они это и сделают. Ведь для того, чтобы предпринять такое мощное наступление на Восточном фронте, nécessairement¹ надо предполагать, что ils ont dégarni l'Europe², куда и надо ударить союзникам. Вторая новость: вместе с некоторыми членами Генерального штаба погиб в авиационной катастрофе генерал Сикорский. Мне представляется, что эту катастрофу устроили англичане с целью заменить реакционное польское руководство в Лондоне более «левыми» людьми. Третье событие: англичане успешно провели десантные операции на о-ве Крит. Выполнив задание, все войска возвратились на базу. Да, товарищи, лед явно тронулся. И Александр Сергеевич уже побаивается ехать в Москву! Не повлияют ли эти события, действительно, на мое возвращение в Москву? Не отменят ли пропуска? И будут ли продолжать драматурги держать курс на возвращение в Москву в конце июля — начале августа? Все это очень важные вопросы. Сегодня сыт (два обеда, ½ л пива, 2 бублика, 1 кг яб-

¹ неизбежно.

² они обессилили Европу.

лок) grâce à ce que j'ai¹ выудил у оценщика уволенного, qui m'avait roulé² на продаже книг, 50 р. (был у него дома) и продал фуражку за 15 р. И оставил — о благоразумие! — 3 р. на завтрашний детобед, т.к. будут пончики.

7/VII-43

Est venu me rendre visite³ курсант 1^ю Харьковского бронетанкового училища средних танков им. Сталина экс-однопартник Новакович. Ai réussi à le taper de 40 roubles (ce qui porte à 70 roubles ma dette envers lui)⁴. Получил сегодня утром в военкомате документы: приписное свидетельство с отсрочкой до 1^ю сентября. На 30 р. купил одну лепешку и ½ кг урюку; на остальные 10 р. (плюс 3 р., остававшиеся у меня со вчерашнего дня) съел положенные два обеда и бублик. Все время терзает вопрос о деньгах и еде. Все время хочется есть. А как вкусно можно поесть в Старом городе! Да и в Новом можно купить что угодно, были бы деньги. А их нет. Завтра надо будет зайти к М.А. — посмотреть, починила ли она остающееся белье и привела ли в порядок рубашку. Какие пирожки в одной чайхане около театра Хамза в Старом городе! Какие белые лепешки! Только об этом и думаешь. Вот уже полтора года, как я думаю только (или почти только) о еде, полтора года, как я недоедаю. О Боже, как надоело. Кровать осаждают клопы. Необходимо уехать в Москву. Надо будет поточнее узнать, согласится ли Павлюченко (пред. группкома драматургов) включить меня в списки своего эшелона. Если я не поеду с драматургами, то это будет трагедией, потому что тогда я уже не буду знать, когда я смогу уехать, и нельзя так опаздывать на прием в ВУЗы и задерживаться здесь. Скорее, скорее в Москву.

9/VII-43

Vчера journée de veine s'il en fut⁵. Был у моей учительницы (классного руководителя) Валентины Ивановны (celle qui

¹ благодаря тому, что я.

² который меня надул.

³ Приходил ко мне с визитом.

⁴ Удалось у него стрельнуть 40 рублей (итого, мой долг ему 70 рублей).

⁵ день исключительного везенья.

m'a donné du pèze quand, en janvier, je partais — ah mais!.. — pour l'armée). J'ai royalement¹ позавтракал у нее: соленый огурец, хлеб, блюдечко простокваши с сахаром, чай, штук пять гениальных испеченных пышек (ох, люблю всякие пирожки) с урюковым вареньем, и на дорогу дала пышку, два яблока и урюку. И это она назвала: «Простите, у меня ничего нет!» Вот как люди живут: в наше-то время В.И. свободно варганит такой завтрак, да еще все время извиняется, что плохо угостила, что нет сахара и т.п. Да, еда — великая вещь. После этого съел в Союзе блюдо шавли и, дома съев пышку, был сыт предельно. Ai tapé de 30 roubles В.И., ce qui me permettra de manger aujourd'hui² в двух столовых. Вот здорово повезло вчера! И пошел-то я к ней по какой-то интуиции (хотел la taper de 50 roubles³, но этот гениальный завтрак перекрывает с лихвой то, что она дала seulement 30 roubles⁴). Скоро будет вечер выпускной; обязательно приду, т.к. наверное будет жратва и выпивка. Хоть в каком минимальном количестве, но все же ce n'est pas à perdre⁵, конечно. С волнением замечаю, что я все еще палец о палец не ударил для того, чтобы узнать насчет драматургов — включит ли меня Павлюченко или нет в состав своего эшелона. Может быть даже, через какие-то каналы, ведущие в ЦК, я бы и мог достать билет, но сейчас у меня нет просто денег на это путешествие, ни на билет, ни на еду, и потому я остерегаюсь что-либо предпринимать по этой линии и считаю нужным пока что выяснить с драматургами, поскольку они уезжают в конце июля — начале августа, т.е. в то время, когда у меня должны быть получены (по моим надеждам и расчетам, конечно) деньги от Мули и Лили. За 3 дня боев на Орловско-Курском и Белгородском направлениях уничтожено 30 000 немецких солдат и офицеров, 1500 танков и 600 самолетов противника. Противник добился лишь незначительного успеха на Белгородском направлении, и немцы, увидев, что их молниеносный удар на Курск не имел в первый день

¹ (той, которая дала мне немного шишей, когда в январе я уходил — ах, да! — в армию). Я королевски.

² Я стрельнул 30 рублей у В.И., что мне позволит сегодня обедать.

³ стрельнуть 50 рублей.

⁴ только 30 рублей.

⁵ этого нельзя терять.

успеха, благо Red Army была начеку, начали кричать о том, что наступление начала Red Army, а не они. Это — симптом их сравнительной с прошлым слабости. Видят, что их наступление не удастся, и кричат о нашем наступлении и что «германские линии обороны не дрогнули». Конечно! Раз наступают они. Тем не менее, возможно, что им удастся взять Курск, потому что у них очень много танков, пехоты и авиации сконцентрировано на этом узком участке фронта. А союзники — ни гу-гу! Не знаю, что и думать, никто не знает — но все же думаю, что они совсем неожиданно грянут исключительно сильные и действенные комбинированные операции. Все тихо-тихо — значит, идет подготовка. Даже в «Mare Nostrum»¹ тоже ничего не слышно, кроме бомбежек, — значит, что-то назревает. По крайней мере, будем на это надеяться. C'est tout ce qui reste à faire.²

15/VII-43

За эти 6 дней моя жизнь пошла по несколько новому руслу. Однажды вечером я разговорился с одной дамой, которая знала М.И. и которая, кстати, сообщила мне, что «Le Mur» de J.-P. Sartre — книга, которую я так мечтаю прочесть, — находилась в 1941^м г. в библиотеке «Интерлита» и, по всей вероятности, находится там и по сей день (благо ликвидирован только русский «Интерлит»). Кроме того, она мне говорила, что у меня в Москве будут очень широкие возможности использовать знание французского языка. Потом она сообщила, что в парикмахерской, за маникюром, она услышала, что какая-то дама нуждается в уроках французского языка; услышавши это, она ей порекомендовала меня и дала мой адрес. Чуть ли не на следующий вечер, когда я сидел в кругу жильцов и, как всегда, мелекал о международной политике, ко мне подошел один малыш, из числа живущих у нас детей, и сообщил, что «какая-то тетя ждет меня на балконе». Признаться, я опешил и даже испугался, потому что какая же «тетя» могла меня ждать в такой неурочный час? Я шел, смутно ожидая какого-то кирпичика, который должен был

¹ «Нашем море» (лат.).

² Это все, что остается.

рухнуть мне на голову. Наверху, у площадки, стояла какая-то женщина. Я догадался, что это та самая «тетя», приблизился к ней и сказал, вернее, пробормотал, так как она была мне незнакома, нелепое: «Вам кого?» Она меня спросила, я ли сын такой-то. Я подтвердил это, и тут обнаружилось, что «тетя» — это та самая madame из парикмахерской, которой я был рекомендован. Мы спустились обратно по лестнице и пошли в направлении трамвайной остановки на Самаркандской улице. Ночь была темна, но я успел разглядеть, что моя собеседница молода и хороша собой. Мы с ней разговаривали: я нашел ее речь бойкой и остроумной; в общем, эта особа мне понравилась, и это-то и определило мое согласие заниматься с ней по-французски. Мы условились встретиться на следующий день и распрощались. С тех пор я был у нее пять раз. Признаться, когда я пришел к ней в первый раз, то я серьезно боялся, что разочаруюсь (ибо считал это неизбежным после того очень положительного впечатления, которое она на меня произвела ночью), но этого не случилось, и она мне кажется все такой же обаятельной. *Cheveux blonds cendres, yeux en amandes et jaunes, ce qui est rare, et légèrement myopes, ce qui leur donne encore un charme supplémentaire; nez fin, bouche bien dessinée, corps à l'avenant. Elle a fini 4 années de l'Institut Théâtral de Moscou à la faculté de régisseur.*¹ Занимается драматургией, театром. В общем, *ça m'a tout l'air qu'elle ne fout rien*². Живет с сестрой, которая работает администратором гостиницы ЦК. И ей, и сестре 23–24 года. Живут они довольно далеко; ходу туда минут 40–45. Условия — смехотворные (в смысле непрактичности). Занимаюсь я с этой Раей (ее зовут Рая; увы, не люблю этого имени) по 2,5–3 ч. в день ежедневно, и единственное вознаграждение — *je déjeune ou dîne avec elle*³. Но мне просто приятно проводить с ней время, она мне нравится; *tel est mon bon plaisir*⁴, как гово-

¹ Она пепельная блондинка, глаза у нее миндалевидные и желтые, что редкость, и немножко близорукие, что им придает дополнительное очарование, у нее тонкий нос, хорошо очерченный рот, фигура соответствующая. Она кончила 4 курса в Московском театральном институте, на режиссерском факультете.

² ни черта не делает, как мне кажется.

³ обедаю или ужинаю с ней.

⁴ так мне нравится.

рил feu François Ier¹, и этот самый bon plaisir² и заставляет меня ходить к ней ежедневно и, учитывая хождения, тратить много времени на нее. Был с ней в театре: смотрел пьесу Гусева «Жила-была девушка» (Театр Революции); плохо. Обещает доставать пропуска на просмотры фильмов в студию. Вообще я с ней не скучаю. Учю французскому? — Бесспорно. Но еще больше учу Франции, Европе. Учится она хорошо; к языкам способна. Из нее бы вышла прекрасная парижанка. Конечно, есть и «но». Как всегда почти бывает: то, что для данного человека наиболее ценно и интересно, для нас не представляет ничего ни ценного, ни интересного. Так, Бальзак больше всего пекся о своем философском мировоззрении, так же Чехов разводил скучные идеалы в некоторых поздних своих вещах, так же Толстой и его учение. Для них это было самое важное и главное. А для нас — on s'en fout³, и интересуемся мы не идеями авторов, а «Человеческой комедией», «Дуэлью» и «Палатой № 6», «Войной и миром». Конечно, аналогия не совсем «пропорциональна», но вот эта девица все, всю душу вкладывает в режиссерство, драматургию, театр и прочее, что мне абсолютно чуждо и даже враждебно. Вот это и есть «но». Но пока оно не мешает нашим отношениям. Это увлечение, конечно, очень приятно, но что же Москва? Вот уже месяц, как я получил пропуск, и месяц il sera encore valable⁴. Только неделю тому назад я выяснил, что я могу ехать (когда получил отсрочку в военкомате). За эту неделю дело не продвинулось ни на йоту к отъезду. Драматурги меня с собой не берут («мало места», «и своих-то не уместим»); пошел к Ахматовой — «сейчас ничего не вижу, что могла бы для вас сделать» (к Ломакину отказалась обратиться, мол, слишком маленькое дело, чтобы обращаться к «главе государства»). В общем, лед и отказ. А билета «так не достанешь», что же делать? Положение решительно критическое. Думаю пойти в Наркомпрос поговорить с Журавской — может, через Наркомпрос можно получить билет в Москву, но сделаю я это только после того, как получу (если получу) пропуск в дет-

¹ покойный король Франциск I.

² так мне нравится.

³ начхать.

⁴ он еще будет действительным.

маг на июль, могут и не дать, благо кончил школу. Через Союз писателей нечего и пытаться; Алимджан смог бы, но, конечно, ничего не сделает, благо почти совсем меня не знает — и вдобавок узбек, да еще порядочная сволочь, *par-dessus le marché*¹. Вот. Так что *je n'ai pas idée*², что я смогу сделать. Потом, беспокоит меня проблема карточки на август — ведь я сейчас нигде не числюсь, ни в школе, ни в ВУЗе, так что очень вероятно, что карточки мне не дадут, а это будет очень плохо, это будет форменный скандал. Хожу в чистой рубашке, данной М.А. взамен испорченной ею в стирке моей прежней. Часто моюсь и чищусь, благо *la femme*³... Вчера М.А. одолжила мне 30 р., которые проел в столовой и на ½ кг урюка и 2^х бубликах. Стирка — 50 р., долг в деньгах — 90; значит, «глобально» я ей должен около 150 р., и она еще мне шьет брюки и несколько раз давала есть, что было. В детмаге уже дают за июль 2 кг 100 г макарон, любимых моих макарон! Но пока что еще я не получил карточки; получу я или 17го, или так 20го числа (а могут заартачиться, сказать, что кончил школу; тогда я взмолюсь, чтоб дали, т.к. это в последний раз, потому что в августе я уезжаю в Москву). Должны дать обязательно. Итак, М.А. я должен 150 р. (но если я ей подсыплю грамм 400 макарон, то долг этот может подождать), молочнице (которая скандалит из-за того, что я не плачу) — 150, Шильдкрету — 120 рублей, маленькие долги знакомым — 35 р. А уехавшим Горскому и Новаковичу 140 р.! Но они уехали, так что этот долг не угрожает. Вот жду со дня на день Мулькиных 300 июльских рублей; по моим расчетам, они должны прибыть 16го — 18го. Из них прежде всего заплачу 120 р. Шильдкрету; он самый симпатичный, ему первому я и плачу. Он ждет пропуска; досадно, что он его еще не получил, потому что он обещает взять меня с собой, как только получит: у него есть билетный блат, но который он будет и может использовать только в случае собственного отъезда. А с ним бы я с удовольствием поехал. Эх, жизнь! Английские и американские войска 6 дней тому назад высадились в Сицилии и уже заняли Сиракузы, Джелу и Ликату. Громят войска держав оси и продвигаются вперед согласно намеченному

¹ сверх того.

² я не представляю.

³ женщина.

плану; авиация непрерывно бомбит Сицилию. Кроме того, союзные войска высадились около Катании (Сицилия). На острове действует 15ая армейская группа в составе 8^й английской армии, 7^й американской армии и канадских войск. Сицилия отделена от Италии проливом шириной в 3,5 км, et c'est tout dire¹. На Орловско-Курском направлении немцы, так и не добившись успеха, крупных атак не возобновляли, а на Белгородском продолжали ожесточенно штурмовать наши позиции — но все же ничего не добились. Похоже на то, что новое наступление немцев, имевшее целью взять в «котел» наши войска, расположенные у Курска, и занять сам Курск, похоже на то, что это ожесточеннейшее, поддержанное огромными силами наступление провалилось с колоссальным уроном и потерями для немцев. Да, вероятно, так оно и есть. Какие это, к черту, немцы? Даже на одном участке фронта, бросив такие силы, они не сумели прорвать нашу оборону. Это уже не те страшные немцы; они повыдыхались. Денег нет — как каждый день. Обычно хожу к Рае в 9 ч., сегодня пойду к 5.30.

17/VII-43

В последние дни, в связи с хождениями к Рае, ритм моей жизни участился. Вчерашний день, например, можно вполне справедливо назвать лихорадочным. Утром я поехал к Рае, позанимался с ней, позавтракали вместе, а потом поехали до улицы Кирова и болтали по-французски (она, деспот, все время exige², чтобы мы говорили только по-французски). Потом расстались, условившись, что вечером пойдем в кино; купить билеты должен был я. А денег у меня — ровным счетом ничего. Поехал я к хозяйке (М.А.). Ничего у нее не готово: ни брюки не сшила, ни китель не починила — по лени и бестолковщине, не думаю, что по злому умыслу. Пришел, прошу у нее одолжить денег. Денег нет; надо ждать, пока придет кто-то с их двора и занять у этой женщины денег. Иду за хлебом. Хлеба нет (а М.А. всегда мне дает хлеба, зная, что хлебную карточку я продал, а денег на столовую нет). Женщина все не приходит, денег нет. Положение трагичес-

¹ и этим все сказано.

² требует.

кое; не то, что я не жрал, плохо, но то, что я не смогу купить билетов, ударюсь в грязь перед лицом Дульцинеи, ибо это всегда Дульцинея, а наш брат всегда должен быть хоть на йоту рыцарем, так уж повелось... Жду, жду... иду во 2^й раз за хлебом. Ура! Хлеб есть. Беру 800 г, несу хозяйке. Она отрезает мне ломоть. Я благодарю и ухожу на Алайский базар, где продаю ломоть за 13 р. Тут дает себя знать голод, иду в столовую ССП, съедаю 2 вторых; иду в кино. Очередь! Остаются только билеты по 6 р., а у меня всего 10. Что делать? Мечусь, мечусь... Наконец какому-то узбеку – чистильщику сапог продаю с...ный хозяйский галстук за 2 р. и покупаю наконец 2 билета на 11 ч. Честь спасена! Иду домой, сру, моюсь, потом встречаюсь с моей Раей, идем к ее сестре, потом к ней домой, закусываем, едем в кино, садимся не на свои места (она плохо видит издали), смотрим плохой фильм, потом я ее провожаю домой далеко-далеко; мы устали, болтаем... Потом я долго жду последнего трамвая, возвращаюсь домой и ложусь спать совершенно vanné¹ (да и Рая тоже vannée²). Сегодня к ней к 5.30. Уф! 15го обещали броню ЦК на билет (говорят, с такой броней гораздо легче получить билет), 15го получил телеграмму от Лили: «Деньги высылаю на днях». Очень хорошо, что будут деньги; значит, мою телеграмму получила. Интересно все-таки, как выйдет с броней и билетом и когда я поеду в Москву. Рая тоже, под моим влиянием, начинает стремиться в Москву, пишет письма о пропуске и т.д. Я смутно, и даже не смутно, опасаюсь, что меня забреют в армию, как только я приеду в Москву. Но rien à faire³ – рискнуть надо. Здесь базары, спекуляция, гниль, болота, тина, нет французских книг, бескультурье, и новости слишком поздно доходят, и мало – почти нет – своих людей. Там знают маму и будут всегда готовы мне помочь, там столица, МГУ, и ГЦБИЛ, и центральная «Правда» со свежими новостями, а не засранная «П<равда> В<остока>» в один листок величиной. Там Толстые и возможности работы; оттого надо ехать туда. Правда, там лесозаготовки, воздушные тревоги, мало жратвы, плохой климат – но там здоровее атмосфера и можно шире развернуться, чем здесь, – если, конечно, не забреют, что всегда может

¹ измученный.

² измученная.

³ ничего не поделаешь.

случиться. Успешное наступление наших войск в районе Орла. Неужели мы наступаем на сам гор. Орел и возьмем его? Это было бы здорово. А немецкое наступление на Орловско-Курском направлении провалилось. Единственный участок фронта, где положение еще неясно, — это Белгородское направление, куда немцы бросают свежие силы, танки и резервы. В Сицилии дела тоже хороши; союзники продвигаются вглубь острова; туда прибыли главнокомандующий средиземноморским театром военных действий генерал Эйзенхауэр и его заместитель генерал Александер. Сформировано новое польское правительство. Приветственная телеграмма Сталина Giraud и de Gaulle'ю по поводу 14 juillet. Very good.¹ Откуда-то несет жареным луком и томатами; заманчивые запахи. Mais je n'ai rien à dire², т.к. сегодня предстоит вечер (выпускной) нашего класса; предвидится плов, винегрет, пироги с урюком, пиво! Так что нажрюсь на славу (во всяком случае, постараюсь нажраться до отвала). И тем не менее не хочу пропускать occasion³ поесть в столовой. С какой стати я не съем 4 пирожков с капустой (2ые)? Но денег нет. Еду к М.А. — пусть постарается достать обязательно. А вечером подзакушу вместе с Раечкой. Интересно, удастся ли вечер (côte⁴ жратва; le reste-je m'en fiche⁵). Плохо, что у меня дикий летний понос (по-моему, из-за отсутствия хлеба). Читаю «Дьявол» А.Неймана (про Olivier le Barbier и Louis XI⁶). Очень увлекательно, quoique trop modernisé⁷. Попытаюсь получить пропуск в детмаг в Наркомпросе (тогда еще не выдавали); обещал хозяйке принести 400 г макарон. Интересно, достану ли денег на обед.

18/VII-43

Был вечер. В общем, удался. Поел на славу, хотя очень досадно было то, что не смог захватить ничего домой: дома все вкуснее, и я люблю есть в одиночку и без болтовни. Mais

¹ 14 июля (*фр.*). Очень хорошо (*англ.*).

² Но мне нечего жаловаться.

³ случай.

⁴ с точки зрения.

⁵ на остальное мне плевать.

⁶ Оливье цирюльника и Людовика XI.

⁷ хотя слишком осовременено.

ressi importe.¹ Вчера получил пропуск в детмаг и 2 кг 100 макарон. Это хорошо. Вчера М.А. брюки не докончила; обещала докончить сегодня; когда окончит (если окончит), то буду их носить, а теперешние отдам в краску – может, станут презентабельнее. Вчера в 5.30, как было условлено, был у Раи. Ждал ее часа полтора, но она не пришла (она часто опаздывает). Попросил хозяйскую девочку передать ей, чтобы она мне позвонила до 1 ч. дня. Сейчас – около часа, и она еще не звонила. В ближайшие полчаса уйду пообедать в детстоловой и зайду к М.А. занести ей макароны (400 г). Я должен это сделать, т.к. должен ей денег, и все равно останется у меня 1 кг 700 – на 4 раза поесть, так что эти 400 г, к тому же обещанные, меня не разорят. К тому же ferment² рассчитываю, что есть-то их мы будем вместе (так и договорились). Уходя, оставляю записку с просьбой, в случае телефонного ко мне звонка, сообщить, что я буду дома к 4.30 и спросить, что передать (на случай, если Рая позвонит). Если она не позвонит, то я, попирая законы собственного достоинства, поеду к 5.30 к ней. Мне не хочется терять с ней связь; она мне нравится. Если ее не будет дома, то ждать ее не буду (хватит унижаться – не перед ней, je m'en fous³, – а перед хозяевами) и оставляю заранее заготовленную записку по-французски; она должна быть и достойной, и остроумной et tout et tout⁴. Эта Рая мне нравится, что ж поделаешь. Билетная броня ЦК будет на август месяц. А Dieu Vat. План дня есть.

Soir du même jour⁵

Сегодня – исключительно неудачный день. Утром Рая не звонила; был у М.А.: ну конечно, брюки и не думала шить, не готовы; в детстоловой век стоял в очереди, пропотели брюки. Пришел домой – никто не звонил. На всех парах поехал битком набитым трамваем к Рае. Она – дома, так же как и сестричка. Выходил от них какой-то толстый тип, и когда я вошел – взрыв хохота, потому что, видимо, обо мне

¹ Но неважно.

² твердо.

³ мне плевать.

⁴ и все такое.

⁵ Вечером того же дня.

только что говорили и, вероятно, *en termes ironiques*¹, раз все расхохотались. Мясо, помидоры: Рая готовит *tomates farcies*². Сказала: «Не сердитесь» (за то, что вчера не пришла); она задержалась — как ни в чем не бывало. Мне не понравился ее легкомысленный тон; ведь все-таки ждать полтора часа — не фунт изюму. Впрочем, моя же вина: никто меня не просил. Назначила на завтра 9.30. Утром-то она всегда дома, но если она назначит вечером и опять опоздает, то я уйду без всякой записки; *j'en ai marre de ces*³, мягко сказать, небрежности, и если она захочет продолжать занятия, то пусть позвонит. Почему-то предвидится мне разрыв с ней. Не понравились мне ее частые опоздания, не понравилось то, что она не позвонила сегодня, не понравился взрыв смеха. *Espérons*⁴, что все это загладится. Но унижаться и пресмыкаться можно лишь до известных пределов — и не впускую. *Avis à Raya*.⁵ Вечером М.А. испортила 400 г макарон, сделав, по глупости, что-то вроде сраной несъедобной затирухи; брюки не готовы; зайду за ними завтра. Дала подушку; и то хлеб. Связался я с полоумной, вперед наука. Варю макароны. Рая дала 10 р. на грамматику; истратил на бублик и 1 печенье; важно опять иметь эти 10 р. Как все глупо, сложно, противно.

21/VII-43

Так долго не писал из-за отсутствия бумаги; только сейчас догадался использовать *un vieux carnet*⁶ собственных стихов, недописанный. Мое положение — плевое. Денег нет ниоткуда, живу буквально чудом, приходится у всех кланяться и голодать, пробавляясь отказами в займах и мечтами о булочках. А главное, настроение все испорчено Раей. Занимался я с ней 12/19го, назначила она в 6 час. вечера 20го вчера — и, по обыкновению, не пришла. Была ее сестра, попросил ее передать Рае, чтобы та позвонила мне сегодня от 16.30. И вот — жду, и вот — не звонит. Ну, допустим, что она не хо-

¹ иронически.

² фаршированные помидоры.

³ мне здорово надоели.

⁴ Будем надеяться.

⁵ Пусть Рая знает.

⁶ старую книжечку.

чет больше заниматься, — то ли потому, что времени у нее на это нет, то ли потому, что мое преподавание ее не устраивает. Хорошо, так будь же культурным человеком, скажи: по такой-то или такой-то причине я не могу с вами больше заниматься. И баста. И я превосходно пойму. Но что это за манера опаздывать, не звонить и т.д. — допустим, чтобы «отшить»! Так не делается, так не должно делаться. С одной стороны, мне не хочется опять унижаться, а с другой — мне очень не хочется неясности. Хочешь заниматься — назначай тогда, когда бываешь дома, не хочешь заниматься — скажи об этом прямо. По правде сказать, я так одинок, что меня тянет к этой Рае, и я хочу выяснить положение. Неужели же я, пренебрегая заботами о собственном достоинстве, часам к семи-восьми поеду к ней? А вдруг она за это время позвонит? Вот, чорт возьми, *la femme*¹! Усложняет дьявольски жизнь. А без осложнений — скучно. Поехать, не поехать? Вероятно, все-таки поеду. Лугин твердо обещает броню на август на билет в жесткий вагон. Меня очень смущает отсутствие денег и невозможность поэтому отправить срочные телеграммы Муле и Лиле (Муле — о деньгах, Лиле — о том, что буду в Москве в первой половине августа). Ехать рассчитываю через две недели. От Литфонда получу, вероятно, 500 р., от Лили и Мули *ensemble*² рассчитываю получить тысячу рублей. *En tout*³ — полторы тысячи. Взвесив *le pour et le contre*⁴, я решил известить М.А. о моем отъезде и <просить> помочь мне уехать. Она согласна и обещает сшить телогрейку и дать кожу на ботинки. Если бы я знал, что у меня действительно будет телогрейка, то это меня бы очень облегчило — не пришлось бы тратить 500 р. на покупку ватника на базаре. Я поставил вопрос так: сейчас у меня денег нет, и поэтому заплатить вам за то, что вы сделаете, я не могу. Но в Москве я продам выгодно рис и сахар, которые я здесь куплю, буду хорошо зарабатывать и все, что надо, вам выплачу так же, как выплатил вам те 3.500 р. Если верите мне, помогите мне уехать, не верите — скажите это, и я постараюсь обойтись без вашей помощи. Она согласилась на все,

¹ женщина.

² вместе.

³ всего.

⁴ все за и против.

что я ей сказал, и обещала сделать все, что может. Вот не знаю только, осуществит ли она свои благие намерения или нет: ведь голова у нее порядком дырявая, хотя ей только 66 лет. И то хоть хорошо, что брюки будут (они уже готовы, осталось только выгладить). В общем, увидим. Пока что удивительно подкашивает отсутствие денег. Завтра утром заявлюсь к М.А., как условлено (за брюками); может, она получит сегодня денег и «подсыплет» мне рублей 30. Это позволит мне пообедать и отправить две вышеупомянутых важных телеграммы. Завтра, вероятно, получу пропуск в распред. Мое решение принято: сегодня, *quoi qu'il en coûte à ma fierté*¹, я поеду к Рае, заранее приготовив записку (в случае если не застану ее), чтобы она завтра от 5 часов или позвонила мне, или зашла. Я должен выяснить, что к чему *dans cette histoire*². Мне противно унижаться (из-за ее хозяев, которые все время на глазах *et suivent les péripéties de cette histoire*³), но ничего не поделаешь.

22/VII-43

Вчера был у Раечки, занимался, болтали, провожали друг друга и пр. Назначила мне сегодня на 9 ч. утра. Когда я пришел, то оказалось, что она укатила в Янги-Юль, потому что там находится какой-то институт, возвращающийся в Москву, а в этом институте у нее знакомый, ну и она хочет воспользоваться этим для возвращения в Москву. Хотя она вчера и уверяла, что горит желанием заниматься и т.д., однако сегодня утром она даже не оставила записки. Что за невоспитанность все-таки. Вот оно — отсутствие подлинной культуры. Как бы ты ни говорила там об искусстве, драматургии и французской литературе, но твое нутро, увы, некультурно. Во всяком случае, Янги-Юль близко от Ташкента (1 ч. 30 езды), но я решил больше не заходить к ней. Если она приедет обратно и захочет продолжать занятия, то пусть заходит ко мне или звонит; с меня унижаться хватит; надо знать меру. На этом и покончим с этим этапом, с этой страницей моей жизни; зайдет, позвонит она — хорошо; не

¹ чего бы это ни стоило моей гордости.

² в этой истории.

³ и следят за перипетиями этой истории.

идет — и не надо. Боюсь лишь своего слабоволия, которое понудит меня через два-три дня зайти понаведаться к ней, что и как. А положение мое продолжает оставаться предурным. Денег нет ни от Мули, ни от Лили. Я боюсь, как бы они не подумали, что я мобилизован в армию и оттого не слали деньги, учитывая, что я долго молчу. Вчера взял у Раи 30 р., но, хотя необходимо отправить две телеграммы, прожрал эти деньги, потому что в последнее время опять голодаю. Брюки, конечно, не готовы (вернее, не выглажены), но М.А. дала 10 р., что позволит мне пообедать в столовой Союза сегодня. Да, положение хреновое, прямо-таки надо сказать. Надо, чтобы Муля и Лили знали, что я уезжать должен через 2 недели — т.е. что в течение этих 2^х недель мне необходимо получить от них деньги. А я лишен возможности их об этом известить, потому что нет денег на телеграмму! А пожертвовать деньгами на обед нет силы — ведь надо же что-то есть. Сегодня получу, вероятно, пропуск в распред; сегодня же подам заявление в Совет Литфонда о выдаче мне в связи с отъездом в Москву и тяжелым материальным положением 1000 рублей. Тысячи рублей они не дадут, а 500 должны дать. И то будет хлеб. Я решил, между прочим (конечно, если будут деньги), ватник купить и ботинки починить. Рассчитывать на эту почти *tombée en enfance*¹ М.А. и строить на ее помощи планы я не могу. Если сделает телогрейку и даст кожу на ботинки — тем лучше, тогда в последний момент я успею продать что-либо из этого. Но я не думаю, что она сделает это, — слишком любит она все откладывать и безалаберничать, да и работать быстро разучилась. На нее рассчитывать нельзя. Да, положение плевое. А может, понадеяться на Лугина, что он подсыпет рублей 10, и дать эти телеграммы? Увидим. Деньги очень нужны. Лугин говорит, что билеты будут плацкартные. Тем лучше. Но деньги, деньги.

*Soir du même jour*²

Пишу от нечего делать. Сегодня, по крайней мере, пообедал и в детстоловой и в столовой Союза и послал обе телеграммы, все это благодаря 30 р., одолженным Шильдкретом,

¹ выпавшую в детство.

² Вечером того же дня.

ce qui porte ma dette envers lui à 150 roubles¹. Обед в Союзе был хороший (суп из головы бараньей, пирожки с требухой). Par exemple², что меня страшно раздосадовало, это то, что перед носом в детмаге колбаса кончилась — а ведь мог получить 800 г превосходной колбасы! А теперь, когда она только еще будет, а вернее всего, и совсем не будет, а будет или сраное мясо какое-нибудь, или рыба, которая не нужна никому совсем. Досада большая. Хорошо, что телеграммы отправлены. Брюки совершенно готовы: только выгладить осталось. Завтра возьму их, вероятно. Я себе не представляю, как я буду тащить весь мой багаж; по моим расчетам, продовольствие на дорогу будет весить от 10 до 15 кг. В самом деле: на 5 дней хлеба — 2 кг, 2–3 кг колбасы, 5 кг яблок, ну огурцы там или что еще; так и выходит. Встретил сегодня дочь Эфроса; она тоже едет и предложила ехать с ней; может, стоит (в смысле того, что будет перепадать от ее жратвы и вообще вдвоем веселее). Я за ней бегать не буду, пусть заходит сама, раз сама предложила. Вот только болтовни и толков в связи с этим очень опасаясь. А как было бы необходимо взять в Москву хотя бы два, хотя бы одно кило сахара! Здесь заплатишь 350 р. за кило, а там тебе дадут раза в два, а то и в три больше, это известно. Именно сахар там ценится. Но деньги, деньги. Нет денег даже на обед, а я говорю о двух кг сахара! Страшно важно обеспечить себя на дорогу и не проесть деньги до отъезда; да, это будет трудно. Все зависит от того, какие будут поступления. Я рассчитываю минимум на полторы тысячи: 500 от Мули, 500 от Лили, 500 из Литфонда. Заседание Совета Литфонда должно быть через 3 дня, в понедельник; на нем, вероятно, будет разбираться мое заявление. Ох, и изголодался же я. Когда была Рая, голод был незаметен, j'étais occuré³, а теперь — беда. Да, сложно все очень. Плохо также то, что я буду получать деньги по отдельности от Лили, Мули и Литфонда, и nécessairement⁴ они будут расплыться по каждодневной жратве. Получил пропуск в распред; и то хорошо; авось за две недели à suivre⁵ что-ни-

¹ что увеличило мой долг ему до 150 рублей.

² Например.

³ я был занят.

⁴ неизбежно.

⁵ последующих.

будь да дадут. Полагается 1200 крупы или макарон, 400 г масла и, кажется, 800 рыбы, мяса или колбасы. И в детмаге должен же я что-нибудь получить. Эх, жалко, что колбаса не досталась! Авось еще достанется. Теперь я знаю, что вплоть до самого отъезда у меня обеспечено два распреда. Это хорошо, но все это — в будущем: будет колбаса, будет мясо, будет то, будет другое, будут деньги. Мечтаю получить макароны в гастрономе, наварить и сожрать. Вообще у меня опять «желудочная лихорадка». Завтра утром — плестись к М.А. за брюками, на обед денег нет... Тьфу! А животик так и подмывает. Red Army наступает в 15 км от Орла, в Донбассе. Очень good¹. Написал big letter to Alia². Спать. Ботинки разваливаются.

23/VII-43

Сегодня я более или менее сыт. Продал последние шерстяные кальсоны за 70 р., из которых получил 30, а остальные 40 р. будут в понедельник или во вторник. Купил два бублика и ½ кг яблок, съел два обеда в Союзе и детобед; касирше столовой Союза все должен 5 р.; завтра обязательно надо будет отдать. В распреде ничего нет; в детмаге обещают брэнзу или селедку. Брюки все еще не выглажены. На М.А., вероятно, рассчитывать не придется, да я и не буду рассчитывать. А денег из Москвы все нет и нет. Что за диво? Орел окружен нашими войсками, но почему-то не кажется мне, что его возьмут de sitôt³. В Сицилии ожесточенные бои в районе Катании; войска держав оси повсюду отступают на север, к Мессине. Обстрел военно-морским флотом союзников итальянского порта Кротоне. Опровержение ТАСС: немцы сообщили, что советские войска пытались высадиться в районе Варда (Норвегия), но десантные суда были вынуждены повернуть обратно под огнем береговой артиллерии Варда, потеряв 10 судов. Мы опровергаем с начала до конца это сообщение как вымышленное и «подтверждающее лишний раз поговорку: у страха глаза велики». Какие-то американские газеты пишут, что Сицилия — это не Второй

¹ хорошо (англ.).

² большое письмо Але (англ.).

³ так скоро.

фронт. Бросьте трепаться! Вечно недовольны. Возможно, что к 8 часам вечера поеду узнать, приехала ли Рая из Янги-Юля.

24/VII-43

Получил т/п в 300 р. от Мульки. Шел неделю. Отдал 100 р. Шильдкрету (остаюсь должен 50), побывал в парикмахерской (постригся, побрился, вымыл голову), съел бублик, 2 соленых огурца, 3 штуки печенья, один пончик, выпил стакана 3 воды с сиропом, отправил срочную денежную телеграмму Мульке, купил билет на «В Старом Чикаго» (фильм дублирован на русск. язык, играют Tygone Power, Don Ameche, Alice Faye). Осталось 100 р. (заплатил 25 р. за комм. услуги). Был вчера у Раи; она, оказывается, не уехала в Янги-Юль. Она занимается какими-то спекуляционными махинациями с какими-то одесситами (поездки в район, покупаются там продукты, здесь продаются). Я ее ругаю за это, но постараюсь выполнить ее поручения касательно Москвы. Она умная. Союзники в Сицилии взяли Палермо, Марсалу и Трапани и продвигаются к Мессине. Молодцы. Сейчас иду в кино.

Soir du même jour¹

К исходу сегодняшнего дня деньги кончились. Туда-сюда, печенья, огурцы, помидоры, обед... Ну и аллах с ними, с деньгами. Брюки слишком короткие и узкие, но лучше, чем грязные прежние. Во вторник должны быть кальсонные 40 р., и М.А. божится приготовить рубашку, заштопать блузу и т.д., но я даю голову на отсечение, что ничего не будет сделано. Сыт сегодня. Читаю Леонова «Саранчуки». Хорошо. Приятный язык, свободный. Мутит меня Рая. На что я ей, на что она мне? Бесконечные разговоры о жизни, о людях, о вкусах, о книгах... К чему мне эти amitiés² впустую? Такая может быть только жена. Я себе прекрасно представляю: я знаменитый писатель, встречаю Раю, мне нравится ее ум и изящество, ее интересуется мое имя и моя личность (через книги); я ей предлагаю выйти за меня замуж, она соглаша-

¹ Вечером того же дня.

² дружбы.

стия, и мы уезжаем. А сейчас она мне не нужна совсем, ибо нельзя же только говорить с женщиной, а денег на развлечения и пр. у меня нет. А я ей нужен очень мало, ибо французский язык – призрачное увлечение, а интерес, который я представляю в ее глазах моей биографией и т.п., скоро истощится. Она обожает театр, драматургию и пр. Я все это не выношу, весь этот смрадно-эстрадный мир. И я слишком молод для нее, хотя культурнее ее и больше знаю. Я не могу повелевать, направлять, а это всегда необходимо с женщинами, они этого всегда ждут, а сейчас я ничего не могу сделать. Мне сейчас нужна была бы красивая чувственная женщина, удобная любовница. Лучше всего сейчас – этак лет в 30, женщина-любовница с материнскими инстинктами. Самое лучшее! Это мне нужно. Рая красива, но не чувственна, по натуре своей, вероятно, несмотря на то, что считает, что преодолела этот период. Вообще она слишком подобна мне, слишком опустошена, чрезвычайно нездорова; ну а мне нужна такая женщина, которая «дополняла» бы меня своим здоровьем; Рая же слишком умна и тонка. А впрочем, быть может, будет привязанность – *bons amis*¹? С женщиной это странновато. *Après tout*², пусть считают нас любовниками, мне же лучше. Но я могу себя чувствовать *à l'aise*³ только тогда, когда я трачу деньги на женщину, пускаю пыль в глаза, в некотором роде. Я должен направлять, быть хозяином положения; с Раей этого нельзя. Н-да, сложно. В понедельник ее, вероятно, не будет или что-нибудь в этом роде. И почему-то меня тянет к ней. Ведь в Москве, если она приедет туда, она чхать на меня будет. Да... она хочет мне дать ряд поручений в Москву, чтобы выволить ее отсюда. Но она колеблется, ехать или нет, боится страшной мстительной бомбежки Москвы, думает поступить в театр ДКА и продолжать легкую здешнюю жизнь... Я ее упорно агитирую уезжать в Москву. Н-да... Э-эх, здорово, что бьют фашистов в Сицилии и у нас. Неужели Red Army возьмет г. Орел?! Он окружен. В Италию, вероятно, скоро после окончания дел в Сицилии вторгнутся союзники. Сталинград – № 1, Тунис – № 2, Сицилия –

¹ добрые друзья.

² В конце концов.

³ свободно.

№ 3, вот поражения. «Incendie de Chicago» не понравился, дубляж мерзкий, Alice Faye корова, музыка не запоминается.

25/VII-43

Сегодня произошло одно неприятное происшествие. Я обнаружил исчезновение одного из моих дневников, причем, по всем признакам, похищение было совершено сегодня. Что за бред? Кто мог польститься, и зачем такая кража? Кому это нужно? Нет замка у меня на двери, вот в чем дело. Кто взял? Завтра повешу на двери надпись: «Настоятельно прошу вернуть красную книжку». Мои дневники — единственно ценное и нужное для меня. Очень неприятно это, противная история. Кто-то сейчас читает мой дневник? Его взял, бесспорно, кто-то из дома. Я даже не знаю, кого подозревать. Вернее, я подозреваю четверых человек, только кто-либо из них мог совершить кражу. Завтра посоветуюсь с Шильдкретом. Прочел превосходную «Белую ночь» Леонова. И «Саранчуки» тоже очень неплохо. Вообще пишет он здорово. Продал сегодня за 180 р. (с ее согласия) брюки М.А. и хожу в грязных старых. Сыт сегодня; осталось 90 р. Завтра обязательно надо повесить записку. Я начинаю иметь конкретные подозрения. Я рискну завтра один шаг в этом плане. Может, он ничего не даст, а может, и удастся. Ума не приложу все-таки, кто мог это сделать. Тут надо быть глубоким психологом. Увидим, что даст завтрашний день.

26/VII-43

Сегодня получил в гастрономе 1 кг 200 риса и 900 г рыбы. Сварил 1 ½ стакана, прикупив масла 50 г; очень вкусно. Забыл написать: вчера пропала также моя книжка стихов и прозы за 1941—1942 гг. «Проба пера». Очень жаль. Теперь я совершенно ясно догадываюсь, кто это сделал, но я-то сделать ничего не могу. А сделала это соседка-девчонка, работница, и, конечно, из глупого любопытства; она вообще нечиста на руку, все тащила у М.М., а у меня стащила мыло. Если бы я только мог произвести обыск в ее комнате! Да, теперь мне совершенно ясно, что сделала это она: сборник она сразу заметила, благо заголовок: «Проба пера», сборник сти-

хов и прозы, а дневник стащила, привлекаемая красной его обложкой. Очень жалко и досадно, что нельзя ее изобличить. Завтра продам или рыбу, или часть риса и обязательно куплю замочек на дверь, чтобы она не утащила то, что остается. Может, написать ей записку, чтобы она возвратила обе книжки, не то будет худо? Вечером, вероятно, опять сварю стакан риса. А замок обязательно надо купить, не то она все будет тащить, и рис, и все. А записку я ей напишу – я ничем не рискую. И пригрожу. По-моему, это надо обязательно сделать. Много пью. Раечки, конечно, не было дома. Придется заехать завтра – или ждать ее звонка. Муссолини подал в отставку. Премьером назначен *magéchal* Badoglio. Он заявил, что «война продолжается». Виктор-Эммануил взял на себя командование всеми силами Италии. Он заявил, что Италии нанесены тяжелые раны, но она найдет пути для своего восстановления. Колоссально! Все это пахнет тайными переговорами и скорой капитуляцией Италии. Не оккупирует ли Гитлер Италию? Если уж Муссолини подал в отставку, то, по-моему, капут фашизму. Во всяком случае, так кажется. Читаю «Записки Ковякина» Леонова. Надо будет сравнить с «Историей одного города» Щедрина. Это – прямое продолжение этой «Истории». В Сицилии ожесточенное сражение продолжается; войска держав оси отступают к Мессине. Пожалуй, им каюк. Дня три не говорил с Луговым о броне; завтра обязательно надо его поймать, напомнить ему об обещанном и посмотреть, в каком он расположении. И сварить рис сегодня необходимо.

27/VII-43

Заявления о выдаче пособий вчера на заседании Совета Литфонда не разбирали, потому что якобы там нет денег. Надо будет попытаться протолкнуть это дело, если возможно. Бадольо ввел в Италии военное положение. Введен режим военной диктатуры. Бадольо сформировал новое министерство; из прежних министров оставлен только министр военного производства. Мининделом назначен Раффаэле Гуарилья. Что это за тип? Борьба в Сицилии вступила в решающую фазу. Весь запад острова находится в руках союзников. По мнению английских и американских кругов, отставка Муссолини связана с отказом Гитлера предоставить

Италии военную помощь (под влиянием германских неудач на советско-германском фронте). «Отставка Муссолини представляет собой жестокий удар для Гитлера». Звонила Рая. Ввиду чрезвычайной беготни и неопределенности дневного распорядка наши занятия прекращаются. Она хочет дать мне письма в Москву, чтобы я их отнес кому следует и помог ей туда выбраться. Я ее спросил по телефону: «Так я вам нужен только для писем? Вы чуть-чуть слишком циничны». Ну, конечно, она начала протестовать и т.д. Ромэн («Приятель») ей понравился. Завтра к ней заеду. Неужели опять «умирающее знакомство»? Сегодня Лугина не видал. Принес М.А. стакан риса, а остальное продал за 50 р., т.к. не было денег. Съел два бублика, три печенья и выпил чаю в чайхане у Алайского базара (когда есть деньги, то покупаю что поесть и иду туда закусывать и пить чай). Купил тетрадку, два яблока, пообедал в Союзе. В итоге осталось 3 рубля. Вечером зайду к М.А.; должна прийти ее знакомая, которая должна мне 40 рублей за кальсоны. Боюсь, как бы М.А. не захотела придержать часть этих денег; она, по-моему, обижена тем, что я ей не дал денег из тех, что выручил за брюки. В общем, увидим. На трех рублях далеко не уедешь. В детмаге вчера и сегодня ничего нет, должна быть брынза или селедка; в гастрономе не знаю, что будет; мне осталось там получить 450 г мяса или рыбы и 400 г масла (или брынзу в тройном размере, т.е. 1 кг 200 г). Рыбу я всю съел. Написал Але письмо. Надо будет поймать Лугина. А то вдруг он раздумал мне броню доставать. А денег все нет и нет. А ведь Лиля 13го телеграфировала: «На днях высылаю деньги»; с тех пор прошло две недели. Конечно, «на днях» — понятие растяжимое, и неужели она не удосужилась послать деньги телеграфом? А Мулька что? Фу, как все надоело и противно. Читаю Леонова. Очень здорово. Что-то принесет мне сегодняшней день? Надеюсь на 40 рублей.

28/VII-43

Сегодня, после долгих исканий, разыскал наконец мою должницу и получил les 40 roubles dû, ce qui m'a permis de m'acheter un petit pain¹, бублик и пончик и, таким образом,

¹ долг в 40 рублей, что мне позволило купить хлебца.

быть сытым сегодня утром; оставил деньги и на обеды в Союзе и детстоловой, так что aujour d'hui ça va¹. Возможно, что сегодня пойдем с Раей на просмотр американской комедии «Джорджиа». Если только... тут много «если»: если застану Раю дома, если узнаю, когда именно и где именно будет просмотр. Столько оговорок-препятствий, что, вероятнее всего, никуда не пойдем. Антифашистские и антигерманские демонстрации в Сев. Италии. Заявление Черчилля по поводу Италии, о котором я еще ничего не знаю. Хорошо, что сегодня утром насытился и что смогу пообедать нормально. Совсем другое настроение создается. Интересно, застану ли я Раю сегодня вечером.

29/VII-43

Вчера получил повестку в Центральный райвоенкомат: дело в том, что раньше улица Маркса относилась к Октябрьскому району (и, следовательно, к Октябрьскому РВК), а теперь перешла к Центральному. Это – событие весьма отрицательного свойства, т.к. этот новый призыв, вероятно, сорвет мои планы скорого отъезда. Чорт бы подрал эту перемену района! Конечно, я скажу, что уже стою на учете в Октябрьском РВК (и покажу приписное свидетельство), скажу, что через 4 дня уезжаю, реэвакуируюсь в Москву (и покажу справку об эвакуации из Москвы и пропуск НКВД на возвращение). Но я не надеюсь, чтобы это все произвело хоть какой-нибудь эффект. Держу пари, что опять начнется нуднейшая волокита: опять отберут документы, начнут давать повестки о явке и т.п. А то могут и просто забрать. Да, мне дьявольски не везет. Призыв в январе сильно подкосил мою учебу, перерегистрация в июне сорвала мне экзамены и лишила меня аттестата за 10 классов, а новый призыв в связи с образованием нового РВК, по-видимому, сорвет отъезд. Отберут у меня документы – как тогда получить деньги на почте? И те деньги, которые придут, в случае даже если удастся их получить (по доверенности кто-нибудь получит), эти деньги будут фатально тратиться на каждодневные расходы, и если даже новая военкоматская волокита закончится успешно, то опять не на что будет ехать. И надо будет хло-

¹ сегодня все в порядке.

потать о продлении пропуска; в общем, возникает ряд новых досаднейших осложнений. Глупо все это и досадно чрезвычайно, а время летит и летит. Был вчера у Раи; второго числа она уезжает в командировку в Новосибирск. Зачем, почему — не говорит: «Не поэтично и не хочет сглазить». Меня злит это отсутствие откровения: я, дурак, ей все говорю, а она... А она откровенность считает «детством». В воскресенье или в понедельник она зайдет ко мне, чтобы передать письма и поручения в Москву. У меня создается определенное впечатление, что если бы я не ехал в Москву и не должен был бы передать ее поручений, то наши отношения сошли бы на нет. Она от этого защищается, протестует и т.д., но не верю я всему этому. Так или иначе, досадно, что она уезжает: я опять остаюсь одинок окончательно (если не считать Шильдкрета, который ко мне очень хорошо относится и отчасти понимает меня). Что за судьба у меня — вечно оставаться одиноким? Я хоть люблю и ценю одиночество, но в таких колоссальных дозах, в которых оно преподносится, оно вредно, и можно совсем сойти с ума так. Все это, во всяком случае, весьма не утешительно. Опускаются руки, не хочется ничего делать. Неужели мне не удастся уехать в Москву? Денег нет совершенно, и если сегодня будет выдача в детмаге или гастрономе, я себе не представляю совершенно, как я смогу выкрутиться, чтобы получить продукты. Да, сегодня, вероятно, предстоит суматошный, глупый, пустейший день, вдобавок увенчанный вечерним приятнейшим визитом в военкомат. Если еще это будет происходить на пустой желудок, то совсем будет хорошо. Сейчас часа 4—5 утра; не могу спать из-за ужасной духоты и клопов. Буду читать Леонова — а потом опять засну. Видел вчера Лугина. В первых числах августа он достанет броню. *Plût à Dieu que je puisse l'utiliser.*¹ *A Dieu Vat.*

1/VIII-43

За эти последние дни через мои руки прошло около тысячи рублей, но все они истрачены на еду. Продал брюки за 180 р. (те, которые сделала М.А. и которые оказались не по мне), хлебкарточку за 270 р., калоши, купленные в долг у

¹ Дай Бог, чтобы я смог ее использовать.

М.А., за 600 рублей. Зато хорошо ел все эти дни. Вопрос об отъезде по-прежнему неясен: во-первых, неясно обстоит дело с военкоматом (по-видимому, все там, от писаря до военкома, боятся взять на себя ответственность какого-либо решения по моему поводу, и последний вариант – согласование этого дела с облвоенкоматом). Каково же будет решение последнего – не представляю себе нисколько. Начальник II^й части (который ведаёт всем этим в Центральном военкомате) обещал дать ответ в понедельник (т.е. завтра). Но я почти что уверен, что завтра еще с облвоенкоматом ничего не будет согласовано. Во-вторых, денег все нет и нет, à en croire¹, что перевод затерялся. C'est très grave.² А с другой стороны, c'est peut-être bon signe³ – потому что можно предположить, что Лиля и Муля временят, чтобы послать больше. Броню на билет обещает Лугин достать 2го или 3го. Но как же мне быть, если (допустив, что меня отпустит РВК) ко дню отъезда деньги все еще не придут? У меня осталось всего-то 5–6 дней до отъезда (смотря на какой день будет билетная броня). Сегодня вечером или завтра утром должна зайти Рая перед своим отъездом в Новосибирск. В Италии продолжаются антифашистские демонстрации и забастовки. Правительство Бадольо борется с забастовками. Положение там крайне запутанное, не поймешь истинной позиции Виктора Эммануила и Бадольо. Фашистская партия запрещена. И то хлеб. Операции на острове Сицилия почти завершены союзниками. Любопытно, какие «почетные условия» предложил Эйзенхауэр Италии? А он их предложил, это ясно. Пойдет ли Бадольо на прекращение войны, как это требует народ и 5 политпартий? По-моему, пойдет, иначе Италию разгромят и разбомбят к чертовой бабушке. У нас на фронте продолжается наступление наших войск в районе Орла. Возьмут ли этот важнейший город? В Донбассе – атаки немцев. Прочел половину (примерно) «Лурд» Э. Зола. У Зола беда всегда в том, что он в каждой книге пишет только на одну определенную тему, чем суживает значительнейшим образом интерес данной книги, и она очень быстро надоедает, потому что сразу становится ясно

¹ можно подумать.

² Это очень угнетает.

³ это может быть хорошим знаком.

все: позиция автора, окружение, обстановка и т.д. Вначале восторгаешься, но это быстро проходит. Сегодня надо сварить остаток риса, *ce qui n'est pas peu dire*¹, т.к. надо выклянчить у кого-нибудь плитку и кастрюлю, а я ненавижу это делать. Есть помидоры, и огурцы, лук, и 50 г масла. Сходить за булочками, что ли? Если купить пару, то останется *60 p. en tout et pour tout*².

3/VIII-43

Положение мое становится все запутаннее и запутаннее. Хоть вешайся. Денег из Москвы все нет. Это раз. Второе — с военкоматом все еще не выяснено: был сегодня днем там, но не было начальника II^й части, который мне нужен и может сообщить, каково состояние моего дела. Третье — броня обеспечена, и по ней можно ехать 8го числа. За нее надо заплатить 50 р. (купить 2 билета в театр Франко). Сам билет стоит 200 рублей. 350 рублей необходимы как минимум на жратву для семидневного путешествия. Итого, мне надо непременно для отъезда — опять-таки как минимум — 600 р. Без этих 600 рублей я физически ехать не могу. Мне необходимо эти деньги достать. Но где? В Литфонде денег нет. Придется вечером сегодня, после того как я зайду в военкомат, изложить положение М.А. и упросить ее в течение ближайших 2^х дней — т.е. завтра и послезавтра — раздобыть эти деньги, без которых я не могу выехать. 6го должны быть 50 рублей (самое позднее), т.к. 6го Лугин достает броню в ЦК; 7го надо утром брать без очереди в горстанции билет, который стоит 200 рублей. Если завтра и послезавтра мне удастся раздобыть 600 р., при условии, что военкомат не будет мне препятствовать, то я еду 8го «как часы», не дожидаясь *interminables*³ денег из Москвы. Хватит, невозможно более торчать здесь; я не могу *rater l'occasion de partir*⁴. Надо уезжать, *puisque l'occasion s'en présente*⁵. Но для этого необходимы два условия: *que le commissariat-militaire me foute la paix*

¹ это нелегкая задача.

² на все про все.

³ долгожданных.

⁴ пропустить возможность уехать.

⁵ раз возможность представилась.

et me laisse partir, et que je trouve demain et après-demain 600 roubles – ce qu'il me faut d'argent minimum pour partir¹. Все закупают сахар, муку (по 8–10 кг), и досадно ехать без продуктов в Москву, но раз нельзя, то нельзя, лишь бы выехать. Итак, установка мною взята на отъезд 8го числа; лишь бы отпустил военкомат и были 600 р. деньгами. До отъезда, в конце концов, у меня 4 дня, и в течение этих 4^х дней могут прийти деньги из Москвы. А не возьмешь брони – придется продлевать пропуск (пройдет ли еще – это вопрос) и платить бешеные деньги агенту за билет. Положение, en effet², самое запутанное. В Риме – пулеметы и броневики, в Милане восставшие итальянцы разгромили тюрьму и освободили 200 заключенных. Народ требует свержения Бадольо и прекращения войны. Рабочие бастуют, войска отказываются стрелять по демонстрантам, а союзники, сделав заявление о том, что Бадольо не сумел использовать 6 дней со дня отставки Муссолини, предупредили население о вновь начинающейся беспощадной войне (воздушной); 3 млн. итальянцев после опубликования этого заявления бежали в сельские местности. Вообще в Италии буча и анархия. А жрать хочется! Вчера была Рая: едет в Новосибирск завтра, кажется. Может, зайдет сегодня. Вчера купил билеты на «Неуловимый Ян» (мы с ней условились пойти), но она надула и не пришла. Она знакома с нач^{альником} отдел^а внеш^{них} снош^{ений} Евстигнеевым (НКВД). Уеду 8го или нет?

4/VIII-43

Вчера вечером в военкомате нач^{альник} II части Мурсагатов сказал мне, что меня должны зачислить в запас, дать военный билет и снять с учета (в связи с отъездом в Москву). Сегодня и 5го у них будет производиться приписка 1926го г., а 6го я должен туда пойти. На вопрос, возможно ли будет все оформить до 8го числа – даты моего отъезда, Мурсагатов ответил: «Думаю, что да». Сегодня М.А. дала калоши (оценила их 1500, да + 1500 предыдущих, ça fait³ 3500, учитывая брю-

¹ чтобы военный комиссариат оставил меня в покое и дал уехать и чтобы и завтра-послезавтра нашел 600 рублей – это тот минимум, при котором я могу уехать.

² действительно.

³ итого.

ки, que je lui dois¹) и продал их за 650 р. 400 истратил на жратву (изголодался в последние дни), заплатил 50 р. Лугину, а 250 р. оставил как базу для предполагаемого отъезда 8го числа (чтобы хоть на билет деньги были). М.А. обещает в ближайшие два-три дня достать мне еще 300—400 р. Если считать 150 р. на хлеб и 300 на минимум жратвы на дорогу, то мне нужно еще 450 р. Я думаю, что М.А. даст если не 400, то хоть рублей двести; надо будет попытаться помаленечку да полегонечку разжалобить Шильдкрета et le taper du maximum qu'il pourra donner². Я лично считаю вопрос денег почти что разрешенным (учитывая, конечно, катастрофу неприбытия Лилиных и Мулиных денег; но они могут еще прибыть за эти 3 дня à venir³). Так или иначе, через хозяйку и Шильдкрета рублей 300—400 на продукты я наскребу, а с этими деньгами уже можно ехать, купив хлеб, яблоки, огурцы; с этим не околеешь. Основные два вопроса, определяющие мой отъезд, суть следующие: смогу ли я быть надлежащим образом оформленным в военкомате до 8го числа, т.е. смогу ли получить военный билет взамен приписного свидетельства и сняться с учета до 8го числа; во-вторых — смогу ли я 7го числа, по броне, которую я получу завтра или послезавтра от Лугина, смогу ли я по этой броне безболезненно получить билет на Москву на горстанции. Лугин божится, что все это дело верное и что с этой броней билет я получу обязательно. Что ж, хочется ему верить. Значит, основное в сущности — это вопрос о том, сумею я или нет своевременно закончить оформление в военкомате. Это — главное. Деньги я достану, билет, по всей вероятности, действительно благодаря броне можно будет получить. Есть и два вопроса второстепенного порядка, но тем не менее важные: вопрос о доставке на вокзал тех 25—30 кг, которые будут составлять весь мой багаж (кто повезет на трамвае, когда, за какую сумму, и сможет ли один человек везти на себе 25 кг, и как его найти, и будут ли достаточно свободны трамваи в это время). Второй вопрос — вопрос упаковки: в чем везти хлеб, яблоки, огурцы (что составит 15 кг). Думаю разрешить этот вопрос с помощью М.А. — пусть даст или сошьет ме-

¹ что я ей должен.

² и стрельнуть у него максимум, который он сможет дать.

³ будущих.

шок; я сегодня с ней буду об этом говорить. Очень любопытно, как все это обернется. Я лично жажду ехать. Беспокоит меня также то, что М.А. не приготовит к сроку белье, носки, не починит блузы, телогрейки и пиджака. А ехать хочется ужасно. Пусть я еду один и не везу продуктов в Москву; чорт с ними, с продуктами; основное — поскорее быть в Москве, где Муля, Толстые, французские книги, возможности работы, где столица, свежие новости, может быть — Митька, где все-таки больше европейского духа, чем в этой, конечно, своеобразной, но все-таки Азии, хоть и Средней. Будет очень досадно, если восьмого я не уеду; придется пролевать пропуск, ждать денег из Москвы, тратить бешеные деньги на билет. A Dieu Vat.

6/VIII-43

Вчера получил броню на билет и снялся с учета в военкомате. Сейчас 11.30 вечера. Завтра должен встать в 6.00–6.30, чтобы в 7.15 быть на городской станции и занять очередь у московской билетной кассы. Простоять придется часа 3–4, не меньше. Будет у меня 208 р. деньгами. Беспокоит мысль: а вдруг билет стоит 210 или 220? Придется тогда у кого-нибудь просить? В Союзе писателей удалось получить бумагу, которая ускорила оформление моих документов. Если я завтра получу билет, то единственный вопрос — это вопрос денег на дорожную жратву. У меня нет ни гроша. М.А. обещает, но очень туманно, и подведет она почти наверняка (причем, держу пари, подведет во всем: и денег вовремя не достанет, и стирка не будет готова, и носки не надвязаны, и блуза и телогрейка не зачинены). Что-то не верится мне, что я уеду восьмого числа. Или с билетом ничего не выйдет, или с деньгами. Наши войска взяли города Орел и Белгород. Союзники заняли Катанию. Про положение в Италии УзТАГ уже два дня ничего не передает. Что там творится? Завтра вечером, вероятно, зайдет Рая (она мне звонила, и я ее сегодня встретил). Elle se porte bien¹, говорит, что имеет здесь хорошие возможности работы... и дает письма в Москву, долженствующие ей дать возможность возвратиться туда. Эгоистка она, в сущности. Но мир принадлежит эгоистам. Прочел «Путе-

¹ Она здорова.

шествие в страну эстетов» А.Моруа. Очень метко и остроумно. J'ai idée¹, что в Москве меня мобилизуют — ближе фронт, жестче... Впрочем, это домыслы. Поеду ли я? A Dieu Vat.

7/VIII-43

Сегодня утром билета взять не удалось. Билетов по броням ЦК полагается всего 4, и я, простояв 3 часа в очереди, получил кукиш с маслом (и еще два человека, стоявшие передо мной). Не хватило билетов по этим броням. Билет стоит 205 рублей. Истратил рублей 50 из этих денег. Днем увижусь с Лугиным, поговорю: может, он устроит мне броню на 9ое число, и 9ое я приеду еще раньше и попытаюсь взять билет первым (если выйдет). А деньги как? А черт со всем! Так все надоело, только и хочется что жрать да читать Чехова. Шлю Мульке телеграмму: «Первая попытка получить билет по броне провалилась делаю что могу парализует отсутствие средств». Утром, по крайней мере, хорошо поел. В столовой Союза, благодаря пропуску Шильдкрета, получаю 400 г хлеба (ему 200 и мне 200). Сегодня зайду к хозяйке; вечером придет Рая; хочу завтра с ней сходить в кино. Она говорит, что у нее идет «сплошной кутеж». Не сомневаюсь. Циник она все-таки. Эх, чувствую я, что сегодня протранжирую все деньги, с горя. Люблю, как дурак, сыпать деньгами; барские привычки богача. Придешь домой усталый, поешь кислое молоко с сахаром, читаешь Чехова, соснешь немного... Красота! Поневоле ищешь таких невинных наслаждений, раз обстоятельства не дают уехать, не дают нормально жить.

8/VIII-43

Деньги на билет (200 р.) легко проел. Не «прокутил» — ибо не курю, не пью и не трачу на женщин, а проел — т.е. употребил эти 200 р. на поддержание своего собственного физического существования. Конечно, это легкомысленно и tout ce qu'on veut². Ну, а укажите иной способ в моем положении удовлетворить самую естественную потребность

¹ Мне кажется.

² и все такое.

организма – потребность в пище? Есть деньги, их и тра-тишь, и два дня более или менее сыт. Именно более или менее, и скорее последнее, чем первое. Был у М.А.; пид-жак, телогрейка и блуза готовы (починены). Ее не было дома; потом зашла ко мне сама. Это мне отнюдь не улыба-ется – если она повадится сюда ходить. Дала 7 р. Я ей ска-зал, что еду завтра и что мой отъезд висит на волоске ее помощи – в деньгах – мне. Она обещала к вечеру достать «минимум 500 р.» тем или иным способом (или из выручки за продажу на базаре каких-то ее вещей, или из аванса в 1000 р. ее будущего покупателя квартиры). Но я почти что, увы, уверен, что когда я приду к ней вечером, то она скажет, что ничего не вышло, что квартирант не пришел, а вещи не продались. Держу даже пари, что так будет. Что же мне тогда делать? Вещи-то я возьму у нее и, вероятно, придет-ся-таки продать пиджак и рубашку, хотя чертовски не хо-чется этого делать. Я вдалбливаю М.А., что мой отъезд за-висит от того, даст ли она мне денег или нет; она говорит, что так или иначе деньги (минимум 500 р.) будут сегодня. Но я ей не верю; не то что она не хочет помочь – но она хочет слишком слабо это сделать, а в голове у нее старчес-кая каша. Нечего сказать, связался с развалиной! В случае, если она не даст сегодня денег, придется сделать вид, что не смог уехать только из-за того, что она не дала денег; я обязательно хочу выдоить из нее эти 500 рублей; 205 я оставлю на билет, а 300 проем; на дорогу авось как-нибудь достану. Может, Рая даст? Это было бы гениально! Если она придет завтра, я обязательно заговорю о невозможности выехать из-за отсутствия средств; может, она, имеющая знакомых состоятельных «мальчиков», и надоумится мне помочь. В крайнем случае, Шильдкрет поможет. На почте до востребования мне денег все нет и нет. Что за бред? До сро-ка окончания моего пропуска осталось 7 дней; за эти 7 дней мне необходимо будет выехать, тем более, что я 5го числа снялся здесь с военного учета, и слишком долго оставать-ся «между небом и землей» не рекомендуется. Итак, уви-дим, удастся ли выудить от М.А. эти 500 рублей сегодня ве-чером. Думаю, что нет. Она, кроме всего прочего, скупая женщина. В Италии положение продолжает быть неопре-деленным; смуты продолжают. Бадольо распустил фа-шистскую партию, Высший Совет, Чрезвычайный суд и

Молодежную фашистскую организацию. Но, с другой стороны, в своем заявлении после отставки Муссолини он провозгласил «верность данному слову» (т.е. верность «оси») и заявил о том, что «война продолжается». Он запретил политические партии, стрелял в демонстрантов, закрыл прогрессивные газеты и ввел такую военно-полицейскую диктатуру, которая ничуть не лучше диктатуры Муссолини и представляет собой, в сущности, тот же фашистский режим, или почти тот же, но под новым соусом. В таком смысле высказывается союзная печать. Союзники наконец взяли Катанию и находятся в 50 милях от Мессины. Центр массового антифашистского движения в Италии — город Милан. Я думаю, что Бадольо недолго продержится у власти. После завершения операций в Сицилии союзники вторгнутся на континент, непосредственно в Италию, и тогда фашисту-маршалу, душителю Абиссинии, не продержаться в своей позиции диктатора и одновременно полуреформатора. Бадольо и его клика — это своего рода Временное правительство, которое будет сметено последующими событиями. Меня несколько возмущает Рая: во-первых, тем, что она не говорит ни за что, где она будет работать, как она живет и что делает, а во-2^х, тем, что относится ко мне уж чересчур открыто утилитарно, только в плане передачи мною ее писем в Москву. Досадно мне, что она, по-видимому, считает меня мальчиком или чересчур уж наивным человеком. Э-эх, здорово было бы, если М.А. дала мне сегодня 500 рублей! Тогда я бы купил пирожных сегодня. Каков дурак, а? Но я люблю пирожные.

10/VIII-43

8го получил от М.А. 300 р. и продал пропуск в детмаг за 100 рублей. Осталось 75.00. Получил блузу и ватник, рубашки и носовой платок; сегодня-завтра получу носки, пиджачок, майки и рубашки. Всего долгов (не считая тех 2.000) — 3650. М.А. даже расписки с меня не возьмет (что уже хорошо). Должен был вчера встретиться с Лугиным, а он, подлец, не пришел, хотя я двоекратно был в Союзе. Постараюсь поймать его сегодня в Союзе, *sinon*¹ зайти к нему. Если были бы деньги, то

¹ а если нет, то.

все было бы, я думаю, проще: через того же Лугина я достал бы место или в жестком, или в мягком вагоне, и не пришлось бы стоять в очереди: дал бы деньги, и все тут. А при этой системе получения билетов в первую очередь командированными, я всегда буду оставаться с носом, получай я хоть двадцать броней. Ведь должны же, в самом деле, прийти деньги из Москвы. Беда в том, что скоро у меня кончается срок действия пропуска и придется, если я не уеду, его продлевать. Технически это делается очень просто, но для этого нужны *raisons valables*¹, и я не знаю, что придумать и захочет ли Герман написать бумажку от Союза, чтобы продлить этот пропуск. М.А. обещает сегодня-завтра дать еще 200 рублей. Читал хороший новый журнал: «Война и рабочий класс» — это двухнедельный журнал, издающийся вместо «Коммунистического Интернационала», вероятно. После взятия for the Red Army Орла и Белгорода бои идут на Брянском и Харьковском направлениях, причем вполне возможно, что и Брянск и Харьков будут взяты в самом ближайшем будущем. Хотел бы я все-таки знать — когда же я выеду в Москву? Там у меня гораздо больше шансов, чем здесь, быть забранным в армию, на завод или отправленным на лесозаготовки или в колхоз. Но зато там есть, так сказать, *contrepois*², на который я рассчитываю: Толстые. Как только я приеду, я подниму вопрос о работе, о том, что Людмила Ильинична должна мне помочь в этом плане. Перво-наперво я буду говорить о работе в Радиокomitee. Насчет МГУ тоже надо будет разузнать, надо будет узнать, где Митька находится, узнать про библиотеку, которая была в Новодевичьем, прописаться, встать на военный учет, побывать в ГЦБИЛ... В общем, дела хватит, это несомненно. Конечно, вполне возможно, что эта перемена чревата для меня вышеуказанными последствиями, но *le risque est à couvrir*³, и эта перемена нужна: все-таки что-то определится, будет видно какое-то движение, здесь же моя судьба пребывает в вонючем застое. Но вот выехать, выехать необходимо, и все это не удастся. Неужели мне не удастся отсюда выехать? Я не могу себе этого представить. Это может произойти, если мне не продлят пропуск. Но, по моему, этого не будет. Надо покончить с Ташкентом, с крохот-

¹ серьезные причины.

² противовес.

³ надо пойти на этот риск.

ной вонючей комнатой, с духотой, с клопами, со спекуляцией, с отсутствием иностранных книг... Пусть в Москве я буду плохо питаться, пусть там улицы не освещены, пусть угроза воздушных и газовых атак отнюдь не является нереальной, пусть там «жестче» жить. Но там — столица, там — Толстые с их возможностями помощи, там — свежие новости, свежие газеты и журналы, заграничные издания. Там будет труднее жить, но достойнее. Не пристало мне шляться по базарам и продавать какие-то селедки; а живя здесь, этого не минуешь. Быть может, оставаясь в Ташкенте, я не буду взят в армию, но работать здесь нельзя, негде, а в Москве Толстые подсобят и с работой, и с армией, быть может.

10/VIII-43

Сегодня получил письмо от Али, в конце которого написано: «Да, кстати, ты знаешь, что Митька уехал, накануне предполагавшегося возвращения в Москву, по старому адресу Алешки?» — Итак, Митька арестован! Арестован мой лучший, закадычный друг, единственный человек, с которым мне было хорошо. Я не уважал его, но любил. Значит, его арестовали в Свердловске, накануне возвращения в Москву? Но за что? По доносу? Всего вероятнее — за какие-нибудь глупые, неосторожные слова; боюсь, что его погубила присущая ему любовь к рисовке, оригинальничанью. Как мне его жалко! Нелепо все-таки: одного брата освободили, другого арестовали. Бедный Митька! А тут еще его тbc, авось он смягчит его участь. Какой дикий бред, что Митька так канул. Сегодня звонила Рая; был у нее в 7–8 ч. вечера; дала 100 р., болтали бесцельно о Москве; конечно, если меня не забреют, то я постараюсь помочь ей получить пропуск; она тоже ощущает необходимость отъезда из гнилого спекулятивного Ташкента. Живет она матерьяльно неплохо, но это «неплохо», по всей видимости, покупается путем утомительной беготни и унижительной чепухи. Зайдет послезавтра, принесет письма, которые надо передать в Москве. Видел Лугина; согласились на том, что брони — вещь ненадежная и по ним не уедешь, благо всегда впереди станут командировочные, а касса не продает более 2^x–3^x билетов, предпочитая остальными спекулировать. Придется доставать билет через жука, заплатить ему 500 р. Я решил ждать денег и ехать, когда получу их. Пропуск, надеюсь, продлят. Иного выхода нет. Спать.

13/VIII-43

Vendredi treize. Suis-je superstitieux si je n'aime pas ces vendredis-là? Probablement.¹ Деньги, полученные от Раи, кончились, и je suis sans le sou² абсолютно. Хозяйка все не дает 200 рублей и все не может приготовить вещей (подчинить пиджак и носки). Каждый день к ней хожу, и все без толку. Как надоел Ташкент и все, с кем я здесь имею дело! Как хочется уехать отсюда! Сегодня в Союзе буду говорить с Германом о продлении пропуска (хочу получить бумажку от Союза à cet effet³). Продлить просто жизненно необходимо, иначе я останусь в Ташкенте и не смогу уехать в Москву. Пропуск годен до 15го; следовательно, надо до воскресения все оформить. Я полагаю, что не будет особых затруднений; говорят, что продлевают без труда, но только надо основание, о чем и буду говорить с Германом. Вот гложет меня вопрос о том, что я уже неделю как снялся с учета, а когда я еще уеду, а потом в Москве распекут: почему так долго не вставали на учет? А вновь здесь вставать на учет, конечно, нельзя. Наши войска взяли Чугуев. Из двери вкуснейшие запахи жареного мяса и картошки. А у меня истощающие организм поносы; конечно, ем всякую дрянь; помидоры и огурцы не перевариваю, а в столовке супа не ем — от всего этого несет. Я очень хорошо знаю, что меня излечило бы: картошка, рис, макароны. Но все это недоступно (и масло к этому надо) и трудноприготавливаемо, благо нет своей плитки и своей посуды. Хлеб с маслом, колбаса тоже помогли бы, но и они и подавно недоступны. Опять сегодня предстоит идиотский день добывания денег у хозяйки и т.п.

14/VIII-43

Сегодня иду в управление милиции с заявлением о продлении пропуска. Вчера Герман отказался дать бумажку Союза по этому поводу (чтобы продлили); он говорит, что и так продлят «безо всяких». Был вчера у М.А.; поел у нее; дала 60 р.; на эти деньги купил кило картошки и груш (которые люблю); но картошка «не удалась», т.к. ел ее без всего, просто с со-

¹ Пятница, тринадцатое. Разве я суеверен, что не люблю такие пятницы? Вероятно.

² я сию без гроша.

³ для этого.

лью, всухомятку, а это все-таки не ахти как вдохновительно. С кислым молоком — другое дело. Сегодня М.А. обещала к утру еще денег; если даст, то не знаю, что купить. Картошка, конечно, — самое заманчивое, но я ненавижу всегда просить, чтобы мне одолжили плитку и кастрюлю. Впрочем, еще неизвестно, достанет ли М.А. денег, и сколько. Почему нет ни звука ни от Лили, ни от Мульки, почему нет от них денег? Я боюсь, что Лилин перевод (если она его послала, как явствует из телеграммы, полученной месяц назад) затерялся. Важно, чтобы мне сегодня продлили пропуск. Наши войска — в 1,5 км от Харькова, и вообще дела на фронте хороши: отрезана дорога Орел — Полтава, и на полпути от Смоленска (не доходя еще до Ельни) тоже наше наступление. Сталин принял Керра и Стэнли, Черчилль встретился с Рузвельтом в Канаде. Эти встречи и совещания, очевидно, неспроста. Постепенно союзники заканчивают оккупацию Сицилии. Интересно, продлят ли мне пропуск и удастся ли мне получить деньги от М.А. *A Dieu Vat.*

16/VIII-43

Позавчера продлили пропуск до 23го. Вчера М.А. дала 800 рублей, *se qui*¹, за вычетом 50 р. на отдачу долга Шильдкрету и 50 р. на текущие расходы, оставляет 700 рублей. А сегодня получу 450 р. (вчера пришло извещение: перевод из Москвы прибыл). *Ça me fait*² 1150 рублей, да еще М.А. обещала 200. Последние дни подкармливаюсь у М.А.; на нее нашла «продажная лихорадка», и оттого у нее можно поесть. Надеюсь, что вдобавок она мне поможет продовольствием в дорогу (испечет что-нибудь или даст масла). Я думаю ехать в среду или в пятницу; сегодня пойду к Лугину, *pour qu'il me mette en rapport*³ с этим типом, который за соответствующую мзду может достать билет. Денег на почте еще не получил; должны быть в 1 ч. — 2 ч. дня. До этого схожу на базар купить соленых огурцов и кислого молока (у меня есть 1 кг картошки и немного масла). Думаю купить хлебную карточку, чтобы обменять ее на рейсовую и таким образом иметь хлеб в течение путешествия и в Москве; это выгоднее, пожалуй, и целесообразнее, нежели покупать

¹ Это.

² Итого у меня.

³ чтобы он свел меня.

хлеб. Наши войска взяли гг. Карачев и Щигры на Брянском фронте. Харьков еще не взят. На дорогу я предполагаю взять с собой хлеба, масла (сливоч. или топленого), чесноку (для Москвы), кускового сахара (говорят, он очень поддерживает организм и питателен, и теперь в лотках на базаре не так дорого стоит). Вообще-то говоря, необходимы были бы еще две вещи: починить ботинки и купить 1 кг сахара-рафинада для ликвидации его в Москве. Но ничего из этого, вероятно, не выйдет, благо денег не хватит даже на одно из этих мероприятий. Надо еще купить соли, тетрадей, надо иметь хоть какие-то деньги на дорогу... Я попытаюсь получить карточку в детмаг или в гастроном и ликвидировать ее; все-таки это дало бы лишних 150–200 рублей. Сегодня, по-видимому, предстоит весьма суматошный день: идти за деньгами на почту, идти к Лугину, идти в Союз обедать, идти на базар покупать карточку, идти к М.А... Увидим, что даст этот день.

17/VIII-43

Сегодня виделся с Бендерским — «человеком, который достает билеты». Дал ему пропуск и 500 р. денег. Спросил: «Никаких дополнительных расходов не будет?» Он ответил: «Я не такой человек». Мы условились, чтобы он взял на пятницу (я бы мог сказать — на среду, но пришла телеграмма от Мульки: «Телеграфировал пятьсот», и вдруг до пятницы придут эти деньги). Противно то, что Бендерский не говорит наверное, что возьмет билет, а говорит, что в четверг в 10 ч. утра скажет мне: да или нет. По-моему, эта лазейка неудачи оставлена им специально для того, чтобы содрать с меня дополнительные деньги, несмотря на его заверения, что он «этим не занимается». Рейсовую карточку решил не покупать: возня с ней совершенно лишняя, ибо по приезде в Москву у меня останется 2 дня до конца месяца — и карточки, так что не имеет смысла затевать эту возню. У М.А. денег пока что нет. Получил сегодня карточку в детмаг; завтра пойду, посмотрю, что там есть. В Москве разрешили колхозные рынки, что очень облегчило материальное положение населения (так говорят). Интересно, что скажет Бендерский в четверг и придут ли Мулины деньги до пятницы. Они были бы крайне необходимы. Тревожит меня вопрос о доставке моего главного вещевого тюка

на вокзал. Дело в том, что поезд теперь уходит в 8 ч. вечера, и в 6—7 часов трамваи битком набиты народом, и в эти часы — те часы, когда надо уже уезжать на вокзал, мне не представляется возможным сесть на трамвай с этим громоздким тюком. Я думаю о другом: не поехать ли мне с ним (конечно, когда я буду иметь билет) на вокзал в такой час, когда можно влезть в вагон, там его сдать в камеру хранения, а потом уже, в надлежащие предотъездные часы, приехать налегке, имея в руках лишь продовольствие? Этот вопрос определяет необходимость предварительной поездки на вокзал с целью разузнавания: как насчет сдачи на хранение (сколько платить, есть ли места), есть ли зал ожидания московского поезда, когда туда пускают, где он находится, где берутся перронные билеты и когда они берутся, — чтобы быть возможно менее захваченным врасплох. Основное, конечно, — это чтобы был билет, но и эти практические детали чрезвычайно важны. Я себе не строю никаких иллюзий насчет московских трудностей, которые меня ожидают: прописка, военкоматские дела (которые могут окончиться как угодно), проблема одежды, проблема работы, проблема мобилизации на трудфронт (каковой мобилизации следует избежать). Во всех этих проблемах (я забыл еще о проблеме питания) я весьма рассчитываю на Толстых: на первых порах я думаю столоваться у них (если выйдет); в отношении прописки бумажка от А.Н. решит дело; Толстые же могут мигом устроить меня на питание и паек в Союз писателей; они же должны помочь мне устроиться на работу и помогут в случае, допустим, мобилизации через военкомат в трудармию определиться в какую-нибудь школу или что-нибудь в этом роде. Как видно, я возлагаю большие надежды на добрую волю Людмилы Ильиничны и готовность А.Н. мне помочь. Я это делаю не зря и думаю, что мои расчеты должны оправдаться. Необходимо будет тотчас же по приезде созвониться с Людмилой Ильиничной. Встретил Айзенберга. Он кончил 1 курс Института инженеров связи и сейчас — курсант военфака связи. Завтра-послезавтра с Академией им. Сталина он возвращается в Москву. Основой завтрашнего дня будет починка ботинок; в виде таковом, в каком они сейчас находятся, ходить в них неприлично. Впрочем, и брюки ужасны: грязные, заплатаанные («окошки» более светлой, увы, ма-

терии на коленях и ж...). На Брянском фронте Red Army взяла Жиздру (вчера – Карачев). На Харьковском – контратаки немцев. История с Бенешем, проект Восточно-Европейской конфедерации, заявление венгерских правящих кругов о том, что они не ведут войну против США и Англии, а только против «коммунизма». Статья в «Правде» о 2^м фронте, смещение Майского с поста посла СССР в Лондоне – все это говорит о каких-то неприятных, таинственных сдвигах в лагере антигитлеровской коалиции, сдвигах, которые направлены против СССР. Увидим, что произойдет после совещаний Черчилля и Рузвельта в США и Квебеке. Очевидно – Второй фронт.

19/VIII-43

Сегодня меня постигла неудача с билетом: на пятницу Бендерскому не удалось взять (ЦК забронировало 15 мест для Ин<ститу>та азота). Кассирша обещала ему билет на воскресенье или на понедельник. А в понедельник у меня кончается пропуск (23го). Ну, в конце концов, если дадут билет и прокомпостируют на пропуске дату выдачи его, то никто, я полагаю, не станет меня выкидывать из поезда, а *une fois*¹ в Москве, и подавно (из-за наличия Толстых) меня не выкинут обратно. Лишь бы был билет. Конечно, лучше, если будет на воскресенье. В субботу утром я встречусь с Бендерским и пойду вместе с ним на городскую станцию – и там уж узнаю, как обстоит дело. Насчет даты, как я думаю (и так думает Бендерский), – дело неважное: лишь бы кассирша дала билет и прокомпостировала (и тем самым гор. станция Ташкент берет ответственность на себя за выдачу билета, и если кассирша выдаст, то так можно). Еще посоветуюсь с Лугиным: он что-то говорил о том, что может помочь продлить пропуск. Тогда в субботу (если будет билет на понедельник) или придется с ним идти продлевать пропуск, или, всего вероятнее, милиция скажет, что раз билет выдали, то можно ехать и так. Если же билета не будет и на понедельник, то тут уж продлевать, конечно, придется и понадобится Лугин. Получил 500 от Мули. Дал ботинки в починку; сегодня будут готовы; стоимость – 200 р.

¹ раз уж я буду.

Купил 2 кг яблок на дорогу; из них съем 1 кг, так что придется прикупать. В случае, если у хозяйки есть деньги и она приготовила съестное на дорогу, то скажу, что уезжаю завтра и прощусь с ней. В противном случае зайду завтра утром (я буду у нее сегодня вечером); если и завтра утром ничего не будет, то объявлю об отсрочке отъезда (чтобы приготовила деньги и напекла чего-нибудь на дорогу к воскресению). Этот план правилен. На дорогу у меня пока что 450 р. Было бы желательно, чтобы М.А. дала рублей 200. Может, сегодня и даст (поскольку она уверена, что я завтра уезжаю); впрочем, чорт ее знает. В детмаге за август вермишель еще не выдают. Я страшно люблю вермишель и пойду сегодня к завмагу и скажу, что завтра уезжаю в Москву и потому прошу его отоварить мне вермишель за август. В противном случае (если он откажется, сославшись на то, что нет распоряжения отоваривать август), то я подожду до субботы. Если и в субботу не выдадут за август, то я продам весь пропуск рублей за полтораста. Союзники полностью завершили занятие о. Сицилии, на котором военные действия прекратились. В Милане, Генуе, Турине продолжаются демонстрации с требованием прекращения военных действий. В Норвегии — осадное положение. Говорят, предстоящее совещание в Quebec'e будет иметь большое значение. Как противно то, что я не могу никак выехать. Очень хочется поскорее быть в Москве, увидеть Мульку, побывать у Толстых, прилично одеться. Здесь — доживаю. И даже ничего не читаю.

22/VIII-43

Вчера меня в третий раз постигла неудача с билетом. Целый день был на гор. станции с Бендерским; было огромное количество народа, и ничего у него не вышло. Теперь надо продлевать во 2^й раз пропуск. Думаю, что сделаю это через Лугина, который как-то заикнулся мне о том, что может помочь мне в этом отношении (у него какие-то связи в милиции). Трагическое положение с деньгами: всего 400 р., остальное неизбежно проел. Вчера с горя купил коробку консервов, после какой-то рвало. Сегодня ел рис, завтра надо получить 2 кг 100 вермишели в детмаге и продать деткарточку. У М.А. денег нет (обещает, что будут). Ясно, что основное сейчас — продление пропус-

ка. Может, Бендерский и достанет мне таки билет, допустим, на среду; ça n'a rien d'impossible¹. Звонила Рая, цинично спросив, почему я пропал. Ведь пропала-то она! Впрочем, ей незачем за мною бегать; увы, сейчас в моем задрипанном состоянии я представляю интерес лишь весьма относительный. Она говорила, что попытается достать мне билет, но не верю я ее возможностям: она легкомысленна и забудет, да даже если и не забудет, то ведь достать действительно очень трудно, si j'en juge par² Бендерский. Надо будет завтра же зайти в Наркомпрос, поговорить с Журавской, — она через кого-то достала билет Наде Эфрос (хоть та и не уехала до сих пор). Оставаться в Ташкенте нельзя: слишком тяжелы счеты с М.А., и что я скажу, когда она узнает, что обе пары калош проданы и 2 пальто также, а ей ни крошки не досталось от этого, и она даже об этом ничего и не знала? И приписное свидетельство мое: отсрочка до 1го сентября; я и так уж просрочу его, даже если выеду в среду, 25го; вот головомойка-то будет в Москве! Но лучше головомойка и риск в Москве, чем запас и М.А. здесь. Мне просто жалко себя — как я бьюсь без толку и все не могу выехать. Если не продлят мне пропуск, тогда — каюк. Толстых я просто не имею права беспокоить 2^й раз. Да, поистине трагедия — и поистине бардак, что все так организовано, что даже давая взятку, и то нельзя выехать. Чорт знает что такое! Сегодня — новое интереснейшее известие: Литвинова сняли с поста посла СССР в Америке. Проект Восточно-Европейской конфедерации, истории с поляками, отставка Майского, сообщение о предполагаемой поездке Бенеша в Москву, опровержение ТАСС, касающееся предполагаемого присутствия представителей СССР на конференции в Квебеке — отставка Литвинова, статья о 2^м фронте в «Правде», факт поездки Идена и Хэлла на конференцию в Квебеке, вот серия событий первостепенной важности, еще более существенных, нежели завершение военных действий на о. Сицилия или событий в Италии. Совершенно ясно, что отставки послов знаменуют собой начало проведения в союзных странах какой-то новой дипломатической политики СССР. Но какая это будет политика? Я думаю, — и, к сожалению, все, по-видимому, говорит об этом, — что новый курс нашей политики будет «твердый»: мол, да-

¹ не так уж это невозможно.

² если судить по.

вайте открывайте Второй фронт, хватит играть. Приблизительно так. Ведь Литвинов скорее известен как англофил... А вдруг — наоборот? Союзники сочли этих послов слишком твердо проводящими политику настаивания на 2^м фронте, и мы решили сменить этих послов... Но это очень маловероятно; первое предположение весьма правдоподобно, в свете последних газетных статей и сообщений. Все говорят о том, насколько важной будет квебекская конференция. Она будет очень решающей потому, что там присутствуют Хэлл и Иден, — значит, там будут говорить о международных делах и о 2^м фронте, это уж наверное. И об отношениях с нами. Да, эта конференция будет очень существенно важной и решающей. Прочел блестящую комедию (*fin de siècle*¹) Paul Gavanet'a (автора «*La petite chocolatière*»): «*Le Mannequin*». Очень весело, *très parisien*² (и устарело тоже, конечно). Прочел также роман Ferris-Pisani «*Stérilité!*» (sic). В результате знаю много об абортах. И то хлеб. Сегодня должен зайти Валя Берестов. Эх, жизнь!

24/VIII-43

Мое положение представляется следующим образом: надо продлить просроченный пропуск — и это прежде всего. Вчера говорил с Лугиным по этому поводу; он может помочь, позвонив кому-то там в милицию, но для этой помощи нужно письменное основание, почему задержан пропуск, и сегодня мне надо уловить Савина (члена Совета Литфонда, который ко мне хорошо относится) и получить, елико возможно, такую бумажку-ходатайство от Литфонда; с этим в руках Лугин уже сможет действовать. А утром в 10 ч. надо будет восстановить связь с Бендерским — посулить ему лишнюю сотню, и чтобы он брал билет на пятницу *soûte que soûte*³. Вчера пришлось продать за 200 р. пропуск в детмаг, чтобы восстановить равновесие в 500 рублях, необходимых на билет. Да, *ma situation*⁴ сейчас очень шаткая — у меня остается неделя до 1го сентября, срока отсрочки в приписном свидетельстве; если до 1го я не уеду, то мне придется вновь вставить здесь на учет,

¹ конца века.

² очень парижское.

³ во что бы то ни стало.

⁴ мое положение.

получать военный билет — в общем, затевать обычную военкоматскую нескончаемую волюнку. Надо обязательно выехать в пятницу, в воскресенье или в понедельник (в среду у меня еще не будет ясно с пропуском). У М.А. все нет денег. Наши войска взяли Харьков. Дипломатический корпус вернулся из Куйбышева в Москву. Читаю «Скутаревского» Леонова.

25/VIII-43

Вчера, минуя Лугина и просидев часа три в очереди в ожидании начальника, я получил продление пропуска до 15го сентября. Это — большая победа; в этом мне помог Шильдкрет — через него мне удалось вчера рано утром получить заявление от Рахмедова, директора Литфонда, и это определило темп всего дня; оказалось к тому же, что в первый раз мне продлили пропуск совсем не там, где обычно продлевают. Так или иначе, пропуск продлен, и это очень хорошо. Видел Бендерского; он говорит, что насчет пятницы еще ничего неизвестно; увижусь с ним завтра. Заходил вчера к Раечке; ее не было дома; попросил ее сестру передать ей, чтобы она зашла ко мне утром; она звонит все мне без толку (меня не застает). В общем, я к ней совершенно охладел: она эгоистка, ей на меня начхать, и ей интересно лишь, чтобы я завез ее письма и помог выбраться из Ташкента в Москву. Кроме того, ее круг знакомств, всякие там одесские спекулянты и сраные шепелявые режиссеры, вся эта богема без культуры, все эти идиотские рвачи, — нет, все это мне глубоко чуждо и противно, и я не могу иметь настоящих отношений с человеком, якшающимся со всей этой честной компанией. Правда, у меня есть надежда, что какой-то ее Шурик достанет мне билет, но Рая такая забывчивая и бестолковая (*âme slave*¹), что, конечно, сегодня не зайдет и про билет забудет, а мне можно ехать только 27го, 29го или 30го, — позже придется начинать волюнку с военкоматом. Денег нет; в этом отношении положение архихреновое. Читаю «Скутаревского» Леонова. Очень хорошо, но композиция никуда не годится, как и в «Воре». Все ждут 2го фронта. Ждите, ждите! Впрочем, и я надеюсь.

¹ славянская душа.

АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ОДИНОЧЕСТВА

В 1940 году, в Москве, готовя к изданию сборник своих избранных стихов, Марина Цветаева включила в него стихотворение 1924 г. «Под шалью». Оно было написано в Чехии, молодая Цветаева тогда ждала ребенка и была полна одновременно и пугающих, и радостных ожиданий.

...Женщина, в тайнах, как в шальях, ширишься,
В шальях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная – как счастливица –
Ель на вершине мгливой.
Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, что у тебя под шалью?
– Будущее!

Вот с этим «Будущим» и познакомился теперь читатель, закрыв последнюю страницу дневников Георгия Эфрона.

Общее впечатление от чтения, несомненно, тяжелое. Но спросим себя: а случилось в последние годы или в более давние времена, прочесть нам книгу или публикацию о Цветаевой без того, чтобы скорбь не охватила нашу душу, возможны ли вообще такие публикации? Да, на этих страницах мы узнали еще одного страдальца из этой страдальческой семьи. С ним было тяжело общаться и еще тяжелее расставаться. И возможно, чтобы оттянуть это неизбежное расставание, нам, как первым (по времени) и усердным (по долгу) читателям, хочется попытаться дать самим себе отчет о личности героя этой книги.

У одного французского писателя есть наблюдение над портретами людей, кому суждено рано уйти из жизни. На фотографиях, снятых в самые благополучные периоды, их лица грустны, если не мрачны. Можно сказать, что судьба написана у них на лице. Из-за этой печати они всегда выглядят старше своих лет.

Внешность Георгия Эфрона с младенчества поражала окружающих.

«Я пошла смотреть на маленького Мура. Я уже наклонилась над кроваткой с деланной улыбкой. И представьте себе: на меня оттуда смотрело чудовищное, абсолютно взрослое лицо четырехмесячного ребенка».

Это самое раннее впечатление. Вот другое, о нем — дошкольнике.

«Мне он напоминал одного из императоров времени упадка Рима — кажется, Каракаллу. У него было жирное, надменно-равнодушное лицо, золотые кудри падали на высокий лоб, прекрасного ясно-голубого цвета глаза спокойно и не по-детски мудро глядели на окружающих».

И еще одно.

«Я этого мальчика знала до 12 лет, и я никогда не видела, чтобы он улыбнулся. В нем было что-то странное. Но про ребенка, который до 12 лет никогда не улыбался, нельзя сказать, что у него было счастливое детство!»¹

От его школьных лет сохранилась тетрадь сочинений 1936–1937 гг. Одно сочинение мы приведем полностью (в русском переводе В.Лосской). Заданная тема: «Опишите дом, в котором Вам хотелось бы жить. Где бы он находился, как был бы расположен». Вот текст этого произведения, автору которого, напомним, неполных 12 лет.

«Я бы хотел жить в доме, построенном исключительно из хромированной стали и строительного камня. В нем было бы два пулемета против авиации и два простых, чтобы защищаться против наступления, если бы началась война.

Он бы находился на плоской территории, вокруг него был бы большой аэродром, полно авионов, танки, арсенал.

Внутри мебель была бы самая современная и удобная. Снаружи он был бы обнесен огромной стеной в сто метров высотой. Сам дом был бы высотой в двести метров. Кроме пулеметов и

¹ Все три цитаты см.: *Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. М.: Культура и традиция, 1992. С. 102, 143, 144.*

танков и авионов, было бы пять пушек самой последней модели. Мои авионы были бы распределены вот так: 10 истребителей, 10 транспортных, 10 бомбометов и 10 скоростных. Мои танки были бы русскими, очень быстрыми, и они стреляли бы так, что не поздоровилось бы тем, кто бы на меня нападал. У меня были бы запасы воды и еды.

Мой дом находился бы в России, у самой японской границы. Четыре входные двери были бы толщиной в 10 метров и высотой в 12 метров. В них было бы два окошка для надзора, и в этих окошках были бы всажены два страшных револьвера высокоскоростной стрельбы: они стреляли бы в тех врагов, которые решились бы перейти ограду.

Ограда была бы высотой в 100 метров, толщиной в 10 метров, и по моей воле установленные пушки безостановочно обстреливали бы японцев, которые на меня нападали.

Аэродром был бы размером в 1 километр. В него был бы только один вход, через который суперавионы смогли бы пролезть. После вылета открывались бы специальные «ворота» из дюралюминия и хромированной стали. Эти ворота были бы размером в 50 метров.

Живя в этом доме, я всегда носил бы с собой два револьвера. Горе тем японцам, которые хотели бы на меня напасть, им бы не поздоровилось; узнав о том, что один из его полков погиб, Микадо потеряет свой бинокль и упадет с разукрашенного своего трона»¹.

Оценка сочинения — 8, что по двадцатибалльной системе ниже средней, т.е. почти двойка. Напротив первой фразы на полях ремарка учителя: «У Вас невозможные мечты», напротив последнего абзаца: «Это экстравагантно и не относится к заданной теме». Мы же, в свете дальнейшей судьбы Георгия Эфрона, бездомной и беззащитной, видим в этой крепости символ его жизненной позиции — одинокого противостояния враждебному миру.

Здесь, может быть, уместно сделать отступление о двуязычии автора. Знание французского языка у него абсолютное, он выражается на нем почти так же свободно, как на русском. В обоих языках встречаются, правда, стилистические ошибки, во французском в употреблении прошедших времен, артиклей и т.п., в русском нередко галлицизмы. Детям русской эмиграции

¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 282.

Следующих поколений воспрещалось в разговоре переходить с одного языка на другой внутри одной фразы или русифицировать французские слова, — так сохранялась чистота русской речи. Георгий Эфрон тоже следит в дневниках за правильностью языка (того и другого), однако позволяет себе часто запрещенные вольности, вставляя французские слова в русский текст или русифицируя их. Отметим также наличие во французском тексте дневников огромного количества грубостей. Их источник — общение со сверстниками в кламарской школе, точно так же, как русские непристойности появляются в его записях после голицынской школы. Как любой жаргон, это средство самозащиты и разрядки напряженного состояния. Разумеется, устно так выражаться в той среде, где он жил, было невозможно. И тут невольно задаешь себе вопрос: читала ли Марина Цветаева дневники сына? В семье не было принято ничего прятать, и его тетради, как всю жизнь и ее собственные, конечно, лежали открыто на столе. Что она могла их открывать, свидетельствует ее запись на пустом месте внизу страницы в дневнике № 9 о подарке сыну красно-синего карандаша.

Читателя дневников, возможно, удивит полное отсутствие в записях Г.Эфрона веселости, юмора, смеха. Он не описывает ни одного комического положения, сценки, не приводит ни одной шутки, анекдота, остроумной реплики. Конечно, жилось ему очень невесело. Но все же были в его жизни и спокойные, относительно стабильные месяцы, когда он был поглощен школьной жизнью и, казалось бы, жил ее интересами. Но даже тут он не рассказывает ни одного смешного случая, а в школе, каждый это по себе знает, они бывают почти ежедневно. Когда он пишет «я остроу» — это просто сухая констатация, ни одной своей остроты он не приводит. И остается впечатление, что в любой среде он подобен капле масла в воде — неслиянен, отделен своей оболочкой, своим удельным весом. Он очень тяготеет к этой своей отдельности, анализирует ее, видит корни ее в своей биографии, в воспитании, в драматических семейных обстоятельствах. Одиночество, повторим, это навязчивый лейтмотив его короткой жизни. На обороте одного из сохранившихся конспектов по языкознанию мы обнаружили фрагмент его письма с подписью «твой друг Мур», но без начала, — в нем зимой 1944 г. он исповедуется неизвестному нам адресату: «Одному жить очень трудно; но гораздо хуже общаться с чуждыми и непонимающими людьми. Вся беда в том, что я веселый и об-

щительный человек; смех я ценю исключительно высоко, «общество» — великая вещь; но что же делать, если мне не смешны анекдоты, а «им» не смешны мои выпады; что же делать, если «общество» оказывается решительно не на высоте, исключительно примитивно, некультурно? К тому же работа — скучная и нелюбимая, быт — заедает, семьи (семья нужна хотя бы как «фон») — нет. Остаются книги и «низшие» радости материального порядка. Но без людей жить невозможно и противоестественно. И ужас, ужас, что время бежит безвозвратно. Лишь есть надежда на ложность утверждения того, что «молодость — лучшее время». Американцы говорят — «жизнь начинается в сорок лет». Даже есть фильм того же названия. Может, надо через это пройти, через эту мучительно затянувшуюся безрадостную молодость, чтобы впоследствии хоть что-то обрести, хоть спасительную глупость и дешевку.

Впрочем, у меня, возможно, болезнь воли. Если я не знаю, куда идти, и решаю почему-либо идти направо, то я тотчас же пойду налево, так как первоначальное решение, как решение — насилие. И я всегда все делаю наперекор себе, прямо какое-то извращение, часто во вред себе, лишь бы избежать ненавистного благоразумия, системы, целесообразности»¹.

Последнее утверждение противоречит, кажется, общему впечатлению от чтения дневников Георгия Эфрона, в которых он предстает человеком весьма прагматичным и вовсе не спонтанным. И это заставляет нас взглянуть на его записи не только как на документ самовыражения и самопознания, но в большой степени — и самовоспитания, и самообороны — от чуждой среды, от страшного мира вообще. И в этом упорном отстаивании себя он воистину сын своей матери. Как он бесстрашен в своих записях! Мальчик, у которого арестованы отец, сестра, почти все знакомые отца, который не может не загадывать о своем будущем («неужели и меня ждет судьба Али?»), свободно пишет свои мнения о международной политике, о людях, их судьбах, об октябрьских днях 1941 г. в Москве, и это не юная непуганность, не самонадеянная уверенность в собственной сохранности, это отстаивание себя — не дать себе струсить, залениться, махнуть рукой на себя, опуститься («Неужели стал опускаться?» — реплика самому себе в эшелоне). «Надо мной все издеваются, что я пишу дневник», — в том же эшелоне, во время бесконечной до-

¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 285. Л. 31 об.

роги в Ташкент. Но он все-таки его пишет, на виду у всех, а потом убирает тетрадь в портфель и уходит на три часа в очередь. И в Ташкенте, в общежитии, в комнатке без замка тетради стоят на полке... Сколько мы слышали-читали про то время, когда сосед доносил на соседа, сослуживец на сослуживца, но есть хотя бы одно утешение при взгляде на его горькую жизнь: на него никто не донес, — эти неорганизованные, некультурные, распущенные (а он не скупится на такие эпитеты) простые советские люди его не предали.

Отметим и еще одну чисто цветаевскую черту: у него исторический взгляд на собственную жизнь. «Но я полон любопытства к своей собственной судьбе, и мне объективно интересно, с точки зрения историка и романиста, как она будет в дальнейшем разворачиваться», — и в этом, кстати, разгадка объективного, т.е. не эмоционального, тона его записей.

Из литературных опытов Георгия Эфрона сохранилась записная книжечка «Проба пера», перевод с французского двух первых глав романа Ж.Сименона «Приключения моих друзей», отдельные прозаические и стихотворные наброски. Нам хочется привести одно шуточное стихотворение, которое написано на обороте листка конспекта с записями грамматических категорий и форм, — оно показывает совсем другого Георгия Эфрона, милого и наивного.

О весне писали много...
Мне сказали: вновь пиши,
И проторенной дорогой
Захотелось мне пойти.
Взял перо я быстро в руку
И, задумавшись едва,
подавляя злую скуку,
Вывел перышком: «Весна».
Сим названием банальным
Озаглавив мысль мою,
Я промолвил: «Всё нормально —
Про весну я Вам спою».
«Весна — сезон любви и скачек в гипподроме,
Весной текут ручьи и трогается лед...
Весною ветерки бегут сквозь двери в доме,
И весело снует без валенок народ.
Весну прославим мы во всех ее красотах,
О ней мы пропоем на все лады поэм,

Вероника Лосская, Елена Коркина

Весне мы придадим все чары Ланселота,
Весны мы будем описатель — Брэм!»
Написавши эти строки
И поставив руки в боки,
Заорал я в диком раже:
«Я грамматику уважил!
Просклонял весну я шибко,
Очень точно, без ошибки!
Слава мне, и мне ж — урра!»
— Так воскликнул я тогда.¹

Своей начитанностью Георгий Эфрон поражает и современного читателя. Он принадлежал к той части русской эмиграции, где читали много и на разных языках. Он тоже читает много и умно: Монтерлан, Бергсон, Валери, Клодель, Жид, Сартр, Малларме, Шекспир, Достоевский, Писемский, Леонов — это совсем не легкое чтение.

Обращает внимание отсутствие в дневниках упоминания о «семейной» Москве — ни разу не говорится о Музее на Волхонке, созданном его дедом, И.В.Цветаевым, нет речи и о посещении семейных могил на Ваганьковском кладбище. А ведь это могло бы его как-то укоренить в Москве!

При всем эгоцентризме автора, моральной слепоте многих его записей, при всех щемящих душу подробностях совместной жизни матери-поэта и подростка-сына и последующего горького его сиротства, словом, при всем драматизме и скорби этой книги, задевающей за живое, лишаящей равновесия, постараемся не поддаваться тяжелым чувствам, чтобы трагизм вновь открывающихся биографических подробностей не заслонял от нас вечный фон Бытия Поэзии.

Вероника Лосская, Елена Коркина

¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 285. Л. 24 об.

ПРАВО НА ВОСКРЕШЕНИЕ

Достижения К. Циолковского, Л. Толстого, Ф. Достоевского вдохновили известного философа, библиографа и архивиста XIX в. Николая Федорова на идею о праве каждого человека на воскрешение, причем не в жизни загробной, а здесь, на земле. Этот час настал и для Георгия Эфрона.

То, что его дневники носят характер мучительно-напряженного даже не чтения, а проживания текста, только усиливает и без того магнетическую притягательность автора. Читателя словно засасывает в повествование, изо дня в день становящееся все более и более «черным». Но сегодняшняя искушенная публика вполне подготовлена к такому испытанию — позади бум документалистики и расцвет литературы non/fiction.

В записях молодого человека явно определяются две основные темы: история последнего года жизни Цветаевой, ее семьи и окружения и рассказ о повседневной жизни, отраженной наблюдательным взглядом современника. Здесь индивидуальность автора выражена необычайно сильно. Георгий Эфрон — член семьи, на судьбу которой легли великие испытания, сын поэта-легенды, человек уникальной биографии. Родившийся во Вшенорах, пригороде Праги, и выросший в Париже, он, попав в СССР образца 1939 года, пережил огромное психологическое потрясение. Раздвоенность, противостояние и взаимодействие двух миров неизбежно отразились на мышлении Мура (так звали Георгия домашние). Оно уникально не только по своей генетической предопределенности, но и по обстоятельствам формирования: освобожденное от самоцензуры, имеющее широкую образовательную базу и лингвистическую состоятельность.

Острота взгляда на происходящее, чувство историчности и избранности — эти свойства, как ни удивительно, были характерны для молодых людей конца тридцатых годов XX века. Наряду с идеологически обусловленным массовым сознанием на пороге Великой Отечественной войны появилось новое поколение «гениальных мальчиков», чистых и смелых, которые обладали мистически прозорливым видением будущего. Откровением конца 1980-х гг. стали дневники Лёвы Федотова, юноши из «дома на набережной», с абсолютной точностью пророка описавшего события конца 1930-х — 1950-х гг.¹

Рассуждая 16 июня 1940 г. о заключенном СССР с Германией пакте о ненападении и последовавших военных успехах Гитлера в Европе, Георгий Эфрон дает практически точный прогноз на будущее: «Если Германия победит², то она непременно пойдет против нас («Mein Kampf», А.Hitler). Опять-таки ничего нельзя предположить «холодно», потому что теперь мировая политика готовит неожиданные сюрпризы буквально на каждом шагу, и легко можно ошибиться». Но он не ошибается... «Возможно, что победа Германии создаст для СССР опасную угрозу. В Эстонии, Латвии и Литве мы укрепляемся против кого? Строим военноморские базы для чего? — Конечно, чтобы предотвратить возможное нападение немцев... Очень возможно, что после победы над Францией и Англией Германия будет некоторое время вооружаться, укрепляться и сковывать свои силы для нападения на СССР — так что может пройти много времени, пока она на нас нападет... Во всяком случае, будущее нам принесет много неожиданностей самого разного характера. СССР ведет свою игру мастерски, и в конце концов я не сомневаюсь, что он эту игру выиграет»³. Не сомневается Георгий и в захватническом характере советских притязаний. Главной целью будущего победоносного похода Советской армии он видел идею мирового коммунизма и ее распространение в странах Европы. Этот анализ, который дал пятнадцатилетний юноша разворачивающейся мировой катастрофе, еще раз убеждает нас в идеологической ложности столь долго существовавшего мифа о «вероломном нападении фашистской Германии на СССР».

¹ Дневники Л.Федотова легли в основу сценария документального фильма «Соло для трубы» (сценарий Л.Рошаль, режиссер А.Иванкин).

² Имеется в виду полная победа над Францией после того, как 14 июня немцы без боя вошли в Париж.

³ Т. 1. С. 81,82.

В дневниках Мура мы находим портреты литературных оппонентов и даже противников Цветаевой, интересные свидетельства о них. Но люди, несмотря на жестокость «времени выживания» со всем его предательством и умолчанием, составляли главную ценность и опору жизни потерявшихся Цветаевых-Эфронов. Предательство и поддержка, равнодушие и сердечность, обман и порывы самопожертвования, ненависть и дружба явились той частью мира, в котором Георгию завещала жить покинувшая эту землю мать.

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь.
Когда вас берут за горло —
естественно взяться за нож.
Но нож называть святыней
и, вглядываясь в лезвие,
начать находить отныне
лишь в нем отражение свое, —
нет, этого я не умею,
и этого я не могу:
от ярости онемею,
но яростью не солгу!
У всех увлеченных боем
надежда живет в любом:
мы руки от крови отмоем
и грязь с лица отскребем,
и станем опять как прежде,
не в ярости до кости:
и этой большой надежде
на смертный рубеж вести.

Эти «непатриотические» стихи Н.Асеева, возводившие, по мнению Н.Тихонова, поклеп на русский народ, который не хочет быть убийцей¹, увидели свет только в 1962 г. Слежка и доноительство были очень распространены, а агентурные данные НКГБ СССР — один из самых достоверных источников о реальных «людях и положениях». Вот фрагмент одного из таких документов: «Н.Асеев «высказал враждебную реакцию» о роли писателей в годы войны: «Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться...» А также высказал общее мнение о литературе: «В России все писатели и поэты постав-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279. Л. 62.

лены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас — литература казенная...»¹ К. Чуковский, по тем же агентурным данным, считал, что «русская литература в условиях деспотической власти заглохла и почти погибла... Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев — позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира. ... Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать». Л. Кассиль подчеркивал, что вырождение литературы дошло до предела, а «Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя на квартирах и обсуждать написанное сообразно своим творческим симпатиям и взглядам»². И подобные свидетельства можно приводить дальше.

Дневники Мура — хроника жизни литературной среды, которая окружала их с матерью в дни скитаний. Беспощадный приговор вынес автор советской интеллигенции, склонной к панике, неустойчивым взглядам и настроениям. Так, ее отношение к англосаксонским союзникам колебалось между комплексом неполноценности «исконной вражды» этих стран к СССР и симпатиями к этим странам, «ибо кто после войны будет «нас снабжать продовольствием, кто будет помогать восстанавливать промышленность?»» И еще: «В интеллигентах борется сознание, что союзники слишком много говорят и слишком мало делают, и желание попользоваться в будущем благами, исходящими от этих же союзников. Из разговоров явствует, что жалеют не о Днепрогэсе и майкопской нефти, а о санаториях в Кисловодске и дачах. Им бы очень хотелось, чтобы союзники разбили немцев, восстановили границы СССР, а потом завалили продуктами, восстановили промышленность и немного смягчили «систему»³.

Перед нами самый обыкновенный молодой человек, находящийся в эпоху репрессий и войн «на краю» жизни. Смерть — важнейшее действующее лицо в исторической драме советской

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 119. Л. 59–65. Вопросы литературы. 1991. № 4.

²Записка наркома НКГБ СССР Меркулова опубликована в ж. «Родина». 1992. № 1. С. 92–96.

³Т. 2. С. 138.

истории. Опыт голода и выживания встроено в тело. И в этих условиях жажда выжить — самая главная проблема. Порой события, описываемые в дневниках, так тяжелы и безысходны, что поневоле возникает мысль о литературном происхождении текста. Тем более что стиль и манера изложения слишком сильно напоминают популярные стилизации подлинных записей. Возвращение к действительности с каждым разом стремительно сужает и делает еще более мучительным предощущение истинной трагедии. Читая дневники 1941 года, которые, на первый взгляд, поражают своим отчуждением и даже черствостью, мы понимаем, что ведение их — это, может быть, единственный шанс продолжать жить.

Трудно представить, что автор, этот пятнадцатилетний мальчишка, — наш современник. Сегодня Георгию Сергеевичу Эфрому исполнилось бы 79 лет. А Митька, Дмитрий Сеземан, самый любимый друг Мура, живет в Париже, и ему можно в любую минуту позвонить и услышать его голос, голос из прошлого.

Дневники Георгия Эфрона прочитаны. И как все настоящие книги, они изменяют представление о мире и человеке. В XX веке таким был рассказ «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, в XXI веке, возможно, станет роман Р.Д.Г. Гольего «Белое на черном». Мы не сомневаемся, что эти дневники вызовут потрясение и переворот в душах читателей и станут событием не только литературного ряда, но и явлением нашей жизни.

Татьяна Горяева

Примечания

ДНЕВНИКИ. Том 2

ДНЕВНИК № 10 (продолжение)

С. 7. *Сестры Синяковы*: Ксения Михайловна (1893–1985), жена Н.Н.Асеева; Мария Михайловна (1890–1984), по мужу Уречина, художница; Надежда Михайловна (1889–1975), по мужу Пичета, певица; Вера Михайловна (1895–1973), жена писателя С.Г.Гехта.

С. 8. *Оснос* Юрий Александрович (1911–1978) — переводчик, драматург, историк театра, муж писательницы Жанны Владимировны Гаузнер (1912–1962), дочери В.М.Инбер.

С. 10. *Боков* Виктор Федорович (р.1914) — советский поэт.

С. 36. «*1re Poésies*» de Musset — «Первые стихотворения», сборник А. де Мюссе.

С. 52. «*Paludes*», «*Le Retour de l'Enfant prodigue*» — «Болота» (1895), роман А.Жида; «Возвращение блудного сына», роман не установленного нами автора.

С. 61. «*Les Cloches de Bâle*», «*Les Beaux Quartiers*» — «Базельские колокола» (1934), «Богатые кварталы» (1936), романы Л.Арагона.

С. 66. «*Les Faux-Monnayeurs*» — «Фальшивомонетчики» (1925), роман А.Жида.

С. 79. *Державин* Владимир Васильевич (1908–1975) — поэт и переводчик.

С. 80. «*Les caves du Vatican*» — «Подземелья Ватикана» (1914), роман А.Жида.

С. 89. *Криницкий Марк* — псевдоним прозаика и драматурга Михаила Владимировича Самыгина (1874–1952). Подробнее о нем см.: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. «Литературное наследство». Т. 98. М.: Наука, 1991. С. 362–423.

С. 99. «*Pontaillass, воспоминания о море и жене Шалапина*». — Летом 1928 г. в Понтайяке собралась на отдых большая русская колония; возможно, что на какой-то срок приезжала туда и Мария Валентиновна Шалапина.

«*Расцвет «Front Popu»* — сокращение от «*Front populaire*», «Народный Фронт» — коалиция левых партий, пришедшая к власти во Франции в июне 1936 г. и удержавшаяся до лета 1938 г.

С. 125. «*Составляю сборник лучших стихов...*» и т.д. — Здесь и далее речь идет об осуществленном замысле. Сохранилась записная книжка, в которую Г.Эфрон переписал свои любимые стихотворения и прозаические отрывки разных авторов (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 229. Л. 1–63). Сборник носит заглавие «*Diverses Quintessences de l'esprit moderne. Различные квинтэссенции современного духа. (XIX–XX веков). Антология цитат*». Место составления антологии обозначено следующим образом: «*Asie soviétique. 1942. Tachkent*». В сборник вошли фрагменты из романов А. де Монтерлана, Э.Хемингуэя, А.Жида, О.Хаксли, Л.Ф.Селина, цитаты из произведений А.Бергсона и И.Тэна, отрывки из «*Senilia*» И.С.Тургенева, стихотворения (и фрагменты) П.Верлена, Ш.Бодлера, С.Малларме, П.Валери, О.Мандельштама, А.Ахматовой и Н.Гумилева.

С. 131. «*Poèmes Barbares» Leconte de Lisle'a* — «Варварские стихотворения» (1862), сборник Шарля Леконт де Лилля (1818–1894).

С. 132. «*Непрерменно надо будет попасть в Ашхабад...*» — Это стремление, красной нитью прошивающее последние записи 1941 г., не осуществилось. Что касается встречи Г.Эфрона с Д.В.Сеземаном, то мы имеем свидетельство из первых рук. В разговоре с В.К.Лосской в декабре 2003 г. Д.В.Сеземан рассказал: «В Азии мы с Муром встретились, но не в Ашхабаде, а на вокзале в Ташкенте. Поезда в то время шли очень медленно, поезд стал в Ташкенте и стоял два часа. Мы тогда вместе долго разговаривали. Он подробно рассказывал мне о визите М.И. к Эренбургу. Я помню, как, еще во Франции, М.И. приходила к моей матери и почему-то в слезах расспрашивала ее об Эренбурге, т.к. Эренбург все уговаривал М.И. ехать в Москву: «там писатели, литературная среда и т.д.». И М.И. все спрашивала мать: «А как Вы думаете, Эренбург — порядочный человек?» Мать говорила: «Вполне». Так вот, значит, виделись мы с Муром не в Ашхабаде, он в Ашхабад вовсе не ехал, ехал я, а виделись мы на вокзале в Ташкенте, он тогда там жил...» Встреча эта состоялась, по всей видимости, в 1942 г., когда МГУ, где Д.В.Сеземан учился, был переведен из Ашхабада в Свердловск, и через Ташкент он ехал именно туда.

ТАШКЕНТСКИЕ ЗАРИСОВКИ

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 228. Л. 25–39.

Записная книжка, озаглавленная «Проба пера», в желтой картонной обложке, с черным матерчатым корешком. Заполнена до конца, черные чернила, последние страницы вырваны, поэтому последняя запись обрывается на полужае.

Под заглавием «Ташкентские зарисовки» Г.Эфрон поместил в эту записную книжку несколько фрагментов своих дневниковых записей. Поскольку дневников за 1942 г. не сохранилось, мы помещаем эти записи на своем хронологическом месте в нашей книге.

О ташкентской жизни Г.Эфрона сохранились другие документы и свидетельства современников. Рекомендуем читателям следующие издания: *Эфрон Г.* Письма. М., 2002 (2 изд., испр.); *Бабав Э.* Воспоминания. СПб.: Инапресс, 2000 (глава «Улисс»); *Белкина М.* Скращение судеб. М.: Благовест/ Рудомино, 1992 (2 изд., доп., глава «Мур»); *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1997 (приложение «Из ташкентских тетрадей», подготовленное к печати Е.Ц.Чуковской).

С. 134. «Недавно зашел к одному известному профессору-пушкинисту». — Речь идет о Мстиславе Александровиче Цявловском (1883–1947) и его жене Татьяне Григорьевне Цявловской (урожд. Зенгер, 1897–1978).

С. 135. «Мне все это напоминает басню Фенелона о Pyrrhus». — Pyrrhus — Пирр (319–272 до н.э.), царь Эпира, в 279 г. одержал победу в войне с Римом ценой огромных потерь, откуда пошло выражение «пиррова победа». Франсуа Фенелон (1651–1715), французский писатель, автор знаменитых прозаических басен (1690).

С. 139. «Дамы-сливки». — Имеются в виду Людмила Ильинична Толстая (урожд. Крестинская, 1906–1982), жена А.Н.Толстого; Тамара Владимировна Иванова (1900–1995), жена Вс.Иванова. Личность третьей из упомянутых женщин установить не удалось.

Радзинская Софья Юрьевна, жена драматурга С.А.Радзинского (1889–1969) и мать писателя Э.С.Радзинского.

С. 142. «Писатель Басов. Сед, как лунь... Похож одновременно на Тургенева и на Чернова». — Вероятно, речь идет о Сергее Александровиче Басове-Верхоянцева (1869–1952). Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) — один из основателей партии социалистов-революционеров, с 1920 г. жил в эмиграции; Цветаева была знакома с его семьей.

ДНЕВНИК № 13

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 227. Л. 3–19.

Тетрадь в линейку, без обложки; отдельные листы писчей бумаги; фиолетовые, черные и синие чернила.

С. 142. *Изя* — в дневнике фамилия этого знакомого Г.Эфрона ни разу не упоминается. По свидетельству М.И.Белкиной, речь может идти об Исааке Наумовиче Крамове (р. 1919), в то время студенте ИФЛИ, освобожденном от армии по болезни (тяжелая форма туберкулеза) и работавшем в Ташкенте в многотиражной газете авиационного института, с которым Г.Эфрон познакомился у Л.Г.Бать.

П.Д. — Полина Дмитриевна Крестинская, теща А.Н.Толстого, мать его третьей жены Л.И.Толстой.

С. 144. «...*каким образом разойтись с Марией Александровной?*» — Имеется в виду хозяйка комнаты, в которой Г.Эфрон жил по приезду в Ташкент до лета 1942 г., когда ему удалось получить отдельную каморочку в общежитии писателей по адресу ул. Карла Маркса, 7. У этой Марии Александровны (фамилии ее установить не удалось) в июне 1942 г. Г.Эфрон, доведенный голодом до преступления, похитил и продал ряд вещей. Когда все обнаружилось, он дал обязательство выплатить пострадавшей стоимость проданных вещей (3 т. руб.), что и делал в течение всего своего пребывания в Ташкенте. Подробнее об этой истории см. *Эфрон Г.* Письма. С.50–53.

С. 145. «*Вечером начал писать письмо Муле...*» — см. *Эфрон Г.* Письма. С. 102–110.

С. 146. *Эфрос* Абрам Маркович (1888–1954) — искусствовед, переводчик.

Мадафас — прав.: Мадерас Эмиль (1884–1962), венгерский писатель, с 1922 г. живший в СССР.

С. 147. *Голодный* Михаил — псевдоним советского поэта Михаила Семеновича Эпштейна (1903–1949).

С. 148. *Лежнев* Исай Григорьевич (1891–1955), публицист, издательский работник, в Ташкенте занимал должность секретаря Президиума СП Узбекистана.

Дейч Александр Иосифович (1893–1972) — писатель, литературовед, критик; в годы эвакуации муж Л.Г.Бать.

С. 150. «...*и мою книжечку «Quintessences»*». — См. примеч. к с. 125.

С. 151. *Мусин* Илья Александрович (р. 1903) — дирижер и педагог; в Ташкент был эвакуирован вместе с Ленинградской кон-

серваторией. Дирижировал, в частности, первым исполнением 7-й симфонии Д.Д.Шостаковича в Ташкенте 22 июня 1942 г.

Фейнберг Самуил Евгеньевич (1890–1962) — пианист и композитор.

С. 152. «*Искусство карьеры*» — спектакль Театра Революции по пьесе Эжена Скриба (1791–1861).

Алимджан Хамид (1909–1944) — поэт, критик, председатель СП Узбекистана.

С. 154. «*Живой труп*» — спектакль театра под рук. И.Н.Берсенева по пьесе Л.Н.Толстого.

С. 155. «*Суп изготовила соседка Мария Михайловна...*» — Совершенно случайно можно установить фамилию и год рождения этой доброй женщины. На обороте одного прозаического наброска Г.Эфрона мы обнаружили начало составленного им списка жильцов, где под № 1 записана Пирогова Мария Михайловна, 1896 г. рождения (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 12).

Ломакин Николай Андреевич (1913–1975) — второй секретарь ЦК партии Узбекистана в период 1941–1949 гг.

Митя Толстой — Дмитрий Алексеевич Толстой (р. 1923), композитор, младший сын А.Н.Толстого и Н.В.Крандиевской-Толстой; автор книги «Для чего все это было: Воспоминания». СПб.: Библиополис, Композитор, 1995.

С. 156. «*УП.Д. нелады с Митей Толстым...*» и т.д. — «Но вот кого я совершенно не выносил, — пишет Д.А.Толстой, спустя годы, — это ее мать Полину Дмитриевну. Папина теща, невзлюбившая меня с первого взгляда, была седая грузная женщина с величественным лицом и тяжелой нижней частью туловища. <...> Она была бережлива до скупости и заведовала ключами от погреба, где хранились запасы отборной снеди. К счастью, в доме у меня был важный союзник — домработница Лена Герасимова, которая пришла в наш пушкинский дом 19-летней девушкой, которая любила меня, когда я был маленьким, и с которой мы всегда дружили» (*Толстой Д.А. Указ. соч. С. 213*).

С. 158. «*С оказией Л.И. прислала мне письмо...*» — Это письмо Л.И.Толстой сохранилось, см.: *Эфрон Г. Письма. С. 217*.

С. 161. «*Le Château de Franz Kafka* — «Замок» (изд. 1926), роман Франца Кафки (1883–1924).

С. 164. «*La Madelon*» — «*Quand Madelon*», французская песня (авторы Луи Буске и Камиль Робер) 1913 г., ставшая популярной в годы Первой мировой войны.

С. 165. *Тамаркина* Роза Владимировна (1920–1950) — советская пианистка, ученица А.Б.Гольденвейзера и К.Н.Игумнова.

С. 167. «Мистер Бантинг» — роман Джеймса Гринвуда «Мистер Бантинг в дни войны и в дни мира».

С. 170. «Мои английские знакомые» Ирины Эренбург — имеется в виду опубл. в ж. «Молодая гвардия», 1936, № 4 под псевдонимом Ирина Эрбург рассказ «По ту сторону. Мои английские знакомые» дочери И.Г.Эренбурга Ирины Ильиничны Эренбург (1911–1997).

ДНЕВНИК № 14

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 227. Л. 20–42.

Школьная тетрадь в линейку в голубой обложке; заполнена до конца, синие чернила.

С. 176. *Шильдкрет* Константин Георгиевич (1886–1965) — исторический романист.

С. 179. *Пливье* (Plievier) Теодор (1897–1955) — немецкий писатель; будучи социалистом, эмигрировал после прихода к власти нацистов; в СССР был в эвакуации в Ташкенте, работал на радио.

А.А. — по всей вероятности, А.А.Ахматова, жившая в том же доме, и в 1942 г. помогавшая Г.Эфрону (об этом см. его письмо к сестре в кн. *Эфрон Г.* Письма. С. 64–65).

С. 197. *Cordele Hull* — Кордел Халл (1871–1955), американский политический деятель, государственный секретарь при Ф.Д.Рузвельте, один из организаторов ООН.

С. 199. *Старцев* (Старцев-Кунин) Абель Исаакович (р.1909) — литературовед, критик, специалист по американской литературе.

С. 202. «*Je m'porte bien!*» — Ставшая поговоркой фраза из французского кинофильма «Зеленый сюртук» (1937) реж. Роже Бешед; имитирует высокомерную манеру обращения к людям.

«*Не переводя дыхания*» — роман И.Г.Эренбурга (1935) о комсомольцах-ударниках Севера; был написан в Париже в 1934 г. по материалам, собранным во время месячной поездки в Архангельск, Котлас и др.; после первой публикации в ж. «Знамя» (1935, № 3), роман в этом же году был издан шестью изданиями, в 1936 г. — еще двумя.

С. 203. *Усова* (урожд. Левенталь) Алиса Гуговна (1895–1957), искусствовед, жена поэта и переводчика Дмитрия Сергеевича Усова (1896–1943); в Ташкенте работала в библиотеке филоло-

гического факультета Средне-Азиатского государственного университета (САГУ). О ней см.: *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 429–432 (глава «Гуговна»).

С. 203–204. «*Jimmi Higgins*» и «100%» — «Джимми Хиггинс» (1919), «100%. Биография патриота» (1920), романы американского писателя Эптона Синклера (1878–1968). Далее упоминается его роман «Автомобильный король» (1937).

С. 205. «*Education Sentimentale*» — «Воспитание чувств» (1869), роман Гюстава Флобера (1821–1880).

ДНЕВНИК № 15

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 227. Л. 43–55.

Школьная тетрадь в линейку в розовой обложке; заполнена до конца, синие чернила.

С. 210. «*La Nausée*», «*Le Mur*» — «Тошнота» (1938), «Стена» (1939) — роман и сборник рассказов Жана-Поля Сартра (1905–1980).

С. 219. «*Антон Иванович сефдится*» — кинокомедия 1941 г. режиссера Александра Викторовича Ивановского (1881–1968).

С. 221. «...и книгу *Смирнова о Шекспире*». — Имеется в виду монография Александра Александровича Смирнова (1883–1962) «Творчество Шекспира» (1934).

Берестов Валентин Дмитриевич (1928–1998) — поэт.

«Возможно, что я, он и человека два-три еще будем «издавать» альманах собственных произведений». — Этому неосуществившемуся альманаху Г.Эфрон придумал название — «Улисс» (см. *Бабаев Э.* Воспоминания. С. 145).

С. 224. «...познакомился на литкружке с одним парнем». — Здесь и далее речь идет о Рафаэле Такташе, сыне татарского поэта Хади Хайрулловича Такташа (наст. фам. Такташев, 1901–1931).

С. 229. «*Au bonheur des Dames*» — «Дамское счастье» (1883), роман Эмиля Золя (1840–1902).

ДНЕВНИК № 16

РГАЛИ. Ф. 1190, Оп. 3. Ед. хр. 227. Л. 56–82.

Самодельная тетрадь из сложенных пополам листов писчей бумаги, отдельные листы разного формата; черные чернила.

С. 230. «*О тех, кто предал Францию*» — сборник статей, М., 1941. *Бабай* — Эдуард Григорьевич Бабаев (1927–1996), литературовед, писатель.

С. 233. «*Леди Гамильтон*» — английский кинофильм 1941 г. режиссера Александра Корды (1893–1956).

С. 242. «*Essais de Montaigne*» — «Опыты» (1580–1588), книга эссе Мишеля де Монтеня (1533–1592).

С. 244. *Кашкин* Иван Александрович (1899–1963) — переводчик американской литературы, критик.

С. 249. «...но это уже не то — не «ковентрифовать», а «эссенеи» и «Тунисград»...» — Первый неологизм произведен от имени города Ковентри в Великобритании, полностью разрушенного в начале войны гитлеровской авиацией; последний образован по аналогии со Сталинградом и связан с закончившейся в мае 1943 г., в Тунисе Северо-Африканской военной кампанией.

С. 254. «...как писал Мережковский: «Будь что будет — все равно». — Цитируется первая строка стиха «Парки» Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866–1941).

С. 257. «*Мой роман пишется...*» и т.д. — Здесь и далее речь идет о начале работы над романом, основанном на истории семьи Эфронов; набросков этого произведения не сохранилось.

С. 259. *Елизавета Петровна Дурново-Эфрон* (1855–1910) была дочерью гвардейского штаб-ротмистра Петра Аполлоновича Дурново и Елизаветы Никаноровны Посылиной, из купеческого звания. Поступив на Высшие женские курсы, она сблизилась с молодыми людьми «передовых взглядов» и вскоре стала членом партии «Народная Воля». Выполняя различные конспиративные задания партии, Е.П.Дурново во время одного из них была арестована и заключена в Петропавловскую крепость. Благодаря хлопотам отца, добившегося освобождения дочери под крупный залог, она смогла покинуть Россию и поселиться в Женеве.

Яков Константинович Эфрон (1954–1909) родился в большой еврейской семье в Ковно, где его отец был строительным подрядчиком. Поступив в Московский университет, Я.К.Эфрон стал членом партии «Народная Воля» и на одной из сходок познакомился с Е.П.Дурново. Он был активным участником конспиративной партийной работы и, в частности, одним из исполнителей казни провокатора. Это убийство отяготило его совесть и заставило впоследствии отойти от революционной деятельности. В 1885 г. Я.К.Эфрон принял лютеранское вероисповедание, чтобы иметь возможность жениться на Е.П.Дурново. Их брак был

заключен в Марселе. С тех пор Я.К.Эфрон полностью посвятил себя семье и детям, которых было восемь человек. С тремя старшими детьми семья получила возможность вернуться в Россию.

Е.П.Дурново-Эфрон, вырастив детей (трое умерли в раннем возрасте), снова отдалась революционной деятельности. В 1905 г. она вступила в партию социалистов-революционеров (максималистов), на собрании которой и была арестована летом 1906 г. Дети навещали мать в Бутырской тюрьме, ей грозила каторга; психика заключенной стала сдавать и после медицинского освидетельствования родным удалось добиться ее освобождения до суда на поруки семьи. По чужим документам Е.П.Дурново-Эфрон с младшим сыном Константином уехала в свою вторую и последнюю эмиграцию.

В 1910 г. их жизни трагически оборвались в Париже – после самоубийства сына мать тоже покончила с собой.

С. 265. «*Инцидент исперчен*» – цитата из предсмертного стихотворения В.В.Маяковского.

ДНЕВНИК № 17

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 227. Л. 83–124.

Самодельная тетрадь из сложенных пополам листов писчей бумаги, отдельные листы разного формата; черные чернила.

С. 269. *Maurice Chevalier* – Морис Шевалье (1888–1972), автор и исполнитель песен.

С. 274. «*Bouvard et Pécuchet*» – «Бувар и Пекюше» (1881), неоконченное произведение Г.Флобера.

С. 292. «*Жила-была девушка*» – спектакль Театра Революции по пьесе Виктора Михайловича Гусева (1909–1944).

С. 304. «*В Старом Чикаго*» – американский кинофильм 1938 г. режиссера Генри Кинга (1892–1982).

С. 313. «*Неуловимый Ян*» – кинофильм 1943 г. режиссеров Владимира Михайловича Петрова (1896–1966) и Исидора Марковича Анненского (1906–1977).

С. 315. «*Elle se porte bien*» – см. примеч. к с. 202.

С. 319. «...узнать про библиотеку, которая была в Новодевичьем...» – Речь идет о книгах, которые были оставлены на хранение Б.А.Садовскому и его жене перед отъездом Цветаевой с сыном в эвакуацию в августе 1941 г. О судьбе уцелевшей части книг см. Эфрон Г. Письма. С. 214–215.

С. 320. «Итак, Митька арестован!..» и т.д. — Д.В.Сеземан был арестован в мае 1943 г. в Свердловске. В декабре 2003 г., в уже цитировавшемся разговоре с В.К.Лосской, он подробно рассказал об обстоятельствах того времени. «Меня посадили в мае 1943 г., а всего я просидел год с небольшим. Меня тогда по болезни «съактивировали». Тогда было принято, что тех, кого посадили меньше, чем на пять лет, можно было освободить по болезни. Но в Москву меня не пустили, и я поехал жить в Александров, где было большое количество бывших зеков. Когда меня выпустили, шла война, и я явился в Александровский военкомат, чтобы идти на войну. Меня не взяли, сказав: «Такие, как Вы, нас не интересуют». Тогда я написал такое очень верноподданное письмо Сталину, и через две недели пришел вызов мне в военкомат, что мою просьбу удовлетворили, и меня взяли в армию. Я пошел воевать и возвратился домой только в октябре 1945 г., и тогда законно вернулся в Москву».

Отметим, что данный рассказ опровергает свидетельство мемуаристов, приведенных в последних изданиях книги М.И.Белкиной «Скрещение судеб», о том, что Д.В.Сеземан и Г.С.Эфрон зимой 1943–1944 гг. в Москве совместно посещали ЦДЛ и дома общих знакомых.

С. 328. «*La petite chocolatière*», «*Le Mannequin*» — «Маленькая шоколадница», «Манекен», комедии Поля Гаване.

«*Stérilité!*» — «Бесплодие», роман Ферри-Пизани.

Именной указатель

- А.А. – см. Ахматова А.А.
А.Н. – см. Толстой А.Н.
А.С. – см. Кочетков А.С.
Абдурахманова **2**, 139
Агранович Е.Д. **1**, 272, 554
Айзенберг **1**, 288, 295, 358, 367; **2**, 324
Айснер – см. Эйснер А.В.
Александр Г.Г. **2**, 277, 296
Александр I Карагеоргиевич **1**, 307, 308
Алёша – см. Сеземан А.В.
Алигер М.И. **1**, 270, 492
Алимджан Х. **2**, 152, 293, 346
Аллен У. **1**, 149
Алтаузен Д. **1**, 188, 190, 552
Аля – см. Эфрон А.С.
Ананишвили Э.Г. **1**, 359, 473, 556
Андреев – см. Эфрон С.Я.
Андроников И.Л. **1**, 284, 301, 303, 310, 315, 336, 337
Андрюшок – см. Липеровский А.С.
Аникин **2**, 219
Анна Зиновьевна – см. Стонова А.З.
Анна Львовна **2**, 200
Анненский И.М. **2**, 313, 350
Антокольский П.Г. **2**, 136
Антонеску И. **1**, 188, 279
Аоста **1**, 340
Арагон Л. **1**, 149, 367, 551; **2**, 47, 61, 74, 79, 80, 87, 91, 92, 97, 98, 103, 106, 109, 113, 114, 259, 342
Арбузов А.Н.
Арго (Гольденберг А.М.) **1**, 251
Ардов В.Е. **1**, 251, 361
Ариан П.Н. **1**, 24, 545
Ариан-Горкина А.А. **1**, 545
Арним
Асеев Н.Н. **1**, 115, 199, 270, 310, 321, 334, 350–352, 395, 398, 409, 415, 474, 475, 511, 512, 520, 522, 537, 538; **2**, 7–14, 16, 18, 20, 22, 26, 28, 29, 339, 342
Асик – см. Юркевич А.П.
Асмус В.Ф. **1**, 208, 552
Асмусы, семья **1**, 208
Ася – см. Цветаева А.И.
Афиногенов А.Н. **1**, 194
Ахматова А.А. **1**, 8, 120, 361, 550; **2**, 33, 68, 79, 83, 136, 179, 180, 261, 292, 343, 344, 347
Бабаев Э.Г. **2**, 230, 233, 271, 344, 348, 349
Бабай – см. Бабаев Э.Г.
Багрицкий В.Э. **1**, 309
Багрицкий Э.Г. **1**, 284, 287
Багряна Е.
Бадольо П. **2**, 307, 311, 313, 317, 318
Байрон Д.Г. **1**, 550; **2**, 258, 260, 261
Бак П. **1**, 263; **2**, 179
Балтер П.А. **1**, 68–70, 77, 121, 143, 148, 154, 291, 328, 331
Балтер Х. **1**, 68, 148, 154, 327
Бальзак О. де **1**, 153, 304, 305, 491, 551; **2**, 261, 292

В указатель включены имена реальных лиц, встречающиеся в тексте обоих томов. Мифологические и библейские имена, а также литературные персонажи здесь не отражены. Однако произведения, встречающиеся в тексте без имени автора, отмечаются указанием номера соответствующей страницы под именем этого автора (например, «Гамлет», «Преступление и наказание», «Черевички» и т.п. см. Шекспир, Достоевский, Чайковский и т.п.). Упоминание нескольких лиц под одной фамилией во множественном числе сопровождается пометой «семья», «братья», «сестры». Во французскую часть указателя вынесены имена, написанные латиницей в русском тексте Дневников. Цифра, выделенная курсивом, отмечает страницу раздела «Примечания», где помещена справка об упоминаемом лице. Имя М.И.Цветаевой включено в указатель только 2 тома, поскольку в 1 томе она упоминается едва ли не на каждой странице.

- Бараш В. 1, 291, 554
 Бараш Е. 1, 554
 Бариабас Гэкс фон 1, 361
 Барская М. 1, 430
 Барский С.И. 1, 120, 122, 124, 131, 132, 137, 139, 145, 146, 178, 188, 200, 216, 217, 232, 234, 285, 415, 420, 422, 425, 434, 550; 2, 34
 Барто Р.Н. 1, 103, 111, 113, 124, 128, 160, 167, 172, 549
 Басов-Верхоянцев С.А. 2, 142, 344
 Басовы, семья 2, 163, 168
 Батурин 1, 298
 Бать Л.Г. 1, 88, 548; 2, 145–150, 158, 159, 167, 168, 170–172, 174, 176, 178, 181, 183, 186, 187, 194, 197, 200–202, 210, 211, 215, 218, 219, 221, 225, 227, 229, 231, 238, 244, 245, 345
 Бах И.С. 1, 243
 Бахтамов 2, 211, 219, 223, 235, 239, 244, 246, 257
 Безыменский А.И. 1, 251, 551
 Беленькая 2, 193
 Белинский В.Г. 1, 288, 317, 321
 Белкина М.И. 1, 149, 157, 176, 542, 551; 2, 344, 345, 351
 Белый А. 1, 321, 322
 Беляев Д.А. 1, 550
 Бендерский 2, 323–329
 Бендицкий 1, 176, 177
 Бенеш Э. 2, 128, 325, 328
 Бенау-Мешен Ж. 2, 232
 Беранже П.Ж. 1, 527
 Бергсон А. 2, 263, 265, 336, 343
 Беренгоф Б.С. 2, 35
 Берестинский 1, 475
 Берестов В.Д. 2, 221–223, 256, 269, 271, 328, 349
 Бержери Г. 1, 321
 Берия Л.П. 1, 89, 283, 331
 Берли 1, 312; 2, 209
 Берлиоз Г. 1, 335
 Бернштейн А. 1, 455
 Берсенев И.Н. 2, 154, 347
 Бетховен Л. ван 1, 243, 378
 Бехер И. 1, 87, 350
 Бешде Р. 2, 347
 Бивербрук, лорд 2, 125, 177
 Бизе Ж. 1, 134, 197, 198, 230
 Блех Л. 1, 284
 Блок А.А. 1, 145, 437; 2, 213, 224
 Блок Ж.-Р. 1, 349
 Блюм Л. 1, 134, 151
 Бодлер Ш. 1, 49, 128, 150, 192, 205, 359, 527, 550; 2, 33, 83, 125, 275, 343
 Бодуэн 1, 82
 Боккаччо Д. 2, 33
 Боков В.Ф. 2, 10–16, 18, 343
 Борунский 1, 274
 Бочков 1, 161
 Брамс И. 1, 318
 Бранчич, фон 1, 363, 367
 Брейгель П. (Старший) 1, 345
 Бродская Л.М. 1, 230, 258, 280, 344, 374, 553; 2, 244, 245
 Бродский 1, 258, 374; 2, 244
 Бромфильд Л. 1, 236, 239, 553
 Бронте Ш. 1, 229, 234, 553
 Бруни Л.А. 1, 309, 555
 Брюсов В.Я. 2, 342
 Буассон 2, 147
 Бунин И.А. 2, 19
 Буске Л. 2, 347
 Буссенар Л.А. 1, 90, 549
 Бывалов Р. 2, 21
 Бэльби 1, 117
 Вагнер Р. 1, 134, 284
 Валентина Ивановна 2, 146, 149, 288, 289
 Валери П. 1, 149, 250, 297, 301, 309–311, 359, 413, 415, 420, 473, 477–479, 481, 489, 527, 529, 555, 557; 2, 33, 36, 56, 57, 59, 63, 122, 125, 131, 170, 201–203, 211, 212, 284, 336, 343
 Валя – см. Предатъко В.
 Ван Гог В. 1, 544
 Васенка – см. Яновский В.
 Васильев 1, 251
 Ватто А. 2, 78
 Вентура Р. 1, 551
 Вера – см. Эфрон В.Я.
 Верди Д. 1, 134, 188
 Верлен П. 1, 205, 247, 327, 359, 440, 479, 527, 558; 2, 33, 36, 125, 126, 275, 343

- Вертинский А.Н. 1, 513, 528
 Вешнева М.А. 1, 400, 556
 Вижели Астье де ла 2, 147
 Вийон Ф. 1, 359
 Виктор-Эммануил III 2, 307, 311
 Виллон – см. Вийон Ф.
 Вильгельм II 1, 423
 Вильмонты, семья 1, 39, 83, 88, 92, 102, 114, 133, 136, 153, 154, 156, 164, 165, 174, 178, 183, 187, 206, 207, 222, 247, 249, 320, 546
 Вильсон 2, 125
 Вильям-Вильмонт Н.Н. 1, 84, 87, 88, 120, 182, 201, 264, 267, 546
 Винкельман И.И. 1, 314
 Виньи А. де 2, 125
 Вирта Н.Е. 1, 207, 212
 Вольтер 1, 136, 229, 550
 Вольф К. 2, 21
 Вольф Ф. 1, 371, 556; 2, 21
 Воронцов А.И. 1, 265, 266
 Воронцова 1, 265, 286, 331
 Воронцовы, семья 1, 195, 331, 349, 350
 Ворошилов К.Е. 1, 528, 534, 535
 Всеволод, князь 1, 212
- Габричевская Н.А. 1, 103, 111, 152, 166, 167, 169, 172, 191, 194, 250, 549
 Габричевские, семья 1, 181, 182; 2, 101
 Габричевский А.Г. 1, 160, 175, 189
 Гаване П. 2, 328, 351
 Гайдар А.П. 2, 21
 Гайдар Т.А. 2, 21, 23
 Галкин С.З. 1, 475, 557
 Гальперин М.П. 1, 18, 544
 Гальперина М. 1, 18, 117, 544
 Гамсахурдия К.С. 1, 37, 546
 Гамсун К. 2, 187
 Гарвин 2, 177
 Гарриман У.А. 2, 125
 Гаузнер Ж.В. 2, 342
 Гауптман Г. 2, 199
 Гашек Я. 1, 244, 553
 Геббельс Й. 1, 363, 367
 Генрих IV 1, 556
 Герасимова Е. 2, 160, 187, 195, 196, 346
 Геринг Г. 1, 363, 367
 Герман П. 2, 319, 321, 321
- Гесс (Хессе) Р. 1, 334, 363; 2, 112, 138, 280
 Гехт С.Г. 2, 342
 Гийю Л. 1, 230, 553
 Гитлер А. 1, 81, 83, 84, 89, 98, 141, 307, 312, 335, 343, 363, 367, 394, 398, 404, 423, 447–451, 454, 455, 458, 460, 470, 481, 529, 555, 556; 2, 15, 33, 112, 125, 128, 172, 177, 184, 214, 221, 238, 279–282, 307, 308, 338, 341
 Глазунов А.К. 1, 244; 2, 187
 Глинка М.И. 1, 250
 Глумов А.Н. 1, 247
 Гоген П. 1, 544
 Гоголь Н.В. 1, 268, 269, 318, 321; 2, 33
 Гогсадзе 2, 160, 161
 Гойя Ф. 1, 229
 Голье Шарль де 1, 93, 94, 96, 99, 106, 292, 314, 316, 317, 332, 342, 346, 361, 363, 368, 449, 454, 458, 533, 536; 2, 74, 162, 164, 167, 205, 233, 247, 253, 260, 263, 296
 Головин 2, 130
 Голодный М. 2, 147, 148, 151, 152, 345
 Гольденвейзер А.Б. 2, 346
 Гольего Р.Д.Г. 2, 341
 Гольцев В.В. 1, 35, 134, 138, 139, 141, 150, 151, 165, 166, 546
 Гончаров И.А. 1, 15
 Городецкий С.М. 2, 136
 Горошевская И.П. 1, 30, 35, 36, 44, 45, 47, 132, 140–142, 144, 169, 170, 188, 197, 199, 200, 205, 206, 218, 253, 271, 295, 310, 315, 322, 344, 351, 374, 413, 544
 Горский И.Б. 2, 178, 213, 219, 228, 229, 246, 251, 252, 257, 258, 261, 265, 269, 270, 274, 286, 293
 Горький А.М. 1, 199; 2, 65, 179–181
 Горяева Т.М. 2, 337–341
 Готье Т. 1, 90, 268, 287, 359, 479, 549, 554, 557; 125, 126, 275
 Гофман Э.Т.А. 1, 205, 247, 472, 549, 2, 69, 220
 Гофф (и Ирвин) 1, 58
 Грабарь И.Э. 1, 102, 117
 Греч 1, 415

- Гриб В.Р. 1, 304, 305, 555
 Грибоедов А.С. 1, 283, 285, 293
 Григорьев А.В. 1, 116–119, 549
 Грин А.С. 1, 83, 90, 99, 207, 476;
 2, 76, 80, 85, 86, 89, 122, 266
 Гринвуд Дж. 2, 347
 Гроссман Л.П. 1, 24, 32, 37, 545
 Гуарилья Р. 2, 307
 Гумилев Н.С. 2, 343
 Гуревич А.Д. 1, 47, 372
 Гуревич С.Д. 1, 13–17, 19, 27, 29–31,
 34–41, 44–48, 51, 59–67, 70, 73, 76–
 78, 83, 85, 92, 96, 103–105, 111, 113–
 115, 120, 122, 124, 125, 129–137, 139,
 141–146, 149, 152, 154–156, 160–170,
 173–181, 189, 194, 197, 205, 206, 218,
 223, 228, 239, 246, 252, 253, 255–257,
 259, 264, 280, 282, 295, 298, 299, 314–
 316, 319, 320, 328, 335, 340, 346, 354–
 356, 358, 372, 399, 417, 480, 481, 484,
 544; 2, 9, 11–13, 18, 24, 28, 30–33, 36,
 37, 39, 42, 47, 48, 52, 56, 100, 144,
 145, 147, 149, 152, 157, 158, 165, 168–
 170, 177, 178, 185, 187, 191, 202, 203,
 205, 209, 229, 230, 232, 233, 235, 245,
 250, 255, 257, 267, 271, 275, 285, 289,
 293, 299, 301, 302, 304, 308, 311, 314–
 316, 322, 323, 325, 326, 345
 Гусев В.М. 2, 292, 350
 Гучкова М.И. 1, 344, 556
 Гюго В. 2, 125
- Дабит (Даби) Э. 1, 166, 551
 Даладые Э. 1, 126, 151
 Даргомыжский А.С. 1, 246
 Дарлан Ф. 1, 336, 343, 349
 Дебюсси К. 1, 185, 269
 Деверс 2, 227, 277
 Деева Е.И. 2, 171, 173
 Дейнц (Денц) 1, 363, 391, 442
 Дейч А.И. 2, 148, 149, 155, 156, 167,
 238, 345
 Деканозов В.Г. 1, 243
 Державин В.В. 2, 79, 80, 82, 87, 89,
 120, 126, 131, 132, 342
 Державин Г.Р. 1, 243, 248, 250
 Джером-Джером К. 1, 235, 239, 553
 Диккенс Ч. 1, 97, 267, 270, 271, 549
- Дилл 2, 174
 Дисней У. 1, 92, 549
 Долматовский Е.А. 1, 270
 Дон Амеш 2, 304
 Дорио Ж. 1, 107, 117, 119, 312
 Дос Пассос Д. 1, 287, 300, 330; 2, 69,
 79, 83, 109
 Достоевский Ф.М. 1, 56, 249, 251,
 252, 335, 525; 2, 177, 178, 213, 221,
 222, 224, 227, 256, 264–266, 336, 337
 Дофен К. 2, 96
 Драйзер Т. 1, 218, 238, 455
 Дунаевский И.О. 1, 236
 Дурбин Д. 1, 37, 546
 Дурново Е.П. 2, 259, 349–350
 Дурново П.А. 2, 349
 Дурова Н.А. 1, 451
 Дэвис Д. 2, 235, 249
 Дэниэлс 1, 312
 Дю Гар 2, 179
 Дюбу А. 1, 154, 229, 551
 Дювивье Ж. 1, 548
 Дюрмейер 2, 99
 Дюрюи В. 2, 235, 236, 247
- Евстигнеев 2, 313
 Ежов Н.И. 1, 331
 Екатерина Петровна 1, 150
 Елизавета Алексеевна – см. Хенкина
 Е.А.
 Ермилов В.В. 1, 24, 29, 37, 45, 544
 Ерофеев А.С. 1, 215, 552
 Есенин С.А. 1, 383, 384, 387, 440,
 513; 2, 33, 79, 83
- Жанна 1, 215, 216
 Жарри А. 1, 200, 552
 Жданов А.А. 1, 534
 Женя – см. Сомов Е.Н.
 Жид А. 1, 200, 235, 401, 440, 553;
 2, 34–36, 47, 52, 54, 59, 63, 66, 69, 70,
 79, 80, 85, 89, 109, 122, 203, 210, 263,
 266, 268, 285, 336, 342, 343
 Жилуэн 2, 232
 Жиро А. 2, 154, 162, 167, 205, 247,
 253, 260, 296
 Жироду Ж. 1, 149, 151, 434
 Жоли 2, 99

- Жорж 2, 253
 Жуков Г.К. 2, 59
 Журавлев Д.Н. 1, 193, 208, 211, 224, 227, 229, 246, 268–270
 Журавская 2, 282, 292, 327

 Загорские 2, 8
 Звягинцева В.К. 1, 215, 552
 Зелинский К.Л. 1, 25, 26, 29, 30, 32, 36, 37, 45, 58, 252, 253, 269, 270, 274, 309, 334, 545
 Зилоти Ю.А. 1, 556
 Зина – см. Ширкевич З.М.
 Золя Э. 1, 491; 2, 229, 311, 348
 Зошенко М.М. 1, 128, 174, 279

 И.Г. – см. Прозрителева И.Г.
 Ибарнегарэ 1, 128
 Ибсен Г. 2, 20, 25
 Иванкин А. 2, 338
 Иванов Вс.В. 2, 345
 Иванова Т.В. 2, 139, 344
 Ивановский А.В. 2, 348
 Игнатъев А.А., граф 1, 70, 71, 76, 547
 Игумнов К.Н. 2, 346
 Ида – см. Шукст И.Б.
 Иден А. 2, 328
 Изя – см. Крамов И.
 Ильф И. (и Петров Е.) 1, 161; 2, 33, 80, 83, 121, 122, 129
 Имамутдинов 1, 506
 Инбер В.М. 2, 342
 Ирвин (и Гофф) 1, 58
 Ириша – см. Горошевская И.П.
 Исамухамедов 2, 273

 Казаков 2, 119, 121, 124
 Калининников В.С. 2, 165
 Каллаи М. 2, 210
 Каминка Э.И. 1, 274
 Кантемир А.Д. 1, 239, 241
 Капитолина Ивановна 2, 282
 Каракалла 2, 332
 Карко Ф. 1, 360, 361, 391, 556
 Кароль II 1, 188
 Карпов 1, 267
 Касаткин 1, 196–198

 Кассиль Л. 2, 340
 Кастильо 2, 254
 Катаев В.П. 1, 251
 Катру Г. 2, 247, 253, 263
 Кафка Ф. 1, 65; 2, 161, 346
 Кашкин И.А. 1, 136; 2, 66, 244, 254, 349
 Кванина Т.Н. 1, 32, 236, 237, 248, 545
 Квитко И.Л. 1, 18, 90, 97, 99, 102, 108, 117, 232, 345, 379, 544
 Квитко Л.М. 1, 544
 Келлерман Б. 2, 185, 186
 Керидо И. 1, 244, 553
 Кериллис А. де 2, 230
 Керр А. 2, 227, 322
 Кессель Ж. 1, 235, 236, 553
 Киан 1, 106
 Кинг Г. 2, 304, 351
 Киплинг Р. 1, 205
 Кипура Я. 1, 344
 Кира – см. Хенкин К.В.
 Киров С.М. 2, 169, 170
 Кирпотин В.Я. 1, 303, 306, 321; 2, 30, 32
 Кирсанов С.И. 1, 199, 200, 219, 251, 253, 269–272, 278, 281, 309, 317, 395, 552
 Кирсанова К. 1, 219, 552
 Кирсанова М.Х. 1, 219, 552
 Кисин 1, 180
 Киямова 1, 272
 Клепинин Н.А. 1, 38, 49, 77, 126, 145, 170, 199, 200, 255, 257, 291, 300, 308, 315, 319, 322, 327, 328, 330, 331, 348, 543, 544, 546
 Клепинина Н.Н. 1, 38, 49, 77, 114, 121, 126, 142, 143, 145, 170, 189, 200, 248, 254, 255, 257, 258, 291, 300, 308, 315, 322, 324, 327, 328, 330, 331, 348, 374, 384, 543, 544, 547, 553; 2, 100, 244, 343
 Клодель П. 2, 336
 Коган П.С. 1, 309, 310, 366
 Козин В. 1, 128, 235, 377, 392
 Коканбаев 2, 143, 149, 157
 Кокто Ж. 1, 95, 549
 Колдуэлл Э. 1, 32, 218, 231
 Колесников О. 2, 26
 Колетт 1, 273; 274, 276, 554; 2, 210

- Кольцов М.Е. 1, 551
 Конан-Дойль А. 1, 292, 295
 Кондратьев В. 1, 333, 555
 Коонен А.Г. 1, 270, 554
 Корда А. 2, 233, 350
 Кордел Х. 2, 347
 Кордэ Л. – см. Родзевич К.Б.
 Коркина Е.Б. 1, 5–10; 2, 330–336
 Корнеев Ю.Б. 2, 557
 Корней – см. Корнель П.
 Корнейчук А.Е. 2, 150
 Корнель П. 1, 205, 287; 2, 79
 Косачевская 2, 16, 18, 22
 Костер Г. 1, 546
 Кот – см. Эфрон К.М.
 Кочетков А.С. 1, 118, 120, 121, 128, 153, 361, 429, 430, 433, 434, 441, 442, 448, 450, 451, 455–457, 461–464, 467–471, 549; 2, 34, 37, 51, 59, 60, 66, 71–74, 78, 79, 84, 86, 87, 89, 91, 93, 96, 105, 106, 114, 116, 117, 119, 120, 124, 126, 131–133, 210, 287
 Кочетковы 1, 118, 120, 445; 2, 38, 72, 73, 80, 87, 89, 92, 101, 102, 114, 115, 133
 Кравченко А.И. 1, 99, 102, 549
 Крайф П. де 1, 455, 456
 Крамов И. 2, 142, 144, 149, 187, 345
 Крандиевская-Толстая Н.В. 2, 346
 Крестинская П.Д. 2, 142, 144, 146, 149, 152, 154–156, 158, 160–162, 167–170, 172, 175, 176, 178–183, 185–187, 192, 194–196, 198, 199, 201–209, 212, 214, 219, 221, 223, 231, 270, 345, 346
 Кржижановский С.Д. 1, 37, 546
 Криницкий М. 2, 89, 95, 131, 342
 Кронин А. 1, 192
 Кругликова Е.Д. 1, 218
 Крученых А.Е. 1, 300, 305, 310, 336, 345, 361, 388, 410, 415, 417, 554; 2, 33, 36
 Крючков Н.А. 1, 374
 Кудрова И.В. 1, 542
 Кукрыниксы 1, 102
 Куприн А.И. 2, 252
 Кэррол Л. 1, 271, 281, 554
 Кубник 1, 58
 Кюррер Белл – см. Бронте Ш.
 Л.Г. – см. Бать Л.Г.
 Л.И. – см. Толстая Л.И.
 Лаваль П. 1, 107, 117, 119, 128, 134, 172, 204, 223; 2, 232
 Ламартин А. де 2, 125
 Ланн Е.Л. 2, 269, 271
 Лапин 2, 80, 127
 Ларин Е.В. 1, 69, 254, 272, 333
 Лармин де 2, 152
 Лафонтен Ж. де 1, 188
 Лебедев В.И. 1, 557
 Лебедева И.В. 1, 557
 Лебедева М.Н. 1, 557; 2, 175
 Лебедева С.Д. 1, 321
 Лебедев-Кумач В.И. 2, 30, 32, 33, 101, 245
 Лебедевы, семья 1, 452, 557; 2, 100, 175
 Лебрен А. 1, 127
 Левидов М.Ю. 1, 18, 377, 544
 Левидова М.М. 1, 18, 19, 33, 34, 40, 41, 43, 44, 46, 47, 65, 86, 102, 232, 237, 379, 544
 Левидовы, семья 1, 19, 34, 35, 39–41, 43, 46, 47, 65, 237
 Лежнев И.Г. 2, 148–152, 345
 Лейтес А.М. 1, 558
 Лейтес Ф. 1, 519–522, 526, 538, 558
 Лекленн 2, 152
 Леклерк 2, 253
 Лёлька 2, 8
 Лена – см. Герасимова Е.
 Ленин В.И. 1, 213; 2, 68
 Ленч Л.С. 1, 251
 Леонов Л.М. 2, 165, 166, 304, 306–308, 310, 329, 336
 Лермонтов М.Ю. 1, 49, 205, 227, 282, 284, 287, 321, 532, 550; 2, 67, 337
 Лесажа А.Р. 1, 90, 549
 Лесков Н.С. 1, 345
 Лефорт П. 1, 298, 303, 339, 349, 452; 2, 99
 Либединская Л.Б. 1, 556
 Лидин В.Г.
 Лидины, семья 2, 210
 Лилль Леконт де Ш. 1, 440; 2, 125, 131, 343
 Лиля – см. Эфрон Е.Я.

- Липеровская С.И. 1, 222, 224, 226, 231, 232, 553
 Липеровский А.С. 1, 224, 226, 227, 553
 Липскеров К.А. 1, 309, 451, 555
 Лист Ф. 1, 188, 242, 316
 Литauer Э.Э. 1, 69, 77, 114, 121, 143, 144, 257, 319, 320, 328, 331, 333, 547
 Литвинов М.М. 2, 327, 328
 Лифшиц М.А. 1, 306, 309
 Лодя 1, 283
 Лозовский А. 2, 69
 Лойтер Е. 2, 22
 Ломакин Н.А. 2, 155, 156, 158, 209, 292, 347
 Лосская В.К. 1, 5–10; 2, 330–336, 343, 351
 Лубяникова Е.И. 1, 542
 Лугин 2, 299, 301, 307, 308, 310–312, 314, 316, 318–320, 322, 323, 325–329
 Луговской В.А. 2, 136
 Лукач Д. 1, 306
 Луппол И.К. 1, 199, 267
 Лысогорский О. 1, 223
 Львова-Клепинина С.Н. 1, 114, 244, 436, 544; 2, 30, 245
 Львовы, семья 1, 13, 15, 30, 35, 45, 68, 69, 89, 121, 132, 142–146, 149, 162, 170, 255, 280, 324, 330, 333, 374, 453, 543
 Льюис 2, 260
 Лэмери 1, 128
 Любимова В.А. 1, 32, 545
 Людовик XI 2, 296
 Люси 1, 333
 Ля Рок Ф. де 1, 107, 117, 119
- М.А. – см. Мария Александровна
 М.М. – см. Пирогова М.М.
 Мадерас Э. 2, 146, 153, 155, 162, 345
 Майзель Ф. 1, 160–164, 166–170, 173, 175, 176, 180
 Майский И.М. 2, 325, 328
 Майяр (Маяр) 1, 452; 2, 99, 236
 Макаров И. 2, 80, 86, 87, 89, 95, 131
 Мак-Доннелл 1, 234
 Мак-Мюррей Ф. 2, 170
 Мак-Орлан П. 1, 149, 551
- Малларме С. 1, 327, 437, 527, 541; 2, 33, 56, 57, 59, 83, 125, 284, 336, 343
 Ман Н.С. 1, 88, 90–92, 176, 249, 546, 550
 Мандельштам Н.Я. 1, 8, 349
 Мандельштам О.Э. 2, 343
 Манн Т. 1, 423
 Марецкая В.П. 1, 325
 Марика 1, 171
 Мария Александровна 2, 144, 148, 149, 152–154, 157, 164, 165, 168, 171–173, 176, 177, 179, 185, 198, 200, 202, 203, 205, 209, 210, 223, 273–276, 282, 284, 288, 293–301, 303, 304, 306, 308, 310–319, 321–323, 326, 327, 329, 345
 Мария Михайловна – см. Пирогова М.М.
 Маркс К. 1, 527, 528, 533
 Маркушевич 1, 359
 Марсель – см. Роллэн М. 1, 68, 69, 334
 Мартель Ж. 1, 356
 Мартынов 1, 351
 Маршак С.Я. 1, 194
 Массижель 2, 263
 Массини 2, 263
 Матвеев 2, 158, 161, 162
 Матвеева 1, 177
 Матисс А. 1, 544
 Матчек 1, 307
 Мацуока Ё. 1, 307
 Маяковская Л.В. 2, 16
 Маяковский В.В. 1, 36, 38, 59, 115, 185, 205, 238, 264, 287, 295, 317, 321, 340, 341, 343, 358; 2, 10, 228, 265, 350
 Межиров А.С. 1, 10
 Мейербер Д. 1, 134
 Мейрвин Г. 1, 273, 554
 Мелкова М.Ю. 1, 542
 Мендельсон Ф. 1, 135, 230, 233, 244
 Мережковский Д.С. 2, 254, 349
 Мериме П. 1, 224, 227
 Меркулов Вс.Н. 1, 283; 2, 341
 Меркурьева В.А. 1, 108, 118, 153, 361, 429, 450, 464, 467, 469, 548; 2, 78, 80
 Микулин 1, 273
 Миллеры, братья 1, 228, 230, 311, 353

- Миттельгаузер 1, 127
 Митя, Митька – см. Сеземан Д.В.
 Мифасов 1, 15
 Михаил 1, 188
 Мицкевич А. 1, 223, 243, 269
 Молотов В.М. 1, 81, 151, 174, 234, 243, 307, 394, 395, 504
 Молчанов 1, 293
 Мольер Ж.Б. 1, 239–241, 243
 Моннэ 2, 253
 Монтгомери Б.Л. 2, 277
 Монтень М. 2, 242, 247, 257, 350
 Монтерлан А. де 1, 256, 259, 405, 410, 413, 554; 2, 34, 122, 177, 210, 226, 270, 336, 343
 Мопассан Г. де 1, 274; 2, 155, 159, 259
 Мориак Ф. 2, 36
 Морозов 1, 475
 Моррас 1, 140
 Моруа А. 1, 128, 240, 550; 2, 210, 230, 233, 316
 Москвин Н.Я. 1, 32, 236, 237, 545
 Моцарт В.А. 1, 270
 Мошковский А. 1, 10
 Мравинский Е.А. 1, 345
 Муля – см. Гуревич С.Д.
 Мурсагатов 2, 313
 Мусин И.А. 2, 151, 345
 Муссолини Б. 1, 83, 84; 2, 210, 307, 308, 313, 318
 Мюссе А. де 1, 83, 541; 2, 36, 126, 342
 Мясковский Н.Я. 1, 310

 Надежда Ивановна – см. Садовская Н.И.
 Надсон С.Я. 2, 69
 Наполеон I 1, 395, 423
 Наполеон III 2, 547
 Насонов А.Н. 1, 169, 436, 556; 2, 30, 63, 114, 245
 Насонов В.Н. 1, 189, 356, 546
 Насонов Д.Н. 1, 189, 356, 546
 Насонов Н.В. 1, 361, 436, 556
 Насонова Е.А. 1, 97, 107, 112–114, 121, 194, 211, 230, 244, 256, 257, 267, 272, 280, 286, 308, 324, 353, 356, 436, 549; 2, 30, 31, 114, 119, 245
 Насоновы, семья 1, 169; 2, 105, 117, 119, 131
 Нейгауз Г.Г. 1, 172, 176, 177, 194, 208, 325
 Нейман А. 2, 296
 Неймарк 1, 186
 Некрасов Н.А. 1, 49
 Непомнин 2, 151
 Низами 1, 27, 545
 Низан П. 1, 187, 189, 552
 Николай Андреевич – см. Клепинин Н.А.
 Николя П. 1, 231
 Нина Герасимовна – см. Яковлева Н.Г.
 Нина Николаевна – см. Клепинина Н.Н.
 Нина Павловна 1, 460, 461
 Ницше Ф. 1, 311, 527, 528, 533
 Новакович 2, 142–144, 157–160, 288, 293
 Новиков 1, 152, 154, 172, 173
 Ног Ш.А.П. 2, 147, 263
 Нострадамус 1, 140
 Нютя – см. Труппчинская А.Я.

 О’Генри 1, 274, 537
 Оболенская Ю.Л. 1, 103, 107, 108, 111, 113, 549
 Олдингтон Р. 1, 122, 123, 126, 157, 159, 191, 205, 207, 213, 301, 302, 338; 2, 173, 175, 176
 Онеггер А. 1, 146
 Оснос Ю.А. 2, 8
 Осносы, семья 2, 21
 Островский Н.А. 1, 281, 282; 2, 151

 П.Д. – см. Крестинская П.Д.
 Павелич А. 1, 340
 Павленко П.А. 1, 134, 138, 146, 165, 166, 168–170, 180, 181, 194
 Павлов И.П. 1, 309
 Павлюченко 2, 288, 289
 Пальмерстон Г.Д.Т. 2, 269
 Панкратьев 1, 161
 Панфёров Ф.И. 1, 474, 475
 папа – см. Эфрон С.Я.
 Парамонов 2, 17

- Пастернак Б.Л. 1, 45, 51, 60, 64, 136, 150, 165, 168, 170, 171, 177, 181, 194, 208, 238, 310, 546; 2, 10, 24, 34, 67, 121, 221
 Пастернак Е.Б. 1, 150, 186, 551; 2, 247
 Пастернак Е.В. 1, 51, 150, 546
 Пастернак З.Н. 1, 208, 532
 Паулус Ф. фон 2, 166
 Паустовский К.Г. 1, 32
 Пауэр Т. 2, 304
 Пейрутон 1, 292; 2, 263
 Перро Ш. 1, 558
 Пертинакс 1, 455; 2, 147, 230, 233
 Перцов В.О. 1, 24, 29, 544
 Песис Б.А. 1, 80, 88, 92, 548; 2, 177
 Петен А.Ф. 1, 82, 84, 93, 94, 96, 105, 106, 107, 126–128, 140, 153, 172, 204, 223, 292, 332, 336, 343, 349, 367
 Петр 2, 1, 307, 308
 Петров В.М. 2, 313, 350
 Петров Е. (и Ильф И.) 1, 161; 2, 33, 80, 83, 121, 122, 129
 Петрова Р. 1, 289, 290, 293–295, 297, 299
 Петцольд-Шаляпина М.В. — см. Шаляпина М.В.
 Пешков М.А. 1, 199
 Пешкова Н.А. 1, 199
 Пикар 1, 234
 Пикассо П. 1, 392, 544
 Пиралов 1, 359
 Пирогова М.М. 2, 150, 155, 158, 160, 162–164, 166, 171, 172, 175, 176, 178, 179–183, 185, 187–189, 192, 193, 198, 202–205, 210, 212, 215–220, 223, 226, 228, 235, 239, 242, 257, 261, 262, 265, 266, 268, 269, 306, 345
 Писарев Д.И. 1, 304
 Писемский А.Ф. 2, 152, 156, 159, 161, 162, 165, 231, 232, 336
 Пливье Т. 2, 179, 347
 По Э.А. 1, 205, 244, 558
 Погодин Н.Ф. 1, 194; 2, 136
 Подрядчик 2, 150, 151
 Пожарский 1, 186
 Поздняков 1, 334
 Познанская Н. 1, 309, 312, 555
 Покровский Д. 1, 323, 328, 333, 349, 352; 2, 100
 Поляк Л.М. 1, 244, 553
 Пономарчук 2, 271
 Посылина Е.Н. 2, 349
 Предатько В. 1, 274, 276, 277, 283, 334, 335, 340, 341, 343, 359, 367, 371, 372, 374, 377–379, 382–385, 387–389, 391, 392, 395, 398, 399, 401, 413, 416, 419, 420, 423, 426, 430, 434, 437, 441, 442, 445–448, 450, 451, 453–457, 461, 462, 464, 468, 469, 471–473, 475, 478, 479, 481, 482, 484, 532; 2, 10, 35, 61–63, 65–69, 71–74, 83, 101, 157, 158, 165, 166, 168, 169
 Пришвин М.М. 1, 191; 2, 122
 Прозрителева И.Г. 1, 153, 429, 450, 464, 467, 469, 549; 2, 60, 148, 149
 Прокофьев С.С. 1, 188, 194, 211, 216, 244, 298, 299
 Прокофьева Н.П. 1, 183, 204, 210, 267, 301, 551; 2, 38, 56
 Пронин 2, 60
 Пруст М. 1, 125, 234, 359
 Пумпянский А. 2, 249
 Пушкин А.С. 1, 49, 193, 205, 211, 287, 288, 297, 300, 307, 311, 317, 321, 549
 Пушкин 1, 148
 Пшавела В. 1, 84, 149, 288, 310, 546
 Пяст В.А. 1, 25, 37, 545
 Рабинович 2, 145, 146
 Равель М. 1, 269, 360, 367
 Радзинская С.Ю. 2, 139, 344
 Радзинский С.А. 2, 344
 Радзинский Э.С. 2, 344
 Радлов Н.Э. 1, 102
 Райкин А.И. 1, 246
 Райт Р. 1, 347, 556
 Расин Ж. 1, 48, 205, 287, 479, 557; 2, 79
 Раскин А.Б. 1, 251
 Рафик — см. Такташ Р.
 Рахманинов С.В. 1, 223, 242, 343, 344, 374, 556; 2, 151, 154, 165, 204
 Рахмедов 2, 329
 Рая 2, 291, 292, 294–302, 304, 305, 307–311, 313, 315–318, 320, 321, 327, 329
 Рейно П. 1, 79, 82, 99, 106, 151

- Рейсс И. 1, 68, 69, 254, 333, 334, 547, 555; 2, 100
 Рембо А. 2, 125
 Ренар Ж. 1, 112
 Ренье А. де 1, 340, 555
 Ржановская 1, 538
 Рильке Р.М. 1, 145, 550, 551
 Римский-Корсаков Н.А. 1, 246
 Рихтер С.Т. 1, 298
 Робер К. 2, 346
 Родзевич К.Б. 1, 254, 323, 328, 333, 555, 556; 2, 100
 Рознер Э. 1, 169, 274
 Ройзман М.Д. 2, 29
 Роллан Р. 1, 527
 Роллэн М. – см. Смиренский Д.
 Ромен Ж. 1, 251, 423, 455; 2, 177, 230, 256, 271, 308
 Роммель Э. 1, 404; 208, 278
 Росси Т. 1, 253
 Рот Й. 1, 66, 547
 Ротницкий А.Д. 1, 185, 187–189, 192, 193, 552
 Рошаль Л. 2, 338
 Рузвельт Ф.Д. 1, 82, 223, 347, 524, 525, 528, 529; 2, 15, 29, 125, 152, 170, 177, 235, 243, 260, 278, 322, 325
 Рыбина А. 1, 199
 Рыкова Н.Я. 1, 314
 Рябинина А.П. 1, 114, 115, 120, 133, 136, 149, 169, 284, 549
- Савин 2, 329
 Савинков Б.В. 1, 554
 Савинков Л.Б. 1, 254, 553
 Садовская Н.И. 1, 481, 558; 2, 11, 18
 Садовские, семья 1, 482; 2, 32
 Садовской Б.А. 1, 481, 558; 2, 351
 Саконская Н.П. 1, 484, 489, 516, 521, 532, 538, 558
 Саконские, семья 1, 504, 558
 Саконский – см. Соколовский А.А.
 Салтыков-Щедрин М.Е. 1, 299, 304, 306, 309; 2, 307
 Самыгин М.В. – см. Криницкий М.
 Сартр Ж.П. 2, 210, 290, 336, 348
 Сашка – см. Гуревич А.Д.
 Свердлов Я.М. 1, 250, 269
- Свифт Д. 1, 67, 544; 2, 33, 83
 Святослав 1, 212
 Северцов А.Н. 2, 549
 Северцова Н.А. – см. Габричевская Н.А.
 Северцовы, семья 1, 173, 178, 179, 181; 2, 101
 Седов Л.Л. 1, 334, 556
 Сеземан А.В. 1, 14, 15, 30, 35, 38, 49, 53, 77, 78, 121, 132, 140–145, 162, 170, 200, 245, 253, 255, 277, 279–281, 291, 308, 323, 324, 327, 328, 330, 333, 544; 229, 244, 245, 320
 Сеземан В.Э. 1, 186, 218, 271, 310, 315, 330, 552
 Сеземан Д.В. 1, 35, 37–40, 44–50, 53, 55, 57, 65, 86, 96, 97, 99, 103, 107, 111–116, 121, 126, 127, 132, 136–139, 141, 143–145, 149, 150, 161, 162, 166, 168–170, 175, 181, 183–194, 197–200, 205–208, 210–232, 234–237, 241, 243–253, 256–260, 265–278, 280–284, 286, 291, 295, 297, 298, 300–304, 306, 308–311, 315, 318, 320–322, 324, 327, 330–333, 336–338, 340, 343–348, 351–353, 355, 356, 358–361, 366, 367, 374, 378, 379, 384, 388, 391, 392, 396, 398, 404, 410, 413, 415, 418, 420, 423, 426, 434, 436, 437, 440, 442, 445–448, 450, 451, 453, 455–457, 461, 462, 464, 468, 469, 471–474, 476–481, 484, 513, 532, 542, 546; 2, 10–13, 18, 24, 26, 28, 30, 31, 35, 38, 39, 63, 71–74, 76, 82, 84, 87, 89, 91, 93, 97, 100–102, 104–106, 109–111, 114, 117, 119, 123–126, 131, 132, 229, 245, 267, 315, 319, 320, 341, 343, 351
 Сеземан Н.А. 1, 218, 544
 Селин Л.Ф. 2, 150, 343
 Сельвинский Ц.И. 2, 29
 Сельвинский И.Л. 1, 270, 272; 2, 29
 Семен Исаакович – см. Барский С.И.
 Семенов Я.А. 1, 350, 400, 401, 556
 Семенова М.Т. 1, 223
 Сен-Санс К. 1, 322
 Сент-Экзюпери А. де 1, 59, 547
 Сербинов Ю. 1, 238, 241, 251–253, 259, 260, 267, 270–272, 276, 282, 283, 285–290, 293–295, 297, 299–

- 301, 346, 352, 359, 384; **2**, 39, 41, 61, 65–69, 71, 101
- Серебрянский М.И. **1**, 24, 29–31, 37, 165, 168, 544
- Сикорская Т.С. **1**, 511, 512, 516, 517, 519–521, 531, 532, 558; **2**, 27
- Сикорские **1**, 504–506, 511, 513, 515, 517, 519, 520, 558
- Сикорский В. **2**, 214, 251, 287
- Сикорский В.В. **1**, 504, 506, 512, 517, 520, 521, 524–528, 531–533, 535, 536, 558; **2**, 8, 27
- Сименон Ж. **1**, 91, 549; **2**, 210, 335
- Симович Д. **1**, 308
- Симон П.А. **2**, 230
- Симонов К.М. **1**, 270, 551
- Синклер Э. **2**, 203, 204, 213, 348
- Синяковы, сестры **1**, 537; **2**, 7, 9, 14, 21, 22, 28, 342
- Сиповский **1**, 321
- Ситрин У. **2**, 14
- Скитаюм **2**, 153
- Скосырев П.Г. **1**, 464, 468, 482, 557; **2**, 201, 223
- Скотт Д. **1**, 360
- Скотто В. **1**, 361
- Скриб Э. **2**, 152, 346
- Скрябин А.Н. **1**, 211, 216, 345; **2**, 151, 154
- Скудина **1**, 168–171, 180
- Сланская Т.В.
- Слободской М.Р. **1**, 251
- Слуцкий Б.А. **1**, 272
- Сметона А. **1**, 83
- Смиренский Д. **2**, 547
- Смирнов **1**, 272
- Смирнов А.А. **2**, 221, 348
- Соколовский А.А. **1**, 484, 489, 492, 506, 512, 517, 520, 526, 527, 531–533, 540, 558
- Солженицын А.И. **1**, 8; **2**, 341
- Сологуб Ф.К. **1**, 244, 246
- Солтанназов Б. **1**, 37, 45, 546
- Сомов Е.Н. **1**, 270, 279, 554
- Софа – см. Львова-Клепинина С.Н.
- Сталин И.В. **1**, 180, 182, 307, 310, 420, 464, 468, 504, 511, 529; **2**, 29, 69, 95, 98, 111, 112, 125, 128, 129, 174, 177, 225, 226, 233, 235, 288, 296, 322, 325
- Стальский С. **1**, 47, 546
- Старцев А.И. **2**, 199, 347
- Стасова Е.Д. **1**, 87, 200, 548
- Стейнбек Д. **1**, 31, 38, 37, 83, 401; **2**, 179
- Стендаль **1**, 56, 57
- Стерн Л. **1**, 360
- Стивенсон Р.Л. **1**, 111, 247, 553
- Стонова А.З. **2**, 22, 26
- Стоянов Л. **1**, 23, 544
- Стравинский И.Ф. **1**, 187, 188
- Странг М. – см. Штранге М.М.
- Струцовская **1**, 500, 501, 503, 504, 513, 515–517, 519–522, 526, 529–531
- Стэндис **2**, 186
- Стэнли **2**, 322
- Суворов А.В. **1**, 282
- Сумеркин А.Е. **1**, 542
- Суорсаут Г. **2**, 170
- Суриц **1**, 247
- Табачников **1**, 272
- Тагер Е.Б. **1**, 221, 244, 252, 552, 553
- Тагер Е.Е. **1**, 274, 275, 552
- Тагеры, семья **1**, 190, 219, 227, 232, 244, 250, 251, 253, 274, 320, 552; **2**, 35, 38
- Таиров А.Я. **1**, 273
- Такташ Р. **2**, 224–226, 228–231, 233, 348
- Такташ Х. **2**, 348
- Тамаркина Р. **2**, 165, 346
- Тарасенков А.К. **1**, 153, 165, 169, 172–174, 178, 180, 181, 183, 207, 212, 215, 216, 249, 250, 551
- Тарасенковы, семья **1**, 148, 156, 157, 166, 168, 188, 207, 215, 249, 251, 551
- Твардовский А.Т. **1**, 6, 269
- Твен М. **1**, 260, 269, 274
- Тверитинов А.А. **1**, 69, 143, 254, 328, 333
- Тик Л. **1**, 247; **2**, 220
- Тимофеев Л.И. **1**, 317
- Тимошенко С.К. **1**, 464; **2**, 59, 125
- Тихонов Н.С. **1**, 10; **2**, 339
- Толстая Л.И. **1**, 180; **2**, 139, 152, 154, 158, 159, 165, 169, 180, 181, 195, 196,

- 201, 202, 206, 208, 209, 212, 223, 286,
319, 325, 344–346
Толстой А.К. 1, 67
Толстой А.Н. 1, 10, 27, 174, 180, 183,
310, 555; 2, 136, 152, 158–160, 162,
178, 181, 196, 201, 223, 324, 325, 344,
345, 346
Толстой Д.А. 2, 155, 156, 187, 196,
209, 346
Толстой Л.Н. 1, 49, 238, 335; 2, 154,
292, 337
Толстой Митя – см. Толстой Д.А.
Толстой П.Н. 1, 291, 319, 320, 324,
331, 555
Толстые, семья 2, 162, 172, 178, 181,
195, 199, 204, 226, 235, 267, 284, 286,
295, 315, 319, 320, 324–327
Торез М. 1, 80, 81, 106, 107, 187, 188,
312, 356
Трене Ш. 1, 409, 556; 2, 100, 269
Тренев К.А. 1, 194, 511
Троцкий Л.Д. 1, 176, 556
Трупчинская А.Я. 1, 131, 550
Трухачёв А.Б. 1, 330
Трэйл В.А. 1, 333, 344, 555, 556; 2, 100
Трэйл Р. 1, 333
Тургенев И.С. 2, 142, 343, 344
Тэн И. 2, 343
Тэнрон 2, 99
Тютчев Ф.И. 1, 49
- Уайльд О. 1, 128, 550
Уилки 2, 186
Усов Д.С. 2, 203, 248, 347
Усова А.Г. 2, 203, 248, 263–265, 284,
347
Успенский 1, 31
Утесов Л.О. 1, 119, 121, 169, 340,
550, 551
Уткин И.П. 1, 528
Ушаков Д.Н. 1, 305
Уэйвелл 2, 174
Уэллес 2, 186
Уэллс Г. 1, 33, 371, 423, 533, 545
- Фаворский В.А. 1, 118, 121, 122, 128
Фадеев А.А. 1, 180, 199; 2, 30, 52
Фай А. 2, 304, 306
Фальк Р.Р. 1, 102
Фаррер К. 1, 371, 372, 392
Федин К.А. 1, 138, 475
Федоров Н. 2, 337
Федотов Л. 2, 338
Фейнберг С.Е. 2, 151, 346
Фейхтвангер Л. 1, 423, 455; 2, 170,
171, 209–213, 216, 217, 256
Фелица – см. Майзель Ф.
Фельдштейн М.С. 1, 126, 330, 544,
550
Фенелон Ф. 2, 135, 344
Ферри-Пизани 2, 328, 351
Филдинг Г. 1, 111, 120, 215, 552
Филипп А. 2, 253, 263
Финк В.Г. 1, 24, 545
Финки, семья 1, 67, 70
Финн К. 1, 67
Фланден 1, 126
Флиер Я.В. 1, 374
Флобер Г. 1, 268–270, 554; 2, 204,
205, 207, 274, 348, 350
Фолкнер У. 1, 149, 151, 551
Фолле 1, 346
Фонвизин Д.И. 1, 239, 241
Фонская С.И. 1, 31, 33, 545; 2, 100, 101
Фош Ф. 1, 89, 548, 549
Франко И.Я. 1, 234
Франс А. 1, 205
Франциск I 2, 292
Фрезинский Б.Я. 1, 542
Фрейд З. 1, 159
Фурман Э. 1, 245, 270
- Хайле Силасне (Негус) 1, 278
Хакимов 2, 157–161
Хаксли О. 1, 205, 207, 230, 338, 553;
2, 343
Халл К. (Хэлл) 2, 197, 328
Хачатурян А.И. 1, 310
Хемингуэй Э. 2, 109, 344
Хенкин В.Я. 1, 291, 346, 554
Хенкин Вл.Я. 1, 291
Хенкин К.В. 1, 291, 292, 322–324, 327,
328, 333, 335, 346, 347, 367, 410, 554
Хенкина Е.А. 1, 292, 335, 554
Хенкины, семья 1, 291, 554
Хлебников В.В. 1, 287

- Хмара 2, 17, 24, 27–29, 32
Хор 1, 29
Хохлов 2, 16–18, 21, 22, 24, 25, 27
Хрустачёв Н.И. 1, 199, 552
- Цветаев И.В. 1, 182; 2, 336
Цветаева А.И. 1, 120, 330, 550
Цветаева М.И. 2, 7–9, 16–18, 23, 26, 27, 32, 34, 39, 43, 45, 98, 99, 101, 114, 117, 175, 259, 264, 284, 290, 291, 330, 337, 343, 344, 350
Цветкович 1, 308
Ценин С.С. 1, 270, 554
Циолковский К.Э. 2, 337
Цфасман А.Н. 1, 243, 246, 271, 340
Цявловская Т.Г. 2, 134, 135, 231, 344
Цявловский М.А. 2, 134, 135, 247, 344
- Чагин П. 2, 32
Чайковский П.И. 1, 134, 185, 188, 191, 198, 207, 209, 211, 214, 216, 218, 221, 223, 230, 234–236, 314, 328, 378; 2, 14, 35
Чан Кай Ши 2, 174
Чапек К. 2, 220, 256
Чаплин Ч.С. 1, 193, 197, 411
Чемберлен Н. 1, 29, 49, 50, 106
Чернов В.М. 2, 142, 344
Черчилль У. 1, 29, 52, 93, 106, 141, 172, 396, 398, 524, 525, 529; 2, 15, 29, 125, 128, 167, 170, 220, 221, 230, 237, 238, 242, 243, 263, 277, 278, 284, 285, 309, 322, 325
Чехов А.П. 1, 205, 268, 270, 274, 287, 288, 292, 317, 320, 335, 368; 2, 47, 103, 165, 292, 316
Чехов, профессор, 1, 152, 163
Чкалов В.П. 1, 217
Чуковская Е.П. 2, 344
Чуковская Л.К. 2, 344
Чуковский К.И. 2, 340
Чхеидзе Н.Н. 1, 45, 546
- Шагинян М.С. 1, 18, 24, 26, 27, 29, 31, 116, 455, 544, 545; 2, 32, 34
Шагинян М.Я. 1, 18, 19, 21, 29, 86, 97, 102, 117, 232, 237, 345, 346, 379, 544; 2, 34
- Шадурн М. 1, 178
Шалыпин Ф.И. 2, 99, 343
Шалыпин М.В. 2, 99, 343
Шамфор 1, 65, 66, 305, 306, 547
Шарло – см. Чаплин Ч.С.
Шатель 2, 147
Шафров 2, 32
Швейцер В.А. 1, 542
Шверник Н.М. 2, 14
Швецов 1, 251
Шевалье Г. 1, 129, 550
Шевалье М. 2, 269, 351
Шекспир У. 1, 48, 51, 238, 470; 2, 67, 121, 220, 221, 336, 348
Шеллер-Михайлов А.К. 2, 203
Шелли П.Б. 1, 118
Шиллер Ф. 1, 244, 287–289
Шиллер Франц 1, 265
Шильдкрет К.Г. 2, 176, 179, 232, 233, 239, 262, 263, 265, 284, 285, 293, 301, 304, 306, 310, 314, 316, 317, 322, 329, 347
Ширкевич З.М. 1, 193, 208, 267, 554; 2, 31, 42, 52, 68
Шкваркин В.В. 1, 133
Шкваркин 1, 243
Шолом-Алейхем 1, 274
Шолохов М.А. 2, 122, 207, 210, 256
Шопен Ф. 2, 283
Шостакович Д.Д. 1, 244, 248, 310; 2, 187, 196, 346
Шоу Б. 1, 533, 536, 537
Штранге М.М. 1, 349, 556
Штраус И. 1, 108, 188, 374, 548; 2, 275, 282
Штраус Р. 1, 276, 322
Шуберт Ф. 2, 283
Шукст Б.И. 1, 193, 195, 216, 217
Шукст И.Б. 1, 200, 201, 224, 552; 2, 11, 13
Шурик 2, 329
- Щербаков А.С. 2, 56, 60
Щипачев С.П. 1, 219
Щукин С.И. 1, 544
- Эйзенхауэр Д.Д. 2, 277, 296, 311
Эйснер А.В. 1, 323, 324, 327, 331, 333, 349, 555

- Элисбар – см. Ананиашвили Э.Г.
 Эллис Г. 1, 159, 551
 Эндрью 2, 227
 Эпштейн М.С. – см. Голодный М.
 Эренбург И.Г. 1, 157, 204, 335, 409, 410, 412, 413, 536; 2, 30–32, 170, 178, 201–203, 239, 241, 242, 256, 343, 347
 Эренбург И.И. 2, 170, 347
 Эррио 1, 126
 Эстре Г. де 1, 556
 Этьенн 2, 99
 Эфрон А.С. 1, 6, 9, 13–15, 17, 20–23, 30, 44–46, 49, 53, 59, 62, 69, 74, 77, 83, 85, 86, 88, 92, 114, 120–122, 126, 131, 132, 134, 141–145, 149, 151, 162, 170, 179, 188, 200, 210, 245, 253–257, 272, 277, 279–281, 291, 298–300, 304, 308, 314–316, 319, 320, 322–324, 327, 328, 330, 331, 333, 335, 339, 340, 343, 346, 356, 358, 361, 391, 392, 399, 414, 451, 453, 543, 544, 547, 550, 551, 554; 2, 7, 16, 100, 144, 157, 158, 161, 165, 167, 170, 177–180, 185, 198, 201, 205, 209, 211, 213, 223, 225, 229, 230, 241, 245, 250–252, 255, 257, 270, 271, 303, 308, 320
 Эфрон В.Я. 1, 39, 95, 99, 116, 126, 148, 152, 193, 279, 353, 544; 2, 9, 11, 12
 Эфрон Е.Я. 1, 10, 35, 39, 40, 44, 47, 62, 64, 70, 73, 116, 123, 126, 131, 135, 138, 144, 166, 171, 173, 175, 179, 181, 182, 192, 193, 208, 240, 242, 256–258, 268, 269, 272, 279, 280, 283, 286, 294, 308, 314, 325, 353, 372, 480, 481, 546, 554; 2, 9, 11–13, 18, 24, 28, 30, 37, 42, 52, 68, 101, 142–144, 165–168, 181, 185, 195, 206, 208–210, 220, 228, 229, 232, 235, 259, 275, 289, 295, 299, 301, 302, 308, 311, 314, 322
 Эфрон К.М. 1, 17, 44, 95, 126, 168, 193, 208, 256, 258, 268, 269, 279, 304, 544; 2, 12, 78, 206
 Эфрон К.Я. 2, 259, 351
 Эфрон С.Я. 1, 9, 14, 15, 20–23, 30, 37, 44–46, 49, 53, 66, 68, 69, 74, 77, 85, 86, 88, 89, 92, 107, 120–123, 125, 130–134, 139, 142–146, 149–151, 154, 162, 188, 199, 200, 205, 208, 216, 248, 254, 255, 257, 267, 272, 277, 279, 280, 291, 292, 300, 302, 308, 314, 315, 320, 322–324, 327, 328, 330, 331, 333, 334, 339, 398, 405, 451–453, 543, 546, 547, 549, 550, 554–556; 2, 7, 16, 98–101, 144, 259
 Эфрон Я.К. 2, 259, 350–351
 Эфрос А.М. 2, 146–148, 150, 153, 155, 206, 218, 345
 Эфрос Н.А. 2, 302, 327
 Юлаев С. 1, 289
 Юркевич А.П. 1, 224, 226, 227, 553
 Юркевич П.И. 1, 224, 231, 256, 553
 Юровский Ш. 1, 244, 248
 Яковлева Н.Г. 1, 305, 309, 311, 480, 481, 555; 2, 32, 69
 Яновский В. 1, 68, 69, 142, 143, 254, 255, 320, 323, 547
 Ярополк – см. Семенов Я.А.
 Aragon L. – см. Арагон Л.
 Badoglio P. – см. Бадольо П.
 Balzac O. de – см. Бальзак О. де
 Benoist-Méchin J. – см. Бенуа-Мешен Ж.
 Bergery G. – см. Бержери Г.
 Bergson H. – см. Бергсон А.
 Boisson – см. Буассон
 Brantchitch, von – см. Бранчич, фон
 Bromfield L. – см. Бромфильд Л.
 Buck P. – см. Бак П.
 Carco F. – см. Карко Ф.
 Carroll L. – см. Кэрролл Л.
 Catroux G. – см. Катру Г.
 Chatel – см. Шатель
 Chevallier M. – см. Шевалье М.
 Chevallier G. – см. Шевалье Г.
 Chopin F. – см. Шопен Ф.
 Colette – см. Колетт
 Corday L. – см. Кордэ Л.
 Cjrdele Hull – см. Кордел Х.
 Corneille P. – см. Корнель П.
 Currer Bell – см. Кюррер Белл
 Daniels B. – см. Дэниэлс Б.
 Dauphin C. – см. Дофен К.

- Davis J. – см. Дэвис Д.
Deinz – см. Дейнц
Don Ameche – см. Дон Амеш
Dubout A. – см. Дюбу А.
Durmeyer – см. Дюрмейер
Duguay V. – см. Дюрюи В.
- Etienne – см. Этьенн
- Farrige C. – см. Фарер К.
Faye A. – см. Фай А.
Ferri-Pisani – см. Ферри-Пизани
Feuchtwanger L. – см. Фейхтвангер Л.
François I – см. Франциск I
Franko I. – см. Франко И.
- Gaulle Ch. de – см. Голль де, Ш.
Gautier Th. – см. Готье Т.
Gavanet P. – см. Гаване П.
Gide A. – см. Жид А.
Gillouin – см. Жилуэн
Giraud A. – см. Жиро А.
Goebbels J. – см. Геббельс Й.
Goering G. – см. Геринг Г.
Gretch – см. Греч
Guillaume II – см. Вильгельм II
Guilloux L. – см. Гийю Л.
- Hasek J. – см. Гашек Я.
Hesse R. – см. Гесс Р.
Hitler A. – см. Гитлер А.
Hull C. – см. Халл К.
- Jeanne – см. Жанна
Joly – см. Жоли
- Kafka F. – см. Кафка Ф.
Kérillis H. de – см. Кериллис А. де
Kerr A. – см. Керр А.
- Lefort P. – см. Лефорт П.
Lesage A.R. – см. Лесаж А.Р.
Lille Lecont de, Ch. – см. Лилль
Леконт де, Ш.
Louis XI – см. Людовик XI
- Maillard – см. Майяр
Mann T. – см. Манн Т.
- Marcel – см. Марсель
Massigel – см. Массижель
Matchek – см. Матчек
Mc Donnell – см. Мак-Доннелл
Mc Murray F. – см. Мак-Мюррей Ф.
Meyrink G. – см. Мейринк Г.
Montaigne M. de – см. Монтень М. де
Musset A. de – см. Мюссе А. де
- Napoléon – см. Наполеон I
Nietzsche F. – см. Ницше Ф.
Nogués Ch.A.P. – см. Ног Ш.А.П.
- Palmerston G.D.T. – см. Пальмерстон
Г.Д.Т.
Peyrouton – см. Пейрутон
Philippe A. – см. Филипп А.
Picasso P. – см. Пикассо П.
Piccard – см. Пикар
Poe E. – см. По Э.
Power T. – см. Пауэр Т.
- Querido I. – см. Керидо И.
- Racine J. – см. Расин Ж.
Ravel M. – см. Равель М.
Régnier H. de – см. Ренье А. де
Rilke R.M. – см. Рильке Р.М.
Romains J. – см. Ромен Ж.
- Schubert F. – см. Шуберт Ф.
Scotto V. – см. Скотто В.
Simon P.H. – см. Симон П.А.
Swarthout G. – см. Суорсаут Г.
- Thanhron – см. Тэнрон
Trénet Ch. – см. Трене Ш.
- Valéry P. – см. Валери П.
Ventura R. – см. Вентура Р.
Verlaine P. – см. Верлен П.
Vigélie Astier de la – см. Вижели
Астье де ла
Voltaire – см. Вольтер
- Wells G. – см. Уэллс Г.
Wolff F. – см. Вольф Ф.

Содержание

Дневники

Дневник № 10 (продолжение)

31 августа – 18 ноября 1941 7

Ташкентские зарисовки

28 августа – 2 сентября 1942 133

Дневник № 13

3 января – 18 февраля 1943 142

Дневник № 14

20 февраля – 9 апреля 1943 170

Дневник № 15

16 апреля – 11 мая 1943 209

Дневник № 16

16 мая – 16 июня 1943 230

Дневник № 17

18 июня – 25 августа 1943 268

Вероника Лосская, Елена Коркина

Автопортрет на фоне одиночества 330

Татьяна Горяева

Право на воскрешение 337

Примечания 342

Именной указатель 353

Литературно-художественное издание

ГЕОРГИЙ ЭФРОН
ДНЕВНИКИ

В двух томах
Том 2

Редактор Е.В.Толкачева
Художественный редактор Т.Н.Костерина
Технический редактор С.С.Басипова
Оператор компьютерной верстки Л.Г.Иванова
Оператор компьютерной верстки переплета В.М.Драновский
Корректоры И.А.Кошеляева, Н.В.Семенова

Подписано в печать 15.08.2007.

Формат 60х90/16.

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 6027

ЗАО «Вагриус»
107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

Отдел реализации издательства:

(495)510-56-09, 510-56-10

Электронная почта:

vagrius@vagrius.com

Отпечатано в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

ГЕОРГИЙ ЭФРОН ДНЕВНИКИ

Том 2

9 785969 704756